

ГАЛЕРЕЯ МИСТИКИ
КРЫЛАТАЯ
СМЕРТЬ

КРЫЛАТАЯ СМЕРТЬ

серия

ГАЛЕРЕЯ МИСТИКИ

“ДЕКОМ” Нижний Новгород

“ИМА — пресс” Москва

1993

**ББК 84.7
К85**

Перевод с английского

Оформление художника
М. Широкова

Крылатая смерть: Сборник готической фантастики:
Пер. с англ.—М.: ИМА—пресс, 1993— 352 с.

Лучшие из работ писателей лавкрафтовского круга. Острова—монстры, подземные чудовища, крылатая смерть и забытые расы... В романе Силии Бишоп испанский конкистадор и искатель приключений Панфило де Замакона проникает в умирающие подземные города, чтобы встретить свое бессмертие и... гибель. "Таящийся у порога" — единственный полновесный роман, созданный мэтром сверхъестественного Ховардом Лавкрафтом. Амброз Дюарт, много странствовавший по свету, возвращается в наследное поместье среди холмов Массачусетса и приступает к реконструкции старинного особняка. Пыльные комнаты, подвалы изобилуют неожиданными открытиями, однако поразительнее всего — ветхая рукопись, содержащая зловещее предупреждение: "НЕ ПРОБУЖДАЙ ТОГО, КТО ТАИТСЯ ВОЗЛЕ ПОРОГА". Человеческое любопытство вызывает к жизни чудовищ, которые несут гибель и опустошение.

К 4703040100—2
Д 05 (03)—93 Без объявл.

© Составление, перевод.
"ИМА—пресс", 1993

© Оформление.
"ДЕКОМ", 1993

ISBN 5-80050-009-6

Дональд Вандри́

Гигантская плазма

«Giant-Plasm» by Donald Wandrei

© 1965 by Donald Wandrei

Arkham House, Sauk City, Wisconsin U S A

© Перевод с английского А. Братского, 1993

I

Извержение

Сегодня восьмой день, как мы плывем в шлюпке по океану. В полдень раздали последние припасы воды и пищи. Хотя близится вечер, с совершенно безоблачного неба все так же нещадно палит солнце. Пытаться найти от него защиту, укрывшись брезентом, бесполезно — через минуту под парусиной становится душно, как в преисподней и, чтобы не изжариться заживо, приходится выбираться на воздух. Едва заметный ветерок от движения шлюпки приносит некоторое облегчение нашим обожженным лицам.

Где-то, должно быть, сейчас дует крепкий тихоокеанский бриз, но только не здесь. Серебристая зеркальная гладь океана почти неподвижна.

К исходу восьмого дня в живых осталось шестеро из тех одиннадцати, что спаслись, когда «Реба» пошла ко дну. Случись это на три-четыре недели раньше, мы легко доплыли бы до одного из населенных островов. Но теперь у нас нет никакой надежды на спасение. Регулярные океанские линии пролегают вдалеке от этих мест, а мы даже не успели воспользоваться радио, чтобы послать в эфир сигнал бедствия. Быть может, в свое время капитану Блаю и удалось благополучно добраться до берега после того, как взбунтовавшаяся команда «Баунти» усадила его в ялик и отправила в сорокадневное путешествие по волнам, но, черт возьми, я сильно сомневаюсь, что нам удастся повторить его подвиг!

Сантос снова хрипит, что видит на горизонте землю. Его голос теперь едва слышим — и слава Богу. Первые дни он чуть не каждую минуту вскакивал с криком, что впереди показался остров или мачта корабля, и этим едва не свел всех нас с ума. Вдалеке, если смотреть прямо на солнце, и в самом деле можно различить темное пятнышко, но любовью из нас прекрасно знает, что на многие сотни миль вокруг не может быть никаких островов. Скорее всего Сан-

тос, как обычно, принял за землю мираж или облако. Даже если допустить, что это корабль, он все равно проплывет мимо, не заметив нас в наступающих сумерках.

Единственное средство хотя бы ненадолго забыть об аде, в котором я оказался,— мой дневник. Он стал моим лучшим другом. Когда завершится наше злосчастное путешествие, я обязательно издам его — само собой, если останусь жив. «Путевые заметки потерпевшего кораблекрушение» — звучит неплохо, верно? Сюда я заношу свои наблюдения, поверяю самые сокровенные мысли. Он чудесный собеседник — внимательный, терпеливый, умный, чего не скажешь о разношерстном сброде, что сидит в шлюпке вместе со мной.

Пабло Сантос, кочегар,— неприятный толстяк с салеными волосами и длинными обезьяньими руками. Пит Лакруз, бывший на «Ребе» коком,— угрюмое костлявое существо, вечно страдающее расстройством желудка. Сэм Гленк, второй помощник,— безмозглый кретин, к тому же беспардонный хам, как и все шотландцы. Если бы он прочел эти строки, то тут же выбросил бы вашего покорного слугу за борт. Дэйв Андерсон, один из троих (включая меня) пассажиров, что не утонули вместе с нашим пароходом,— огромный детина с несуразно маленькой головой и детскими голубыми глазами. Разговаривать он, кажется, совсем не умеет.

Третий пассажир — девушка. Ее зовут Ванда Холл. Бьюсь об заклад, что это не настоящее ее имя. Она ругается как извозчик и держится так, будто ей сам черт не брат. Заметно, что ей доводилось бывать в переделках, однако пока я еще не раскусил, что она за птица. Признаться, Ванда мне по душе, хотя в данный момент ее никак не назовешь красавицей. И все же гораздо приятнее смотреть на нее, чем на остальных попутчиков. У мисс Холл блестящие черные волосы и смуглая кожа, что делает ее похожей на испанку, но мне известно, что она родом из Штатов.

Почему утонула «Реба» — так и останется тайной. Мы до хрипоты обсуждали причины катастрофы, однако ни на йоту не приблизились к разгадке. Что касается меня, то я помню только, как среди ночи меня неожиданно выпшвырнуло из койки на пол. Я выскочил из каюты, как был в пижаме, и кинулся по коридору к выходу, ведущему на верхнюю палубу. Меня бросало из стороны в сторону, как мячик в кабине самолета, выписывающего фигуры высшего пилотажа.

С превеликим трудом я выбрался наверх. Корабль угрожающе кренился, палуба уходила у меня из-под ног. Несколько раз я падал, но снова вставал и продолжал упорно продвигаться к правому борту, где находились спасательные шлюпки. Где-то на полпути я подцепил малышку Холл, и дальше мы пробирались вместе. Наконец мы достигли перил правого борта — как раз в тот момент, когда спустили первую шлюпку. Я и Ванда прыгнули в воду, и сразу вслед за этим «Реба» завалилась набок и начала быстро погружаться в морскую пучину. В считанные минуты она скрылась из виду, увлекая с собой на дно оставшихся членов экипажа и пассажиров.

Море бурлило и пенилось, ревущие волны накрывали нас с головой, хотя в воздухе не ощущалось ни малейшего ветра. Ужасающая картина простиралась на мили вокруг. В призрачном свете ущербной луны океан походил на гигантский кипящий котел, под которым занимался чудовищный костер. На шлюпке слышали наши крики о помощи, и через пару минут крепкие руки подхватили и втащили в лодку сначала меня, а затем и мисс Холл.

Вот, пожалуй, и все, что я могу рассказать о событиях той ночи. Да, еще мне запомнился отвратительный смрад — Боже, какая мерзость! — плывший над волнами. Из глубины поднимались огромные пузыри, они лопались с шумом, напоминая ружейный выстрел, распространяя вокруг тошнотворный запах жженой серы и протухших яиц.

Гленк высказал предположение, что наш корабль стал жертвой подводного землетрясения. Почему бы и нет? Толчков, видимо, было несколько. От первого я слетел с койки, последующие подняли огромные валы, которые накренили пароход; тросы, крепившие груз в трюме, лопнули, и он, сместившись, перевернул корабль. Морская вода залила паровые котлы, взрыв которых довершил гибель «Ребы».

Добрый час шлюпку носило по волнам, вокруг кипели тысячи водоворотов, а глубоко под нами, в мутной бездне тускло мерцало огромное багровое пятно. То и дело нос шлюпки задевал дохлых акул и тунцов. Мелочи было столько, что мы собирали ее руками и бросали на дно и первые два дня наш рацион состоял исключительно из подобранной рыбы.

Через несколько минут сядет солнце. Наступит ночь; в этих широтах темнеет быстро. Сантос продолжает буб-

нить про землю по курсу. Бросив взгляд в направлении, куда он указывал, я с волнением ощутил внезапную дрожь. Я мог поклясться, что на этот раз Сантос не ошибается. Невозможно! Вероятно, землетрясение подняло из глубин новый остров. По крайней мере, это не корабль, иначе я увидел бы струйку дыма.

Сантос и Андерсон сидят на веслах. Сантос все вертит головой в надежде получше рассмотреть воображаемый остров.

— Эй, ты! — кричит он мне. — Что ты там пишешь? Впереди земля, земля! Взгляни, мы спасены, слышишь?

Мое терпение лопнуло.

— Слышу, не надо кричать! — раздраженно отвечаю я, закрывая дневник. — Я поверю, что это земля, только когда ступлю на берег. Постарайся не сбиться с курса, а утром скорее всего выяснится, что это было еще одно облако. Когда настанет моя очередь грести, можешь сидеть и пялиться по сторонам сколько твоей душе угодно.

Я хотел еще что-то добавить, как вдруг заметил, что Сантос с перекошенным лицом поднимает весло. Я ясно различал язвы на его губах образовавшиеся от солнца, жажды и морской соли. В этот момент он походил на злобного упыря или тролля из сказки.

С пугающей ясностью я видел, как Дэйв Андерсон пытается перехватить руку Сантоса. Инстинктивно пригнувшись, я постарался избежать удара, но тщетно... Лопасть тяжелого весла обрушилась на мою голову. Солнце вдруг подпрыгнуло и исчезло, перед глазами заплесали тысячи искр, и удушающая тьма навалилась на плечи. Мелькнула абсурдная мысль: Сантос хочет убить меня только потому, что я не поверил в наше спасение!

И я потерял сознание.

II

Нелепая смерть

Сознание вернулось ко мне вместе с ночным холодом. Прошло не меньше получаса, прежде чем я обрел способность воспринимать окружающее. Вокруг царила вязкая темнота, нарушаемая мерным поскрипыванием уключин.

Мерцали звезды. Чьи-то руки поддерживали меня за плечи, по лицу струилась живительная влага. Мне доставила удовольствие мысль, что, может быть, это Ванда промывает морской водой рубец, оставленный веслом. Рана полыхала адским пламенем. Я попытался сесть, но, почувствовав страшное головокружение и тошноту, снова провалился в бездонную пропасть.

— Тише, не надо вставать,— услышал я голос Ванды, когда снова пришел в чувство. Голос показался мне мягким и нежным, хотя чуть сипел от жажды, как, впрочем, и у каждого из нас.

Не оставалось ничего другого, как последовать ее совету. Я лежал на дне лодки и глядел на звезды. Ночь была безлунной; небо усеивали мириады сверкающих точек. Они равнодушно взирали на нас с невообразимой высоты, но их холодный свет, как ни странно, ободрял меня. В их сверкании мне чудилось нечто родственное: как наша шлюпка, затерявшаяся в необъятном океане, одиноко плыли они по безбрежному небу без надежды обрести пристанище.

Я поднял руку, чтобы дружески помахать звездам. Пальцы задели что-то мягкое.

— Ох! — послышался возглас.— Кто это дерется?

— Простите, я не нарочно. Пытался протянуть руку к звездам.

Сказав это, я все же предпринял попытку сесть. Успех на этот раз был со мной. Некоторое время я боролся с головокружением; звезды выписывали перед глазами замысловатые круги, от которых пришел бы в восторг любой астроном.

— Протянуть руку к звездам? Похоже, у него начинается бред,— пробормотала Ванда, поддерживая меня под локоть. Свободной рукой она все еще потирала ушибленный подбородок.

— Нет-нет, я чувствую себя превосходно,— торопливо заверил я ее.

Судя по ее лицу, смутно белевшему в темноте, мои слова не слишком ее убедили.

— Это была шутка. Андерсон уже утихомирил Санто-са? — постарался я переменить тему разговора.

Ванда не отвечала.

— В чем дело? Почему вы молчите?

Ее рука, сжимавшая мой локоть, затрепетала. Я ясно

почувствовал эту дрожь, однако, когда Ванда заговорила, голос ее казался спокойным.

— Сантоса больше нет. Он погиб.

Я был потрясен.

— Как это произошло?

— После того как он ударил вас, Дэйв выхватил у него весло, но не удержал равновесия, лодка накренилась, и оба упали в воду. Гленк бросился на помощь, однако за бортом был только Андерсон. Его втащили в лодку. Мне показалось в этот момент, что я вижу вынырывающего Сантоса, но, должно быть, я ошиблась — Сантос так и не появился на поверхности.

— Акулы не дадут ему утонуть, — вырвалось у меня.

Ванда промолчала. Внезапно я почувствовал неимоверную усталость. Что за глупая смерть! Мы все так или иначе погибнем: испечемся на солнце, впадем в безумие от жажды и изобилия воды, которую нельзя пить, или же нас доконает голод. Но отправиться в пасть акуле только потому, что кто-то сомневается в правдивости твоих слов, — глупее ничего не придумаешь. Даже наши политики поступают умнее.

Должно быть, я размышлял вслух, так как услышал слова Ванды:

— Тут нет вашей вины. У каждого из нас нервы на пределе. Сантос сорвался первым; ему казалось, что спасение близко, и сама мысль, что это не так, была для него невыносима.

— Он в самом деле видел землю?

— Трудно сказать... Пит утверждает, что в радиусе пятидесяти миль не найти даже скалы. Ближайшая земля — остров Пасхи. Я о таком и не слышала.

— Остров Пасхи? — я покопался в памяти. — Вулканический островок площадью в полторы тысячи акров в двух тысячах миль к северо-западу от Чили. Несколько лет назад на нем обнаружили множество каменных истуканов неизвестного происхождения. Увы, нам до него никогда не добраться.

— Гленк говорит, что это и не потребуется. В южных широтах острова, случается, исчезают и появляются сами собой. Не исключено, что землетрясение, погубившее «Ребу», образовало поблизости новый остров, и Сантос мог оказаться прав, когда утверждал, что видит впереди землю.

— Теперь ему уже все равно. Мне, впрочем, тоже, если говорить откровенно. Воображаю себе этот свежеиспеченный утес, только-только со дна морского. Ослизлые бока, расселины, залепленные отменной аспидно-черной грязью... Желаешь подкрепиться — отведай вкусных морских водорослей, хочешь попить — к твоим услугам несколько лужиц солоноватой водицы.

Я мог бы еще долго продолжать в том же духе, но тут чей-то грубый голос рявкнул:

— Заткнись, или опять схлопочешь веслом по башке!

Удивительно, как быстро люди привыкают к насилию. Это был не кто иной, как Гленк. Он и Пит сидели на веслах в нескольких футах от меня, а я, признаться, начисто позабыл об их существовании, увлеченный беседой с мисс Вандой.

Итак, нас осталось пятеро. Одним лишним ртом меньше, сказал бы я, если бы у нас было что делить. Четыре мужчины и девушка — подходящая компания для морской прогулки. Судьба связала нас помимо нашей воли, и с этим приходилось считаться. Против общества Ванды я нисколько не возражал, но от трех головорезов можно было ожидать любой неприятности.

Признаться, в эту минуту я и сам не мог разобраться, хочу ли добраться до острова, если таковой существует, или не хочу. Неизвестно, что нас там ожидает. Впереди мне виделись одни лишь невзгоды, независимо от того, что озарят лучи утреннего солнца: безжизненную поверхность океана или же забытый Богом каменистый клочок суши.

III

Остров-оборотень

Меня разбудили возбужденные голоса. С трудом я разлепил воспаленные веки.

Солнце еще не взошло. Честно говоря, в эту ночь я спал не слишком крепко: часто просыпался, смотрел на звездный ковер над головой, слушал, как вскрикивает во сне Ванда, и опять погружался в беспокойную дрему. Обычно я не могу похвастать красочными сновидениями, но от кошмаров, что снились мне этой ночью, даже сфинкса прошиб бы холодный пот.

Понадобилось мучительное усилие, чтобы подняться: все тело ломило от долгого лежания на жестком днище шлюпки. Поразительно, как много может вынести один человек: мой язык распух от жажды, живот сводит голодная судорога, обожженная солнцем кожа мучительно саднит, глаза почти не видят от солнечных бликов, отражавшихся от глянцевой поверхности океана... Вдобавок голова раскалывается от боли. И тем не менее каким-то чудом я еще жив. Я украдкой поглядываю на Ванду, и ловлю себя на том, что завидую ей. Кажется, ей нипочем любые невзгоды. Быть может, я ошибаюсь, и она страдает не меньше моего, однако по ее виду этого не скажешь.

Восход уже окрасил горизонт на востоке в бледно-розовый цвет; на западе небо по-прежнему во власти лилово-черной ночи. Океан спокоен, лишь скрип уключин да журчание воды за кормой говорят о том, что мы движемся куда-то. Несмотря на ранний час, уже жарко. Теплый воздух совершенно неподвижен, и впереди у нас еще один безумный день.

Когда я увидел темно-серый горб острова, то не поверил своим глазам. Я принялся растирать их что было сил и от этого окончательно перестал видеть. Но вот пелена рассеялась, и, к моему изумлению, остров остался на месте. Его контуры становились все отчетливее по мере того, как солнце поднималось над горизонтом.

Радостные возгласы товарищей по несчастью окончательно согнали с меня сон.

— Смотрите, смотрите! Я вам говорил! — гремел Сэм Гленк. — Землетрясение подняло остров! Вот он перед нами!

— Однако каким дьяволом на нем за одну неделю выросло столько деревьев? — недоуменно спросил Пит Лакруз.

— Молчать! — гаркнул Гленк. — Видать, от солнца у тебя мозги совсем набекрень, дружище! Какая, черт побери, разница, когда землетрясение подняло остров — вчера или сотню лет назад?! Он есть, и это главное...

— Ради Бога, перестаньте! — устало проговорила Ванда. — До смерти надоело слушать ваши перебранки. И без того голова идет кругом. К тому же с нами раненый...

— Кто?! Этот дуралей? — грохотал Гленк, тыча пальцем в мою сторону. — Поделом ему: только выпадет свободная минута, тотчас хватает ручку и принимается цара-

пать в своей тетрадке! Что толку в его писанине, коли ею нельзя поужинать? Кто ее будет читать? И что, интересно знать, он там пишет? Подумать только, корабль терпит бедствие, а этот болван из всего багажа тащит в шлюпку одну лишь тонюсенькую тетрадку!..

— Ну так что же? В непредвиденной ситуации каждый берет с собой самое ценное. Я, например, захватила только сумочку и пачку журналов мод. Пит — повар, и он единственный подумал о провизии; благодаря его предусмотрительности мы еще живы. Удивительно, что старый морской волк, вроде вас, не придумал ничего лучше, как сунуть за пазуху револьвер и набить полные карманы патронов. Так что хватит препираться, гребите к берегу и отправляйтесь на разведку. Занятие как раз для вас и для вашей пушки.

Я мысленно поаплодировал нашей крошке. Гленк свирепо покосился на нее, но ничего не ответил. Дэйв Андерсон, как всегда, безмятежно глядел вдаль, а хмурый Лакруз, вздохнув, стал пробираться на нос шлюпки, готовясь к высадке. Я принялся размышлять о том, что за чудесная женщина Ванда Холл, и еще о том, что, когда мы выберемся из этой передраги, неплохо будет пригласить ее вместе поужинать. Однако спустя час мне уже было не до радужных мыслей.

Солнце стояло довольно высоко, когда мы достигли, наконец, берега. Остров был явно вулканического происхождения: скалистые утесы почти отвесно поднимались из моря и уступами уходили вверх, образуя в центре конусообразный пик. Не исключено, что нас вынесло к вершине одной из гор целой подводной гряды.

С большим трудом мы отыскивали пригодную для высадки бухту. Остров поражал своей необычностью; настоящий остров-призрак. Его внезапное появление на горизонте в тот момент, когда я пребывал в полной уверенности, что на много дней пути вокруг не найти и клочка суши, произвело на меня жутковатое впечатление, которое лишь усилилось, когда я ступил на каменистый пляж.

Берега странного острова покрывает толстый слой вязкого ила. Повсюду из него выглядывают мрачные черные скалы, между которыми весело зеленеет трава. Густой кустарник подбирается к самой воде, и из него кое-где робко тянутся вверх молодые деревца. Среди них мы обнаружили кокосовый орех, несколько манговых деревьев, банан, ку-

сты дикой малины и даже одно апельсиновое дерево. Вид прочих растений не поддавался определению. Их семена могли занести сюда ветер и волны; могло быть и так, что их прибило к берегу вместе с мусором, который выбрасывают проплывающие мимо океанские лайнеры. Причудливая диета из ягод, фруктов и кокосовых орехов поможет нам продержаться по меньшей мере несколько месяцев.

Судя по растительности, остров возник среди океана каких-нибудь восемь — десять лет назад. Но это не все.

Берег усеивали мертвые деревья. Их возраст насчитывал сотни лет; иные гиганты достигали пятидесяти футов в высоту. Останки могучих стволов мы находили даже там, куда их никак не могли занести океанские волны. Нет никаких сомнений в том, что остров уже существовал в далеком прошлом. Где-то я читал, что в семнадцатом или восемнадцатом столетии один голландский шкипер наткнулся на берег огромного материка в тысяче миль к востоку от Чили, однако последующие мореплаватели не смогли подтвердить его открытия. Быть может, этот клочок суши — все, что осталось от исчезнувшего континента?

Землетрясение воздвигло остров, и оно же его уничтожило, чтобы затем вновь поднять из глубин. Лишенные коры и листьев, высушенные и подгнившие мертвые стволы оставались единственными свидетелями былой жизни. Точно окаменевшие от ужаса великаны, зловеще возвышаются они среди беззаботной молодой поросли, напоминая о том, что катастрофа может в любую секунду повториться. Трудно описать то щемящее чувство тоски и безнадежности, которое внушал их угрюмый строй.

На острове царит почти могильная тишина. Слышны лишь рокот прибоя да резкие крики одиноко кружащих над берегом чаек. Других птиц или каких-либо животных мы не обнаружили, зато были вознаграждены находкой иного рода.

Спиной к морю, обратившись на запад лицом, вернее, той стороной, где когда-то находилось лицо, стоит статуя. Мы наткнулись на нее в ста ярдах от места высадки. Остров примерно в две мили длиной и полторы шириной своими очертаниями напоминает чашку, положенную на бок. Ее ручке соответствует дугообразная полоска суши, образующая защищенную со всех сторон уютную полукруглую лагуну. Там, где «ручка» примыкает к «чашке», то есть к основной части острова, расположена бухта, которая по-

зволила нам пристать к берегу. Останки гигантской скульптуры возвышаются в глубине острова, слева от бухты. Мы заметили их еще тогда, когда подплывали к острову, однако приняли за расколовшийся под ударами стихии утес.

Покончив с поисками воды и пищи, мы решили обследовать скульптуру более тщательно. Громадная сорокафутовая глыба высилась над окружающим мертвым лесом. Первоначально она представляла собой огромную, высеченную из черного камня фигуру не менее ста футов высотой. Землетрясение обрушило ее верхнюю часть, и теперь размытые дождем и ветром обломки лежали рядом, наполовину занесенные песком и илом. Уцелели лишь ноги и часть туловища. При взгляде на изваяние было нелегко удержаться от дрожи. Трудно определить, кого или что должна была изображать фигура: уродливые пропорции напоминают скорее не человеческое существо, а некоего закованного в панцирь робота или, быть может, вздыбившееся гигантское насекомое.

— Фу, какая мерзость! — произнесла Ванда, с отвращением оглядывая останки поверженного гиганта. — Не лучше ли нам уйти отсюда?

— Мы должны обследовать весь остров, — немедленно заявил Сэм Гленк. — Первым делом следует добраться до центрального пика и дать ему название.

— Вам легко говорить, — неожиданно подал голос Дэйв Андерсон. — Никто, кроме вас, не имеет башмаков. Попробуйте-ка скакать по скалам босиком!

Действительно. Только теперь я осознал, какое пестрое зрелище представляет собой наша компания. На Андерсоне и на мне ничего, кроме пижам, в которых нас застигло кораблекрушение. Пит Лакруз щеголял в нижнем белье из грубой фланели, и все трое были босы. Мисс Холл, которая не успела лечь в постель до несчастья, была облачена в кокетливую розовую блузку, просторные белые брюки и ярко-красные сандалии. (Должен отметить, что фигура у нее великолепная.) И только Сэм Гленк, несший в ту ночь вахту, а точнее говоря, слонявшийся без дела по палубе, был одет по всей форме.

Презрительно оглядев нас, он ухмыльнулся:

— Так и быть, позагорайте здесь, пока я и Ванда дойдем до вершины и подыщем имя вулкану, а заодно и всему острову.

— Остров будет называться Мисс Холл,— коротко отрезала Ванда,— а если вам захотелось прогуляться, отправляйтесь к кратеру сами. Мне хорошо и на берегу.

— Предлагаю идти к вулкану всем вместе,— вступил в разговор я. — Откровенно говоря, мне было совершенно ~~наплевать~~, как будет называться остров, но я надеялся, что по пути мы наткнемся на что-нибудь, что поможет прояснить тайну каменного истукана.— Будем идти не спеша и выбирать дорогу полегче, чтобы не поранить ноги.

Так и решили. Сэм заторопился вперед, мы поплелись следом, осторожно ступая между острых камней и узловатых корней растений. Ванда предпочла идти с нами, и второму помощнику это явно пришлось не по вкусу. Он остановился, поджидая, когда мы его догоним. В эту минуту я случайно оказался рядом с Вандой, помогая ей перебраться через поваленное дерево. Гленк хмуро посмотрел на нее, затем на меня. Его взгляд не сулил ничего хорошего.

— Эй, Сэм! — крикнул я, как ни в чем не бывало, когда мы подошли ближе.— Как по-вашему, долго ли нам предстоит прохладиться на этом острове?

Он пожевал губами, затем неохотно ответил:

— День-два, не больше. Вполне достаточный срок, чтобы очухаться даже такому хлюпику, как вы.

— И что же потом?

— Пораскните-ка мозгами. Запасов плодов на острове от силы на месяц. Дожди идут редко, других же источников питьевой воды здесь нет. Нам ничего не остается, как убраться отсюда как можно скорее, прихватив с собой всю воду и провизию, какую удастся собрать. За десять — двенадцать дней, если повезет с погодой, мы доплывем до острова Пасхи.

Ванда сморщила носик:

— Благодарю покорно. Лучше оставаться здесь, чем еще две недели болтаться в открытом море. Лично я сыта им по горло.

— Но мы не можем бросить вас на произвол судьбы! — воскликнул я.

— Верно, дружище,— против обыкновения поддержал меня второй помощник.— Этого мы никак не допустим, не будь я Сэмюэл Гленк! Но разрази меня гром, если я соглашусь торчать в таком гиблом месте и дожидаться, пока вы передумаете, моя милая!

Глаза Ванды упрямо сверкнули:

— Зато я с успехом могу подождать, пока вы доплывете до какого-нибудь населенного острова и вышлете за мной помощь. Для одного человека здесь вполне достаточно пищи, чтобы спокойно протянуть полгода.

Спор прекратился сам собой, так как в этот момент нам предстояло преодолеть короткий, но довольно крутой подъем. Когда же мы наконец взобрались наверх и остановились, чтобы немного отдышаться, то онемели от изумления.

Мы стояли на краю обширного, почти идеального плато диаметром около четверти мили, сплошь поросшего травой и кустарником. Как и на берегу, всюду торчали остовы погибших деревьев. Центральный пик был виден как на ладони, и это был не кратер вулкана.

То, что мы принимали за вулкан, оказалось руинами дворца или храма — разобрать точнее было трудно из-за толстого слоя серовато-белого осадка, почти полностью скрывавшего стены сооружения и образовывавшего нечто вроде холма правильной пирамидальной формы. В стороне возвышались несколько холмиков поменьше.

Наш маленький отряд медленно приближался к новой находке. Хотя никто не произнес ни слова, я заметил, как алчно загорелись глаза моих спутников.

Остров, по всей видимости, когда-то был обитаем. Населявший его народ достиг высокой ступени развития, если научился создавать гигантские статуи и циклопические сооружения, подобные тому, к развалинам которого мы направлялись. А раз так, то он должен был уметь обрабатывать металлы, обладать искусством выделки драгоценных камней, изготавливать украшения, оружие и тому подобное, что столь высоко ценится в цивилизованном мире. И разве не естественно обнаружить все эти сокровища среди руин храма?

Гленк в предвкушении богатой добычи почти бежал, оставив нас далеко позади. Наверное, ему уже мерещились золотые чаши, серебряные кубки и усыпанные самоцветами кинжалы.

Меня вдруг охватило беспокойство. Быть может, причиной была давящая тишина, что царила на острове. Видимо, восемь дней голода, жажды и непрерывных солнечных ванн, да еще удар веслом по голове совершенно расстроили мои нервы. И в этот момент я понял, что меня тревожило. Осадок!

Серый налет, под которым был погребен храм и который я принял за осадок, лежал только в центре плато. Если он появился, когда остров пребывал на дне морском, то в таком случае он должен был равномерно покрывать всю поверхность острова.

Странный осадок, который сам выбирает место, где ему выпадасть.

IV

Сверкающий панцирь

К тому времени, когда мы добрались до центрального холма, Гленк уже рыскал вокруг него, хмуро озираясь по сторонам. Проникнуть внутрь строения не было никакой возможности: если вход и существовал, его навеки замуровал слой серого налета, похоронив вместе с ним наши надежды на сказочные богатства.

Вблизи сооружение еще больше напоминало прямоугольную пирамиду с плоской вершиной и почти отвесными стенами. Единый серый монолит высотой около тридцати футов лежал прямоугольником в шестьдесят на сорок футов. На гладкой поверхности проступали углубления, как будто обозначающие проемы окон и дверей. С одной стороны стена имела выпуклость, подобную алтарному выступу или крыльцу. Сходство с храмом было бы полным, если бы не проклятая серая корка, которая не давала мне покоя.

Гленк со злостью пнул ногой стену — надо полагать, в отместку за несбывшиеся мечты о сокровищах. Ничего не произошло. То есть совершенно ничего, и именно это меня насторожило.

Если ударить ботинком по скале, то должен послышаться глухой стук; если бить по металлу, он отвечает звонком или, на худой конец, лязгом; стукните по резиновой поверхности, и она спружинит, отбросив вашу ногу назад. Но сейчас ничего подобного не случилось. Разумному объяснению этот факт не поддавался; единственное, что пришло в голову, — стена состоит из некой тестообразной массы, одновременно обладающей прочностью стали. Однако такое предположение было, конечно же, совершенно абсурдным.

Я коснулся рукой стены. К моему изумлению, она была холодной, несмотря на всю светившее солнце, и при этом оставалась совершенно сухой. Невероятно!

Тут уж должно быть что-нибудь одно: либо поверхность сухая и теплая, либо она холодная и влажная от оседающих на ней капель росы. Но холодная и сухая — это в торопиках-то! — здесь есть над чем задуматься.

— В чем дело? — поинтересовался Гленк.

— Этот налет... С ним что-то не так. Из чего, интересно знать, он состоит?

— Черт побери, нашли время заниматься исследованиями! Огромный ком высушенной солнцем глины, только и всего.

— Тогда почему ваш башмак не оставил на ней никаких следов?

Второй помощник пожал плечами:

— Я и не собирался разбивать вдребезги этот кирпич. Ударь я посильнее...

Я с сомнением покачал головой:

— Стена чрезвычайно прочна, но при такой твердости быть еще и упругой! Никогда не встречал такого странного материала.

В глазах Гленка появилась насмешка.

— Должно быть, вы немало повидали на своем веку, коли объявляете странным все, чего прежде не встречали.

Я постарался не обращать внимания на его колкости:

— Вещество напоминает застывшую медузу. Погляди-те, как туго оно обтягивает стены здания. Оно похоже... похоже на шкуру.

— Хо-хо-хо! — оглушительно расхохотался Гленк, хотя я не видел ничего смешного. Он долго смеялся, так что под конец у него перехватило дыхание, и про себя я от души пожелал ему задохнуться насмерть. Но, переведя дух, он захохотал опять.

Его дурацкий смех действовал мне на нервы. Честно говоря, весь чертов остров с его многочисленными загадками и угрюмой атмосферой изрядно действовал мне на нервы. Я обошел еще раз вокруг пирамиды, внимательно оглядывая грязно-серые стены и все больше проникаясь убеждением, что под слоем налета скрывается некий храм. Однако налет... Что он собой представляет?

Наконец я вернулся в то место, откуда начал обход, и, нагнувшись, подобрал камень с острым краем, намере-

ваясь соскоблить немного налета со стены. И тут я увидел нечто такое, от чего волосы зашевелились у меня на голове. По коже прошел озноб — это несмотря на жаркий день! Я стоял, вытаращив глаза, и слышал, как стучит молоточками кровь в висках.

— Смотрите, смотрите!.. — я не узнал собственного голоса. Ужас сковал меня — не стыжусь в этом признаться, ибо остальные вели себя ничуть не лучше.

На поверхности стены, в том самом месте, куда пришелся удар ботинка Гленка, расползалась воронкообразная вмятина. Никто из нас не заметил, как она появилась. Я мог бы поклясться, что несколько минут назад ее там не было.

Должно быть, мы стояли так добрых пять минут и точно загипнотизированные неотрывно глядели на углубление в стене. Под конец у меня от напряжения зарябило в глазах, однако я так и не заметил, когда вмятина исчезла. Как бы там ни было, через пять минут от нее не осталось и следа. Стена опять стала ровной и гладкой.

Ванда со всхлипом выдохнула. Обернувшись, я увидел, что она близка к обмороку. Смертельная бледность покрыла ее лицо. Бросив камень, который все это время я продолжал сжимать в руке, я кинулся к ней на помощь и подхватил ее за талию. Гулко прозвучавший в тишине звук падения камня вывел из оцепенения остальных; они тоже зашевелились.

— Благодарю, мне уже лучше, — слабо проговорила Ванда, целомудренно отстраняя мою руку. — Я так устала за последние дни. Что-то с глазами... — она нервно хихикнула. — Поверите ли, мне показалось, что стена... движется, — Ванда просительно оглянулась на нас.

— Всего-навсего оптический обман, — сказал я как можно мягче, — игра теней.

— Но я тоже видел! — пробормотал увалень Гленк.

— Массовая галлюцинация, — уверенно заявил я. — Вот так и рождаются слухи о пылающих ангелах и окровавленных призраках...

Однако все мои старания разрядить обстановку пошли прахом, так как в эту секунду Пит Лакруз издал нечленораздельный звук, более напоминающий клекот журавля, чем человеческую речь. Я не поверил своим глазам, когда трясущимся пальцем Пит указал на стену пирамиды.

Там, где появилось и затем исчезло углубление, теперь красовалась выпуклость в форме носка ботинка.

Лакруз повернулся и опрометью бросился от пирамиды, потешно подбрасывая на бегу голенастые ноги во фланелевых подштанниках. Опомнился он, только когда пробежал ярдов тридцать. Увидев, что с нами ничего плохого не случилось, он немного успокоился, но продолжал нервно поглядывать на пирамиду, не рискуя больше к ней приближаться.

Когда мы снова перевели глаза на стену, выступа уже не было. Он исчез так же бесследно, как до этого вмятина. Нашим изумленным взорам предстала идеально гладкая серая стена.

— Уведите меня отсюда,— умоляюще проговорила Ванда, беря меня под руку.

Я ободряюще похлопал ее по ладошке. Во мне неожиданно пробудилось древнее чувство мужчины-защитника, которое помогло самому немного воспрянуть духом и даже ненадолго позабыть о собственном страхе. Но страх не исчез полностью, он лишь отступил, затаившись где-то в глубине души, и все время, пока мы пересекали плато, он неприятно царапал сердце острыми коготками.

Я поймал себя на том, что думаю о таинственном налете, как о живом существе. К этой мысли необходимо было привыкнуть. Я перебирал в памяти все, что читал о наростах, плесени, о лишайниках, живущих на развалинах древних зданий, о рудных бактериях и даже о ржавчине, разъедающей металл. На ум приходил нелепый образ корочки от пасхального пирога, и я едва сдерживался, чтобы не рассмеяться. Если удалить корочку, любопытно, какова окажется начинка — чернослив с корицей или останки древнего храма?

— Почему вы молчите? — жалобно спросила Ванда.

— Я думаю: возможно ли узнать, что спрятано в раковине — соринка или жемчужина, — покуда ее не откроешь?

Ванда недоуменно посмотрела на меня:

— Не понимаю...

— Я тоже, — признался я. — Мне не понять, почему наш пароход терпит бедствие при полном штиле и в считанные минуты идет ко дну. Я также не понимаю, каким образом поблизости оказывается остров, которого нет ни на одной карте. Остров-Привидение — так следовало бы называть его, если Гленк непременно желает дать ему имя. Или Остров-Феникс, принимая во внимание его второе рождение. Может быть, это будет Остров Кошмаров — ни-

когда не угадаешь, что ожидает тебя за ближайшей скалой.

К моему великому облегчению, я увидел, что Ванда улыбается.

— Что вы скажете насчет Острова-Фокусника? Только вы что-нибудь увидите, как оно тут же исчезает.

Я хотел было сказать в ответ что-нибудь остроумное, но слова замерли на моих губах, ибо в этот момент я снова кое-что увидел. Не сразу придя в себя, я непроизвольно замедлил шаг. Ванда заметила, что я отстал, и спросила с участием:

— Что с вами? Поранили ногу?

— Да,— соврал я,— но не так чтобы сильно.

Позади раздавалось шарканье второго помощника и шлепанье босых ног Андерсона и Лакруза. Никто из них не замедлил шага. Значит, они, как и Ванда, ничего не заметили.

— Остров-Фокусник — недурное название. Только вы что-нибудь увидите, и р-раз! — все тут же исчезло, — повторил я слова Ванды.

Мой тон насторожил ее:

— Тот холмик, который мы миновали, — он какой-то особенный?

— Ничуть, если не считать того, что он чертовски смахивает на могильный.

Ванда уже позабыла о моей ноге. Несколько небольших холмов, располагавшихся вблизи центральной пирамиды, и в самом деле походили на могильные курганы, под которыми, как я слышал, туземцы иногда хоронят своих мертвецов. Но напугало меня нечто совсем другое.

Мы спускались с плато, прокладывая путь сквозь густой кустарник, из которого торчали корявые стволы погибших деревьев, нагоняя уныние на всю компанию. Даже Гленк выглядел не таким самоуверенным, как обычно. К тому времени, когда мы добрались до шлюпки, я еще не придумал, как мне вести себя дальше.

Из нерешительности меня вывел Дэйв Андерсон. Своим тонким голосом, так не вязавшимся с его могучим сложением, он неожиданно для всех проговорил:

— Если мы не собираемся сегодня плыть дальше, то неплохо бы было позаботиться о еде и ночлеге. Кажется, на пляже я видел несколько устриц...

— Я как раз собирался сказать об этом! — загремел Гленк.— Вы, Дэйв, и вы, Пит, отправляйтесь на берег со-

бирать моллюсков. Ванда будет присматривать за лодкой, а я пойду за фруктами и прочей снедью. Да, еще вы... — он посмотрел на меня так, будто только заметил. — Можете заниматься разведением костра, — милостиво разрешил он.

По молчаливому уговору все мы избегали упоминать о том, что видели сегодня на плато. Лакруз, глядя себе под ноги, медленно побрел вдоль берега на север, Андерсон направился в противоположную сторону. Навряд ли им удастся набрать много устриц — берега острова по большей части каменистые и обрывистые, лишь несколько отлогих илистых пляжей попадают среди торчащих из воды скользких черных скал.

Второй помощник бросил на меня выжидательный взгляд, давая понять, что пора бы и мне заняться делом. Я спросил Ванду, достаточно ли хорошо она себя чувствует. Получив утвердительный ответ, я со вздохом двинулся в глубь острова. На всякий случай я несколько раз оглянулся — подлецу Гленку доверять было никак нельзя. Однако он уже успел скрыться в зарослях орешника.

Отойдя на приличное расстояние, я сделал крюк и вышел к берегу с таким расчетом, чтобы встретить Андерсона, — я решил выбрать в помощники голубоглазого верзилу, потому что он был здоров как бык и, кажется, умел держать язык за зубами.

Я увидел Дэйва в тот момент, когда он безуспешно пытался преодолеть утес, разделяющий два участка пляжа. Я махнул ему рукой. Он тут же оставил свой утес и послушно поплелся в мою сторону, не выказав ни любопытства, ни удивления, будто давно ждал моего появления.

— Мне нужна ваша помощь, — торопливо заговорил я. — Необходимо кое-что выяснить, и без вас мне не обойтись.

Без лишних вопросов он последовал за мной. Редко доводится встречать такое флегматичное создание, как Дэйв Андерсон. Я даже засомневался, правильно ли сделал, что взял его в помощники, — уж больно туповатый он имел вид. Но мне уже трудно было отказаться от своей затеи, к тому же именно сейчас ужасно не хотелось тащиться за хвостом.

Нашей целью был центр плато, точнее — четыре заросшие травой возвышенности рядом с серой пирамидой. Три из них представляли собой небольшие пологие хол-

мики неправильной формы длиной около двадцати и высотой около пяти футов каждый. Четвертый был много больше. Имея высоту в несколько сот футов, он значительно превышал даже центральный монолит. Когда час назад мы впятером проходили мимо, мои спутники не обратили на них никакого внимания, приняв за обычные, ничем не примечательные бугорки или занесенные илом обломки скал. Где им было заметить то, что заметил я!

Мы с Андерсоном обогнули один из меньших холмов, и я указал рукой на то, что так поразило меня сегодня днем. Между зелеными стеблями травы из покатого склона торчал кусок блестящего белого металла. Почти незаметный со стороны пирамиды, он неожиданно вспыхивал, когда случайный луч солнца попадал на его острые грани.

Опустившись на колени, мы принялись изучать странную находку. Сперва я решил, что металл состоит из серебра, но затем понял, что ошибся. Поверхность его имела необычный голубоватый отлив, какой бывает у матового стекла в ранние сумерки; на ней не было видно ни единого темного пятнышка, которые столь характерны для серебряной патины.

Андерсон медленно провел по металлу рукой. Его лицо оставалось, как обычно, бесстрастным. Трудно объяснить почему, но его невозмутимость начинала потихоньку меня раздражать — быть может, из-за того, что у меня самого сердце так и прыгало в груди от возбуждения и страха. Я не мог определить природу металла, так же как не в силах был разрешить загадку громоздившегося в сотне футов от нас серого монолита, и страдал от этого ничуть не меньше, чем сутки назад — от голода и жажды.

— Нужно найти острый камень, чтобы счистить грязь с поверхности, потом попробуем открыть эту штуку целиком, — сказал я и стал отглядываться в поисках подходящего осколка скалы.

Корка ила и глины оказалась толщиной около двух дюймов. Сверху ее укрывал сплошной ковер из травы и кустарника; цепкие корни растений препятствовали выветриванию и размытию холма дождями. Судя по всему, ил осел за те сотни лет, что остров покоился на дне океана. В некоторых местах лежал более толстый слой — по-видимому, часть осадка успели смыть дожди, прежде чем трава укрепила его своими корнями.

После получаса напряженного труда мы, изрядно попо-

тев, сумели разрыть почти весь первый холм и сразу же принялись за два других, но вскоре остановились, когда поняли, что их содержимое ничем не отличается от первого.

На месте развороченного нами холма среди бурых хлопьев ила лежал, сверкая в лучах вечернего солнца, огромный металлический панцирь. Он не мог принадлежать человеку. Существо, для которого он предназначался, обладало ростом не меньше пятнадцати футов. У него было бочкообразное тело и голова размером с крепостную башню небольшого замка. Руки и ноги отсутствовали, вместо них внизу имелись три заострившихся к концам мощных отростка или щупальца.

Защищавший тело металл был смят; видимо, его раздавило толщей воды, когда остров погрузился в морскую пучину. Внутренность панциря заполнял все тот же илистый осадок. Один Бог знает, что за чудовища разгуливали когда-то в этих гигантских латах. Моего воображения не доставало, чтобы представить, как выглядели хозяева сверкающих панцирей из белого металла и откуда они прибыли на Землю. В том, что они не земляне, я ни секунды не сомневался: ни Андерсону, ни мне не удалось сделать на матовой поверхности загадочного металла ни единой царапины.

V

Странное исчезновение

Пока мы трудились, я никак не мог отделаться от неприятного ощущения, что за нами кто-то наблюдает. Несколько раз я оборачивался, но не замечал вокруг ничего особенного. У меня появилось подозрение, что за мной тайком увязался второй помощник, однако его нигде не было видно. В конце концов я приписал свои страхи излишней нервозности и постарался выбросить их из головы.

— Ну и здоровенные, должно быть, твари таскали на себе эти латы! — вырвалось у меня, когда мы принялись за третий холм.

Андерсон в ответ лишь кивнул головой.

— Попробуем порыться в большом холме, — сказал я. — Может, наткнемся на что-то более ценное. Хотя, откровенно говоря, надежды мало; пока загадок не убывает.

Не возьму в толк, откуда взялся этот остров и что это за панцири? Меньше всего я желал бы встретиться с их хозяевами, если они еще живы...

— Трудно сказать,— подумав, глубокомысленно изрек мой немногословный помощник.

Мы приблизились к большому холму и несколько раз обошли его, примериваясь, откуда лучше приняться за работу. Холм, как и троица предыдущих, обильно порос травой, однако отличался формой от собратьев, растекшись вытянутой каплей с округлым утолщением и постепенно сужающимся хвостом. С одного бока виднелась неглубокая впадина футов пятнадцать длиной и столько же — высотой. С нее мы и решили начать.

Мы удалили траву и после двадцати минут упорного труда углубились на несколько футов в слежавшийся ил, не встретив ничего, кроме нескольких изъеденных морем ракушек.

— Эдак мы пророем его насквозь,— сказал я, прекращая работу.— Может, попытаем удачи в другом месте?

— Пожалуй,— согласился Андерсон.

Он с кряхтением поднялся с колен, отряхнул ладони, и мы медленно двинулись вдоль покатога склона. Остановившись, я наобум ударил несколько раз плоским камнем, служившим мне лопатой. Через несколько дюймов блеснул знакомый серебристый металл. Мы забрались на вершину холма и снова попробовали копать — и снова под тонким слоем ила показалась металлическая поверхность.

Меня охватило разочарование. Отшвырнув камень, я с чувством выругался.

— Что-то не так? — бесстрастно поинтересовался мой напарник.

— Ничего ровным счетом! — я был близок к отчаянию.— Пора бросать это дело, одним нам тут не управиться.

— Пожалуй,— произнес Андерсон свое излюбленное словцо и начал спускаться вниз.

Когда плато осталось позади, Андерсон не спеша направился к побережью, явно намереваясь продолжить охоту за устрицами, от которой я оторвал его два часа назад. Я в последний раз угрюмо поглядел в сторону серого монолита, величественно сверкавшего в лучах заходящего солнца, и отправился собирать хворост для костра.

Порядком ободравшись и прокляв все на свете, я набрал

наконец охапку более или менее подсохших сучьев. Надо было возвращаться в лагерь. Нет смысла, размышлял я, посвящать в свои открытия товарищей по несчастью. Никто из них не в состоянии разрешить мучившие меня загадки, к тому же через день-два мы покинем остров, и для всех будет лучше позабыть о нем как можно скорее.

В глубине души я догадывался, что могло таиться в недрах высокого холма. Под слоем ила лежал летательный аппарат или крейсер — называйте как хотите, — доставивший из космоса гигантов в сверкающих панцирях. На месте впадины мог находиться входной люк, а может быть, корабль при посадке потерпел аварию, и это была пробоина, через которую взрыв выбросил и разметал по скалам членов экипажа.

Однако возможности проверить свои догадки у меня уже не будет, и я прекрасно это понимал. За те века, что корабль пролежал на океанском дне, ил проник внутрь через дыру в корпусе и заполнил все его отсеки. Имей мы гору лопат и работай неделю, не разгибая спины, мы едва ли успеем удалить осадок со входного шлюза. Тайна лежала рядом, но была недоступна, как если бы находилась за тысячи миль от нас.

Я совершенно убедил себя в том, что большой холм скрывает в себе именно останки инопланетного корабля и ничто другое. Мне рисовались фантастические приборы, машины; мощные двигатели, использующие неизвестные земной науке принципы; диговинная пища, быть может, звездные карты и схемы или даже бортовой журнал с описанием на неведомом языке необычайных космических странствий — и еще многое, чего мне никогда не вообразить. От таких грез перехватывало дыхание. Космический корабль... сверкающие доспехи... серая пирамида... Между ними существовала какая-то связь. Казалось, вот-вот мне удастся нащупать ее, но всякий раз разгадка ускользала, как ящерица между пальцами.

Перед моим взором вставала яркая картина: оживленная площадь многолюдной полинезийской деревни, высыпавшие из хижин жители, возбужденно переговариваясь, указывают на небо, по которому мчится огненный шар, оставляя за собой ослепительный хвост. Шар с ревом проносится над головами перепуганных островитян и с оглушительным грохотом падает посреди площади, извергнув из чрева трех раненых чудовищ. А может, и не чудовищ,

а некую субстанцию, которая, разрастаясь, погребает под собой стоящий рядом храм.

Если мои догадки верны, то в таком случае становится понятно, откуда взялась уродливая статуя, обломки которой мы обнаружили на берегу. Что может быть естественнее для суеверных туземцев, чем поклонение небесным пришельцам и воздание им божественных почестей? В память о посещении небожителей островитяне возводят скульптуру, воспроизводящую облик облаченных в скафандры погибших гигантов. И она стоит, обратившись лицом к разбитому кораблю, — до той поры, пока страшное землетрясение не ввергает остров в пучину океана.

Мои мысли снова возвращались к корке серовато-белой пены, облепившей стены храма, и я все больше укреплялся во мнении, что она представляет собой некую биоструктуру, элементарную форму жизни, находящуюся на чрезвычайно низкой ступени развития. То, как она отреагировала на пинок ногой, образовав отпечаток спустя лишь некоторое время и затем вспучившись выступом в форме носка ботинка, наводило на мысль о примитивных рефлексах, свойственных простейшим организмам. По всей видимости, это была чрезмерно разросшаяся клетка; гигантская амеба весом в тысячу тонн.

Но если она поселилась на острове после прибытия космических странников, как в таком случае ей удалось пережить столетия, когда остров находился под водой? Если допустить, что неведомая тварь — обитательница морских глубин, тогда почему она продолжает существовать на суше? И вообще, жива ли она? И если жива, то чем питается? Может быть, это особый вид плесени или водорослей; гибрид между наземной и подводной жизнью, чья природа настолько проста, что позволяет произрастать в обеих стихиях?

Пока я брел к шлюпке, перед глазами проплывали иные планеты, фантастические пейзажи, от которых начинала кружиться голова и учащенно билось сердце. В голове возникали идеи, одна невероятнее другой.

В свои тридцать с небольшим лет я успел порядком пошататься по свету и видел немало диковинок. С ранней юности я беспорядочно читал, проглотив уйму разнообразных книг. Имея возможность путешествовать, я объездил все страны и континенты, встречал множество пройдох, не хуже и не лучше тех, что сидели сейчас на берегу возле

шлюпки. Но на этом острове мне довелось столкнуться с чем-то из ряда вон выходящим. Дорого бы я сейчас дал за то, чтобы часок поболтать с каким-нибудь профессором, обладающим воображением Уэллса, мозгами Эйнштейна и красноречием Рузвельта.

Солнце висело у самого горизонта, когда я добрался наконец до шлюпки и свалил в кучу принесенный хворост. Никто не обратил внимания на мои запачканные руки и изорванную пижаму. Видимо, всех так измотало сегодняшнее приключение, что каждый помышлял лишь о том, чтобы поесть и поскорее отправиться на боковую. В полном молчании мы поужинали жареными моллюсками, которые собрал Лакруз, закусил их бананами и апельсинами, сорванными Гленком в чахлах зарослях.

Перед отходом ко сну мне захотелось перекинуться парой слов с Вандой, чтобы немного ободрить ее, но я никак не мог подыскать подходящего повода — все мысли занимали сегодняшние находки. Ни я, ни тем более Андерсон не старались намеренно скрыть от остальных существование еще чудовищных панцирей. Если мы пробудем на острове еще несколько дней, Гленк, Лакруз и Ванда так или иначе наткнутся на останки гигантов. Тогда у нас будет о чем поговорить, а до тех пор не стоит лишний раз пугать бедняжку Ванду — у нее и без того хватает печалей.

Стемнело. Мы перевернули шлюпку вверх дном, устроив уютный навес для нашей единственной дамы, мужчины же расположились прямо под открытым небом. Я наблюдал за тем, как Андерсон опустил свое могучее тело на песок рядом с Лакрузом и, широко разбросав руки и ноги, замер, устремив взгляд к звездам. Интересно, о чем он сейчас думал? После возвращения в наш импровизированный лагерь он ни единым намеком не дал понять, что помнит о нашем общем секрете. Перевернувшись на спину, я тоже стал смотреть на звезды.

Теперь они не были столь понятными и дружелюбными, какими казались прошлой ночью. Какие миры скрываются за их загадочным мерцанием? Что за существа обитают там и какие еще удивительные корабли бороздят космические просторы? Сможет ли когда-нибудь земной человек построить ракеты и отправить их к планетам Солнечной системы или, быть может, в глубины космоса, к таинственным звездам, что сияют над моей головой? Еще немного, и, кажется, я окончательно свихнулся бы от пере-

полнявших меня вопросов, но, к счастью, усталость взяла свое, и я уснул.

Мне грезились космические экспедиции, чуждые цивилизации, приключения, в сравнении с которыми померкли бы все странствия Одиссея. Мне снилось, что я лечу навстречу звездам и протягиваю к ним руку. С головокружительной скоростью я взмываю ввысь, пытаюсь достать их ладонью, но в последний момент они отдаляются, и я, словно на гигантских качелях, проваливаюсь в бездну, а звезды насмешливо подмигивают мне вслед.

Внезапно я пробудился. Была глубокая ночь, темнота навалилась тяжелым облаком. Земля подо мной гудела и ходила ходуном, как будто невидимый великан топал по ней ногами.

— Подъем! Землетрясение! — проорал во тьме голос Гленка.

Я тут же вскочил. Рядом возникла какая-то тень. Инстинктивно я отпрыгнул в сторону, и в этот момент остров опять завибрировал. Мимоходом я отметил, что море как будто оставалось спокойным, лишь невнятно плескался у скал прибой. Значит, это не подземный толчок, подумал я, — он поднял бы гигантские волны. И тем не менее я явственно ощущал, как почва вздрагивала под ногами.

Леденящий душу крик разорвал тишину. Невозможно было понять, откуда он доносился, кажется, кричали где-то поблизости. Через секунду крик повторился; теперь он был протяжнее и пронзительнее, чем первый. Трудно вообразить, чтобы он мог принадлежать человеку — столько в нем слышалось муки и животного ужаса.

В темноте я налетел на долговязую фигуру во фланелевом белье.

— Пит! Лакруз, это вы? Вы что-нибудь видите? Где Ванда? Необходимо найти ее! — прокричал я ему.

У него явственно стучали зубы.

— Пардью! До дьябла, Матка Боска! Нужно спасти его! Бежим! — заикаясь, бормотал он. — Нельзя дать ему погибнуть! Какой ужас, бежим на помощь!

Голос его был слаб и одновременно полон решимости. Он попытался ускользнуть в темноту, но я схватил его за руку:

— Кто? Кого надо спасти?

— Эй там, тише, черт побери! — проревел Гленк. — Заткнитесь и говорите по очереди.

Наступила тишина, затем мы снова разом загалдели. Все, кроме Дэйва Андерсона.

— Кажется, это был Андерсон. Попробуем найти его, он не мог далеко уйти,— распоряжался Гленк.

Между тем остров перестал содрогаться. Каждый из нас напряженно вслушивался в темноту. Тщетно. Больше не доносилось ни звука. Позади себя я уловил горячее дыхание и аромат волос Ванды. Я крепко взял ее за плечо и уже не отпускал от себя ни на шаг.

Мы беспокойно бродили вокруг шлюпки, стараясь не отдаляться от лагеря из боязни потерять и, не дай Бог, разделить участь Андерсона. Медленно тянулось время; казалось, ночь не кончится никогда. Я со страхом ждал, что снова раздастся душераздирающий вопль, но, к моему облегчению, ничто больше не нарушало безмолвия острова. Гленк несколько раз принимался раздувать едва тлевший костер, однако его попытки так и не увенчались успехом. Волей-неволей пришлось дожидаться, когда наступит утро.

Но вот наконец небо посветлело, и на востоке забрезжил жидкий рассвет.

— Пора отправляться на поиски Андерсона,— сказал я.— Вы, Сэм, единственный из нас, кто имеет оружие, поэтому идите вперед. Крики доносились со стороны плато, так что первым делом двинемся туда.

— Чушь! — безапелляционно заявил Гленк.— Держу пари, что кричали с берега лагуны.

— Нет-нет, кричали со скал, я хорошо помню! — внес свою лепту Лакруз.

— Не могу сказать с уверенностью, но, по-моему, крик раздавался со всех сторон сразу,— со вздохом проговорила Ванда.

Второй помощник решительно махнул рукой:

— Тут всего три квадратных мили; поиски не займут и пяти часов, если мы разделимся на группы.

— Чтобы панцирная тварь, сидящая на плато, сожрала нас поодиночке? — вставил я.

— Избавьте нас от своих бредней! — гаркнул Гленк, покраснев.— Неужто вы не способны думать ни о чем другом?! Исчезновение Андерсона можно объяснить тысячей разных причин. Он мог плутать в темноте и упасть с обрыва. Его могло придавить рухнувшим деревом или напугать какое-нибудь животное, которое мы проглядели, обследуя

остров. Откуда, черт побери, нам знать, если мы еще не нашли его? И чем скорее мы обшарим остров, тем лучше.

Я хотел возразить, однако шотландец не дал мне и рта раскрыть.

— Почем знать,— продолжал шуметь он,— может, у Андерсона бессонница, или он, как и вы, любитель прогулок перед сном. Прежде найдем его, а уже потом будем строить догадки. Довольно разговаривать! Рассыпаемся по острову каждый в свою сторону. Я беру на себя берег лагуны, Пит пусть повторит путь, которым вчера шел Андерсон, Ванда должна остаться у шлюпки на случай, если Дэйв неожиданно возвратится в лагерь. Ну, а вы,— произнес он с нажимом,— можете идти проверять, как там поживает ваше страшилище. Когда от страха у вас затрясутся поджилки, спускайтесь к лагуне. Так уж и быть, я сам схожу на плато и выясню, что за дьявольщина вам померещилась.

Я чуть не съездил ему по физиономии, но сдержался: сейчас не время выяснять отношения. Попытка рассказать о том, что мы с Андерсоном обнаружили вчера на плато, тоже не дала бы результата. Упрямец Гленк не пожелает ничего слушать и, чего доброго, опять подымет меня на смех. Я взял себя в руки и, ни слова не говоря, двинулся в глубь острова.

Боялся ли я? Признаюсь, да. Вирус страха давно поселился в моем сердце. Гнетущая тишина, зыбкий утренний свет, изувеченные стволы мертвого леса — все казалось мне предзнаменованием близкой беды. Однако я был страшно зол на Гленка, и это придавало мне решимости. Я подозревал, что второй помощник умышленно поручил мне самый опасный участок, в тайной надежде, что я не вернусь живым, и тогда между ним и Вандой уже не будет стоять никого, кроме Пита, которого можно не принимать в расчет. Эта мысль еще больше распалила меня.

Ноги, израненные за вчерашний день, нестерпимо ныли, и, пока я продирался через кустарник, настороженно прислушиваясь к каждому шороху, на босых подошвах появилось еще несколько ссадин.

Мне не давали покоя два вопроса. Первый: почему так взбеленился Гленк? Я долго ломал голову, пока наконец в мозгу не блеснула догадка, столь очевидная, что я выбранил себя за несообразительность.

Когда Андерсон поднялся среди ночи и ушел из лагеря, ни один из нас этого не заметил. Стало быть, все, включая

шотландца, крепко спали, а значит, Андерсон, если бы захотел, мог без помех забрать у Гленка револьвер. Действительно ли он забрал его? Я вдруг засомневался в справедливости своих рассуждений. Если бы Дэйв имел при себе револьвер, он непременно бы воспользовался им, защищая свою жизнь. Однако ночью мы не услышали ни единого выстрела. С утешительной гипотезой пришлось распрощаться, а жаль — другой возможности обезоружить Гленка может уже не представиться.

Второе, что меня беспокоило: почему Андерсон ушел, никого не предупредив? Ответа я не находил, так как плохо знал характер Дэйва. Во время кораблекрушения и потом, когда наша утлая лодка странствовала по волнам, он показал себя истинным потомком викингов, ничуть не уступая в мужестве и стойкости закаленному в плаваниях Гленку.

Могло статься, что вчера на плато Андерсон заметил нечто, ускользнувшее от моего внимания. В силу природной скрытности он не стал обсуждать со мной свою находку, а решил дожидаться, когда мы уснем, и проверить все сам, не боясь, что ему помешают.

Я был уверен, что на этот раз мои рассуждения справедливы, и чувствовал себя виноватым в смерти товарища. Открыв Андерсону тайну острова, я впутал его, даже не испросив на то согласия, в сомнительное предприятие. И хотя ночью он действовал на свой страх и риск, на мне лежала доля вины за то, что с ним случилось.

Меня грызло раскаяние. Какой дьявол понес меня вчера на плато? Не захвати я с собой голубоглазого верзилу, я не смог бы в одиночку раскопать доспехи гигантов, и нынче утром вся компания в целости и сохранности отплыла бы от острова, не ведая о его гибельной тайне.

Тем временем голоса за спиной постепенно затихли. Гленк и Лакруз, по-видимому, разошлись вдоль берега. Ванды тоже не было слышно; должно быть, она хлопотала над приготовлением завтрака или ушла за дождевой водой к ближайшей расселине.

Взбираясь по крутому склону, я строил самые невероятные предположения о том, что ждет меня наверху. Но вот я оказался на краю плато и со страхом, смешанным с любопытством, стал оглядывать его ровную поверхность.

Зрелище, представшее моим глазам, немного разочаровало меня. Тот же мертвый лес, те же трава и кустарник, те же холмы в центре. Серый монолит, неясно вырисовы-

вавшийся в утреннем тумане, казался еще более угрюмым и неподвижным, чем вчера.

Однако что-то изменилось — я никак не мог понять, что именно. Я еще раз внимательно огляделся: центральная пирамида, рядом высокий холм, затем три холма поменьше... Стоп! Так и есть! -

Из трех маленьких холмов осталось лишь два.

VI

Багровое пятно

Добрых полторы минуты я тупо пересчитывал холмы в центре плато, протирал глаза, тряс головой и загибал пальцы. Мне пришлось крепко ущипнуть себя, чтобы убедиться, что я не сплю. Сомнений не оставалось: холм, который мы с Дэйвом разрыли вчера первым, исчез.

Отерев со лба пот, я заметил, как дрожат мои руки. Немало я повидал чудес, но чтобы холмы сами собой перебежали с места на место — это чересчур даже для нашего безумного острова!

Неуверенно я двинулся вперед, краем глаза наблюдая за пирамидой. Трудно сказать, что именно я ожидал увидеть, но если бы серая громадина вдруг разом подпрыгнула и бросилась в мою сторону, я, кажется, ничуть бы не удивился. С каждым шагом мое беспокойство нарастало; нервы напряглись до предела.

Я шел к тому месту, где вчера возвышался исчезнувший холм. Еще издали я заметил, как матово блеснул осколок металла, и ускорил шаги в надежде отыскать что-нибудь, что пролило бы свет на судьбу Андерсона или помогло напасть на след сбежавшего холма.

Ожидания не обманули меня. Там, где прежде возвышался холм, теперь лежал ровный слой спрессованного ила, в котором поблескивали белые осколки раздробленного панциря, как будто чудовищный жернов расплющил холм, с невероятной силой вдавив его в плато. Я припомнил громовые удары, сотрясавшие ночью остров, и понял, чем были вызваны толчки. Никакое землетрясение не способно превратить холм в лепешку в полдюйма толщиной; холм словно угодил под гигантский паровой каток, проехавшийся по нему несколько раз и как следует его утрамбовавший.

Я не успел толком обдумать то, что обнаружил, так как почти сразу же наткнулся на Андерсона, вернее сказать, на то, что от него осталось. Рядом с тем местом, где мы нашли вчера торчащий из-под ила край сверкающего панциря, я увидел растекшееся багровое пятно.

Содрогаясь, я глядел на неровную кровавую кляксу, по форме отдаленно напоминавшую очертания человеческого тела. В нос ударил приторный запах крови. Усилием воли я поборол приступ тошноты и приблизился к кровавому месиву. В глаза мне бросилось что-то желтое. Нагнувшись, я подобрал несколько светлых прядей. Ошибки быть не могло, это был Андерсон — единственный блондин в нашей компании.

Я выпрямился и с ненавистью посмотрел на угрюмую пирамиду. Она ничуть не изменилась со вчерашнего дня, безучастно возвышаясь над плато, будто дремавшая на солнце исполинская черепаха. Однако ее безобидный вид уже не мог обмануть меня; теперь я знал точно: это живое существо, грозное и беспощадное.

Ужас объял мои чувства. Я попятился, не спуская глаз с монолита, готовый броситься бежать при малейшем его движении. Но он безжизненно застыл на месте; его гладкая поверхность зловеще поблескивала в лучах восходящего солнца.

Отойдя на порядочное расстояние, я повернулся и, подгоняемый страхом, почти бегом устремился к берегу. На ходу я громко окликнул несколько раз Лакруза, который, по моим расчетам, должен был находиться поблизости. Никто не ответил, и я постарался взять себя в руки. «Что толку бежать? — успокаивал себя я. — Так или иначе, Дэйву уже ничем не поможешь. Признайся, что ты просто спешишь оказаться подальше от чертовой пирамиды!» Поборов страх и с трудом удерживаясь, чтобы не оглянуться, я двинулся дальше более умеренным шагом.

У лодки не оказалось ни души, не было даже Ванды. Заподозрив неладное, я кинулся к берегу лагуны. Еще издали до моего слуха донеслись крики и шум борьбы, и я припустил во весь дух. То, что я увидел, пробежав по узкому гробню, отделявшему лагуну от океана, заставило позабыть про плато с его жутким хозяином.

Не составляло никакого труда восстановить ход событий, происшедших после того, как Гленк отправил меня с Питом на поиски Андерсона. Покинутая всеми Ванда,

видимо, решила искупаться и, раздевшись, пустилась вплавь через лагуну. Тем временем Гленк, обойдя свою часть пляжа, оказался поблизости. Андерсона он, само собой, не нашел, зато увидел плывущую в его сторону красивую девушку... Остальное было нетрудно предугадать. Спрятавшись в кустарнике, он дождался, когда Ванда выберется на берег, затем бросился на нее, обхватил своими грязными ручищами и попытался повалить на песок. Ванда боролась, как дикая кошка, но где ей было совладать с дюжим шотландцем!

Вне себя от гнева, я кинулся к ним, стараясь, однако, производить как можно меньше шума — необходимо было добежать до Гленка прежде, чем тот меня заметит.

Мне почти удалось это сделать: обуреваемый скотскими желаниями и поглощенный борьбой с Вандой, второй помощник не замечал ничего вокруг. Однако, к несчастью, меня выдала Ванда. При виде меня в ее полных ужаса и отвращения глазах вспыхнула надежда. Гленка, должно быть, насторожила перемена в ее лице, так как он резко повернулся и, оставив свою жертву, двинулся на меня. Ванда повисла на нем сзади, пытаясь помешать ему разделаться со мной, но он стряхнул ее на землю одним движением плеча. Я увидел, что карман его брюк оттопыривается от револьвера, однако Гленк не спешил его вытаскивать, не без основания рассчитывая справиться со мной голыми руками.

Я двинул ему правой в челюсть, вложив в удар всю свою злость... С тем же результатом я мог бы ударить гранитную глыбу. Гленк лишь пошатнулся и продолжал наступать, растопырив волосатые руки. В следующее мгновение он сжал меня в медвежьих объятиях.

Вот и пришел мой последний час, подумал я, ощутив его железную хватку. Ванда неистово молотила кулачками по его широченной спине, но Гленк не обращал на нее никакого внимания. Наклонив голову, он уперся лбом в мой подбородок и надавил со страшной силой. Шею пронзила острая боль, я услышал хруст и понял, что это хрустит мой позвоночник. Крик застрял у меня в горле, я дернулся, однако не смог вырваться. Перед глазами поплыли черные круги, небо потемнело и закружилось.

Позади мне почудилось какое-то дуновение, и я догадался, что уже нахожусь в царстве духов, как вдруг...

Гленк неожиданно выпустил меня, сделал несколько

неуверенных шагов по пляжу и рухнул как подкошенный на песок. Сам я тоже чуть не грохнулся в обморок; мне пришлось опереться на вовремя подоспевшую Ванду.

— Спасибо,— выдал я, хватая ртом воздух, как пойманная рыба.

— Рад помочь, всегда к вашим услугам,— затараторил самодовольно сияющий Лакруз.— Услышал ваши крики и пошел к шлюпке. Там никого. Бегу к лагуне — и что я вижу? Паршивец Сэм вот-вот придушит вас насмерть! Хватаю камень потяжелее и бац его по макушке! — Он пнул шотландца ногой в бок: — Ты еще жив, паскудник? Ничего, сейчас я вышибу из тебя дух!

Пит снова занес руку с зажатым в кулаке увесистым обломком и, вероятно, выполнил бы свою угрозу, если бы мы с Вандой не удержали его. В качестве утешения Лакруз извлек из штанов Гленка револьвер и победоносно помахал им в воздухе.

Гленк пошевелился. Медленно подняв веки, он обвел нас налитыми кровью глазами. Когда он увидел револьвер в руке Пита, то сразу все понял; в его взгляде сверкнула злоба. Револьвер олицетворял власть. Тот, кто им владел, естественным образом держал главенство в группе. Гленку с его физической силой револьвер для этого не требовался, но нам, чтобы сладить с его строптивым нравом, без оружия было не обойтись. Теперь я мог не опасаться шотландца: отныне все его помыслы будут направлены на то, как отобрать револьвер у Пита Лакруза.

Когда я сам смог с грехом пополам подняться на ноги, то сказал:

— Мы должны сегодня же покинуть остров и сделать это как можно скорее.

— Невозможно,— угрюмо проговорил Гленк.— У нас не хватит запаса воды для дальнего путешествия, а это значит, что до острова Пасхи нам не добраться.

— Придется рискнуть. Я знаю, что произошло с Андерсоном,— и тут я подробно рассказал им, что увидел на плато.

Смятение отразилось на лице Ванды, Лакруз недоуменно смотрел на меня, скептически ухмылялся Гленк. Я чувствовал, что они не поверили мне. Чтобы окончательно их убедить, я рассказал об останках космического корабля

и огромных сверкающих скафандрах, обнаруженных Дэйвом и мной под слоем ила.

— Теперь вы понимаете, почему нам нужно немедленно бежать отсюда, — заключил я свое повествование. — Ясно как день, что Андерсона сожрала эта плесень, хотя мне непонятно, каким именно образом. Но я не собираюсь это выяснять, да и вам не советую. Возьмем всю воду и провизию, какую сможем собрать, и сразу же отчаливаем. Это единственный шанс остаться в живых. На острове нас ждет неминуемая гибель.

В глазах Гленка вспыхнули алчные огоньки. Должно быть, ему снова померещилась богатая добыча. Я словно читал его мысли; услышав о доспехах, он вообразил, что они изготовлены из какого-нибудь драгоценного металла, и, видимо, решил выяснить, нельзя ли тут чем-нибудь поживиться.

— Вы только пересказали нам свои собственные страхи, — заявил он. — Прежде чем мы окончательно решим, что предпринять, — необходимо пойти и удостовериться во всем самим.

С этими словами он поднялся на ноги и повернулся, чтобы идти к плато.

— Стой! Ни с места! Буду стрелять! — закудахтал Лакруз, потрясая револьвером.

— Стреляй, дьявол тебя побери! Я не двинусь с этого острова, покуда не увижу своими глазами то, о чем сейчас врал этот недоумок! И если здесь найдется хоть один черепок, за который можно выручить пару монет, я буду последним идиотом, если упущу случай поправить свои делишки. Может, Андерсона и впрямь сожрала какая-нибудь тварь, так ведь это было ночью! При ясном солнце я уж как-нибудь сумею за себя постоять.

И он, не оборачиваясь, широким шагом направился в глубь острова. Пит Лакруз прицелился из револьвера в его спину. Если бы он, не раздумывая, продырявил второго помощника, то, может быть, спас бы себе жизнь.

Но Пит не выстрелил.

VII

Пирамида

— За мной! — скомандовал я и устремился к шлюпке, что осталась на берегу в полумиле от нас. Ванда и Лакруз следовали по пятам.

Пит и я перевернули лежавшую вверх дном шлюпку и поволокли ее к океану. Ванда, как могла, помогала нам. Подтащив ее к самой кромке воды, мы остановились, готовые в любую секунду одним рывком столкнуть утлое суденышко в море. Я повернулся к Ванде:

— Нужно набрать запас пресной воды; грузите все, что найдете вокруг съестного, и дожидайтесь нашего возвращения. Если вдруг заметите что-нибудь подозрительное, тут же отчаливайте от берега.

Пригнувшись к земле, мы бросились обратно к плато. Пит всю дорогу бубнил что-то о револьвере, но мне было не до него.

Бежать было трудно. Царапины от колючих кустов, ссадины от острых камней на ногах отдавались мучительной болью. От усталости и тревожных вчерашнего дня у меня вновь разболелась голова. Удары дубовыми веслами не проходят даром, как, впрочем, и любые другие. Прихрамывая, я ковылял по каменистому берегу и крыл последними словами второго помощника. Какого черта я должен, сбивая в кровь ноги, спешить на помощь этому строптивому болвану, спрашивал я себя! Однако, как и Пит, я хорошо знал ответ: без Гленка, без его решительности и опыта у нас нет и призрака надежды преодолеть пятьсот миль по соленой глади океана. чтобы высадиться на острове Пасхи. Гленк законченный негодяй. это верно, однако в отваге ему не откажешь.

У Гленка было преимущество в пять — десять минут, которые я и Лакруз потратили, переволакивая шлюпку, однако он двигался к плато со стороны лагуны. к тому же через совершенно незнакомую местность. По моим расчетам, он должен был выбраться на вершину почти одновременно с нами.

Так оно и вышло. Когда мы поднялись на край плато, справа возникла коренастая фигура шотландца; он был на полпути к ближайшему из двух бугорков. За ними возвышался большой продолговатый холм, еще дальше маячил центральный монолит. Все как будто оставалось по-старому, и все же я шел вперед, полный дурных предчувствий.

Стараясь не терять Гленка из виду, я краем глаза продолжал следить за пирамидой. Вид серого чудовища всколыхнул во мне прежний страх и вместе с ним — прежние вопросы. Из кучи гипотез и предложений в моем мозгу мало-помалу начинала вырисовываться стройная картина; странно, но я чувствовал, что теперь как никогда близок к разгадке тайны острова.

— Держись подальше от Гленка, — посоветовал я Лакрузу. — Он не успокоится, пока не заполучит обратно свой револьвер. Но помни: главная опасность — пирамида.

Гленк дошагал до места, где из холма торчал сверкающий на солнце край металлического панциря. Взрыхленная почва отмечала участок вчерашних раскопок. С радостным возгласом наклонившись, Гленк уперся покрепче ногами и принялся тянуть на себя край металлической пластины, очевидно, надеясь выволочь на свет Божий весь панцирь. Однако для такого подвига не хватило всей его недюжинной физической силы. По-видимому, он твердо считал, что вещество панциря является сплавом, содержащим серебро или платину. Некоторое время он яростно дергал одну из пластин в надежде оторвать ее, однако она и не думала поддаваться. Наконец, оставив бесплодные попытки отломить часть панциря, он выпрямился и зло посмотрел на неподатливый металл. Пот градом катился по его обросшему десятидневной щетиной лицу.

— Теперь вы убедились в бессмысленности вашей затеи? — проговорил я, подходя к нему. — Будьте благоразумны, оставьте панцирь в покое и возвращайтесь к шлюпке.

— Не раньше, чем я раздобуду пару обломков этой штуковины, — Гленк с раздражением отер пот рукой.

— Ну если так, то я хотел бы кое-что вам показать. Может быть, тогда вы станете немного сговорчивее, — я указал на расплюснутый холм. — Идемте, вы сами увидите, что стало с несчастным Андерсоном. Бедняга тоже охо-

тился за сокровищами. Если вас не стошнит от вида той каши, что от него осталась, можете бродить тут сколько душе угодно. Уверяю вас, это займет совсем немного времени.

С недовольным ворчанием Гленк последовал за мной. Я подвел его к красному, уже слегка побуревшему пятну крови, перемешанной с илом. Зрелище действительно было не из приятных; на второго помощника оно подействовало подобно удару электрическим током. Его грубое волевое лицо утратило привычное самонадеянное выражение; по тому, как он судорожно вздрогнул и впился глазами в пирамиду, я понял, что Гленк испугался — быть может, впервые в своей жизни. Однако это длилось лишь несколько мгновений. Самолюбивый характер шотландца не мог позволить ему спасовать перед безмозглой серой глыбой.

Повернувшись спиной к пирамиде, он вразвалку двинулся обратно к торчавшему из холма панцирю.

— Катись к дьяволу, — почти беззлобно бросил он через плечо. — Плевать я хотел на тебя и твои детские сказки. Холм рухнул во время землетрясения, а Андерсону просто не повезло, что он оказался рядом. Проваливай, пока я не угостил тебя кулаками.

— Что за упрямый осел! — я не мог сдержаться. — Твоя жадность только погубит нас! За эти жалкие обломки ты не выручишь и ломаного гроша, разве что всучишь их какому-нибудь археологическому музею.

— Говорят, музеи платят немалые деньги, — невозмутимо возразил Гленк.

— Оставаться дальше на острове равносильно самоубийству! — горячился я. — И мы не можем сидеть здесь до Судного дня в ожидании, когда ваша честь соизволит сойти на берег. Последний раз спрашиваю: ты идешь с нами или нет?

Гленк даже не удостоил меня ответом; повернулся спиной и принялся топтаться вокруг панциря, прикидывая, как бы половчее ухватиться за его край. Я понял, что вразумить его не удастся. Сейчас для него ничего не существовало, кроме куска сверкающего металла и звона монет, которые он надеялся за него выручить.

Вне себя от ярости, я еще кричал, что с меня довольно, что шотландец давно сидит у меня в печенках и я немедленно возвращаюсь к шлюпке...

Выстрел щелкнул, как удар хлыста. Подскочив на месте, я оглянулся. Гленк с неожиданным для его массивного сложения проворством резко повернулся всем телом, готовый грудью встретить любую опасность.

За препирательствами с Гленком я начисто позабыл о Лакрузе. Теперь мне уже никогда не узнать, зачем Питу понадобилось всаживать пулю в бок пирамиды. То ли ему померещилось какое-то движение, то ли у бедного кока попросту сдали нервы и на спусковой крючок он нажал случайно, однако он попал в самую середину лоснящейся серой стены.

Все, что произошло вслед за этим, я помню не вполне отчетливо. В голове остались лишь отдельные эпизоды, как будто никак не связанные между собой. Мои представления о времени совершенно исказились, события развивались с молниеносной быстротой, и, наверное, все длилось не дольше двух-трех секунд, хотя мне показалось, что прошла вечность.

Словно зачарованные, мы стояли и следили за тем, как серая поверхность монолита заволновалась, пошла крупной рябью, точно океан в непогоду, и вдруг сползла — нет, не то слово! — с ужасающим грохотом обрушилась вниз, подняв в воздух облако пыли. Я отчетливо помню туповатое удивление на лице Гленка и ужас в глазах Лакруза.

Поразительная скорость, с какой огромная серая масса оказалась на земле, и по сей день не дает мне покоя. Временами мне кажется, что разгадка кроется в способности серой корки воспринимать интенсивность внешнего воздействия. Быть может, это очень запутанно, но постараюсь объяснить, что я хотел сказать. Когда Гленк ударил по стене ногой, она лишь лениво подалась внутрь, образовав небольшое углубление, и много позже выпятилась выступом в форме носка ботинка, пуля же Лакруза родила настоящую бурю.

Через мгновение пыль рассеялась, и перед нашими глазами предстало фантастическое зрелище. Там, где секунду назад возвышалась пирамида, теперь стоял огромный черный стов — замысловатое сооружение из блестящих металлических стержней, стянутых множеством тончайших упругих нитей.

Его строение кажется невообразимо сложным. Снаружи находился правильный параллелепипед из двенадцати толстых стержней: четыре вертикальных столба, на-

поминающие поставленные стоймя гигантские сорокафутовые карандаши, поддерживали четыре перекладки размером сорок на шестьдесят футов. В основании покоились еще четыре таких же стержня.

Внутри параллелепипеда в беспорядке вытянулся настоящий лабиринт из множества тонких стержней и паутины связующих нитей. Из их переплетения смутно проступали вложенные одна в другую геометрические фигуры. Вначале я различил куб, затем сферу; чуть глубже располагались тетраэдр и вписанный в него конус, после чего нити сплетались уже в совершенно невообразимые фигуры, которым трудно подобрать определение. В центре сооружения заключался массивный черный клубок, не позволявший увидеть, что скрывалось внутри фигур.

Устрашающие размеры, блеск металлических стержней производили отталкивающее впечатление и одновременно притягивали взгляд странной, неземной красотой. Вдоль вертикальных опор непрерывно змеилось холодное голубоватое сияние: огоньки возникали вначале в углах большого параллелепипеда, обегали все элементы конструкции, постепенно меняя цвет на красный, и исчезали в мрачных глубинах, чтобы затем вынырнуть оттуда, добравшись до внешних углов и, вспыхнув с новой силой, повторить весь путь к сердцу пирамиды. Это походило на циркуляцию жизненных соков в организме или энергии в нервных волокнах — неустанное, однообразное и безостановочное движение. Батарей или электромашин не было видно; казалось, движение порождали сами стержни.

Гирлянды огоньков пробегали по своему неизменному маршруту, исчезали в дебрях металла, возвращались и вновь обегали полный круг. Вечное движение... Как давно оно началось? Сотни, тысячи лет назад? С того самого дня, когда с неба спустились титаны в сверкающих латах и воздвигли Пирамиду? Их корабль потерпел крушение, титаны погибли, но один из них успел выполнить возложенную на них миссию. И Пирамида существует, ее слагаемые живут, движутся и не перестанут двигаться до скончания веков.

Чем же было оно, это жуткое видение, словно сошедшее с картин Босха? Диковинным животным с серой плотью и черным металлическим скелетом? Симбиозом двух организмов, один из которых — защитник, страж, наседка, другой — зародыш, спора, плазменное яйцо? Серое одеяло заботливо укрывает и оберегает эмбрион, пока тот

пребывает в спячке и терпеливо ждет своего часа.

Протекут тысячелетия, сгинет род человеческий, космический холод окутает планету, и тогда придет время Гигантской Плазмы. Серая скорлупа спадет, распустится чудовищный черный цветок, дав начало новой, пришедшей со звезд жизни.

Но что может возродиться из вечной плазмы? Исполнены, подобные тем, что носили сверкающие панцири? Или умирающую планету заполонят иные, невиданные дотоле формы жизни?

Сумбур мыслей и чувств вихрем пронесся в моем мозгу, когда серая стена рухнула на землю, обнажив переливающуюся огнями Пирамиду. В следующий миг остров заколыхался, задрожал, и я с ужасом осознал, что причиной толчков, равно как и ночного землетрясения, были сгустки серой массы — тысячетонный поток космической плазмы, сметающей все на своем пути.

VIII

Спасение

Земля продолжала дрожать и стонать под ногами, а мы все так же стояли на месте, зачарованно глядя на переливавшуюся огнями Пирамиду. Несмотря на опасность, наши тела отказались повиноваться нам. Тяжкие удары сотрясали остров до самого основания; казалось, он вот-вот рассыплется, точно крепость под натиском неприятельского тарана. Когда серая оболочка стекла на землю, обнажив черный мерцающий скелет, на поверхности плато образовалось огромное пульсирующее озеро. Мгновение оно помедлило, словно решая, что предпринять дальше, потом собралось в огромный толстый цилиндр, напоминающий слоновью ногу, и вдруг всей тысячетонной массой двинулось на нас, взметая в воздух тучи желтой пыли.

Мои ноги словно приросли к плато; я был не в силах оторвать глаз от серого чудовища, которое приближалось огромными скачками. Из середины цилиндра протянулись длинные уродливые отростки, похожие на клешни исполинского краба; они со свистом рассекли воздух и, пролетев несколько десятков ярдов, упали на землю, изогнув-

шись, словно когти хищного зверя. Подтягиваясь на отростках, остальная туша приподнялась над поверхностью плато и метнулась вперед, с оглушительным скрежетом испарывая каменистую почву.

Выброшенные вперед отростки упали у самых ног Лакруза. Пит пошатнулся и, испустив вопль ужаса, бросился бежать. Но было поздно: чудовищная грибница обвила щупальцами ноги кока, рухнувшего недалеко от того места, где стояли, не шевелясь, Гленк и я. Серая масса вздыбилась и рванулась вперед, оглашая воздух ревом, точно стадо бизонов. В мгновение ока она подхватила Лакруза и как резиновый мячик подбросила в воздух. Тело бедняги, описав дугу, рухнуло на камни и застыло, неловко подогнув длинные ноги. Смерть наступила мгновенно: из раскрошенного черепа Пита выплеснулся фонтан ярко-алой крови.

Револьвер от удара вылетел из его руки и упал немного в стороне от нас.

— К шлюпке! Живо! — крикнул я Гленку и, повернувшись, припустил во все лопатки вдоль пологого склона плато. Никогда в жизни — ни до, ни после — я не бегал так быстро. Я мчался, не разбирая дороги, прямо по острым камням и колючему кустарнику, спиной чувствуя приближение гигантской серой амебы. Когда же я, ни на секунду не сбавляя скорости, набрался смелости и повернул голову, чтобы посмотреть назад, то испытал еще одно потрясение.

Сэм Гленк, дико взглянув мне вслед, кинулся за револьвером к телу Лакруза. Он все еще верил, что оружие может остановить приближение чудовищной Плазмы. Пальцы шотландца сомкнулись на рукоятке револьвера.

Серый цилиндр выпустил руки-щупальца, и вся гигантская масса переместилась вперед еще на двадцать ярдов, подмяв по пути труп Лакруза. Прозвучало несколько поспешных выстрелов, и серые клешни сомкнулись позади второго помощника, отрезав ему путь к отступлению. Гленк бросился вперед — на его побледневшем лице читалась безумная надежда перескочить через колышущийся барьер. В следующее мгновение серая волна накрыла его с головой.

Каким-то чудом он снова вынырнул на поверхность, но Плазма, не разжимая страшных объятий, подмяла его и поволокла по камням. Кровь хлынула у него изо рта, ноздрей, и его предсмертный вопль на секунду перекрыл скре-

жет исполинского цилиндра. Серая туша расплющила и размазала по плато уже мертвого Гленка и двинулась дальше, оставив позади еще одно багровое пятно.

Я видел, как чудовище ненадолго замерло, шевеля отростками, как будто приноживалось к чему-то, затем покатилося по моему следу. Тысячетонная масса утюжила плато, и земля вспухала волнами вдоль его пути.

Кубарем слетев по склону, я что было духу помчался к пляжу. Сердце в груди бухало, как паровой молот, легкие захлебывались от недостатка воздуха. Позади раздавался треск ломающихся ветвей и шум падающих стволов мертвого леса, сокрушенных натиском огромного слизня. Я чувствовал, что он вот-вот настигнет меня, и больше не оглядывался, а лишь мчался все быстрее и быстрее.

Пулей вылетев на пляж я увидел Ванду, которая стояла в шлюпке и призывно махала мне рукой. Грохот позади приближался. Вопреки моим опасениям, девушка не упала без чувств при виде серого чудища, а лишь вздрогнула и принялась веслом отталкивать шлюпку от берега, пока я, увязая в песке, из последних сил бежал к воде. Смертоносные щупальца просвистели над моей головой, но я уже прыгнул в воду и как сумасшедший заработал руками и ногами, пытаясь доплыть до шлюпки.

Наконец я перевалился через борт и, судорожно хватая ртом воздух, упал на дно, пребольно ударившись при этом головой о переборку. В следующее мгновение над океаном прокатился громовой удар. Огромная волна подхватила нашу лодку и понесла ее прочь от берега. С трудом сохраняя равновесие, я приподнялся и посмотрел назад.

Гигантская Плазма застыла на месте, словно скала, наполовину погруженная в воду. Позади нее протянулась широкая полоса утрамбованного ила; по обеим сторонам высились отвалы вспучившейся почвы в перемешку с обломками скал и стволами деревьев.

Серая глыба зашевелилась, вода вокруг нее закипела и забурлила водоворотами. Плазма отступила назад и... двинулась обратно, вначале медленно, затем все быстрее. Она легко взобралась по склону и вскоре скрылась из виду. Лишь знакомые тяжкие удары эхом отдавались в пустынном утреннем небе.

Это было последнее, что осталось в моей памяти. Должно быть, я здорово стукнулся о дно лодки, так как небо вдруг потемнело и закружилось перед глазами. К

горлу подступила тошнота; я обхватил голову руками, едва сдерживаясь, чтобы не застонать от боли, и потерял сознание.

Очнулся я от ровного гула, раздававшегося, казалось, со всех сторон сразу. Открыв глаза, я увидел улыбающуюся Ванду, которая сидела на невесть откуда взявшемся стуле.

— Где мы, черт побери? — воскликнул я, слишком слабый, чтобы удивиться по-настоящему.

— Тише, не надо вставать, — произнесла Ванда своим приятным низким голосом. — У вас второе сотрясение мозга, и вам необходим полный покой. Вы провалялись без памяти почти десять часов. Нет-нет, молчите! — торопливо сказала она, видя, что я опять пытаюсь заговорить. — Я сейчас все расскажу. Все равно вы говорите так тихо, что ничего не разобрать.

— Нас подобрал гидросамолет — «амфибия», так его, кажется, называют. Его наняли владельцы «Ребы» после недели безуспешных попыток установить связь с пароходом. По-видимому, на «Ребе» находился какой-то очень ценный груз. Самолет не смог обнаружить следов судна, и летчик уже собирался прекратить поиски, как вдруг заметил неизвестный остров. Он решил подлететь поближе, чтобы нанести его на карту, и тут увидел нашу шлюпку. Нас подобрали сразу после полудня. К ночи мы уже будем на материке.

Приподнявшись на локтях, я выглянул в иллюминатор. Над океаном сгустились сумерки. Мне показалось, что далеко на западе, у самого горизонта, где завис над водой багровый диск солнца, я различаю черную точку — крошечный островок, затерявшийся в безбрежной водной пустыне. Там, среди прибрежных скал, стоит угрюмый каменный истукан — немой свидетель разыгравшейся кровавой драмы. Там погребены под многовековым слоем ила останки космического корабля и сверкающие скафандры пришельцев. Под охраной чудовищного гриба-убийцы спит Черная Пирамида. Дэйв Андерсон, Пит Лакруз и Сэм Гленк своими жизнями заплатили за ее пробуждение.

Однажды я вернусь туда. Для чего? Не знаю... Как бы я желал перенестись сейчас через миллионы лет, в далекое будущее, когда Земля опустеет, завершив круг своего существования. Мне хочется своими глазами увидеть тех, кто

выйдет из космического семени, что сторожит исполинский серый слизень. Удастся ли когда-нибудь человеческому разуму проникнуть в тайну Гигантской Плазмы?

Ответ знали только звезды, одна за другой появлявшиеся на быстро темневшем небе.

Хизел Хилд

Крылатая смерть

«Winged Death» by Hazel Heald

© 1970 by August Derleth

Panther Books Ltd , Great Britain

© Перевод с английского Г. Лемке, 1993

1

«Оранж-отель» находится на Хай-стрит, рядом с железнодорожным вокзалом в Блумфонтейне, что в Южной Африке. Воскресным днем 24 января 1932 года в номере на третьем этаже в мрачном молчании сидели, вздрагивая от каждого неосторожного шороха, четверо мужчин. Первый, Джордж К. Титтеридж, приходился владельцем гостиницы; возле его кресла замер констебль Ян де Витт из Центрального управления; третьим среди присутствующих был Йоханнес Богарт, участковый инспектор; и четвертым, вероятно, самым невозмутимым из всех, был доктор Корнелиус ван Кулен, патологоанатом из полицейского управления.

На полу, темным пятном в изнуряющем зное дня, лежало тело мертвого человека — однако не оно вызывало дрожь в сердцах четырех мужчин. Их взгляды блуждали по комнате, минуя стол, на котором в беспорядке рассыпались самые разнообразные предметы; скользили по низкому потолку, вдоль которого протянулась неровная полоса уродливых чернильных букв... Время от времени доктор ван Кулен украдкой поглядывал на потрепанный переплет книги, которую держал в левой руке. Ужас, сковавший собравшихся, казалось, равномерно распределился между книгой, надписью на потолке и странного вида дохлой мухой, плавающей в пузырьке с нашатырным спиртом. Чуть поодаль на столе стояла открытая чернильница, лежали ручка и блокнот, медицинский саквояж, склянка с перекисью водорода и стакан, примерно на четверть заполненный густым раствором марганцовокислого калия.

Потертый кожаный переплет заключал дневниковые записи мертвого человека, и с первой же страницы становилось ясным, что имя «Фредерик Н. Мейсон, рудные шахты, Торонто, Канада», записанное в регистрационном grosseбухе, — поддельное. Были и другие загадки — жуткие по своей природе, — которые раскрывал дневник;

и оставались недоговоренности — немыслимые, невероятные, о которых бывший владелец книги упоминал вскользь зловещими намеками. Суеверия, которым подвержены негры-аборигены, не обходят стороной и белых, чьей родиной стали выжженные саванны и угрюмые джунгли Черного континента. Словно от холода, четверо мужчин зябко поеживались, потирали ладони — несмотря на иссушающий январский зной.

Переплетенный в кожу дневник был невелик; записи вносились аккуратным почерком, который тем не менее становился неряшливее к концу. Первые страницы пестрят короткими заметками, нерегулярными поначалу, но затем — ежедневными. Назвать их дневником, пожалуй, будет не совсем правильно, так как они охватывают весьма специфический круг деятельности писавшего их. Имя погибшего доктор ван Кулен узнал сразу, как только раскрыл книгу. Это был известный в медицинских кругах ученый, посвятивший свою жизнь изучению африканских болезней. В следующее мгновение добрейший доктор с ужасом обнаружил, что имя его коллеги связано с жестоким преступлением, так и не раскрытым, совершенным около четырех месяцев назад. Чем дальше он углублялся в дневниковые записи, тем сильнее становились его страх, недоумение и отвращение.

Ниже, с незначительными сокращениями, следует текст, который доктор прочел вслух в сумрачной комнате «Оранж-отеля», пока трое мужчин, тяжело дыша, слушали, беспокойно поворачиваясь в своих креслах, бросая настороженные взгляды на стол, на потолок, на труп на полу и другой — в склянке с нашатырным спиртом.

ЖУРНАЛ ТОМАСА СЛОУНВАЙТА,

доктора медицины,

посвященный подробностям гибели Генри Саржента Мура, доктора философии Бруклинского колледжа, Нью-Йорк; профессора сравнительной зоологии насекомых Колумбийского университета, Нью-Йорк. Прочсть в случае моей смерти, дабы пролить свет на обстоятельства мести, которая свершится моей рукой и согласно моей воле.

5 января 1929 года.

Я полон решимости убить доктора Генри Мура, и недавнее происшествие показало мне, как я смогу это сделать. С этой минуты я преследую единственную цель и, чтобы не отвлекаться, начинаю вести дневник.

Едва ли нужно повторять обстоятельства, подтолкнувшие меня к такому решению. Читателей публике они более чем хорошо известны. Я родился в городке Трентон, штат Нью-Джерси, 12 апреля 1885 года, в семье доктора Пауля Слоунвайта, бывшего подданного республики Трансвааль, ныне являющейся собственностью Британской короны. По семейной традиции я, как и отец (который скончался в 1916 году во время моей срочной службы во Франции в составе южно-африканской дивизии), избрал карьеру врача и специализировался по африканским лихорадкам. После окончания Колумбийского университета участвовал в нескольких экспедициях, исколесив Черный континент от форта Дурбан в провинции Наталь до экватора.

В Момбасе я выработал собственную теорию, объясняющую распространение и клиническое течение перемежающейся лихорадки, совсем в незначительной степени используя бумаги покойного сэра Нормана Слоуна, которые я обнаружил в одной из комнат дома, в котором остановился. Когда я опубликовал свои результаты, я сразу же вознесся на вершину славы. Департамент здравоохранения Южной Африки предложил мне министерский пост и даже рыцарское звание в случае, если я приму британское подданство, к чему я предпринял необходимые шаги.

Затем произошел эпизод, из-за которого я намерен убить Генри Мура. Этот человек, мой однокурсник и многолетний товарищ по экспедициям в Америке и в Африке, хладнокровно выбрал момент, чтобы поставить под сомнение мои права на открытую теорию. Из его заявления следовало, что сэр Норман Слоун предвосхитил меня во всех отношениях, я же — только использовал его записи, утерянные после смерти. Для доказательства этого абсурдного обвинения Генри Мур извлек на свет Божий письма сэра Нормана, из которых явствовало, что старик и в самом деле не отставал от меня. Без сомнения, он вскоре собирался опубликовать свои результаты, если бы ему не помешала преждевременная кончина. Это я должен признать с сожалением. Но я не могу найти оправдания завистли-

вому подозрению, будто свою теорию я выкрал из бумаг покойного сэра Нормана. Британское правительство, достаточно здравомыслящее, игнорировало эти домыслы, однако задержало обещанное назначение и рыцарское звание на основании того, что моя теория, хотя и весьма свежая, фактически не несет в себе ничего нового.

Вскоре стало ясно, что моя карьера в Африке закончена — несмотря на надежды, которые я возлагал на эту страну, вплоть до отказа от американского гражданства. Официальные представители в Момбасе были настроены ко мне более чем прохладно, особенно те из них, кто был знаком с сэром Норманом. Именно тогда я и принял решение свести счеты с Муром, хотя еще не знал, каким способом. Зависть к моим успехам побудила его использовать забытую переписку с сэром Норманом, чтобы уничтожить меня. Убийственный поступок со стороны друга, которому я сам привил интерес к Африке, которого наставлял и вдохновлял до тех пор, пока он не достиг своего нынешнего положения в области африканской энтомологии. Даже сейчас я не стану отрицать, что его достижения значительны. Я помог ему стать тем, кто он есть, и в ответ он раздал меня. Что ж... когда-нибудь я уничтожу его.

Когда я увидел, как стремительно падает мой авторитет в Момбасе, я перебрался на нынешнее место — в Мгангу, расположенную в каких-нибудь пятидесяти милях от границы с Угандой. Глухая деревушка, торгующая хлопком и слоновой костью, где, кроме меня, всего восемь белых поселенцев. Ужасающая дыра почти у самого экватора: всевозможных лихорадок невероятное изобилие. Повсюду ядовитые насекомые и змеи, вдобавок — негры с болезнями, о которых никто и слыхом не слыхивал в стенах медицинских колледжей. Впрочем, работа у меня необременительная, и я не перестаю обдумывать план мести Генри Муре. Мне доставляет необъяснимое удовольствие видеть его «Двукрылых Центральной и Южной Африки» на видном месте в моем книжном шкафу. Очень может быть, что в Америке — в Колумбии, Гарварде и Висконсине — это пособие используют как настольное руководство, однако едва ли оно охватывает и половину того, что известно мне.

На прошлой неделе я понял, как мне убить Мура. Группа охотников из Уганды принесла в мой лазарет нигера со странной болезнью, которую я до сих пор не могу

распознать. Больной находится в сомнамбулическом состоянии, температура тела сильно понижена, он странно двигается. Товарищи сторонятся его, утверждая, что он околдован шаманом вуду; однако Гобо, переводчик, сказал, что ниггера укусило какое-то насекомое. Что это за тварь, я и вообразить не могу — на руке лишь крохотная точка от укуса. Ярко-красная в центре, с багровым кольцом вокруг. Выглядит жутковато: неудивительно, что охотники приписывают болезнь черной магии. Кажется, похожие случаи бывали и раньше; все в один голос утверждают, что не знают противоядия.

Старик Нкуру, один из старожил деревни, говорит, что это укус «дьявольской мухи», от которого жертва неизбежно чахнет и погибает, после чего насекомое обретает душу и мысли умершего человека, завладевает ими и продолжает жить, словно в новом перевоплощении. Загадочное предание; признаться, мне неизвестно насекомое, которое породило его. Больному ниггеру — его зовут Мевана — я сделал укол хинина и взял для анализа образцы крови, хотя это лишь малое подспорье. Присутствие постороннего микроорганизма бесспорно, но я даже отдаленно не могу идентифицировать его. Больше всего он походит на бактерий, которых находят в крови животных, укушенных мухой цеце. Однако цеце не нападает на людей, к тому же ареалы ее распространения находятся дальше к югу.

И все же теперь я знаю, какой смертью умрет Мур. Если в джунглях обитают насекомые, против яда которых бессильны знахари туземцев, я отправлю в Америку целую посылку дьявольских мух, позаботившись, чтобы Мур получил их через надежные руки с уверениями, что «мушки совершенно безвредные». Он позабудет всякие предосторожности, когда увидит незнакомый науке вид, а там... Матушка-природа скажет свое слово! Думаю, будет нетрудно найти насекомых, которых так боятся черномазые. Для начала посмотрим, как выкарабкается Мевана, — и сразу же на поиски моих посланцев смерти!

7 января 1929 года.

Меване несколько не лучше, хотя я перепробовал все антитоксины, которые имел под рукой. У бедняги приступы лихорадки, и в бреду он в страхе бормочет о том, что после смерти его душа угнездится в крошечном теле насекомого. Приступ проходит, и он снова впадает в ступор.

Зрачки не реагируют на свет, но сердце еще бьется, так что не все потеряно. Я должен попытаться спасти его, потому что только он может указать мне место, где его укусила муха.

Сажусь за письмо доктору Линкольну, моему предшественнику в этой тмутаракани. Аллен, управляющий здешней факторией, говорит, что ему известно практически все о местных болезнях. Если кто-то из белых сталкивался с дьявольской мухой, едва ли это прошло мимо внимания доктора. Сейчас он в Найроби, и негр-письмоносец обещал в неделю доставить мне ответ, если я оплачу его траты на поезд.

10 января 1929 года.

Состояние пациента без изменений, но я нашел, что искал! В ожидании письма от доктора Линкольна я перевернул кипы медицинских журналов и газет полувековой давности, которыми забиты шкафы и чулан в доме. В одной заметке сообщалось об эпидемии, разразившейся в этих местах около тридцати лет назад. Она унесла несколько тысяч жизней на юге Уганды, и причиной ее послужил необычайный рост популяции тропической мухи, названной *glossina palpalis* — что-то вроде кузины известной *glossina morsitans*, или цеце. Колонии насекомых гнездятся в кустах вдоль берегов рек и озер, их пищу составляет кровь крокодилов, газелей и крупных млекопитающих. Когда под кожу какого-то из этих животных попадает микроскопическая трипаносома — бактерия, вызывающая сонную болезнь, внешне не наблюдается никаких изменений. Зараженный крокодил или газель спокойно переносят инкубационный период, который длится тридцать один день, после чего становятся вялыми и апатичными и к исходу семьдесят пятого дня с начала болезни неизбежно погибают.

Вне всякого сомнения, это те «дьявольские мухи», о которых толкуют ниггеры. Теперь я знаю, где мне искать их. Будем надеяться, что Мевана выживет. Дней через пять придет ответ от Линкольна — старик обязательно заинтересуется новой болезнью. Труднее будет передать через него мух — так, чтобы Мур ничего не заподозрил. Сего дотошностью может оказаться, что он уже прекрасно осведомлен о них, пусть даже их фотографий или описания не найти ни в одном энтомологическом справочнике.

15 января 1929 года.

Только что получил письмо от Линкольна, который подтвердил все газетные сообщения о *glossina palpalis*. Он разработал противоядие, которое успешно применял в случаях, когда болезнь не зашла слишком далеко. Внутримышечные инъекции трипарсамида. Мевана болен почти два месяца, так что я не уверен в действии лекарства. Впрочем, Линкольн пишет об отдельных случаях, тянувшихся до восемнадцати месяцев — может быть, у меня еще есть время. Вместе с письмоносцем Линкольн прислал некоторые из препаратов, так что мне оставалось только сделать укол Меване. Опять ступор. Приходила его жена из деревни, но он не узнает даже ее. Если он выживет, обязательно покажет мне, где водится эта проклятая муха. По рассказам, он непревзойденный охотник на крокодилов, любит читать. Завтра сделаю ему еще укол.

16 января 1929 года.

Сегодня Мевана выглядит значительно лучше, однако упала частота пульса. Продолжаю инъекции.

17 января 1929 года.

Первые признаки выздоровления. Мевана открыл глаза и вел себя вполне осмысленно, хотя и был заторможен после инъекции. Надеюсь, Мур ничего не знает о трипарсамиде. Очень может быть; насколько я помню, он никогда не испытывал особой симпатии к фармакологии. Похоже, у Меваны отнялся язык, но это пустяки — главное, чтобы он встал на ноги. Сам едва держусь: все мысли — о сне, однако Боже сохрани от такого сна, как у этого черномазого!

25 января 1929 года.

Мевана почти здоров! На следующей неделе мы можем отправляться в джунгли. Придя в себя, ниггер здорово перепугался — вообразил, что его душа уже переселилась в муху, — однако совершенно успокоился, когда я сказал, что опасность позади. Теперь за ним ухаживает его жена, Угове, и я могу хоть ненадолго лечь отдохнуть. Как только

только восстановятся силы — сразу же в путь, на поиски посланцев смерти!

3 февраля 1929 года.

Мевана чувствует себя превосходно. Разговаривал с ним о предстоящем путешествии, хотя бедняга боится даже приближаться к месту, где его укусила муха. Остается играть на его чувстве благодарности, к тому же он верит, что в моих силах не только излечить болезнь, но и уничтожить ее источник. Выдержка этого охотника сделала бы честь белому человеку — вне всякого сомнения, он пойдет вместе со мной. Управляющему факторией скажу, что путешествие необходимо для медицинских исследований.

12 марта 1929 года.

Наконец-то в Уганде! Кроме Меваны, со мной еще пятеро негров, все из племени галлас. Местных черномазых не нанять ни за какие деньги после несчастного случая с Меваной. Джунгли кишат ядовитыми тварями, всюду поднимаются болезнетворные испарения. Озера затянуты ряской, тиной; берега зыбкие, словно болото. В одном месте наш маленький отряд наткнулся на гигантские руины, которые даже галласы обогнули далеко стороной. Все в один голос твердят, будто эти каменные обломки служат входом в убежище «потусторонних охотников» — не знаю, что это такое, — которые поклоняются Тулу и Цаттогве. До сих пор близость руин приносила лишь зло: каким-то непонятным образом они связаны с «дьявольской мухой».

15 марта 1929 года.

Утром достигли берега озера Млоло, где был укушен Мевана. Темная вода, затянутая липкой ряской; необычайное множество крокодилов. Из тонкой сетки Мевана сплел ловушку для насекомых, поместив в центр кусок крокодильего мяса. Через маленькое отверстие добыча влетает вовнутрь и начинает биться в поисках выхода. «Дьявольская муха» столь же глупа, сколь и смертоносна, и жадно устремляется на поиски пахнущей кровью пищи. Будем надеяться, что охота окажется удачной. Я уже решил, что сделаю с отловленными экземплярами: постараюсь видоизменить их внешний облик так, чтобы Мур не распознал их. Возможно, удастся скрестить их с какими-нибудь другими видами и получить гибрид, сохраняющий преж-

нюю смертоносную способность. Посмотрим. Время пока терпит, не стоит торопить события. Когда все будет готово, Мевана добудет зараженного мяса, чтобы покормить моих посланцев смерти, а затем — на ближайшую почту. Едва ли кто из служащих сунется в посылку: кого заботят вопросы гигиены, если вся страна — сплошной рассадник болезней.

16 марта 1929 года.

Необычайное везение. Две ловушки заполнены. Пять крупных особей с крылышками, поблескивающими, словно алмазы. Мевана вытряхнул их в железную банку с зарешеченной крышкой и готовится в обратный путь. Доставить пойманные экземпляры в Мгонгу не составит труда; тяжелее с запасом крокодильего мяса, которое необходимо для их кормления, однако захватываем впрок и его. Практически все оно или большая его часть заражено укусами мух.

20 апреля 1929 года.

Снова в Мгонге, занят в лаборатории. Отправил курьера к доктору Йосту в Преторию за мушками цеце, которые необходимы для экспериментов по скрещиванию. Если гибрид получится жизнеспособным, в моем распоряжении будет смертоносное оружие, которое не различит даже опытный глаз энтомолога. В случае неудачи придется попытаться счастья с мушками цеце из внутренних областей Экваториальной Африки: я уже послал просьбу к доктору Вандервельду в Ньянгве поймать для меня несколько экземпляров, обитающих по берегам реки Конго. Необходимость каждый раз отправлять Мевану за пополнением запаса крокодильего мяса отпала. Я выделил и теперь могу воспроизводить в лабораторных условиях *trypanosoma gambiense* — культуру бактерий, которыми заражено мясо и которые делают укус мушек ядовитым. Придет время, и я досыта накормлю моих маленьких посланцев смерти. Счастливого им пути!

18 июня 1929 года.

Сегодня получил посылку с мушками цеце от Йоста. Клетки для скрещивания давно подготовлены, остается только рассортировать особи. Для ускорения жизненного цикла я намерен воспользоваться ультрафиолетовым излучателем. По счастью, он имеется среди лабораторного

оборудования. Естественно, я никого не посвящаю в свои исследования. Невежество остальных членов белой колонии облегчает мою задачу, и я делаю вид, что занят обычными медицинскими опытами.

28 июня 1929 года.

Скрещивание прошло успешно! В прошлую среду каждая из самок отложила кладку яиц, и теперь на дне клеток копошатся превосходные личинки. Если взрослые экземпляры будут выглядеть столь же необычно, как и они, моя цель будет достигнута. Пронумеровываю чистые клетки для новорожденных.

7 июля 1929 года.

Гибридное потомство достигло взрослой ступени. Внешний вид вводит в заблуждение даже меня, хотя поблескивающие крылышки все еще выдают *palpalis*. На грудном панцире слабые полосы, унаследованные от цеце. Незначительные вариации от особи к особи. Кормлю их зараженным крокодильим мясом; как только ядовитые железы мушек начнут вырабатывать яд, попробую его действие на ком-нибудь из черномазых. Вокруг так много болезнетворных насекомых, что укус не вызовет ни у кого подозрений. Когда Батта, мой слуга, принесет завтрак, я выпущу одну из мушек. Плотные марлевые экраны на дверях и окнах не позволят ей улететь, а я буду держаться настороже. После укуса я поймаю сачком или просто прихлопну насекомое — это легко сделать ввиду его невообразимой глупости. Если оно спрячется — протравлю комнату хлорноватым газом. В случае неудачи попытаюсь снова — до тех пор, пока не получится. Само собой, на столе будет стоять приготовленный раствор трипарамида на случай, если мерзкая тварь ужалит меня. Однако следует быть предельно осторожным, ибо никакое противоядие не всесильно.

10 августа 1929 года.

Железы мушек потемнели от вырабатываемого яда: пора испытать его действие... Удача! Удалось ужалить Батту, да так, что тот совершенно ничего не подозревает. Прямо с его плеча я снял мушку и вернул ее в клетку. Смазал раствором йода пораненное место, и бедняга искренне благодарен мне за помощь, несмотря на сильную боль, из-за которой едва в состоянии пошевелить рукой. Завтра

проверю следующую особь на Гамбе, посыльном из фактории. На этом испытания придется закончить, чтобы не возбуждать подозрений у местных жителей. Однако если мне потребуются новые результаты, захвачу несколько особей в Укалу и попробую там.

11 августа 1929 года.

Ужалить Гамбу не удалось, однако мушку поймал целой и невредимой. У Батты никаких изменений, ранка на плече почти не беспокоит. С Гамбой придется повременить, чтобы не возбуждать подозрений.

14 августа 1929 года.

Наконец-то долгожданная посылка с мушками цеце от Вандервельда. Семь различных подвидов, отличающихся по степени ядовитости. Пересадил их в подготовленные клетки, кормлю и ухаживаю за ними на случай, если первое скрещивание окажется неудачным. Некоторые особи совершенно утратили отличительные признаки *palpalis*, однако основная сложность заключается в том, что нельзя предсказать, как поведет себя их потомство.

17 августа 1929 года.

Сегодня после обеда ужалил Гамбу. К сожалению, был вынужден прихлопнуть муху. Укус пришелся в левое плечо: я перебинтовал ранку, и Гамба благодарен мне, как до этого — Батта. С Баттой пока никаких перемен.

20 августа 1929 года.

С Гамбой ничего не происходит, с Баттой — тоже. Экспериментирую с новыми препаратами, призванными затуманить чересчур бросающееся в глаза поблескивание крылышек *palpalis*. Думаю, лучше всего подкрасить их в голубоватый цвет. Опрыскиваю насекомых растворами железистых и цианидных солей.

25 августа 1929 года.

Сегодня Батта пожаловался на боль в спине. По всей видимости, инкубационный период болезни закончился.

3 сентября 1929 года.

Добился заметного прогресса в своих исследованиях. У Батты налицо признаки летаргического оцепенения, бедняга стонет, что спина болит не переставая. Гамбу начинает беспокоить укус на плече.

24 сентября 1929 года.

Батте все хуже и хуже, он явно напуган происходящим с ним. Говорит, что это была «дьявольская муха», и грозит убить всех моих питомцев — он видел, как я рассаживал их по клеткам. Едва успокоил его, уверив, что укусившее его насекомое давным-давно сдохло. Бедняга с расширенными от страха глазами бормочет о смерти и о переселении собственной души в тельце мухи. Каждый день делаю ему укол дистиллированной воды — просто для поддержания духа. По всем признакам мои мушки не утратили зловещих свойств, присущих настоящим *palpalis*. Гамба тоже слег. Те же симптомы, что и у Батты. Возможно, будет разумнее взвести ему в кровь раствор трипарсамида: ядовитость мух уже не оставляет сомнений. Батту, однако, я оставляю в качестве контрольного образца, так как не имею ни малейшего представления о дальнейшем течении болезни.

Эксперименты с окрашиванием продвигаются успешно. Изомер железистого ферроцианида, смешанный в спиртовом растворе с любой из щелочных солей меди, при нанесении на крылышки насекомых дает поразительный эффект. Грудной панцирь и спинные волоски не изменяют своего рисунка, между тем как густая синева полностью скрадывает алмазное сверкание перепонок и ничуть не светлеет при смачивании их водой. С такой маскировкой можно не беспокоиться о дальнейших опытах; полученные гибриды годны к употреблению. При всех своих знаниях Мур навряд ли распознает голубых мушек с ярко выраженными грудкой и спинкой цеце. Естественно, эксперименты с окрашиванием я держу в строжайшем секрете: не хватает, чтобы вместе с появлением мушек в ученых кругах припомнили и мое имя!

9 октября 1929 года.

Батта почти не встает с постели. Вторую неделю делаю Гамбе уколы трипарсамида, и, кажется, он начинает выздоравливать.

25 октября 1929 года.

Батта совсем плох, а вот Гамба держится молодцом.

18 ноября 1929 года.

Вчера умер Батта, и с его смертью произошло необъяснимое событие, заставившее меня с содроганием вспомнить о местных легендах и страхах самого Батты. Возвра-

тившись после похорон в лабораторию, я услышал громкое жужжание и возню в клетке номер 12, где содержалась муха, укусившая Батту. Насекомое выглядело крайне возбужденным, однако притихло и замерло, когда я склонился над сеткой. Взлетев к потолку клетки, оно странным образом разглядывало меня, словно в изумлении, протягивая лапки сквозь проволочную преграду. Под вечер, заглянув в лабораторию по пути на ужин у Аллена, я обнаружил насекомое мертвым. Очевидно, придя в неистовство, оно разбилось об ограждение клетки.

Все же довольно странно, что подобное событие произошло сразу после смерти Батты. Случись кому из чернокожих наблюдать неистовство мухи, он, не задумываясь, приписал бы его переселению душ. Пора отправлять моих питомцев по назначению: ядовитые свойства гибрида значительно превосходят чистых *palpalis*. Батта умер спустя три месяца и восемь дней после инфицирования, хотя, конечно же, этот срок может варьироваться в достаточно широких пределах. Очень жаль, что у меня не хватило решимости пронаблюдать до конца болезнь Гамбы.

5 декабря 1929 года.

Занят приготовлениями к пересылке. Синекрылые мушки должны появиться у Мура как дар некоего бескорыстного энтомолога, читавшего его «Двукрылых Центральной и Южной Африки» и уверенного, что известного ученого наверняка заинтересуют эти «новые, не поддающиеся определению виды». Естественно, сопроводительная записка будет содержать заверения в совершеннейшей безобидности мушек: безвестный энтомолог сошлется на свидетельства местных жителей. Мур не станет прибегать к излишним предосторожностям, и одна из тварей рано или поздно ужалит его. Вот только когда это произойдет, предсказать трудно.

Письма от друзей в Нью-Йорке — они время от времени рассказывают о Муре — будут сообщать мне о течении болезни, хотя о смерти я и сам узнаю из газет. Ко всему прочему, я не должен выказывать ни малейшей заинтересованности в этом деле. Мушек перешлю из какого-нибудь городка, где меня никто не знает. Самое разумное — взять продолжительный отпуск, отрастить бороду и под видом странствующего энтомолога отправить посылку из Укалы, после чего, побрившись, вернуться обратно.

12 апреля 1930 года.

После долгого путешествия снова в Мгонге. Все складывается как нельзя удачнее. Отправил мушек Муру, не привлекая ничего внимания. 15 декабря взял рождественский отпуск и немедленно выехал из поселка. Для насекомых приготовлен прочный переносной контейнер, куда сложен небольшой запас зараженного бактериями крокодильего мяса.

К концу февраля могу похвастаться бородой — совсем как у стражников на полотнах Ван Дейка. 9 марта появился в Укале и на пишущей машинке, любезно одолженной мне на почте, отстучал письмо Муру. Подписался «Невиллом Вейланд-Холлом» — так, кажется, звали одного энтомолога из Лондона. Думаю, я выбрал верный тон — заинтересованность собрата-ученого, профессиональный жаргон и прочая чепуха в том же духе. Ненавязчиво упомянул о «совершеннейшей безобидности» насекомых. Едва ли кто заподозрит мою истинную роль в этом деле. Бороду я сбрил сразу, как только оказался в джунглях, чтобы по возвращении подбородок и лоб были одинаково опалены солнцем. Не обращаясь за помощью проводников из окрестных деревень — за исключением единственного перехода через болото, — я показываю чудеса отваги, продвигаясь сквозь дебри с рюкзаком за плечами и компасом в кармане брюк. К счастью, мне не привыкать к длительным переходам, а способность ориентироваться у меня в крови. В поселке затянувшийся отпуск объясняю внезапным приступом лихорадки и блужданиями в лесу.

Теперь предстоит самая тяжелая часть плана — ожидать новостей о Муре, ничем не выдавая своего волнения. Может случиться, что он избегнет укуса, и тем временем яд утратит свою силу. Однако при его небрежности такое едва ли возможно. Я не испытываю ни раскаяния, ни мук совести: после всего, что он сделал со мной, он заслуживает во сто крат худшей казни!

30 июня 1930 года.

Ур-ра! Первый шаг сделан! Случайно узнал от Дайсона из Кембриджа, что Мур только-только получил каких-то странных синекрылых мушек из Африки и, бросив все дела, занимается ими! Никаких сообщений об укусах пока нет, но, если Мур по-прежнему небрежен, я думаю, их осталось недолго ждать.

27 августа 1930 года.

Письмо от Мортонa из Кембриджа. Он пишет о депрессии, внезапно охватившей Мура, и как бы между прочим сообщает о том, что одна из мушек, полученных с посылкой в середине июля, ужалила Мура в затылок. Очевидно, Мур никак не связывает свой упадок сил с укусом, и, если сообщение достоверно, жить ему осталось недолго.

12 сентября 1930 года.

Победа! Новая весточка от Дайсона. Состояние Мура угрожающее. Свою болезнь он теперь напрямую связывает с укусом, полученным примерно в полдень 19 июля, и не оставляет попыток идентифицировать загадочных насекомых. Пытается связаться с «Невилом Вейланд-Холлом», который отправил ему посылку. Из ста с лишним особей, посланных мною, лишь двадцать или тридцать прибыли на место живыми. Несколько ускользнули из клетки в те мгновения, когда Мур потерял всякую осторожность после укуса. Однако за время, пока шла посылка, мухи успели отложить яички в разлагающихся кусках мяса. Дайсон сообщает о том, с какой заботливостью выхаживает Мур вылупившиеся личинки. В момент их созревания, я думаю, он разгадает тайну скрещивания, хотя навряд ли ему станет от этого легче. Каково же он удивится, обнаружив, что синие крылышки не передаются потомству!

8 ноября 1930 года.

Полдюжины писем от друзей повествуют о тяжелой болезни Мура. Сегодня пришло известие от Дайсона. Он пишет, что Мур с головой ушел в работу с выползшими из личинок гибридами и близок к мысли, что крылышки родителей были окрашены искусственным красителем. Значительную часть дня он вынужден проводить в постели. Никаких упоминаний об инъекциях трипарсида.

13 февраля 1931 года.

Первые неприятности. Состояние Мура ухудшается, и надежды на выздоровление нет никакой, но, кажется, он что-то подозревает. В прошлом месяце получил весьма прохладное письмо от Мортонa, где тот ни словом не обмолвился о болезни Мура. Теперь Дайсон — довольно сдержанно — пишет о том, что Мур занят поисками объяснения случившемуся. С помощью телеграфной связи много «Вейланда-Холла» пытались найти в Лондоне, Най-

роби, Укале, Момбасе и в сотне других мест, но, разумеется, безуспешно. Вероятнее всего, Мур открыл Дайсону свои подозрения, хотя тот и сомневается. Боюсь, что Мортон сомнений не испытывает.

Все чаще раздумываю о том, чтобы бросить распроклятую Африку и под чужим именем укрыться в тихом омуте цивилизации. Бесславный конец, а как удачно все начиналось! Загубленная карьера — дело рук Мура, но на этот раз он получил свое сполна! На некоторое время придется за타иться в Южной Африке, пока банковские счета не будут переведены в какой-нибудь из американских банков на мое новое имя — «Фредерик Насмит Мейсон из Торонто, Канада, совладелец горнорудных разработок». Привыкаю к новой подписи. На случай, если обстоятельства переменятся или я передумую исчезать, сбережения будет легко перевести обратно.

15 августа 1931 года.

Прошло полгода, а между тем ситуация все запутаннее. Дайсон вместе с Мртоном — к ним присоединились еще несколько друзей — практически перестали писать мне. Доктор Джеймс в Сан-Франциско, который поддерживает отношения со знакомыми Мура, сообщает, что тот впал в летаргическую кому. С мая не поднимается с постели. Пока мог говорить, постоянно жаловался на нестерпимый холод. Дыхание частое и прерывистое, проблески сознания становятся все реже. Его кровь заражена спорами *trypanosoma gambiense*, в этом нет сомнения, но надо признать, он держится крепче, чем местные ниггеры. Три месяца и восемь дней прикончили Батту, тогда как Мур живет больше года с момента укуса. Месяц назад до меня дошли слухи о поисках в окрестностях Укалы мнимого «Вейланда-Холла». Думаю, не стоит даже волноваться; едва ли обнаружатся какие-нибудь улики против меня.

17 октября 1931 года.

Наконец-то все кончено! Извещение в «Момбасагазетт». 20 сентября после сердечного приступа, сопровождавшегося понижением температуры тела, скончался известный зоолог, доктор Генри С. Мур. Вот так! Я поклялся отомстить и исполнил клятву! В газете напечатан объемистый некролог, включающий описание болезни и тщетных поисков «Вейланда-Холла». Очевидно, африканские

власти полагают Мура большей фигурой, чем я думал. Насекомые, которые ужалили его, сейчас полностью идентифицированы по уцелевшим экземплярам и личинкам, из которых развилось жизнеспособное потомство. Общее мнение склоняется к тому, что мушки были селектированы и отосланы с единственной целью — повлечь гибель ученого. Кажется, перед смертью тот успел поделиться своими подозрениями с Дайсоном, хотя последний — равно как и полиция — хранит молчание из-за отсутствия доказательств. Были допрошены все недруги Мура, и «Ассошиэтед-пресс» утверждает, что «предположительно виновником трагедии является известный американский зоолог и медик, ныне находящийся в экспедиции за границей».

В конце некролога меня поразило упоминание об одном обстоятельстве — скорее всего, это просто домысел резвого журналиста, однако я поежился, припоминая негритянские легенды и странное поведение мухи после смерти Батты. В ночь после гибели Мура произошло нечто похожее: Дайсон был разбужен назойливым жужжанием синекрылой мухи, которая сразу же вылетела в распахнутое окно спальни. Пять минут спустя позвонила больничная сиделка, чтобы сообщить о смерти.

Однако гораздо больше меня волнует другая сторона дела. Кто-то в Укале вспомнил о бородатом чужестранце, забредшем на почту отстучать письмо и отправить посылку. Теперь констебли прочесывают окрестности в поисках черномазых, которые могли бы быть проводниками этого пришельца. Я почти не оставил следов, но если кто доберется до территории племени Убанда, где расположен болотистый пояс Н'Кини, мне придется попотеть, отвечая на неприятные вопросы. Вероятно, для меня самое время исчезнуть. Завтра же сворачиваю дела и отправляюсь навстречу неизвестности.

9 ноября 1931 года.

Пришлось дожидаться разрешения на рапорт об отставке. Нужные бумаги получил лишь сегодня. Волнуюсь, но излишняя поспешность может усилить подозрения. На прошлой неделе пришло письмо от Джеймса: сообщает о смерти Мура, однако не более того, что мне удалось узнать из газет. О подробностях вообще никто не пишет, все больше разговоров о предпринимаемом расследовании. Друзья из восточных штатов отмалчиваются. Должно

быть, перед тем как впасть в коматозное состояние, Мур посеял в их головах ростки сомнения, пусть даже все его догадки выстроены на песке.

Тем не менее у меня нет охоты испытывать фортуны. В четверг отправляюсь в Момбасу, а там — с первым же парходом на юг, в порт Дурбан. В приморском городе легче затеряться, чтобы затем вынырнуть в Йоханнесбурге под маской совладельца горнорудных разработок Фредерика Насмита Мейсона из Торонто.

На этом позволю себе закончить журнал. Если до самой смерти никто так и не решится открыто обвинить меня в совершенном убийстве, впоследствии это сделают мои собственные записи. Если же подозрения дополнятся осязаемыми уликами, журнал только подтвердит и прояснит мои намерения, вычеркнув из следствия возможные неясности или недоговоренности. Естественно, я не испытываю ни малейшего желания отдаваться в руки правосудия. С опасностью, если она повстречается на моем пути, я буду бороться так же безжалостно, как и с Муром.

Впрочем, о мертвых не принято говорить плохо, пусть даже они с лихвою заслужили свою смерть. С этого момента доктор Томас Слоунвайт тоже пребывает в стране мертвых. Когда же умрет и тело, некогда принадлежавшее Томасу Слоунвайту, публика сможет прочесть эти записки.

3

15 января 1932 года.

Новый год, и я с неохотой снова раскрываю журнал. На этот раз я вношу записи только затем, чтобы снять нервное напряжение, ибо это единственная причина, побуждающая меня заново вспоминать обстоятельства давно забытого дела. В Йоханнесбурге я остановился в отеле «Вааль», используя свое новое имя. Пока никто не усомнился в его подлинности. Имел несколько незначительных бесед касательно горнорудных разработок: занятие интересное и, кажется, способное увлечь меня. Через месяц собираюсь переезжать в Торонто и прочно обосноваться на континенте.

Единственное, что беспокоит меня, — неведомо откуда залетевшее в мою комнату насекомое. Конечно же,

последнее время меня часто донимают кошмарные сны о синекрылых мушках, но можно ли ожидать чего-то другого от расстроенных нервов? Тем не менее омерзительное насекомое вполне реально, и я теряюсь в догадках, откуда оно могло взяться. Кружится вокруг книжной полки уже битых четверть часа, но все мои попытки прихлопнуть его безуспешны. Синеватый оттенок крыльев и внешний вид твари в точности повторяют облик моих посланцев смерти. Странно. Возможно, одна из мушек-гибридов выскользнула на волю? Не знаю... Отправляя посылку Муру, я соблюдал крайнюю осторожность — едва ли хоть одна могла ускользнуть.

Может быть, у меня галлюцинации? Или какая-то из особей, упущенных Муром, отыскала обратный путь в Африку? Вспомнить только нелепейшую историю о мухе, которая в момент гибели Мура разбудила Дайсона! Однако сама мысль о том, что какая-нибудь из мушек-гибридов выжила и вернулась, не так уж нелепа. Это, пожалуй, единственное объяснение необычной расцветки крыльев: краситель, использованный мной, по долговечности не уступает татуировке. Метод исключения лишь подтверждает истинность этого предположения. Возможно, что у некоторых подвидов цеце память о привычной среде обитания передается в потомстве. Те мушки, которых я использовал при скрещивании, действительно происходят из Южной Африки.

С опаской наблюдаю за насекомым. Если оно и в самом деле удрало от Мура, его ядовитые железы давно утратили силу. Однако в пути едва ли кто обойдется без пищи — что, если мерзкая тварь успела полакомиться зараженным мясом? Такое вполне вероятно, тем более что бактерии *трипанозомы* встречаются не только в Центральной Африке. У меня сохранилась склянка с раствором трипарсамида — не поднялась рука уничтожить медицинский саквояж, хоть это и улика, — однако, читая в газетах сообщения о медленном угасании Мура, я все больше и больше сомневаюсь в его эффективности. Инъекция лекарства предоставляет лишь шанс, которым распоряжается организм больного. Мевана и Гамба выжили, а Батта и Мур упустили свой шанс.

Какой-то злой умысел кроется в том, что из всего огромного города проклятое насекомое выбрало именно мою комнату. Не могу думать ни о чем другом. Нервы

напряжены до предела. Если паршивка залетит снова, непременно прихлопну ее. Удивительно, что мне не удалось сделать это раньше; ведь обычно этот подвид цеце отличаются поразительная медлительность и глупость. Может быть, это все-таки была галлюцинация? Последнее время жара совершенно невыносима — такого я не припомню даже в Уганде.

16 января 1932 года.

Кажется, я схожу с ума. Муха снова залетала днем и вела себя необъяснимым образом. Теряюсь в догадках, повинно ли тут расстроенное воображение, или же... все обстоит гораздо хуже? Насекомое с жужжанием пронеслось по комнате и сразу направилось к моей книжной полке — прямиком к монографии Мура «Двукрылые Центральной и Южной Африки». Усаживаясь то на корешок, то на верхний обрез книги, тварь раз за разом устремлялась ко мне, но всякий раз умудрялась удалиться на безопасное расстояние, прежде чем я успевал взмахнуть сложенной газетой. Такая сообразительность поразительна среди прославившихся своей глупостью африканских мух. Почти полчаса я потратил, пытаясь настигнуть тварь, однако она все равно ускользнула сквозь прореху в марлевом экране, закрывавшем окно. Досадно, что я не обратил раньше внимания на эту лазейку. Иногда мне начинало казаться, что муха намеренно изводит меня, приближаясь и тут же искусно уворачиваясь от ударов. Будем надеяться, что это всего лишь воображение. Не следует расслабляться.

17 января 1932 года.

Одно из двух: либо спятил я, либо весь мир вокруг сходит с ума. Точно перед полуднем откуда-то вылетела проклятая муха и начала с жужжанием носиться рядом с «Двукрылыми» Мура на моей полке. Снова пытался поймать ее. И все повторилось сначала. В конце концов насекомое уселось на край чернильницы на столе и погрузило в фиолетовую жидкость лапки и грудь, оставляя нетронутыми крылья, после чего взмыло к потолку и принялось ползать там, прокладывая замысловатый след. На секунду задумавшись, оно слегка подпрыгнуло, поставив грязную кляксу чуть поодаль от мерзкой закорючки, и тут же устремилось ко мне, едва не врезавшись в лицо. Прежде чем я успел поднять руку, насекомое скрылось.

Было что-то зловещее — увы, точнее я не могу объяснить — во всем этом. Рассматривая с разных сторон чернильный след на потолке, я все более приходил к мысли, что форма его мне знакома. Можно представить мое изумление, когда я внезапно осознал, что передо мной точно воспроизведенный знак вопроса! Убийственное совпадение! Удивительно, как я не упал в обморок от этого открытия. Гостиничная прислуга пока ничего не замечает. Весь день и вечер муха не прилетала, но на всякий случай держу чернильницу плотно закрытой. Возможно, после смерти Мура у меня появилась навязчивая идея; как следствие — недавние болезненные галлюцинации. Вполне может стать, что муха существует только в моем воображении.

18 января 1932 года.

Как описать ту бездну ужаса, что поджидает меня? Не далее как сегодня мне пришлось наблюдать картину, не подлежащую обычному объяснению. .: однако горничная отеля тоже видела следы на потолке, что подтверждает их реальность. Примерно в 11 утра, когда я сидел за столом и работал, какое-то насекомое с быстротой молнии спикировало к чернильнице и взмыло вверх, прежде чем я успел разглядеть его. Подняв голову, я вновь увидел дьявольскую муху, выписывающую фиолетовые каракули на потолке. На всякий случай я свернул в трубку газету, чтобы быть наготове, если тварь вздумает кружить по комнате. Вдоволь напелзавшись и выпачкав изрядный кусок побелки, она нырнула в темный уголок и исчезла, оставив меня в полной растерянности созерцать огромную цифру 5, выведенную надо мной.

Несколько минут я сидел, не в силах справиться с потрясением. Зловещая цифра подрагивала, насмехаясь надо мною, и лишь природное мужество помогло мне преодолеть оцепенение. В аптеке на углу я купил немного клея и ароматических веществ, необходимых для приготовления приманки; в книжном магазинчике я приобрел точную копию моей чернильницы. Вернувшись в комнату, я наполнил новую чернильницу липкой смесью и установил на столе, оставив крышку открытой. В томительном ожидании я тщетно старался отвлечься чтением и только к трем дням услышал знакомое жужжание. Проклятое насекомое кружило вокруг ловушки. Опустившись на краешек, оно, однако, не спешило погрузить брюшко и лапки в клейкую

массу и, посидев несколько секунд, снова взлетело и устремилось прямо ко мне — увернувшись, прежде чем я успел замахнуться газетой. Подлетев к книжной полке, отвратительная тварь принялась снова возле переплета муровского трактата. Есть что-то дьявольское в настойчивости, с какой муха выбирает эту книгу.

Однако худшее ждало меня впереди. Оставив в покое книгу, насекомое подлетело к распахнутому окну и начало ритмично биться о марлевую сетку. Равномерное чередование короткой последовательности ударов, пауза — и снова удары. Несколько мгновений я словно зачарованный наблюдал за этим представлением, после чего поднялся и подошел к окну, пытаясь прикончить назойливое насекомое. Как обычно, без успеха. Муха попросту перелетела к люстре и там продолжала выбивать свою дробь о стеклянную поверхность. В отчаянии я принялся затыкать щели в дверях и окнах, чтобы не упустить омерзительную тварь и наконец-то прихлопнуть ее. Настороженно прислушиваясь к жужжанию, я машинально отсчитывал паузы и удары. Пять звонких шлепков о стекло и пауза; пять звонких шлепков...

Пять — та же цифра, которую тварь вывела на потолок! Новое совпадение, или это уже не случайность? Пугающее предположение, ибо необходимо допустить развитый интеллект и знание письма у обычной мухи. Какая глупость! Кажется, я готов поверить в примитивные легенды негров Уганды. И все же поразительная ловкость, с которой муха избегает моих ударов, явно противоречит общеизвестной медлительности этого вида. Стоило мне отложить свернутую в трубку газету и сесть в кресло, как насекомое взмыло вверх и скрылось в вентиляционном отверстии в потолке.

Одиночество несколько не утешило меня, ибо мозг немедленно заполошила вереница самых невероятных мыслей. Если муха действительно обладает человеческим интеллектом, каким образом она обрела его? Неужели поверья негров имеют под собой почву, и жертвы мух после гибели в самом деле переселяются в их тела? Если это так, чьим разумом наделена изводящая меня муха? Рассудок подсказывал мне, что это одна из особей, ускользнувших из клетки, когда был укушен Мур. *Может, быть, это посланец смерти, который укусил Мура? Если так, что ему нужно от меня? Что ему вообще нужно? С леденящей*

душу отчетливостью я вспомнил поведение мухи, укусившей Батту, в ночь смерти мальчика. Возможно ли, чтобы человеческая индивидуальность нашла себе пристанище в крохотном тельце мухи? Взять только сенсационные заметки о мухе, которая разбудила Дайсона в момент гибели Мура. Что до мухи, преследующей меня, — чья мстительная воля направляет ее? С какой настойчивостью она кружится возле монографии Мура!.. Дальше я не осмеливался строить предположения. Одного мгновения мне хватило, чтобы увериться в ядовитости мухи.

При дьявольской изощренности, которая наблюдалась во всех ее действиях, она просто не могла не подкормиться зараженным мясом по пути в Африку. И все же мой потрясенный разум отказывается объяснять ее поведение человеческими эмоциями.

Позвонил управляющему и попросил прислать техника, который заделал бы вентиляционную решетку и остальные отверстия в моей комнате. Свою просьбу я объяснил назойливостью мух, и он, кажется, выслушал меня с пониманием. Когда пришел техник, я показал ему чернильные разводы на потолке: он с удивлением отметил их сходство с вопросительным знаком и цифрой пять. Значит, это не галлюцинация! За пару часов мы замуровали все отверстия, какие удалось обнаружить, и заменили марлевые экраны, так что теперь я могу без опаски открывать оба окна. Наверное, я выглядел немного эксцентричным, так как в комнате нет ни одной мухи, но это меня мало беспокоит. Весь вечер муха не появлялась. Одному Господу ведомо, чего она хочет и чего добивается от меня!

19 января 1932 года.

Я словно вынырнул на поверхность из пучины ужаса. Тварь прикоснулась ко мне. Чья-то демоническая воля оплетает меня, а я не в силах предпринять что-либо. Перед лицом бесчеловечного разума я лишь беспомощная жертва. Утром, когда я поднялся в комнату после завтрака, крылатый дьявол проскользнул в дверь над моей головой и снова принялся биться о марлевый экран. На этот раз, однако, серии сопровождались четырьмя ударами. Подбежав к окну, я попытался поймать насекомое, но, как и прежде, оно увернулось и, подлетев к монографии Мура, насмешливо закружилось. Жужжание мух не отличается музыкальностью; его можно назвать монотонным, но теперь

оно, словно пила, то стихало, то вновь усиливалось.

К этому времени я едва владел собой. Помню, я выкрикнул: «Мур, ради Бога ответь, что тебе нужно?» Едва я произнес эти слова, насекомое сразу же перестало кружиться, подлетело ко мне и описало широкую дугу в воздухе, чем-то напоминающую полупоклон. После чего вернулось к проклятой книге. Могу поклясться, что это не помешалось мне... хотя, возможно ли доверять моим расстроенным чувствам?

А затем произошло нечто, о чем я до сих пор вспоминаю с содроганием. Смутно надеясь, что маленький демон, которому наскучит кружить по комнате, сам вылетит в коридор, я оставил двери открытыми. Примерно в половине двенадцатого мне показалось, что в помещении никого нет, и я закрыл двери. Сев за стол, я раскрыл дневник и погрузился в работу, от которой меня оторвало странное щекотание кожи на затылке. Шлепок ладони пришелся на пустое место: расстроенные нервы сыграли со мной шутку. Однако через секунду щекотание повторилось, и, прежде чем я успел пошевелиться, омерзительное исчадие ада неспешно выплыло из-за моей спины, отвесило очередной полупоклон и вылетело через замочную скважину — я даже не предполагал, что в нее может протиснуться живое существо.

То, что тварь ползала по мне, не подлежало сомнению. По какой-то причине она не ужалила меня: обливаясь холодным потом, я вспомнил, что Мур был укушен в затылок точно в полдень. Пока все спокойно — я заткнул бумагой замочную скважину и всякий раз, открывая двери, держу в руке сложенную газету.

20 января 1932 года.

Как ни трудно принять сверхъестественное объяснение, ничего другого, по-видимому, не остается. Мои нервы напряжены, словно струны. Сегодня в двенадцать дня синекрылый дьявол подлетал снаружи к окну и снова бился о стекло: на этот раз по три удара в серии. Стоило мне подняться с кресла, мерзавец улетел прочь. Думаю, лишняя предосторожность не помешает. Сняв оба марлевых экрана, я испачкал их с обеих сторон клейкой массой, которую раньше использовал в чернильнице, и вставил на место. Если тварь снова прилетит выбивать свою дробь, первый же удар окажется последним!

Остаток дня проходит без происшествий. Господи, только бы не сойти с ума!

21 января 1932 года.

В комфортабельном купе экспресса на Блумфонтейн.

Я побежден. Тварь оказалась сильнее. Все мои ухищрения разбиваются о ее дьявольское хитроумие. Сегодня утром она была за окном, однако так и не прикоснулась к липкому экрану. Отлетев на безопасное расстояние, она с жужжанием выписывала круги — два полных оборота, пауза — и все повторялось сначала. Через пару минут она взмыла вверх и скрылась за городскими крышами. Мои нервы на грани срыва: загадочные круги и цифры выше моего понимания. В понедельник тварь выписывает цифру пять; во вторник это уже четыре; в среду — три; а сегодня — два. Пять, четыре, три, два... что-то зловещее скрывается в этом отсчете дней. Дьявольская мощь направляет изводящую меня крылатую гадину: Весь день собирал и упаковывал чемоданы, а теперь пытаюсь подремать под перестук колес вечернего экспресса на Блумфонтейн. Бегство бессмысленно, но что еще остается делать?

22 января 1932 года.

Остановился в блумфонтейнском «Оранж-отеле» — комфортабельное и недорогое местечко, — однако ужас и тут преследует меня. Поднявшись в номер, я наглухо закрыл все двери и окна, проверил замочные скважины, щели, задернул шторы — и все равно ровно в полдень приглушенное жужжание донеслось от одного из марлевых экранов. Удар... я с замиранием сердца ждал следующего, и он повторился... потом снова. Раздвинув шторы, я без всякого удивления разглядел за окном проклятую муху. Описав огромный круг в воздухе, чертовка скрылась из виду. Внезапно подступившая слабость заставила меня опуститься на диван. Один! Последнее предупреждение злобного демона. Один удар и один круг. Означает ли это, что до неведомой участи мне остается всего один день? Снова бежать или наглухо закупориться в этой комнате?

Недолгий отдых пошел на пользу: я вновь ощущаю прилив сил. Приказал доставить из местного ресторанчика запас консервов и питья, а также простыни и полотенца. Завтра ни под каким предлогом не позволю открыть комнату, чтобы не впустить муху. Черномазый портье, который принес простыни и еду, с ухмылкой покосился на меня, однако мне глубоко плевать, что он подумает или расскажет остальным. Меня преследуют силы более могуществен-

ные, чем боязнь показаться смешным в глазах человечества. Распотрошив простыни, я тщательно исследовал каждый миллиметр стен, заткнул все щелчки. Наконец-то я могу заснуть спокойно.

(Почерк становится неровным, прыгающим; в некоторых местах с трудом поддается прочтению.)

23 января 1932 года.

Почти полдень, и воздух пропитан предчувствием катастрофы. Несмотря на бессонную ночь, проведенную в поезде, проснулся я очень рано и долго пытался сосредоточиться, просматривая купленные на перроне газеты. Неумолимый отсчет дней угнетает меня. Не знаю, перевернулось ли что в природе или в моей голове?.. До одиннадцати утра бесцельно слонялся из угла в угол по комнате.

Меня заставил обернуться слабый шорох, донесшийся от вороха пакетов с едой. Проклятая муха потирала лапки, устроившись на ярком картоне одной из упаковок. Схватив газету, я попытался прихлопнуть ее, невзирая на ужас, охвативший меня. — однако так же безрезультатно, как и раньше. Стоило мне приблизиться, синекрылый дьявол отступил к столу, куда я сложил книги, и на секунду уселся на переплет муровских «Двукрылых Центральной и Южной Африки», после чего перелетел к часам на каминной полке и опустился на циферблат возле цифры 12. Прежде чем я успел что-либо предпринять, он медленно двинулся по часовой стрелке: прополз под минутной стрелкой, обогнул часовую и, наконец, остановился точно на цифре 12; взлетел и с жужжанием опустился опять.

Новое знамение? Я становлюсь суеверным, как черномазые из экваториальных лесов. Сейчас начало двенадцатого. Что ожидает меня в полдень? В моем распоряжении остается последнее средство: как жаль, что я не подумал о нем раньше. Да и теперь меня подтолкнуло к нему одно лишь отчаяние. В моем медицинском саквояже есть все необходимое для приготовления хлорноватистого газа. Я намерен протравить комнату ядовитыми парами и таким способом уничтожить муху, предохранившись сам с помощью пропитанного нашатырем платка, закрывающего лицо. По счастью, нашатырного спирта более чем достаточно. Примитивная маска нейтрализует пары едкого хлора, против которого беззащитно все живое. Однако следует быть настороже. Я не могу поручиться, что проклятая тварь

не нападет на меня до того, как я завершу приготовления. Постараюсь не прерывать дневник.

Несколько минут спустя.

Оба ингредиента — хлорноватая кислота и двуокись марганца — стоят на столе у меня под рукой. Туго повязанный платок закрывает мой нос и рот: держу наготове пузырек с нашатырем, чтобы смачивать повязку, пока не рассеются пары ядовитого газа. Закрыв оба окна. Кажется, все идет хорошо, однако мне не нравится поведение мухи. Злобный дьявол медленно пятится от цифры 12 к приближающейся минутной стрелке.

Возможно, это моя последняя запись в журнале. Теперь уже не имеет смысла отрицать то, о чем я давно догадывался. Крупицы истины скрыты в самых невероятных легендах, и с горечью следует признать, что за мной охотится не насекомое, а Генри Мур, умерший от укуса синекрылого дьявола. Если так, суждено ли мне вытеснить его из этого крохотного тельца? Однако прежде он должен ужалить меня, и кто знает, может быть, я останусь в живых: ведь в моем распоряжении противоядие против укуса — трипарсамид. Раскаиваться поздно. Мур заслужил свою смерть, и пусть будет то, чему суждено быть.

Чуть позже.

Муха замерла на циферблате возле 45-минутной отметки. Сейчас одиннадцать тридцать. Платок на лице пропитан нашатырем, бутылочки на столе раскупорены и ждут своего часа. Это последняя запись перед тем, как я смешаю кислоту с двуокисью марганца и протравлю комнату парами хлорноватистого газа. Дорога каждая секунда, но я обязан закончить журнал. Возможно, лишь благодаря своим записям я еще сохраняю рассудок. Муха беспокойно шевелит крылышками; минутная стрелка приближается к ней. Сейчас я возьму кислоту...»

(На этом дневник обрывается.)

В воскресенье 24 января 1932 года после многократно повторенного стука в дверь номера 303, где остановился эксцентричный постоялец «Оранжевого отеля», темнокожий уборщик воспользовался запасным ключом, чтобы попасть вовнутрь, однако уже в следующее мгновение с криком сбежал вниз по лестнице, возбуждая любопытство

прохожих. Не потерявший присутствия духа портье известил полицию и вызвал управляющего гостиницей: последний в сопровождении констебля де Витта, участкового инспектора Богарта и доктора ван Кулена поднялся в роковую комнату.

Труп постояльца лежал на полу — лицом вверх; рот и нос закрыты платком, издающим сильный запах нашатыря. Черты искажила гримаса ужаса, постепенно передававшаяся всем присутствовавшим. На затылке погибшего доктор ван Кулен обнаружил припухлость, словно от укуса насекомого, — темное пятнышко с багровой каймой: такие ранки бывают у животных, подвергшихся нападению цеце. Дальнейший осмотр показал, что, вероятнее всего, смерть наступила в результате сердечного приступа, вызванного испугом, чем от самого укуса, хотя в крови было замечено присутствие бактерий *trypanosomiasis*.

Потрепанный грессбук, переплетенный в телячью кожу, ручка, открытая чернильница в беспорядке лежали на столе. Рядом с раскрытым медицинским саквояжем, латунную табличку на боку которого украшали инициалы «Т. С.», стояли пузырьки с раствором нашатырного спирта и хлорноватой кислотой и стеклянная мензурка, примерно наполовину полная черного порошка диоксида марганца. Внимательно осматривая предметы, инспектор Богарт с удивлением обнаружил в пузырьке с нашатырем утонувшую муху.

По внешнему виду насекомое напоминало обычную муху цеце, однако цвет крыльев — блекло-синий, несмотря на разъедающее действие нашатыря, — опровергал эту мысль. Смутное подозрение, возникшее в мозгу доктора ван Кулена, полностью подтвердилось, стоило только раскрыть первую страницу дневника. Нижняя часть туловища насекомого была выпачкана чернилами — настолько сильно, что даже нашатырный спирт был не в состоянии смыть их. Вероятно, муха упала в открытую чернильницу, но смогла взлететь снова, так как крылья оставались незапачканными. Можно было только догадываться, что заставило ее влезть в узкое горлышко бутылки с нашатырем. Все выглядело так, будто насекомое намеренно совершило самоубийство!

Однако еще более странное открытие поджидало констебля де Витта, когда он поднял голову и с любопытством оглядел гладкую поверхность потолка. Непроизвольный

вскрик изумления, сорвавшийся с его губ, заставил остальных взглянуть в том же направлении: даже доктор ван Кулен, с ужасом и благоговением перелистывавший дневник, оторвался от своего занятия. Потолок покрывали фиолетовые разводы, словно следы выпачканного в чернилах насекомого. В тот же момент каждый из присутствующих подумал о пятнышках краски на теле мухи, столь необъяснимо угодившей в пузырек с нашатырным спиртом.

В довершение всех загадок следы на потолке не были просто чернильными разводами. Даже мельком брошенный взгляд угадывал в них сходство со строками письма — неожиданное сходство, исторгшее вздох удивления у присутствующих. Инспектор Богарт машинально обвел комнату глазами, пытаясь найти орудие, с помощью которого человеческая рука могла бы сделать эту надпись. Не обнаружив ничего подходящего, он вновь безмолвно разглядывал загадочные следы.

Вне всякого сомнения, чернильные кляксы сливались в изображения букв, в цепочке которых проступали знакомые слова. Первым их разобрал доктор, и остальные, затаив дыхание, слушали, как он читает безумное послание, нацарапанное в уголке, не доступном для человеческих рук:

МОЙ ДНІ ВНИК ПРОКЛЯТАЯ ТВАРЬ УЖАЛИЛА МЕНЯ Я
УМИРАЮ ЧЕРНОМАЗЫЕ ПРАВЫ, НЕВЕДОМЫЕ СИЛЫ ВСЕ-
ЛЕННОЙ ВТИСНУЛИ МЕНЯ В ТЕЛО ТВАРИ ВЫБОРА НЕТ, И
МНЕ ОСТАЕТСЯ ЛИШЬ УМЕРЕТЬ ЕЩЕ РАЗ

Наступившую тишину нарушил шелест переворачиваемых страниц, и доктор ван Кулен ровным голосом начал чтение переплетенного в потрепанную кожу журнала

Алджернон Блэквуд

Вендиго

«The Wendigo» by Algernon Blackwood

© 1964 by Fontana Books

GREAT BRITAIN

© Перевод с английского В. Максимова, 1993

Глава 1

В тот год охота на лосей не ладилась. Охотники возвращались ни с чем, по-разному оправдывая свои неудачи. Доктор Каскарт тоже вернулся без добычи, но ему не пришлось выдумывать небылиц, потому что с ним действительно приключилась невероятная история. Доктор никогда не был особенно страстным поклонником охоты. Это занятие скорее интересовало его с профессиональной точки зрения — как ученого-психолога и знатока поведения людей в экстремальных условиях. В то время он уже писал свою знаменитую монографию «Массовые галлюцинации», но надо сразу сказать, что там вы не найдете описания происшествия, которое мы хотим предложить вашему вниманию. Доктор объяснил читателям, что в данном случае, как непосредственный участник событий, он не может занимать позицию стороннего наблюдателя, как того требует беспристрастное научное исследование.

В той памятной экспедиции, помимо доктора Каскарта и его постоянного спутника — проводника Хэнка Дэвиса, участвовали племянник доктора, студент-богослов Симпсон, и еще один знаток тамошних мест по фамилии Дефо. Студента-домоседа вытащил из его берлоги добрый дядюшка, а Джозефа Дефо, канадца французского происхождения, пригласил Хэнк. Джозеф покинул родную провинцию Квебек много лет назад и с тех пор времени зря не терял: в совершенстве изучил растительность охотничьего края, выучил бесчисленное множество походных песен и привык загибать анекдоты из жизни охотников не хуже самого Тургенева. Лишь в дебрях грамматики не ориентировался этот разносторонне одаренный следопыт, отчего редко участвовал в разговорах. Косноязычием страдают многие жители девственных лесов. Хотя Хэнк, который тоже нигде не учился, по сравнению с Джозефом выглядел Цицероном: не отмалчивался, когда его спрашивали, охотно вступал в беседу. Канадец же не любил общества. Многие впечатлительные, меланхоличные натуры имеют

склонность к одиночеству. У Джозефа склонность перешла в страсть. Как преклоняется рыцарь перед Прекрасной Дамой, так он обожал первобытную жизнь — без условностей и этикета; жизнь, в которой имеют значение только зоркий глаз и верная рука. Ругался канадец, однако, на многих языках, и виртуозно. Потому что, как говорил Каскарт, эмоционально окрашенная речь легче усваивается. В этой области и Хэнк, конечно, тоже был не промах, но он часто первым прекращал бранный поединок из уважения к своему хозяину, а в этот раз — к тому же из сострадания к молодому благочестивому кандидату в священники. Да и возникали словесные баталии не так уж и часто. Обычно Дефо разговаривал мало, а иногда с ним случались даже припадки молчаливости: он мрачнел, и никакая сила не могла вытянуть из него хотя бы слово. Так продолжалось несколько дней, а потом проходило.

Итак, в последнюю неделю октября охотники разбили свой лагерь в диком лесу на севере от Крысиного Волока. Их было четверо, если не считать аборигена, давнего знакомого по имени Пунк, в число достоинств которого входило умение хорошо стряпать. Одевался индеец по-европейски — в одежду, которую ему дарили белые путешественники, и трудно было поверить, что он настоящий дикарь. Временами казалось, что индеец снимет свой черный парик и скажет чисто, без акцента, на правильном, литературном языке: «Ну, господа, как вам мой грим?» Однако, несмотря на театральную внешность, Пунк не утратил основных качеств своей вымирающей нации: выносливость, выдержку, суровую неподвижность лица и веру в духов.

В ту ночь компания расположилась вокруг костра в полном унынии от неудачной охоты. Дефо спел несколько песен из своего богатого репертуара и собирался уже припомнить пару случаев из прошлого, как Хэнк помешал ему, прервав повествование обидным замечанием о достоверности рассказа. В ответ канадец ничего не сказал, только переменял позу, но зато сделал это так, что стало ясно: у него начался припадок молчаливости. Дядя с племянником не разговаривали по другой причине: они уходились за день до полного изнеможения. Индеец Пунк был очень занят: мыл тарелки и тоже не болтал языком. Костер затухал без догляда. Никто не любовался прекрасным тихим вечером. А между тем было на что обратить внимание: на небе сверкали, не мигая, как никогда многочисленные и яркие

звезды, ветер стих, не шелестел листьями и, если прислушаться, можно было различить легкий скрип тонкого, только-только затягивавшегося льда на озере неподалеку.

Нарушил тишину неугомонный Хэнк, который по общему молчаливому согласию взял на себя функции распорядителя. Он произнес скрипучим голосом:

— Надо иттить, кажись. А здесь неча ловить, окромя насморка.

— Решено,— ответил Каскарт в своей обычной немногословной манере.

— Не пожалеете! Я сведу вас в места, где не было никого этим годом! На зюйд-ост, вверх по Садовому Озеру! Идётся, док?

— Да.

— А Дефо вместе с мистером Симпсоном пушай идут поперек озера, потом сволокут каноэ на Сорок Островов. Там о прошлом годе не было ни черта, так, могёт, в этом будет.

Дефо не издал ни звука. Похоже, даже такие грандиозные планы не вывели его из коматозного состояния.

— А я грю, не было никого там этим годом! — вызывающе продолжал распорядитель, как будто кто-то спорил с его сомнительным утверждением.

Всем стало очевидно, что канадец не в восторге от нового поворота событий, когда на его смуглом выразительном лице мелькнула странная гримаса. Наверное, только начавшийся ступор помешал ему активно протестовать. «Похоже, он трусит», — сказал племянник дяде, когда они укладывались спать в двухместной палатке. Доктор Каскарт не ответил. По нему было видно, что он очень удивлен и просто не знает, что сказать.

Лучше всех понял состояние канадца, конечно, Хэнк. Но не стал лезть в бутылку, отстаивая свое мнение, а примирительно забормотал: «Я грю, пожар там был о прошлый год, ну? Дак чё туды попретса кто?»

Джозеф на мгновение поднял глаза от огня и тут же опустил их снова. Порыв ветра раздул на короткое время костер, позволив доктору внимательнее всмотреться в выражение лица следопыта. Оно не понравилось главе экспедиции. Теперь стало видно, что в глазах Дефо стоял не просто страх, а животный ужас. Неприятный холодок пробежал по спине Каскарта. Он попытался обратить все в шутку: «Там что, живут духи индейских предков?» Потом перегля-

нулся со своим проводником, но не нашел в его взгляде прежней беззаботности.

— Послушай, Джо, да неужто ты веришь пьяным рассказам, а? Ты что, сдрейфил? — воскликнул Хэнк Дэвис.

С этими словами он дружески пхнул канадца в бок. Тут случилась невероятная вещь: Джозеф прервал молчание и ответил!

— Я? Сдрейфил? Придержи язык!

Хэнк повернулся, чтобы что-то сказать доктору, но тут рядом раздался тихий звук, от которого резко вздрогнули все трое. Это оказался индеец Пунк, вышедший из своего вигвама и остановившийся возле светлого круга от костра.

— Потом скажу, — нервно шепнул Хэнк, — когда актеры уйдут со сцены.

Пружинисто поднявшись, он подошел к старому индейцу и по-приятельски хлопнул его по спине.

— Ну чё встал, краснорожий, иди грей задницу, заслужил! Хороший кофей сёдни сварганил!

Было видно, что проводник хочет отвлечь повара от разговора, и хотя старик обычно понимал не больше половины сказанного, Хэнк, по всей видимости, не хотел, чтобы тот размышлял даже над малой частью услышанного.

Пунк воспользовался приглашением и молча сел, протянув ноги почти вплотную к языкам пламени. Доктор, удивленный нежеланием «бледнолицых» говорить при старике индейце, понял, что, раз беседа прервалась, лучше всего присоединиться к уже давно мирно сопевшему племяннику. Ему очень не хотелось будить молодого человека, раздеваясь в неудобной, тесной палатке, и он решил быстро скинуть одежду на свежем воздухе, а потом уж нырнуть внутрь. Но, случайно бросив взгляд на три фигуры у огня, он залюбовался картиной, словно выхваченной из классического вестерна о пионерах Америки. Все атрибуты были налицо: экзотический покрой и материал одежды, спутник-индеец, костер в диком лесу. Отблески пламени плясали на обветренных лицах двух друзей, которых, сразу видно, водой не разольешь, а вернее — не рассоришь водопадами брани, да такими забористыми, что не снились и пьяному боцману. Воспользовавшись отсутствием клиентов, проводники отвели душу в ругани, а потом в обнимку пошли спать в их общую палатку. Уже засыпая, доктор Каскарт попытался научно проанализировать странное

поведение своих проводников, но пришел к выводу, что для этого недостает информации. Последним чувством засыпавшего доктора была смутная тревога.

Ночью спокойствие снизошло на палаточный городок, несмотря на опасное соседство с дикой природой. Пока она таила от людей свои недобрые повадки, наоборот, показывая свою красоту, чтобы вернее усыпить бдительность и нанести неожиданный удар: расстилала перед глазами тихую гладь озера, похожего на черное звездное небо, сошедшее на землю, давала почувствовать ласку неувлимого дыхания ночи, прелесть свежего, приятно покалывающего легкие воздуха, в котором едва угадывалось приближение зимы.

Но уроженца здешних мест она не могла обмануть. Через час после того, как белые уснули, неслышно, как тень — передвигаться так могут только учившиеся этому с детства, — выскользнул из вигвама старый Пунк. Зверинной поступью он прокрался на берег озера и стал вслушиваться в тишину. Потом принялся, широко раздувая ноздри. Огляделся, еще раз медленно втянул в себя воздух. Неизвестно, что он почувствовал или понял, но через несколько минут неподвижности индеец, словно демонстрируя кому-то свое искусство исчезать, растворился в темноте и возник снова только в отблесках костра возле вигвама.

Вскоре после того, как последний человек заснул, переменялся ветер и легкая рябь пробежала по озеру. Теперь ветер дул с реки Сорока Островов. Он принес нечто неувлимое даже для уха индейца. Неувлимое и в высшей степени необычное. Именно в этот момент Пунк и Джозеф Дефо заворочались и застонали, но не проснулись. А потом все затихло, будто и не было ничего.

Глава 2

Утром солнце осветило охотничий лагерь, покрытый легким слоем выпавшего ночью первого снега. В морозном воздухе витал превосходный аромат уже сваренного Пунком кофе. Все проснулись в хорошем настроении.

— Ветер сменился, — крикнул Хэнк собиравшим пожитки Джозефу и Симпсону. Аккурат вам в спину. На снегу любые следы углядите! Повезло вам, бродяги! —

Потом добавил по-французски: — Бон шанс, месье Дефо!

Месье Дефо ответил что-то в том же духе, показывая, что он в полном порядке и больше не обижается.

Еще не было восьми часов утра, как хранитель очага Пунк остался в лагере один. Каскарт и Хэнк новой тропой шли на юго-восток, а Джозеф и Симпсон плыли на запад в глубь озера на каноэ с припасом на два дня.

Солнце поднялось выше скалистых, поросших соснами берегов озера. Его лучи весело играли в прозрачной воде, освещая самое дно, позволяя наблюдать за жизнью подводных обитателей. На живописных склонах гор гнездились шумные колонии гагар. Симпсон, которому все это было в диковинку, глазел по сторонам, раскачивал каноэ, забывал грести и донимал Джозефа глупыми вопросами. Дефо приходилось трудиться за двоих, но он не обижался. Между спутниками сразу установились дружеские отношения, немыслимые в другой, более цивилизованной обстановке из-за разницы в общественном положении. Незаметно из обращений канадца выпало слово «мистер» и осталось просто «Симпсон» или «босс». Признавая полное, в данных условиях, превосходство проводника, студент не протестовал против фамильярности, а вскоре перестал замечать ее вообще. Это путешествие было для него очень значительным событием. Он впервые покинул свою маленькую уютную Швейцарию, впервые так близко столкнулся с людьми иного образа жизни и другого мироощущения, что заставило его критически посмотреть на себя со стороны. Заранее прочитанные книги об этом суровом крае оказались бесполезными на деле. Необходимо почувствовать в руках вес смертоносного оружия, тяжесть многодневных переходов по диким, пустынным местам, чтобы кожей понять громаду первобытной страны, скрывавшейся за сухими цифрами о занимаемой ею площади и плотности населения. Теперь Симпсон всеми фибрами души ощущал, насколько он незначителен и беспомощен перед лицом равнодушной Дикой Природы. Только Дефо, слившийся с окружающим миром почти в единое целое, стоял между швейцарцем и Смертью, защищая своего спутника от голода, стужи или зверей. Случись что, не дай Бог, с проводником — и незваный городской гость погибнет. Разве смог бы неуклюжий богослов так ловко управлять каноэ, так умело направить его в удобную бухту на берегу, что лодка как будто сама выскочила на песок? С такой быстротой

замаскировать следы высадки? Так лихо орудовать топором, нанося метки на деревья?

— Видишь метку? Останешься один — возвращайся по следам, найди метку.

Это было сказано между прочим, как само собой разумеющееся, но Симпсону стало жутко. Выходит, что от двух малюсеньких отметин-зарубок на соснах по обеим сторонам едва заметной охотничьей тропы может зависеть его жизнь!

Они двинулись сквозь туман, отводя мешающие ветки плечами и стволами ружей. Охотничья тропа шла по полузамерзшим болотам, по буреломам, по камням, мимо ручейков, речек, речушек и луж. После десяти часов почти непрерывной быстрой ходьбы они вышли на скалистую опушку. Впереди до самого горизонта простиралась водная гладь с торчащими тут и там каменными глыбами всевозможных размеров и форм.

— Река Сорока Островов, — благоговейно, будто представляя Ее Величество Королеву, прошептал Дефо. И вдохновенно добавил: — Еще ей имя — Страна Тысячи Брызг.

Охотники начали устраиваться на ночлег. Это не заняло много времени благодаря искусству проводника делать только нужные движения и никаких больше. Вмиг была поставлена палатка, устроены постели и разведен костер. Напоследок Дефо оставил Симпсона чистить пойманную по пути рыбу, а сам отправился посмотреть лосиный след. Богослов с восхищением наблюдал за своим многоопытным товарищем: за его неслышной походкой, за умением сливаться с лесом. Буквально через несколько шагов проводник исчез, будто растворился в сумерках. А ведь лес на опушке не стоял сплошной стеной, а был достаточно редким! Его можно было сравнить с парком, по-европейски ухоженным. Недалеко от места стоянки пролетгла километровая полоса сгоревшего леса с обуглившимися голыми стволами, похожими на черные колонны. Порывы ветра доносили легкий запах гари, омрачая сумерки переносимыми с места на место облачками повисшей в воздухе золы.

Наступал вечер. Было тихо; только дрова потрескивали в костре да волны лениво плескались о берег озера. У Симпсона разыгралась фантазия, обстановка действовала на его воображение. Ему стали везде чудиться лешие:

за стволами деревьев, за камнями, за островками в воде. Затем сами островки превратились во вражеский флот, а кроны деревьев — в эскадрильи бомбардировщиков, нависших над головой и готовых бомбить. Облака тщетно пытались заслонить звезды, с которых уже летела подмога для земной нечистой силы.

Вся прелесть окружавшего, восхитившая его утром, куда-то улетучилась. Он нервно коптил очищенную рыбу, роняя куски и обжигая руки. Недавнее ощущение заброшенности и беспомощности перешло постепенно в страх остаться одному.

«Боже, а если Дефо не вернется?»

Не чувствуя вкуса, он сжевал несколько рыбешек и выпил чаю такой крепости, что могла бы свалить с ног любого мужчину, не пройди тот до этого миль тридцать безостановочным маршем. Но тут и проводник вернулся, к тому же в хорошем настроении, хотя и не встретил ни одного следа лося. Это не обескуражило его: по темноте и в спешке навряд ли что заметишь. Утром наверняка повезет больше. Они шутили, смеялись, обсуждали планы на завтра. Но у молодого человека было беспокойно на душе.

— Послушай, Дефо! Тебе не действует на нервы, что этот лес чересчур уж большой?

Следопыт ответил неожиданно серьезно, без тени улыбки:

— В самую точку, босс! Большой. Очень большой. — А потом пробормотал сумрачно себе под нос: — Гиблое место, помяните мое слово.

Симпсон пожалел, что заговорил об этом. Зачем портить человеку настроение, даже если оно у тебя самого поганое? Он припомнил лекции дяди о поведении людей в экстремальных условиях: некоторые поддавались мрачному состоянию духа до такой степени, что оно переходило в безысходность, потом в панику и гнало бедолагу сквозь непролазные дебри навстречу гибели. Богослова уже начала тревожить собственная мнительность: то чудовища, а теперь вот кажется, что Дефо чего-то недоговаривает... Может быть, не хочет его беспокоить? Усилиями воли он отогнал навязчивые подозрения, перевел разговор на другое: где-то сейчас Хэнк с доктором?

— А-а, недалеко. По ту сторону озера, миль 60 на запад. А Пунк миль 30 на запад торчит в лагере, ловит форель и попивает кофе, лентяй.

Они вместе посмеялись над ленивым Пунком, однако беспокойство Симпсона вспыхнуло с новой силой, словно кто подбросил веток в тлеющий костер. 60 миль! И это называется «недалеко»! Он совсем упал духом, не в силах поддерживать светскую беседу.

Молчание затягивалось. Дефо раскрыл кисет, набил табаком трубку, раскурил и запел одну из тех протяжных песен, которые пели первопроходцы, пробиравшиеся две сотни лет назад в глубь континента — в непрерывных войнах с природой, индейцами и друг с другом. Голос свободно разносился над водой, но лес, казалось, не принимал его, заглушал, не возвращая эха. Во время второй песни что-то произошло. Мелодия резко прервалась. Молодой человек быстро повернулся и успел заметить, как канадец, будто продолжая неслышно петь, открывал и закрывал рот, неотрывно глядя в одну точку расширенными от ужаса глазами. Словно опомнившись, он перестал хлопать челюстью и вскочил на ноги, при этом странно задирая нос вверх. И начал принюхиваться! Со стороны могло показаться, что никудышный актер пытается играть роль пса-ищейки. Зрелище производило тягостное впечатление.

«Обнюхав» все направления, проводник выделил одно, подветренное, в сторону озера, и повернулся туда лицом.

— Что случилось, черт побери! Ты чего-то боишься? — закричал Симпсон, но тут же понял, что это был глупый вопрос. Или у него нет глаз и он сам не видит бледного как снег канадца с трясущимися губами? Сбавив тон, молодой человек тем не менее не смог удержаться от вопросов.

— Что там? Лось? Привидения?

Со всех сторон их окружал темный лес, ставший вдруг угрюмым, как сама смерть. Облетевший лист дуба спланировал в костер и там сторел с громким щелчком, выбросив столбик дыма. Тысячи подобных мелочей, ничего не говорящие по отдельности, но невидимой рукой собранные вместе, опутали двух людей незримой, но крепкой сетью. Без слов было ясно, что рядом происходит нечто, чего они не в силах ясно представить. Но что теперь делать?

— Не задавать вопросов, Симпсон. Где у нас спички?

Бледность Дефо перешла в синеву. Он сел, закурил. Попытался успокоить товарища, оправдывая свое странное поведение.

— Это все песня. Когда я был ребенком, слышал колыбельную. Плохая песня, не буду петь больше.

Подобное объяснение никак не успокоило молодого человека, скорее наоборот, и проводник это понял. Теперь они оба были бессильны делать вид, что ничего не происходит, что их не коснулось смутное дыхание чего-то неведомого, сверхъестественного. Однако что тут можно было предпринять? С кем бороться? Куда бежать?

В конце концов они успокоились. Наваждение отступило, и они снова стали создавать видимость спокойствия и обыденности. И все же что-то не ладилось. Как ни старался, богослов не мог отыскать объяснения своему припадку иррационального ужаса. Может быть, виною усталость? Уже десять часов вечера: глубокая ночь для настоящих охотников! Измученный богослов осмелился предложить опытному следопыту свой вариант решения всех проблем: лечь спать. В ответ тот долго молчал, совершая, против обыкновения, массу ненужных мелких движений, собиравшись с мыслями и наконец спросил:

— Ты ничего не чуял?

— Нет, — ответил почти сердито уставший Симпсон.

— Совсем?

— Совсем!

— Хорошо! — сразу повеселел Дефо.

— А ты? — резко спросил Симпсон и тут же пожалел о сорвавшемся вопросе. Увы, слово не воробей, вылетит — не поймаешь.

Проводник снова помолчал, прежде чем ответить.

— Нет, я тоже ничего не чуял. Это все песня виновата. Ее пели первопроходцы, когда чуяли Вендиго.

— Что еще за Вендиго? — Симпсон всеми нервами ощутил, что вот она, тайна, которая коснулась их.

— Да так. Никто его не видел. Старый пьяница-таппер рассказывал, что это такой зверь. Невидимый, жестокий, очень быстрый...

— Бабушкины сказки! Отпустите руку, Джозеф, я хочу спать! Завтра нам вставать с рассветом.

Дефо отпустил его руку, так и не рассказав всего, что хотел. В раздумье он посидел возле костра, пока его младший спутник возился в палатке, устраиваясь на ночлег, потом сходил за самодельным фонарем и заботливо поставил его у самого входа в палатку. Тени от тысячи веток, колебавшихся от легкого ветра, плясали на брезентовом полотнище. Охотники улеглись, не раздеваясь, хотя внутри было тепло и уютно. Не сговариваясь, они повиновались безот-

четному чувству потерпевших крушение посреди враждебного, бушующего океана.

Ночью среди тысячи теней от веток появилась еще одна Тень. Та Самая, что, упав на певца, прервала его странную песню-заклинание.

Глава 3

Ночью Симпсон проснулся от странных звуков, едва угадываемых среди шума деревьев и плеска волн. Вернее, сначала, отдельно от него самого, пробудилась его тревога. Потом он тщетно прислушивался сквозь дремоту, но ничего не слышал от стука собственного сердца и шума в ушах. Прошло много времени, прежде чем источник звуков обнаружился не в лесу, не в озере, не на небесах, а совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, на соседней кровати. Это Дефо, укрывшись одеялом с головой, тоскливо и страшно стонал, как будто его кто-то мучил. Первым инстинктивным чувством Симпсона была острая жалость, вызвавшая слезы у него на глазах. Почему-то в воображении возник образ одинокого ребенка, плывущего в колыбели посреди океана. Что за чепуха лезет в голову? Он устало присел рядом и стал расспрашивать проводника.

— Дефо, что случилось? Тебе больно? У тебя горе?

Фигура под одеялом не шевельнулась даже после того, как он потряс ее.

— Ты спишь, Джозеф?

Может быть, Дефо стонет во сне, потому что ему снится плохой сон? Тут он заметил, что голые ноги проводника высунулись наружу из-под полога палатки.

— Ты замерз?

Взяв свое одеяло, он укрыл товарища, но решил не тревожить его, втаскивая обратно в палатку.

Дефо лежал неподвижно, дышал ровно. Легко приложив руку к груди, можно было почувствовать спокойное биение его сердца.

— Тебе чем-нибудь помочь? Ты скажи.

Непонятно, что делать в такой ситуации. Симпсон снова прилег. Видимо, Дефо сгинул во сне. Но как страшно! Этот стон запомнится ему теперь на всю оставшуюся жизнь. Не потревожит ли Джо спокойствие дикого леса? Долго еще богослов обдумывал случившееся, пытаясь, не

без успеха, извлечь рациональное объяснение. Но в самой глубине души лежала неуспокоенная тревога.

Глава 4

Сон — лучшее лекарство. Он успокаивает, отодвигая все заботы на будущее, дает отдых, восстанавливает силы, но одновременно сон — это злейший враг в момент опасности, когда требуется полная мобилизация всех способностей. Он убаюкивает, когда надо бодрствовать, нашептывает успокаивающие глупости, когда надо смотреть в оба. Но что такое сон, когда ни предпринять ничего нельзя, ни успокоиться невозможно? Вязкая полудрема, не похожая ни на что: одна половина мозга затянута мраком, пока другая — то ли следит за событиями, то ли грезит наяву.

Таково было состояние Симпсона. Что делать, он не знал, а приемлемого объяснения происшедшему не придумал, потому что, как он считал, не заметил чего-то важного, ставящего все на свои места. Но что тут можно было проглядеть?

В полусне ли ему почудилось, или он на самом деле видел темную фигуру соседа, сидящего на постели и дрожащего мелкой дрожью? Далеко не сразу, только на следующий день, он понял, что проводника не лихорадило, а приводило в трепет что-то стоящее прямо перед пологом их палатки. На этот раз Дефо не кричал, а просто съежился от страха, инстинктивно желая стать маленьким и незаметным, забиться куда-нибудь в угол.

Проснувшись, Симпсон задал какой-то вопрос проводнику, но не дождался ответа. Он с удивлением посмотрел на него и вспомнил ночную сцену, так встревожившую его. В этот момент, нарушая почти космическое безмолвие леса, раздался необычный звук. Он исходил откуда-то сверху, неожиданный, отчетливый и невыразимо жуткий. Его можно было бы принять за человеческий голос, если бы не явственная примесь дикого рева, не мешающая, однако, странному крику быть мелодичным и необъяснимо влекущим. Мелодия состояла из двух различных нот; если постараться, можно было даже разобрать постоянное повторение имени проводника: «Де-фо, Де-фо».

Впоследствии студент с изумлением понял, что он, посвятивший себя высокому призванию — изучению

божественного слова, не может адекватно описать эту ужасную песню, потому что ее не с чем сравнивать, ничего похожего не найти в человеческом бытии. Вместо объяснений получались одни противоречия: с одной стороны, звук походил на дикий, озлобленный рык, а с другой — на тихий, зовущий плач.

Раньше, чем это наваждение кончилось, Дефо вскочил вдруг на ноги с ответным криком. Как лось сквозь тонкую паутину, прорывался он к выходу, опрокидывая и отшвыривая все на своем пути. Нигде не задерживаясь, не переставая кричать, проводник мчался на зов, не разбирая дороги. Стремительность его движений была невероятна: прежде чем Симпсон успел выглянуть наружу, его товарищ и наставник в науке выживать уже скрылся из глаз. Теперь в затихающем крике Симпсон обострившимся слухом различил слова: «Ноги горят! О-о-о! Мои ноги! О-о-о!»

Затем крик совсем затих, и равнодушное безмолвие снова опустилось на лес, как будто ничего не случилось. Прошло всего несколько секунд.

Не поспевая за событиями, Симпсон терялся в догадках. С минуту он готов был предположить, что до сих пор спит и видит продолжение ночного кошмара. По инерции он чувствовал присутствие соседа, подобно тому как недавний инвалид ощущает уже ампутированную руку или ногу. Но одновременно в ушах его стоял полубезумный крик, а в ноздри проникал незнакомый запах, пропитавший, казалось, и палатку, и все окрестности. Он выбрался из палатки, тупо оглядываясь...

Все было как вчера: те же деревья, озеро, тот же костер. Единственное, что нарушало прежний вид, — темные следы внезапно сбежавшего проводника, выделяющиеся на тонком слое выпавшего ночью снега.

Он двинулся по следам убежавшего. В тишине отчетливо разносился звук его шагов. Ни чувств, ни мыслей; Симпсона охватило внутреннее оцепенение — защитная реакция на вспышку паники. Только быстро рассеивающийся запах как-то затрагивал его внимание. Пытаясь определить его природу, Симпсон старался сосредоточиться, но у него ничего не получалось. Даже приблизительное описание не удавалось: опять не с чем было сравнивать, слишком противоположные характеристики приходили на ум: дикий запах льва и цивилизованный запах парфюмерии, затхлость болота и свежесть озона после грозы. Очень мешали запахи леса.

Казалось, что он бежит из всех сил, но странное дело — он замер на месте, тупо глядя на огонь. Вместе с чувством реальности просыпался ужас, страх перед собственной беспомощностью в незнакомых обстоятельствах. Он начал лихорадочно осматриваться по сторонам, почему-то ожидая внезапного нападения. Потом силы оставили его, закружилась голова, затошнило, и он тяжело рухнул на мерзлую землю.

Никто не нападал. Легкий порыв ветра сначала взломал непокрытую голову лежавшего человека, а потом будто прикрыл его сорванным и упавшим прямо на макушку листом. Лес утешал его. Симпсон почувствовал, что замерзает. Дремавшее доселе чувство долга одержало верх над беспомощностью, подчинило себе измученное тело. Но образ действий должен был подсказать разум, еще не пришедший на помощь, и он сделал то, что сделал бы на его месте любой несмышленный ребенок — закричал что есть мочи: «Д-е-е-ф-о-о-о!» — и слушал с надеждой приглушенное эхо. Затем, с трудом встав и еле передвигая ноги, побрел по чернеющему следу, временами теряя его в тех местах, где слишком густые кроны деревьев не дали снегу долететь до земли. Собственный крик, постепенно перешедший в хрип, в конце концов стал пугать его самого, и он замолчал. Заплутав, он ошибся направлением и пошел по следу в обратную сторону, к палатке.

Вместе с отрезвлением пришло время спокойных, мужественных решений. Прежде всего надо подкрепить силы. Он приготовил завтрак, сварил кофе. После еды настроение заметно улучшилось, благотворно повлияв на умственные способности. На свет Божий явился наконец план действий: перво-наперво продолжать поиски, вооружившись и взяв припасы, до тех пор, пока хватит сил. Во-вторых, если поиски не увенчаются успехом, что вероятнее всего, возвращаться в лагерь к дяде за помощью.

План придавал его движениям осмысленность и энергию. Чтобы больше не блуждать, он взял с собой маленький топорик, для того чтобы, по примеру Дефо, оставлять зарубки на стволах деревьев. Солнце к тому времени светило явственно, облака не мешали ярким лучам, свет доходил до самых укромных уголков.

В восемь часов утра Симпсон отправился в путь. Сразу стало очевидным различие между человеком испуганным и человеком разумным: только младенец мог не заметить

рядом с человеческими следами явственные следы животного. Конечно же! Дефо увидел крупного зверя, наверное, лося, и охотничий инстинкт погнался следопыта за добычей! Впрочем, как он мог побежать без ружья? И чего он тогда боялся ночью? Кто кричал? Воспоминание о крике остудило боевой дух молодого человека. Его снова охватило ощущение собственной незначительности и бесполезности усилий. След животного при более внимательном рассмотрении выглядел странным, не похожим на след лося. Ему вспомнились прежде охотничьи уроки, когда Дефо описал ему форму копыта и самца и самки! Это совсем не то! Это какой-то овальный, большой и гораздо более глубокий! Может, это медведь? Нет. Вроде нет. А других зверей богослов не знал. Похоронное настроение усилилось, пропало всякое желание идти дальше. Остановившись в нерешительности, молодой человек нагнулся, и его чуть не вырвало: от следов исходил тот самый запах. Память, вырвавшись из-под власти рассудка, стала демонстрировать все страшное, что он за вчерашние сутки видел и слышал. Даже то, что скользнуло по поверхности сознания, теперь предстало во всей красе: Тень, маячившая у входа в палатку, трясущийся от страха Дефо, отодвигающийся от этой Тени, и этот проклятый запах, доносившийся с озера и прервавший пение проводника. Оглушенный видениями, Симпсон застыл посреди безмолвного, безлюдного леса, чувствуя, как все деревья насмешливо поворачиваются и смотрят на него: не струсит ли он?

Стиснув зубы, он противостоял страхам. Яростно, как врагов, рубил деревья, засекая на них отметины для обратного пути. Громко, как заклинание, повторял каждые несколько секунд имя попавшего в беду товарища. Вскоре он достиг автоматизма, механически повторяя взмахи и крики, не обращая внимания на то, что делает... отгоняя мысль о том, что по шуму его может отыскать Зверь... что, может быть, он идет навстречу гибели.

Хотя снегу выпало мало, трезвый взгляд без труда отыскивал следы бедного Дефо. Проводник бежал по безукоризненной прямой, изредка огибая встречавшиеся на дороге деревья. Но через несколько миль расстояния между двумя последовательными отпечатками стали сильно увеличиваться, затрудняя поиски. Было похоже, что проводник стал передвигаться прыжками, преодолевая расстояния, и не снившиеся обычному человеку. В довер-

шение следы Зверя попадались теперь только рядом со следами проводника! Как будто неведомая тварь несла человека, из последних сил взмахивая крыльями в безуспешных попытках оторваться от земли со слишком тяжелым грузом. Боже мой, Дефо, что случилось с тобой?

Глава 5

Что мог поделать в такой ситуации скромный провинциал, привыкший к тихой, спокойной жизни в глухом городишке в самой середине Европы, склонный к абстрактным размышлениям о Святом Духе, полагавшийся больше на Божий промысел, чем на здравый смысл и смекалку? Только молиться! А когда к тому же вдруг обнаружилось, что с расстоянием меняется не только длина шага, но и очертания и окраска следов, Симпсон позабыл все псалмы и едва верил своим глазам. Может быть, так странно подтаивает снег? Но нет, ясно видны параллельные тропки следов, сначала разных, потом одинаковых. Одинаковых? Боже! Волосы на затылке Симпсона зашевелились, как будто кто-то взъерошил их холодными пальцами! Путь и зверя и человека резко обрывался! Вот они, две пары последних овальных ямок, глубоких, отпечатавшихся уже не на снегу, а на земле. А дальше, на сотни ярдов, все чисто, как на бумаге! Здесь нет подлеска, деревья редкие, мышке спрятаться негде. Сколько ни стой, сколько ни озирайся — Дефо и загадочный зверь исчезли, как сквозь землю провалились. Уж не провалились ли они, и в самом деле, в преисподнюю? Не дьявол ли вышел из ада за очередной жертвой?

Как будто отвечая на эту мысль, тишину прорезал жуткий вопль. Ружье выпало из рук Симпсона, все существо его обратилось в слух. Затаив дыхание, он вслушивался в далекое эхо. Кричал Дефо.

— О-о-о! Я упаду-у-у! Ж-же-ет! Но-о-ги-и!

Крик среди мертвой тишины прозвучал один раз откуда-то сверху и больше не повторялся. Но и этого единственного раза, как последней капли, оказалось достаточно, чтобы рассудок уступил место инстинкту. Дальнейшие действия Симпсона напоминали метания волка, угодившего в западню. Бросаясь из стороны в сторону, воя по-волчьи, он уже не сопротивлялся захватившей его волне

первобытного страха. Словно безумный, он кинулся обратно к палатке, подгоняемый чувством одиночества — отчаянием волка, отринутого стаей. Неистовый крик стоял в ушах, толкал все вперед и вперед, подальше от ужасного места. Зарубки на стволах улавливали не глаза, а скорее кожа. Ноги жили отдельной жизнью; каждый орган исполнял свои функции, не испрашивая на то команд, которые перестали поступать с центрального пульта управления — мозга. Чудом он оказался возле палатки. Руки сами отыскивали застежку полога, разбросали какие-то твердые коробки, расчистили зачем-то место. Ноги сами осторожно выбирали, куда ступить, чтобы не споткнуться, чтобы не привлечь к себе внимания. Дыхание временами само собой прерывалось, стараясь быть как можно менее шумным... Каким образом Симпсон добрался до дядиного лагеря, он не мог впоследствии объяснить или вспомнить хотя бы часть из того, что делал дорогой. Впрочем, о чем-то можно было догадаться и без него. Например, о том, что компас помогал ему находить направление. Прибор был заляпан грязью и с открытой крышкой лежал сверху в рюкзаке. Переплывая озеро на каноэ, Симпсон орал, как белый медведь в жаркую погоду, и его вопли, разлетаясь на несколько миль вокруг, достигли слуха вернувшихся охотников. Это было в полночь, на следующие сутки.

Глава 6

Очнувшись от беспамятства, богослов одним махом перенесся из сказочного мира в мир реальный, олицетворением которого послужил дядя: спокойный, немногословный, всегда твердо стоящий на почве фактов ученый. От одного его вида и звука голоса беспамятство исчезло, и стало неловко за свою трусость, за постыдное бегство.

Потом, сидя у костра, полузасыпая, он сбивчиво поведал, что мог, и его уложили отдыхать. Для лучшего сна доктор Каскарт прописал племяннику укол морфия, после чего тот проспал шесть часов как убитый.

В это время состоялось обсуждение рассказа молодого человека. Симпсон не нашел в себе сил изложить все подробности. Взглянув на себя глазами дяди, представив, как профессор будет реагировать на описание криков, запаха и цвета следов зверя или на превращение Дефо в дьявола,

он содрогнулся. В его рассказе все было прозаично: проводником овладела навязчивая слуховая галлюцинация. Ему казалось, будто кто-то зовет его, и он, бросив все, побежал навстречу крику... без еды, без оружия. Догнать беглеца не удалось. Такая история не оставляла места для загадок и раздумий. Было ясно, что канадца надо найти, пока он не умер от голода или холода или не погиб в когтях медведя.

Утром, однако, во время сборов, Симпсон потихоньку поведал дяде больше, чем остальным. Хотя опять же не все, а только про легенду о Вендиге и о том, как Дефо нюхал по-собачьи воздух. Осторожно добавил, что почувствовал страшный запах сам. В пути молодой человек по капле выдавливал из себя дополнительные подробности и под конец уже рядом с их прежней стоянкой у реки Сорока Островов рассказал дяде про крик проводника о помощи, хотя не описал его. Еще сказал, что видел, как следы человека постепенно становились похожими на звериные, но не упомянул про увеличение длины шага у обоих. Как мог оттягивал Симпсон момент, когда надо будет сначала выложить все, а потом выдержать взгляд известного психолога и его профессиональные вопросы: «Какой сейчас год? Как тебя зовут?» Каскарт, конечно, примет его за сумасшедшего, пусть так. Но все время врать, одному нести груз знания о случившемся тоже невозможно. Тогда он и в самом деле рискует сойти с ума.

Но доктору Каскарту уже было ясно, что его подопечный не в себе. Одиночество, физическая усталость сказались на племяннике сильнее, чем он ожидал. Но об этом не следует говорить несчастному мальчику, иначе наступит депрессия. Лучше наоборот — подбодрить и похвалить его. Врачи часто лгут во спасение больных, им не привыкать.

— Мой мальчик, не волнуйся так. Ты молодец. В твои годы не знаю, смог бы я вести себя так разумно и мужественно, как ты. Все объяснимо: влияние одиночества сказывалось еще и не на таких, как мы с тобой. К вашей палатке, конечно же, подходил лось. Кричала какая-нибудь озерная птица. Знаешь, как долгая тишина влияет на слух? Надеюсь, ты читал об экспериментах с космонавтами по проверке их устойчивости к космическому безмолвию? После нескольких дней абсолютной тишины у них начинались сильнейшие слуховые галлюцинации! Это у космонав-

тов, людей специально тренированных! Форма следа объясняется зрительной галлюцинацией, ты в этом сейчас убедишься, когда мы дойдем до места. Единственное, что меня смущает, это запах.

— Когда я его учуял, у меня коленки ослабли.

— Можно только удивляться, что при данных обстоятельствах с тобой не случилось чего похуже.

Спокойный, уверенный дядя иногда казался все-таки черствым и бездушным.

В конце концов они добрались до палатки с потухшим костром у входа. Ничего не изменилось, если не считать растащенную до последней крошки еду. Несъедобные спички лежали нетронутыми.

— Нет, не было здесь никого, кроме крыс, — деланно громким голосом сказал Хэнк Дэвис. — Клянусь бородой! Это так же верно, как я стою тут! А вот где Джо, это... — Тут он добавил, больше не щадя ушей богослова и хозяина, несколько слов, не имеющих отношения к делу, которые, из соображений нравственности, можно опустить. — Щас же давай начинать искать, пока я не лопнул от горя!

Но они все вместе постояли немного, осматривая последнее, что сделал их товарищ: зажженный им костер, поставленную палатку, устроенные постели. Повсюду ощущалось его присутствие. Симпсон оказался самым спокойным в этот момент. Он уже многое пережил за эти сутки, да и дядино лечение сказывалось.

— Он убежал туда, — сказал богослов, махнув рукой в сторону следов. — И шел по точной прямой две мили, а потом след оборвался.

— А потом ты слышал крики, нюхал зверя и все такое...

— Да, где у тебя начались галлюцинации, — добавил доктор с легким, едва слышанным Симпсоном вздохом.

Оставалось добрых два часа до темноты. Два опытных путешественника, не теряя времени, устремились по указанному направлению. Их молодой спутник, ослабевший от невзгод, остался у жилища поддерживать огонь и готовить пищу.

Через три часа, уже в полной темноте, охотники вернулись ни с чем. Свежий нетронутый снег закрыл все следы, разрушив последнюю хрупкую надежду быстро разыскать товарища. Единственным ориентиром остались метки на стволах от топорика Симпсона. Что тут делать даже

бывалым охотникам? На таких огромных просторах можно искать годами без малейшей надежды на успех. А жаль, хороший был человек! На Крысином Волоке у него осталась семья. Он был единственным кормильцем. Как они будут без отца?

Задним умом все крепки. Вот и доктор заговорил за ужином у костра про предрасположенность Дефо к умопомешательству. Припомнил и меланхоличный нрав, и склонность к пьянству.

— Что-то послужило внешним толчком к реализации внутреннего состояния. Вот и все, — резюмировал Каскарт. — Теперь Дефо наверняка погибнет. Может быть, в эту секунду, в это мгновение он умирает.

Хэнк застонал.

— Нет, — сказал он, — давайте поищем подольше!

Естественно! Они сделают все, что в человеческих силах. Увы, сколь малы эти силы!

Они заговорили о планах на завтра. Нужно разбить местность на три сектора. Искать систематически, тщательно, используя каждую минуту светлого времени суток. Затем разговор перешел на внешнюю причину, подтолкнувшую бедного Джозефа к трагическому концу. Горожане, к явному неудовольствию проводника, стали расспрашивать его про Вендигу.

— Вот как? Опять Вендигу?! Ну, краснокожие видели, грят. Когда кто-нибудь из местных сходит с ума, про него грят, что он «видел Вендигу».

Дэвис сообщил еще, что по слухам, почерпнутым у индейцев, Зверь совсем недавно поселился в этих местах. Вот почему канадец так не хотел здесь охотиться.

Симпсон наконец собрался с духом и рассказал про все, что случилось с ним, умолчав только лишь про слово, слышавшееся в зове Зверя.

— Но, мой мальчик, это поверье тебе пересказал сам Дефо, не так ли? Испытав потрясение, твой мозг попросту извлек из памяти эти мифы и сделал их реальностью.

— Нет-нет, он только назвал имя, и все! Про легенду ничего не говорил!

Постепенно весь ужас положения начал доходить и до самого скептически настроенного. Доктор перестал глядеть бравым молодцем, сбавил тон. Слух его вдруг обострился, он стал различать самые тихие звуки: вот снег упал с ветки на землю, вот плеснула рыба хвостом в озере,

лист закружился в воздухе. Страх, иррациональный и дикий, первобытный неандертальский ужас опустился на компанию. Разговоры прекратились. Хэнк повернулся лицом к лесу и за весь оставшийся вечер больше ни разу не показал деревьям спину. А если надобность вынуждала его отходить от костра, например за дровами, то он делал ровно столько шагов, сколько было необходимо, осторожно оглядываясь и прислушиваясь.

Глава 7

Стена безмолвия окружила троих людей. Легкий снежный покров приглушал звуки от падающих листьев, мороз заставил спрятаться мелких лесных птиц. Слышны были только редкие возгласы да потрескивание дров в огне. Иногда в невидимой вышине шелестела крыльями какая-то крупная птица. Время тянулось тягуче медленно и незаметно подползло к полуночи. Никто у костра не испытывал сонливости.

Паузы в разговорах становились все длиннее и мучительнее. Несмотря на нелюбовь к пустопорожней болтовне, доктор Каскарт старался, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, подбрасывать время от времени топливо в едва тлеющий огонек беседы. Сейчас он смог бы заговорить о любой чепухе, пришедшей ему в голову, в том числе и о Вендиге.

— Кстати, легенда о Вендиге, я думаю — это персонификация воздействия здешних условий на неустойчивую психику.

— Я думаю, док, это — зов предков.

Снова потянулась пауза. Когда доктор заговорил, оба его собеседника от неожиданности едва не подпрыгнули, хотя голос его звучал тише обычного.

— Да, зов предков. Наследственная память о первобытной жизни. Здесь много низких звуков: вой ветра, шум деревьев, рев животных. Такие звуки очень сильно действуют на внутренние органы человека, а значит, и на психическое состояние. Кстати, основное, что говорит легенда о Звере, — это его невероятная быстрота передвижения. Я слышал, что он обгоняет собственный взгляд и поэтому ничего не видит, а ноги у него горят — в буквальном смысле. Ему приходится отбрасывать их, словно

ящерице — хвост, и тут же вырастает новая пара, которая в свою очередь сгорает и уступает место новой.

Симпсон слушал дядю со смешанным чувством страха и удивления. Это чувство усилилось после того, как он посмотрел на Хэнка. Проводник сидел, казалось, отрешившись от всего земного, ничего не видя и не слыша. Когда он начал говорить, было похоже, что голос принадлежит не ему, а идет откуда-то из-под земли.

— Это еще не все. Еще гряд, он прыгает выше деревьев и сердится на звезды — мол, это они жгут его ноги. А прыгает он не один, а с добычей. Потом бросает ее с высоты и, уже убитую, ест. Добыча у него одна — лось. Так что он — пожиратель лосей! — засмеялся Хэнк неестественным смехом. («Пожиратель лосей» в той местности означало грубое ругательство.)

Симпсон сначала удивлялся болтливости дяди и замозильному тону Хэнка, а потом ясно увидел, почему так себя ведут «бывалые, опытные люди». Они тоже боялись! Разговаривали, пытались даже смеяться, спать не ложились, как будто так и должно быть. А он уже отбоялся свое, прошел через испытание и выжил. Теперь он настоящий мужчина, на равных с дядей и Хэнком Дэвисом. Что стоит весь их опыт, когда они встретились с чем-то, не входящим в рамки привычного?

И вот три человека сидели, переговаривались, приглушая, против воли, голоса, стараясь отвлечься от мрачных мыслей и дурного расположения духа. Дикая Природа вырвала из их рядов первую жертву. Последнюю ли?

Наконец один из посидельцев, самый неугомонный, выкинул фортель, не в силах вынести безделья и последней, самой долгой с начала вечера паузы. Это был Хэнк. Он вскочил на ноги и заорал что есть мочи в сторону леса. Не мог, видимо, больше сдерживаться и хотел хоть что-нибудь сделать. Потом очнулся и, стыдясь своей выходки, попытался найти ей подобие разумного объяснения.

— Я эта... Дефо кричу. Кажись, он где-то рядом.

Это была, понятное дело, несусветная чушь. Доктор так и хотел сразу сказать, но вдруг Симпсон вскочил на ноги и встал рядом с проводником. Это уже становилось опасным. Они, кажется, были готовы сейчас же бежать на помощь. В темноту, в холод, в неизвестность. Каскарт тоже поднялся с места, твердо намереваясь остановить безумцев.

Неизвестно, чем бы закончилось это столкновение, не прервись оно в самом начале новыми обстоятельствами. В ответ на вопль Хэнка раздался отчаянный крик: «О-о-о! Ноги! Жжет! Я упаду! О-о-о!»

Зовущий на помощь, дикий от боли крик шел сверху. Над верхушками деревьев прошелестело какое-то тело. Огромное, судя по порыву ветра, вызванного им.

Хваленое хладнокровие доктора Каскарта дало трещину и пошло ко дну. Он заметался, как мокрая курица под колесами автобуса, и кинулся «домой», к палатке. По дороге споткнулся, упал и замер, как будто замерз. Хэнк не делал излишних движений, а просто, побледнев как снег, тихо опустился на землю и сел в позе младенца, раскрыв рот и пустив слюни. Симпсону представилось, что сейчас он напустит лужу. Лишь он, самый молодой, сохранил присутствие духа, только ему это все было уже не в диковинку.

— Ну что,— сказал он,— не верили мне? Точно такой крик я и слышал. Даже слова те же.

А потом закричал, подняв голову вверх, стараясь угадать, в какой стороне находится источник шума:

— Дефо, прыгай! Мы здесь! Прыгай, милый!

Мгновенно раздался шум чего-то падающего с высоты. Это таинственное что-то стучалось о ствол, ломало ветки и через несколько секунд шлепнулось на землю.

— Это он! Его хранил Господь моими молитвами! — закричал быстро пришедший в себя Хэнк Дэвис, зачем-то, однако, поправив на поясе охотничий нож и тревожно прислушиваясь.

Легкие, тихие шаги казались им тяжелой поступью каменной статуи Командора. И Хэнк и доктор Каскарт сами превратились в подобие неподвижных каменных изваяний. Они все втроем сгрудились у огня и ждали худшего. Медленная поступь — слишком медленная, черт побери! — постепенно приближалась.

Глава 8

Вскоре в темноте можно было различить какой-то неясный силуэт. Фигура двигалась с остановками, неуклюже, как балаганная кукла, управляемая нитями из темной вышины. Последний раз существо остановилось — это были самые неприятные мгновения — в нескольких футах

футах от светлого круга, отбрасываемого костром. Затем вошло в освещенную зону, и оказалось, что это человек, исчезнувший Дефо.

Бурных объятий не было. Три пары глаз уставились в молчании на вновь прибывшего, сияясь взглядом проникнуть сквозь внешнюю оболочку Неведомого, которое, несомненно, плотно окружало теперь Джозефа Дефо.

— Ну что? Ты звал меня, Хэнк? — едва слышным, измученным голосом проговорил Дефо, потом добавил: — Я словно побывал в аду, вы верите?

И тихо засмеялся, после чего спокойно повернулся, как будто ничего не случилось, к другим охотникам.

Это возымело неожиданные последствия. Бледный как смерть Хэнк Дэвис кинулся на спасшегося с кулаками, выкрикивая какие-то ругательства. От полноты чувств он перешел на другой, наверное, более выразительный язык, похожий на индейский. Симпсон мельком подумал почему-то, что им повезло с Хэнком и очень хорошо, что он здесь. Но дядя, похоже, не разделял этой неизвестно откуда взявшейся мысли. Доктор Каскарт оттолкнул своего многолетнего спутника, защитил новоприбывшего и принялся хлопотать около него: дал одеяло закутать ноги, согрел фляжку виски, наложил еду в трясущуюся вместе со слабыми руками тарелку.

Симпсон стоял и не знал, что делать. Он не мог очнуться от пронзительного взгляда Джозефа Дефо, проникшего в его душу и словно обжегшего что-то в самой ее глубине. Он стоял в оцепенении, наблюдая происходящее, как сквозь замутненное стекло. Только запах, тот самый запах, заставил его отважиться на вопрос, который, как потом оказалось, мучил их всех.

— Дефо! Это... действительно... ты?

Прежде чем кто-либо успел раскрыть рот, послышался возглас доктора:

— Ну к чему приставать с вопросами? Разве вы не видите, что человек не в себе от голода и усталости? Уймитесь хоть на минуту! Дайте ему поесть спокойно!

Это было сказано Каскартом, чтобы заглушить вновь возникшее беспокойство, чтобы успокоить всех, но главное — себя! Между тем, суетливо кружась вокруг пострадавшего, он все время зажимал нос, спасаясь от странного запаха.

Тот, кто сидел, закутав ноги в одеяло, мало походил на

прежнего Дефо. Как шестидесятилетний старик похож на свою фотографию, сделанную в юности, даже еще меньше. Как маскарадная маска, отражение в кривом зеркале или шарж, грубая карикагура. В подраживающих отблесках костра лицо канадца, казалось, больше напоминало звериную морду. Сами пропорции как будто изменились: голова сплюснулась, рот стал длиннее, губы — короче, обнажились желтые острые зубы. Кожа перестала быть просто обветренной, она посерела, покрылась множеством язв, обросла жесткой, частой щетиной. И голос, и манеры были неестественными, снова приходил на память балаган с его отвратительной, вульгарной игрой, рассчитанной на самый невзыскательный вкус черни. Когда много лет спустя доктор Каскарт пытался подобрать слова, чтобы передать свои ощущения, он говорил, что так мог вести себя человек, побывавший в верхних слоях атмосферы с настолько разреженным воздухом и малым давлением, что чуть не разорвался на куски, но чудом уцелел и никак не может прийти в норму.

Пока психолог с богословом метались, ошарашенные, и не знали, что и думать, невежественный обитатель лесов Хэнк шестым чувством угадал что-то и заплакал. Не утирая слез, он подошел вплотную к Дефо и отчаянно, с болью закричал:

— Ты не Дефо! Дефо я знал двадцать лет! Ты врешь, подонок! — Проводник с яростью уставился на самозванца, словно желая сжечь его неистовым взглядом. — Клянуся своим первым медведем, пусть я... провалюсь под землю, если это не так!

Словно играя роль в мелодраме, он бесконечно повторял на разные лады одно и то же. Жутко было его слушать, еще более жутко было на него смотреть, потому что в его словах угадывалась не просто правда, а Страшная Правда. Эхо разносило крики далеко за пределы их лагеря. Одно мгновение всем показалось, что Хэнк кинется с ножом на сидящую сгорбленную фигуру: его рука потянулась к ножнам после особенно бурного всплеска проклятий, но дело тем и кончилось. Излив силу в словах, он зарыдал и рухнул лицом на землю.

Доктор Каскарт, как глава экспедиции, взял команду на себя и решительно приказал прекратить истерику. Потом, вместе с племянником встав напротив сидящего, твердо выговаривая слова, произнес:

— Дефо! Ты видишь, что происходит? Объясни, пожалуйста, что с тобой было? Хоть немного. Чтобы нам легче было тебе помочь.

Сначала он хотел говорить и действительно говорил тоном командира, но лишь до того момента, когда склоненная над тарелкой голова поднялась и посмотрела на людей взглядом, в котором не было ничего человеческого. Дьявол мог бы посмотреть так, если бы Бог позволил ему разгуливать по земле без опаски. Доктор отшатнулся и чуть не упал.

— После, господа, после... — раздался, как из-под земли, спокойный, тихий голос.

— Но мы не можем так долго ждать! — закричал с мужеством отчаяния доктор. Он был совершенно вне себя.

— Ну, ладно, — сказал «Дефо», с легкостью, как в театре, меняя тон со спокойного на веселый. — Чего там. Я видел Вендиго. Летал с ним...

Неизвестно, что бы еще промямлил этот урод, если бы допрос не прервал небывалый крик. Сначала никто не понял, откуда идет звук. На очень высокой ноте, с повизгиванием, с мяуканьем — он мог бы принадлежать очень крупному, размером с взрослого человека младенцу. Визжал Хэнк Дэвис. Мужественный, смелый, гордый человек! Лежа на мерзлой земле, он показывал рукой на ноги «Дефо».

— Ноги! Посмотрите! Его ноги!

Симпсон так никогда и не узнал, что видел Хэнк, потому что «Дефо» сразу подобрал свои закрытые одеялом ноги в тень, а проводник отказался раз и навсегда говорить об этом. В следующее мгновение дядя с тигриным рыком ринулся вперед и, схватив одеяло, потянул его на себя. Молодой человек и на этот раз не успел ничего увидеть. Заметил только одно: размер ступней у таинственных ног был гораздо больше обычного.

Прежде чем в чью-либо голову пришла первая мысль, «Дефо» вскочил, балансируя, как на ходулях, с выражением страдания и боли на лице. Вернее, не на лице... не на человеческом лице, а на морде отвратительного чудовища.

— Ну что, ноги? Обожгло мои ноги. Вы вылечите их, а пока вы вот что сделайте...

Его тонкий голос внезапно прервался. Он прислушался. Со стороны озера пронесся небольшой вихрь. Снова одинокий лист упал прямо в костер и сгорел, с треском

испустив облачко дыма. Деревья согласованно, как по команде, подняли и опустили ветки. Уже знакомое Симпсону дыхание Неведомого снова коснулось охотничьей стоянки. «Дефо» быстро повернулся и, ловко передвигаясь, нигде не задерживаясь, не споткнувшись ни разу, не шатаясь, легко помчался к озеру. Никто не успел даже пошевелиться, как он уже исчез, и темнота мгновенно поглотила его всего без остатка. Через несколько секунд трое мужчин услышали сквозь шум в ушах и стук сердец шелест большого тела над головами и крик: «Ноги! Жжет! Я упаду!»

Доктор Каскарт умел властвовать над собой, а значит, имел право властвовать над другими. Он силой не пустил рвущегося в лес Хэнка.

— Пустите! — кричал проводник. — Это не Дефо, а сам дьявол! Я хочу посмотреть!

Самый хладнокровный и самый молодой среди них помогал доктору обезопасить самого опытного, но помутившегося разумом от ужасной встречи охотника. Еле-еле, сделав укол, его уложили в постель. Но заснуть тот долго не мог. Сидел в забытьи, время от времени начиная бредить, бормоча какую-то мешанину про огненных людей без лиц, смертоносные быстрые запахи и многое другое. Доктор давал ему таблетки, делал уколы, беседовал, успокаивая. Утром Каскарт встал раньше всех, в пять часов, развел костер, приготовил завтрак. Ночные переживания сказались на нем больше, чем на остальных: вокруг глаз у доктора синели чернильные круги, особенно заметные на белом как мел лице. В семь часов трое очумевших, кое-как приведших себя в подобие порядка людей продвигались как могли быстро к основной стоянке.

Глава 9

По дороге они разговаривали только по необходимости, занятые каждый своими мыслями. Хэнк Дэвис был среди них самой простой душой, он пришел в норму первым. Доктор — наиболее сложно устроенная личность — был поколеблен в самых основах своих материалистических воззрений. Ему требовалось гораздо больше времени, чтобы прийти в себя. Симпсон вышел из приключения с наименьшими потерями. Он не потерял друга, как Хэнк, не поколебал своей веры, как его дядя. Студент-богослов

даже объяснил для себя все происшедшее, насколько это было возможно, непротиворечиво. По его мнению, здесь, в нетронутых цивилизацией, забытых Богом местах, в людях иногда просыпается дремлющая до поры до времени в укромных уголках их душ первобытное зло, а иначе говоря, Сатана. В обычное время он сидит, подавленный молитвами и Церковью, но, дождавшись своего часа, выскакивает на простор и одерживает вверх над слабыми душами: пугает, рождает химеры, то есть галлюцинации, и, как может, вводит в грех добрых христиан.

Дядя, конечно, не согласился с доводами племянника, но никогда не обсуждал их, а только качал головой. Правда, однажды, много лет спустя, он проговорился.

— Знаешь, мой дорогой, — сказал он уже к тому времени не студенту, а молодому священнику, — что запахи не передаются телепатически или внушением? Как мы могли все вместе почувствовать похожий запах, если это была коллективная галлюцинация, как утверждаешь ты?

Это был их единственный разговор на запретную тему. А в тот раз они все-таки встретили Дефо, настоящего Дефо, неподдельного. В лагере. До сих пор остается загадкой, как он один, без снаряжения и припасов, без лодки, нашел дорогу и не погиб. Запах от него так сильно испугал индейца Пунка, что тот почти повторил подвиг пропавшего бедняги скитальца: тоже ушел без особой экипировки в стойбище своего племени, несмотря на строжайший приказ оставаться сторожем и хранителем очага до возвращения хозяина. В отсутствие повара Джозеф чуть не погиб от голода, потому что очень изменился, мягко говоря: разучился не только зажигать спички, но и многое другое. Словно из прежнего Дефо вынули душу, всю без остатка. Осталась пустая телесная оболочка: неподвижное лицо, оцепенелый взгляд, вялые, бессмысленные движения. Оживлялся он, только когда ел лосятину. Тогда он жутко улыбался и говорил: «Я — проклятый пожиратель лосей». Любую другую пищу он не мог переваривать, извергая из себя. Но страшнее улыбки был его тонкий детский просящий голосок, которым он жаловался, что «ноги жжет». Это было похоже на правду, потому что ступни у него обморозило. Он никого не узнавал и ничего не помнил. Было ясно, что он уже не жилец. Протянув еще несколько недель, он умер.

По всей округе пронеслась новость, что один из белых охотников «видел Вендиго».

Силия Бишоп

Курган

«The Mound» by Zealia Bishop

© 1970 by August Derleth

Panther Books Ltd . Great Britain

© Перевод с английского Г. Лемке, 1993

I

Прошло совсем немного времени с тех пор, как развевалась дымка таинственности, некогда окутывавшая западноамериканские земли. Такое положение вещей, на мой взгляд, во многом объясняется тем, что сама по себе американская цивилизация еще слишком молода: современные археологические исследования продолжают открывать все новые и новые страницы жизни, которая возникла и приходила в упадок среди бескрайних прерий и горных вершин; народы приходили и уходили, достигали могущества и необъяснимо исчезали на этом континенте задолго до начала истории. Когда испанские конкистадоры высадились на берегах Мексики, их встретили сказочные города ацтеков и инков — увы, лишь жалкие остатки прежних, канувших в небытие цивилизаций.

Едва ли кто из нас всерьез задумывался о прошлом селения Пуэбло, возраст которого, по самым скромным подсчетам, приближается к трем тысячелетиям. Мы, не моргнув глазом, принимаем заявление ученых-археологов, относящих первобытную культуру на территории Мексики к семнадцатому или восемнадцатому тысячелетию до Рождества Христова. До нас доходят слухи и о более древних цивилизациях, о пещерных городах, обитатели которых были современниками давно исчезнувших с лица земли животных; о племенах троглодитов, единственным материальным свидетельством в пользу существования которых являются случайные находки костяных обломков и нехитрых орудий. Увы, новизна восприятия недолго тешит человеческое воображение. Давно замечено, что европейцы гораздо лучше нас, американцев, улавливают самый дух незапамятной древности; отчетливее воспринимают глубинный ток жизни. Всего пару лет назад мне довелось читать работу одного британского этнографа, так описав-

шего штат Аризона: «...туманный край, полный легенд и седых преданий... тем более притягательный вследствие своей неизведанности — древняя, ожидающая своего часа страна».

И все же, несмотря на это распространенное мнение, я совершенно уверен, что гораздо глубже любого европейца постигаю ошеломляющую, не выразимую словами древность западных земель. Моя уверенность во многом проистекает из случая, происшедшего со мной в 1928 году: я с радостью приписал бы его наполовину или даже на три четверти воображению, однако до сих пор не могу забыть его — столь сильный след он оставил в памяти.

Это произошло в Оклахоме, куда меня привели этнографические исследования; в лесных дебрях этого штата мне и раньше приходилось сталкиваться с весьма странными, трудно поддающимися объяснению явлениями. Прошу вас, не заблуждайтесь: Оклахома и теперь — всего лишь форпост на границе освоенных и пионерских* земель. Здесь обитают древние племена, сохранившие свои предания и обычаи; сердце опасно приближается к роковой черте, когда над притихшими осенними равнинами разносится непрерывное эхо тамтамов. Я белый, родился и вырос на восточном побережье, но не стану скрывать, что и по сей день меня повергают в трепет заклинания Отца Змей, Йига. Я слишком многое повидал и узнал, чтобы предаваться пустому тщеславию, выдавая себя за «умудренного опытом» ценителя магических преданий.

В Оклахому я приехал, чтобы на месте проследить и сравнить с уже известными одну из многочисленных историй о призраках, бытующую среди тамошних белых поселенцев. Заметное индейское влияние, отличавшее эту историю, побуждало меня предположить, что она имеет и совершенно индейский источник. Признаться, они были весьма любопытны, эти передаваемые по вечерам, возле походного костра повествования о загробных видениях. И хотя в изложении белых людей они звучали просто и безыскусно, для посвященного уха была очевидной их связь с отдаленными и туманнейшими областями мифологии аборигенов. Практически все истории были связаны с огромным курганом, одиноко протянувшимся в западной части

* пионерские земли (фр. *pionnier*, первопроходец) — недавно заселенные или открытые земли.

штата. Его искусственное происхождение, не вызывавшее сомнений даже у скептиков, придавало зловещий колорит местному фольклору.

Первый получивший наибольшую известность случай произошел в 1892 году, когда правительственный шериф по имени Джон Виллис, преследуя банду конокрадов, отправился к кургану и вернулся оттуда с невероятным рассказом о сражении невидимок, свидетелем которого он стал той ночью. По его словам, воздух сотрясился от лязга доспехов и грохота копыт; шум от падения конских и человеческих тел тонул в яростном боевом кличе всадников. Все происходило при лунном свете, и как сам шериф, так и его конь были сильно испуганы. Звуки сражения не затихали почти час — отчетливые, но слегка приглушенные, словно доносимые издалика ветром. Сами армии оставались невидимыми при этом. Позднее Виллис выяснил, что источником загадочных шумов был курган, равно избегаемый индейцами и белыми поселенцами. Многие свидетельствовали, что наблюдали в небе фигуры сражающихся всадников, слышали стальной скрежет и крики. Поселенцы были склонны считать призрачных бойцов индейцами, хотя и затруднялись назвать какое-нибудь определенное племя, смущенные необычным видом доспехов и оружия. Кое-кто даже утверждал, что и кони выглядели не совсем как кони.

В свою очередь и индейцы без особой охоты признавали в призраках своих родственников и в беседах называли их не иначе, как «Они», «Древние» или «Живущие Под Землей»: казалось, к их уважению примешивалась солидная доля боязни, не допускавшая пустых разглагольствований на эту запретную тему. Ни одному из этнографов не удалось склонить местных рассказчиков к описанию облика странных существ: вполне вероятно, что никто и не разглядывал их толком. У индейцев существовало несколько поговорок, связанных с этими явлениями и звучащих приблизительно так: «Чем древнее муж, тем более могуч его дух» или: «Годы порождают могущество: тот, кто древнее времен и велик духом — да сольется с собственной тенью...»

Теперь, конечно же, все это представляется «обычным набором», с которым неизбежно приходится сталкиваться в своей работе любому исследователю. Среди индейцев предгорий и жителей Пуэбло до сих пор живы предания о золотых городах и исчезнувших цивилизациях; несколько

столетий назад подобные истории увлекли на поиски легендарного Куивира конкистадоров Коронадо. Мое путешествие в Западную Оклахому преследовало более определенные и прозаические цели: рассказы об обитавших там призраках, хотя и незапамятного происхождения, были совершенной новинкой в мировой этнографии. К тому же в них поразительно четко описывался внешний облик потусторонних существ. Волнения прибавлял и тот факт, что все невероятные события происходили в окрестностях городка Бингер в округе Каддо — местность, где несколько лет назад потерпела неудачу русская экспедиция профессора Обручева, натолкнувшаяся на целую цепь жутких и необъяснимых явлений, связанных с древними преданиями о Пернатом Змее.

Сама история, для стороннего наблюдателя, звучала предельно просто и даже несколько наивно. Главная роль в ней отводилась огромному кургану или холму, одиноко возвышающемуся посреди прерии в полумиле на запад от города. Первые исследователи полагали его результатом природных трансформаций, однако более поздние измерения заставляли предположить, что это остатки погребальной насыпи или же пирамида для жертвоприношений, сооруженная какими-то доисторическими племенами. Курган, как уверяли жители городка, попеременно посещался двумя призрачными индейцами. Сгорбленная фигура старика с рассвета до сумерек, невзирая на непогоду, меряла шагами вершину, лишь изредка скрываясь из виду. К ночи его сменяла молодая женщина, приносившая с собой факел, голубоватый огонек которого мерцал до самого утра. При полной луне необычная женская фигура была отчетливо видна, и значительная часть наблюдавших ее склонялась к тому, что призрак не имел головы.

Мнения разделялись как относительно причины, так и самой природы посещений. Часть местных жителей искренне верила, что мужчина был вовсе не призрак, а живой индеец, который убил и обезглавил женщину ради золотых украшений; после чего похоронил ее где-то на вершине холма. Согласно их рассуждениям, он вышагивал с утра до вечера свою вахту из чистого раскаяния, преследуемый духом жертвы, принимавшей видимые очертания с темной. Однако остальные любители теорий, более склонные к обобщениям, придерживались убеждения, что обе фигуры — и женская и мужская — являются призраками:

когда-то давно индеец зарезал жену, а затем покончил с собою. Эти объяснения, с незначительными изменениями, казалось, существовали с момента первых поселений в округе Вичита в 1889 году, и до сих пор поддерживались, как я узнал, продолжающимися посещениями, которые каждый мог наблюдать собственными глазами. Немного историй о привидениях предлагают столь доступные и убедительные доказательства своей истинности, и мне, признаюсь, было крайне интересно увидеть таинственные окрестности маленького городка, одиноко застывшего вдали от торных дорог и неумолимых прожекторов научного знания. Итак, поздним летом 1928 года я ехал пассажирским экспрессом в Бингер, размышляя над загадочными явлениями под монотонный перестук колес, в окружении не менее монотонного ландшафта.

Поезд прибыл в Бингер поздним вечером, когда уже начинало смеркаться. Глядя вслед его удаляющимся огням, я едва ли не физически ощутил, как рвется последняя нить, связывавшая меня с цивилизованным миром. Станционная платформа была полна любопытствующих зевак, каждый из которых, казалось, сгорал от нетерпения указать мне нужное направление. Несколько человек, оживленно переговариваясь, проводили меня вдоль главной улицы, разбитая брусчатка которой была красноватой от пыли, и наконец оставили у дверей дома, где мне предстояло расположиться. Все складывалось как нельзя удачнее, ибо мой будущий хозяин, мистер Комптон, оказался человеком образованным и уважаемым среди горожан. К тому же его мать, жившая в этом же доме и больше известная в округе, как «бабушка Комптон», принадлежала к первому поколению поселенцев, осваивавших эти земли, и была самым настоящим кладом фольклорных преданий и былей.

По случаю встречи семейство Комптонов припомнило за вечерним чаепитием многие из легенд, ходивших среди местных жителей, и тем лишний раз подтвердило необъяснимость и важность феномена, ради которого я прибыл. Призраки на вершине кургана, казалось, воспринимались всеми как нечто само собой разумеющееся. Два поколения родились и выросли по соседству с этими странными фигурами. После несчастных случаев курган избегали; дома и фермы не простирались в его направлении все четыре десятилетия, которые насчитывала история городка. Хотя в разное время смельчаки отваживались посещать его.

Некоторые из них возвратились обратно с рассказом, что на холме не оказалось никаких привидений; каким-то непостижимым образом одинокий страж скрылся из виду прежде, чем они достигли склона, предоставив им карабкаться среди редких кустов и без помех осматривать голую вершину. В один голос все заявляли, что не обнаружили ничего, кроме беспорядочных зарослей кустарника. Куда исчезал индейский страж, трудно было даже представить. Должно быть, предполагали некоторые, он спускался по склону и умудрялся невидимым ускользнуть по равнине, где чахлая растительность навряд ли укрывала бы и суслика. В любом случае, на вершине холма не было никаких признаков потайного хода — заключение, к которому единодушно склонялись все исследователи после бесплодных осмотров зарослей кустов и трав. Несколько раз наиболее чувствительные из них отмечали чье-то постоянное присутствие: воздух словно сгущался в том направлении, куда они собирались двигаться. Однако более определенно передать свои ощущения они не могли. Излишне напоминать, что все эти изыскания производились при дневном свете. Никакие посулы не могли принудить человека, с белой или красной кожей, приблизиться к зловещему возвышению с темнотою. Справедливости ради стоит добавить, что из индейцев никто и думать не смел, чтобы даже пройти мимо кургана.

Однако не из этих рассказов, принесенных здоровыми, в полном рассудке людьми, происходили странные легенды, связанные с курганом. В самом деле, если бы их наблюдения были обычны, вся история не занимала бы столь видное положение в местном фольклоре. Зловецим обстоятельством было то, что многие из смельчаков возвращались с необъяснимыми ранами на теле, в поврежденном рассудке. Часто они не возвращались вовсе.

Первый из загадочных случаев произошел в 1891 году, когда молодой поселенец по имени Хитен отправился к кургану с лопатой и рюкзаком в надежде раскопать неведомые секреты. От индейцев он слышал о странных явлениях, происходящих на вершине, но только смеялся над сбивчивыми рассказами кладоискателей, вернувшихся ни с чем. Во время одной из вылазок, предпринятой его приятелем, он наблюдал курган в подзорную трубу: стоило человеку приблизиться, как индейский страж неторопливо скрывался в густых зарослях, словно там был потайной

ход. Сам кладоискатель не замечал, как исчез индеец, — просто, добравшись до плато, не находил никого.

Хитен отправился в путь с твердым намерением раскрыть тайный лаз и тем разрешить загадку исчезновений. Наблюдавшие за ним видели, как он сноровисто раскидывает землю на вершине; в какой-то момент его фигура стала терять отчетливые очертания, словно истаявая в воздухе; больше его не видели до самых сумерек, пока на плато не появилась обезглавленная индианка с голубоватым факелом. Примерно пару часов спустя после захода солнца Хитен, пошатываясь, добрал до городка; при нем не было ни рюкзака, ни лопаты; во взгляде светилось безумие. Прерывая речь глухими стонами, он поведал о бездонных расселинах и чудовищах, притаившихся на их дне; о жутких идолах и невообразимых пытках, которым его подвергли, — рассказы были столь фантастичны, что трудно припомнить все, о чем он говорил. «Древние Боги! Там страна Древних Богов! — не переставал повторять он. — Всемогуший Создатель, они древнее Земли и пришли из другого мира... Они читают мысли... полулюди-полупризраки... Стоит переступить черту, и все растворяется в воздухе... Мы все исходим от них — дети Туле!.. Сплошное золото, гигантские ящеры, мертвые рабы... безумие видеть их! Йа! Йа! Шаб-Ниггрот! Тот белый мертвец... О Боже, что они сделали с ним!..»

Хитен оставался деревенским дурачком почти восемь лет, до самой смерти. Со времени его возвращения еще два посещения кургана завершились полным безумием и восемь человек бесследно исчезло. Сразу после несчастья с Хитеном трое отважных, полных решимости мужчин отправились на вершину холма, вооруженные, помимо лопат и кирок, тяжелыми пятазарядными кольтами. Жители городка видели, как призрак индейца заколыхался и растаял по мере приближения маленького отряда. Смелчаки вскарабкались по склону и начали прочесывать кустарник. Все трое пропали из виду в одно мгновение, и больше их не видели. Школьный учитель, наблюдавший за их исчезновением в мощный телескоп, как будто заметил странные фигуры, возникшие из ниоткуда в воздухе и увлекшие несчастных в глубь кургана. Однако его слова не получили подтверждения. Не стоит и говорить, что больше никто не отваживался предпринимать вылазки, и долгие годы курган был непосещаем.

Лишь когда происшествия 1891 года поросли мхом забвения, начали подумывать о новых экспедициях. Приблизительно в 1910 году молодой ковбой, не испытывающий страха перед суевериями, побывал в запретном месте и ничего не обнаружил.

К 1915 году жуткие предания четвертьвековой давности в основном смешались с обычными историями о призраках и потусторонних видениях — во всяком случае, среди белых поселенцев. В индейской резервации, расположенной рядом, старейшины племени думали несколько иначе. Примерно на этот период приходится вторая волна поисков и экскурсий. Несколько кладоискателей посетили курган и вернулись невредимыми. В Бингер приехали двое археологов-любителей, финансировавших свое путешествие за счет какого-то восточноамериканского колледжа, с громоздкой аппаратурой и снаряжением для раскопок, хотя основной их целью были изыскания в мифологии аборигенов. Никто не видел, как они отправились к кургану, однако обратно они уже не вернулись. Спасательная партия, посланная следом под предводительством моего хозяина Клайда Комптона, не обнаружила никаких следов их пребывания на плато.

Следующей попыткой был одиночный поход капитана Лоутона, после долгих лет отсутствия решившего посетить открытые при его участии земли. Он превосходно помнил местоположение кургана, равно как и связанные с ним легенды; выход в отставку только способствовал его решимости разгадать древнюю тайну. Длительное знакомство с индейскими мифами не могло не сказаться на его приготовлениях, и экипировка старого первопроходца была куда надежнее, чем в вылазках простых горожан. Во вторник утром, 11 мая 1916 года, он поднялся на холм под неусыпным наблюдением более двух десятков человек, расположившихся на равнине. Его исчезновение было полной неожиданностью: словно гигантские ножницы подрезали его туловище на уровне ветвей кустарника. Никто не мог объяснить, как это произошло; все ясно видели фигуру капитана, пробиравшегося сквозь заросли, и в следующее мгновение его не стало. Почти неделя минула в безвестности, когда посреди ночи на окраину Бингера приползло странное существо, чье происхождение до сих пор вызывает толки.

Говорили, что это был — или было — капитан Лоутон,

однако на вид существо было значительно моложе, почти на сорок лет, старого первопроходца. Его волосы были темны как смоль; лицо, искаженное ужасом, лишено старческих морщин. Бабушке Комптон его вид сверхъестественным образом напомнил самого капитана, каким он был в далеком 1889 году. Ступни существа были аккуратно отняты возле лодыжек, и культы заживлены на удивление крепко для человека, еще неделю назад ходившего на собственных ногах. Среди бессвязных бормотаний и стонов существо, не переставая, повторяло имя «Джордж Лоутон, Джордж Лоутон», словно пыталось уверить себя в чем-то. Его отрывочные фразы, как показало бабушке Комптон, любопытным образом совпадали с бормотаниями Хитена, спятившего в 1891 году, хотя были и различия. «Голубое солнце! голубой свет... — стонало существо. — Древнее, чем динозавры... Вечное пламя — слабеет, но не умирает... Люди, наполовину из тумана... Живые мертвецы... Чудовища, послушные единороги... Дома из золота, древние города, древние... древнее, чем само Время... Спустились со звезд... Великий Туле... Азатотт! Нарлафтеп... Они ждут, ждут...» Существо скончалось с рассветом.

Незамедлительно провели расследование; особенно немилосердно допрашивали индейцев из резервации. Однако происшедшее и для них явилось полной неожиданностью. Преступление осталось нераскрытым. С местным шерифом разговаривал старый вождь племени Вичита, Серый Орел. Более чем вековой возраст возвышал его над пустыми страхами, и он был единственным, кто смог дать хоть какой-то ответ.

«Нельзя тревожить их сон, бледнолицый. Их воины — плохо. Древние спят под землей, их покой священен. Великий Йиг, Отец Змей, с ними. Тирава, Отец Людей, не умирает, не стареет. Как воздух, живет и ждет. Однажды они поднимались и сражались с нашими воинами. Наши предки видели их золото. Много золота. Они жили рядом. Потом пришла Большая Вода. Все изменилось. Никто не поднимался к нам, никто не спускался к ним. Смерть нарушившему запрет. Не тревожь их сон, бледнолицый. Старый вождь говорит правду. Бледнолицые тревожат их, никто не возвращается обратно. Курганы — плохо. Избегайте их. Серый Орел все сказал».

Если бы Джо Нортон и Ренц Виллок послушались совета старого вождя, возможно, они и сегодня были бы живы.

К сожалению, они не сделали этого. Оба много читали и были убежденными материалистами; ничто на земле не могло бы остановить их. На их взгляд, курган был не чем иным, как тайным прибежищем краснокожих злодеев. Памятуя прежние посещения, они выступили в путь, горя жаждой мщения за изувеченного капитана Лоутона. Пусть даже придется сровнять курган с землею, они добьются своего — хвастливо заявляли молодые люди. Клайд Комптон наблюдал в бинокль, как они обогнули подножие зловещего холма. Очевидно, они решили самым тщательным образом обследовать территорию предполагаемых поисков. Проходили минуты, но ни один из них не появлялся вновь. С этого момента их больше не видели.

Курган снова превратился в источник панического ужаса, и только начало мировой войны слегка затмило потусторонние страхи. С 1916-го по 1919 год к запретному месту никто не отваживался приближаться; возможно, так продолжалось бы и дальше, если бы не возвращение с фронтов во Франции молодых бингерских рекрутов. С 1919-го по 1920 год среди юных ветеранов разразилась настоящая эпидемия экскурсий к таинственному холму; причиной ее послужила благополучная вылазка одного молодца и его презрительные рассказы о том, что он узрел на вершине. К 1920 году — так коротка человеческая память — курган стал одной из местных достопримечательностей, и мрачные предания потихоньку вытесняла более привычная история о ревнивом индейце, зарубившем свою жену. Тогда-то и произошла трагедия с братьями Клэй. Эти по-деревенски медлительные увальни всерьез вознамерились перекопать вершину холма и отыскать-таки спрятанное сокровище, из-за которого мифологическая индианка в свое время рассталась с жизнью.

Они выступили в путь теплым сентябрьским днем — примерно в то время, когда индейские там-тамы начинают рокотать над безжизненными, покрытыми красноватой пылью равнинами. Никто не видел, как братья вышли, и их родители не сразу заметили их отсутствие. По запоздалой тревоге была послана спасательная партия, однако безрезультатно.

Тем не менее один из братьев вернулся. Это был Эд, старший. Копна пшеничных волос и отросшая борода стали совершенно седыми, а на его лбу уродливо выделялся обожженный шрам, похожий на иероглиф. Три

месяца спустя, как он и его брат Уолкер исчезли, Эд под покровом ночи прокрался в дом, закутанный лишь в странно расцвеченное одеяло, которое сразу же швырнул в огонь, едва надел свой старый костюм. Родителям он рассказал, что его и Уолкера захватили в плен какие-то индейцы — не Каддо, не Вичита, — которые увели их далеко на запад. Уолкер умер под пытками, однако Эду удалось бежать, хотя и неимоверной ценой. Воспоминания для него были настоящим кошмаром, поэтому будет лучше, если прежде он немного отдохнет. Не стоит поднимать тревогу и преследовать индейцев. Они не из тех людей, которые позволяют загнать себя в ловушку; ради благополучия Бингера разумнее оставить их в покое. Сказать по правде, это не совсем обычные индейцы; позже он постарается объяснить, в чем их отличие. Показ же ему необходим отдых. Не нужно поднимать соседей с известием о его возвращении; сейчас он поднимется наверх и ляжет спать. Прежде чем подняться по лестнице в свою комнату, он взял со стола в гостиной блокнот и карандаш и прихватил автоматический пистолет из ящика отцовского стола.

Тремя часами позже раздался выстрел. Эд Клэй пустил себе в висок пулю из пистолета, который сжимал в левой руке, оставив короткую записку на шатком столике возле кровати. Как обнаружилось впоследствии — по сточенному до основания карандашному грифелю и по забитой обугленной бумагой каминной решетке, — он написал гораздо больше, однако затем не решился идти дальше туманных намеков. Уцелевший клочок представлял собой безумное предостережение, нацарапанное перевернутыми буквами справа налево — странное повреждение рассудка, если возможно такое объяснение. Для того чтобы прочесть написанное, пришлось поднести записку к зеркалу. Смысл слов, сам стиль письма непостижимым образом не соответствовал прямолинейности и деревенскому простодушию, столь свойственным характеру Эда Клэя. Текст гласил:

Ради собственной жизни — не приближайтесь к кургану. Под вершиной его скрывается древний и враждебный нам мир, о котором невозможно поведать земными словами. Уолкер и я нарушили запрет; нас захватили сетью, которая растаяла вместе с нами, чтобы возникнуть вновь уже под землей. Наше оружие бессильно перед их

мощью... Они молоды и могут жить вечно, пока не устанут от жизни. Нельзя сказать, призраки они или люди... Их культура древнее Земли, и курган лишь один из забытых входов в их мир... После увиденного я не желаю жить больше... Франция ничто в сравнении с их страной... Следите, чтобы никто не приближался к холму, когда его охраняет казненный.

Искренне ваш
Эд КЛЭЙ

Вскрытие показало, что все внутренние органы молодого Клэя поменялись местами, как будто кто-то вывернул его наизнанку. Было ли так от рождения, тогда никто не мог сказать, но позднее из армейских записей стало известно, что Эд был вполне нормален, когда призывался на службу в мае 1919 года. Вкралась ли в записи ошибка, или в организме действительно произошли столь разительные изменения — до сих пор остается неясным, так же как и происхождение похожего на иероглиф рубца на лбу самоубийцы.

Этот случай положил конец исследованиям кургана. В последующие восемь лет никто не приближался к запретному месту; очень немногие отваживались даже рассматривать его через подозрную трубу. Беглый взгляд в сторону унылого возвышения заставлял в испуге вздрагивать наблюдателя, случись ему разглядеть темный силуэт, меряющий шагами вершину днем, или мерцающий огонек, танцующий там ночью. По молчаливому соглашению жители избегали обсуждать зловещее соседство. Запрет приближаться к холму соблюдался неуклобно, тем более что не было недостатка в территории: всюду, насколько хватало глаз, простиралась девственная равнина. Жизнь городка катилась по наезженной колее; околицу, обращенную к кургану, отличало полное отсутствие дорог и тропинок — как если бы в том направлении находилась топкая трясина или чахлая пустыня. Любопытно заметить, что предостережения, которыми приезжих и детей отваживали от посещений кургана, быстро вернулись к излюбленной истории о призраке индейца, убившего свою жену. Лишь обитатели резервации и старожилы вроде бабушки Комптон сохраняли воспоминания о подземных мирах и враждебных пришельцах из глубин космоса, принесенные

теми, кого стражи кургана отпустили назад искалеченными, с поврежденным рассудком.

Было уже за полночь, и бабушка Комптон давно поднялась к себе в спальню, когда Клайд кончил пересказывать мне местные предания. Казалось, зловещая загадка не оставляла и тени материалистического объяснения. Какая причина могла породить безумие, ощущение чужого присутствия, просто вызвать бегство с кургана? Сказать по правде, жуткие происшествия, о которых мне рассказал хозяин дома, скорее усилили, чем приглушили мое желание докопаться до истины. Трезвый рассудок и решимость, несомненно, помогут мне разгадать тайну. Словно подслушав мои мысли, Комптон обеспокоенно покачал головой, подошел к двери и молча пригласил меня выйти на улицу.

Мы спустились по ступенькам в тихий переулок и в бледном сиянии убывающей августовской луны направились к околице, где за домами виднелось темное одеяло степи. Склоненный в вышине полумесяц не затенял звезд в нижней части неба; под созвездиями Альтаира и Веги я различил таинственное мерцание Млечного Пути, когда взглянул в сторону, куда показывал Комптон. В то же мгновение я увидел искорку, которая не была звездой, — голубоватый светлячок, колыхавшийся на фоне Млечного Пути у самого горизонта, более зловещий и угрожающий, чем угрюмая пустота небес над головой. В следующее мгновение стало очевидно, что свет исходит с вершины протяженного возвышения на равнине. Я вопросительно посмотрел на Комптона.

— Да, — отозвался он, — это факел призрака на кургане. За всю жизнь не припомню ночи, когда его не было бы видно. Ни одна живая душа во всем Бингере не отважится пойти на этот огонек. Скверная у него репутация, и сомневаюсь, чтобы кто-нибудь обвинил вас в трусости, если вы оставите все как есть. Располагайтесь с удобствами в моем доме и занимайтесь другими индейскими легендами. Клянусь небесами, у нас их хватит, чтобы занять вас на целое десятилетие!

II

Однако я был не в том настроении, чтобы принять его совет: и хотя Комптоны предоставили мне лучшую комнату, я до самого утра не сомкнул глаз, ворочаясь и дожи-

даясь рассвета, когда можно будет хорошенько рассмотреть курганчый призрак и опросить индейцев в резервации. Прежде чем приступить к раскопкам, следовало тщательно сопоставить все данные, полученные как от белых, так и от краснокожих поселенцев. С первыми проблесками солнца я поднялся и спустился в гостиную. Клайд Комптон разводил огонь в камине, пока его мать деловито расставляла кастрюли. Увидев меня, он кивнул, а минуту спустя, закончив свое занятие, пригласил меня на небольшую прогулку по городу. Когда мы миновали узкий проулок, я догадался о цели его приглашения и с напряженным вниманием принялся вглядываться в западную часть равнины.

Вдалеке, у самого горизонта, возвышался одинокий курган, поражавший взгляд правильностью геометрической формы. Отвесная стена, футов в сорок высотой,* протянулась на добрую сотню ярдов с севера на юг. С востока на запад, утверждал Комптон, курган еще шире и очертаниями напоминает удлинённый эллипс. Его слова не нуждались в подтверждении; ведь мой хозяин несколько раз посещал запретное место и благополучно возвращался обратно. Рассматривая рельефно выступающую на фоне ярко-голубого неба вершину, я пытался определить впадины и выпуклости, необходимые для подъема, когда неожиданно заметил какое-то движение. С бьющимся сердцем я выхватил из рук Комптона предложенный полевой бинокль и торопливо настроил фокус. Окуляры выхватили кусты на противоположном конце плато, переплетение веток... затем странная тень появилась сбоку.

Фигура, бесспорно, принадлежала человеческому существу, и я сразу же догадался, что передо мной «дневной» призрак. Неудивительно, что все наблюдавшие принимали его за индейца: темные волосы, сзади заплетенные в косу, причудливо оттеняли орлиный нос и скулы на бронзовом от загара, покрытом шрамами лице. Лишь опытный этнограф мог бы определить, что это не загадочный представитель какого-то затерянного индейского племени, а существо совершенно иной расы и культуры. Современные индейцы принадлежат к брахицефальному, или круглоголовому, типу, и до сих пор на всем североамериканском континенте не обнаружено останков долихоцефальных, или удлинённых, черепов, за исключением, быть может, мест-

* примерно 12 м

ности возле селения Пуэбло, где возраст культурного слоя превосходит два с половиной тысячелетия. Однако у стража кургана голова имела столь явно выраженный овал, что не заметить этого я не мог даже со столь значительного расстояния. Узор и вид одежды не совпадал ни с одним из образцов, известных в ремеслах юго-западных индейцев. На груди и плечах поблескивали металлические пряжки или пластины; сбоку висел короткий меч в кожаных ножнах — все предметы были поразительно чужеродной формы.

Несколько минут я наблюдал в бинокль, как он расхаживает взад и вперед по вершине, стараясь запомнить его походку и необычную посадку головы. Странно, у меня сложилось впечатление, что этот человек, кем бы он ни был, не был потомком дикарей. Его наружность представляла собой продукт цивилизации, хотя какой именно, я мог только догадываться. Наконец он скрылся за дальним краем плато, словно спустившись по противоположному склону. Я опустил бинокль со смешанными чувствами.

В ответ на вопросительный взгляд Комптона я только пожал плечами.

— Разглядели-таки? — он натянуто улыбнулся. — Сколько себя помню, этот молодец каждый божий день околачивается на вершине.

Полдень застал меня в индейской резервации за беседой с Серым Орлом, который, по чудесному совпадению, все еще был жив, хотя его возраст, по самым скромным расчетам, приближался к полутора столетиям. Суровый вождь обладал всеми чертами, присущими его сану, — бесстрашный, величественный. В свое время ему приходилось вести переговоры с беглыми преступниками, равно как и с бродячими торговцами, затынутыми в оленью кожу и отлично вооруженными; он разговаривал с французскими офицерами, одетыми в защитного цвета бриджи, и с офицерами конфедерации в строгих треуголках. Я был польщен, обнаружив, что, несмотря на мою столь отличную наружность, он все же проникся ко мне симпатией. Его расположение, впрочем, немедленно превратилось в помеху, как только он узнал о цели моего визита; он всячески убеждал меня отказать от раскопок холма.

— Не нужно тревожить курган. Недоброе дело. Кто копал, никто не вернулся. Не нужно копать, ничего не будет. Мои предки, мои сыновья видят, как он ходит.

Женщина без головы ходит там по ночам. Их воины вышли из заката солнца и большой реки; они пришли раньше, чем бледнолицые; раньше, чем родился Серый Орел. Гораздо раньше Никто из нас не приближается к холмам и пещерам в каньонах. Когда-то Древние не скрывались, сиделись рядом, строили города. Они принесли с собой много золота. Потом пришла Большая Вода. Все изменилось. Они спрятались под землей, замуровали выходы. Они не умерли, не состарились, как Серый Орел, лицо которого избороздили каньоны, а голову побелило снегом. Они все такие же — словно воздух. Полулюди-полутуман. Видеть их плохо. Иногда по ночам их призраки выходят на поверхность верхом на рогатых животных и сражаются там, где когда-то были сражения. Не подходи к ним, их вид не приносит удачи. Не нужно тревожить их.

Это было все, чего я добился от старого вождя. Остальные обитатели резервации просто молчали, не отвечая на мои расспросы. Но если меня волновало будущее путешествие к кургану, то Серый Орел, казалось, приходил в трепет при мысли, что я вторгнусь в запретное место. После церемониального прощания, когда я собирался покинуть резервацию, он задержал меня и снова пытался убедить отказаться от раскопок. Увидев, что это невозможно, он извлек из кожаной сумки, которую носил на поясе, какой-то предмет и протянул мне. Это оказался затертый, но не утративший рельефа металлический диск примерно двух дюймов в диаметре, с непонятными изображениями и отверстиями, подвешенный на грубом сыромятном шнурке.

— Ты не откажешься от того, что задумал, однако Серый Орел желает добра тебе. Этот талисман я получил еще от отца, а он — от деда, и тот говорил, что когда-то им владел сам Тирава, Отец Людей. Отец предупреждал меня: «Никогда не приближайся к Древним, обходи низкие холмы и каньоны с пещерами. Если они застигнут тебя, покажи им талисман. Они знают, потому что сами ковали его много лун назад. Они увидят и не тронут тебя. Но нельзя прочесть их мысли. Они очень свирепые и злые. Встреча с ними не принесет добра».

Произнося свою короткую речь, Серый Орел повесил шнурок мне на шею, и я с любопытством взглянул на металлический диск. Чем больше я смотрел на него, тем больше он изумлял меня своей необычностью. Темный,

испещренный линиями металл был тяжел и странно зеркален. Если это был сплав, определить его было невозможно. На одной из сторон, как я успел заметить, была изображена свернувшаяся спиралью змея, на обратной — похожее одновременно на краба и на спрута безобразное чудовище. По окружности проступали полустертые иероглифы, вид которых не смог идентифицировать никто из моих друзей-археологов. Позднее, с разрешения Серого Орла, я показывал диск разным специалистам, но их заключения нисколько не способствовали разрешению загадки. Металл не поддавался лабораторному анализу и классификации; на кафедре химии Висконсинского университета его называли амальгамой какого-то неизвестного элемента с супертяжелым атомным весом, тогда как кто-то из геологов предположил, что вещество чисто метеоритного происхождения. Не могу сказать, действительно ли я обязан своим рассудком и жизнью этому талисману, хотя Серый Орел твердо в этом убежден. Он получил свое сокровище обратно, и порой у меня возникает мысль, не в нем ли заключается причина его удивительного долголетия.

По возвращении в город я пытался продолжить собирание легенд, связанных с курганом, но столкнулся лишь с маловнятными толками и взаимоисключающими мнениями. Было приятно видеть, как пекутся горожане о моей безопасности, однако пришлось отвергнуть все их горячие уверения отменить поиски. Я показывал им талисман Серого Орла, но никто не видел и даже не слышал ни о чем подобном. Каждый озадаченно крутил головой и высказывался в том роде, что это, верно, старинная индейская реликвия, хотя вполне вероятно, что предки старого вождя выкупили ее у какого-нибудь бродячего торговца.

Убедившись наконец, что отговорить меня от раскопок не удастся, добродушные бингерцы согласились помочь мне в подборе снаряжения. Большую часть инструментов я привез с собой, так как предполагал, что может понадобиться мне в первую очередь. Саперная лопатка и мачете для рубки кустарника; электрические фонари для подземных работ и моток веревки; бинокль, рулетка, походная аптечка и даже небольшой микроскоп — словом, со мной было все, что возможно уместить в туго набитом саквояже. К этому я добавил лишь неуклюжий кольт, навязанный мне шерифом, и лопату с киркой, которые могли существенно ускорить мою работу.

Новоприобретенные принадлежности я решил нести сам, связав их ремнем и перекинув через плечо, ибо вскоре обнаружил, что охотников сопровождать мою экспедицию не предвидится. Естественно, все будет наблюдать за мной в бинокли и подзорные трубы, но ступить хотя бы ярд в направлении одинокого холма не отважится никто. Выступление я наметил на утро и остаток дня провел за разговорами с горожанами, взиравшими на меня с благоговейным ужасом, словно на древнегреческого героя, идущего навстречу гибельной судьбе.

Когда наступило утро, облачное, хотя и не предвещающее неприятностей, все население Бингера высыпало на улицы, чтобы проводить меня в путь по продуваемой ветром, пыльной равнине. В бинокль был виден страж, привычно вышагивающий вдоль вершины холма; я решил не выпускать его из виду, насколько это было возможно при моем продвижении. В последнюю минуту смутное чувство тревоги заставило меня надеть поверх свитера талисман Серого Орла — так, чтобы его разглядел любой призрак или человек, если кому-то он небезразличен. Попрощавшись с Комптоном и его матерью, я быстрой походкой устремился к цели, несмотря на то, что левую руку оттягивал увесистый саквояж, а по плечу, подсакивая на ремне, поочередно ударяли то кирка, то лопата. В правой руке я держал бинокль и время от времени наводил его на фигуру стража на вершине. Миновав приблизительно треть пути, я смог уже рассмотреть выражение его лица: странно угрюмое и злобное, изборожденное шрамами. Костюм существа и его оружие были, бесспорно, продуктом цивилизации. Призрак неожиданно направился к противоположному концу плато и исчез из поля зрения. Когда десять минут спустя я достиг вершины, то никого уже там не обнаружил.

Не стоит пересказывать первые часы моего пребывания на кургане: они прошли в бесконечных замерах и поисках, выполненных со всей возможной тщательностью. Слишком правильные очертания, поразившие меня при приближении, теперь, казалось, излучали скрытую угрозу. На всем протяжении ровной, бескрайней равнины это было единственное возвышение; так что не приходилось сомневаться в его искусственном происхождении. Крутые склоны выглядели нетронутыми, лишенными следов человеческой деятельности; если это были остатки древней

крепости, их, по всей видимости, давно занесло песком и землей. К вершине не вела ни одна тропинка, и мне с трудом удалось поднять вверх свое снаряжение. Открытое плато представляло собой более или менее правильный эллипс примерно 300 на 50 футов, сплошь поросший высокой травой и кустарником, которые делали невозможным всякое продвижение. Это открытие повергло меня в настоящий ужас, так как бесспорно доказывало, что «старый индеец», каким бы живым он ни казался в бинокль или подзорную трубу, на деле был не чем иным, как плодом массовой галлюцинации.

Я осмотрелся с тревогой и недоумением, бросив завистливый взгляд в сторону городка и множества черных точек, в которые превратились на расстоянии высыпавшие на околицу зеваки. Наведя на них бинокль, я увидел нетерпение, с каким они наблюдали за мною; чтобы подбодрить их, я снял с головы шляпу и помахал в воздухе ею, изображая оживление, которого не чувствовал на деле. Выбрав из груды инструментов кирку и лопату, я перенес их поближе к намеченному участку, после чего достал из сакvoja мачете и принялся расчищать кустарник. Это была изнурительная работа, вдобавок меня периодически продували холодные сквозняки, словно кто-то нарочно направлял их на вершину. Иногда мне начинало казаться, будто какая-то едва осязаемая сила пытается оттолкнуть меня: воздух заметно густел передо мной и чьи-то невидимые руки перехватывали мои запястья. Расход сил значительно превосходил результаты работы, хотя мне и удалось расчистить площадку.

К полудню я вполне удостоверился, что ближе к северной оконечности кургана плато имеет вогнутое, чашеобразное углубление. Само по себе это обстоятельство еще ничего не значило, однако для начала раскопок низина была наиболее подходящим местом. Примерно тогда же я заметил еще одну особенность: талисман Серого Орла странно подпрыгивал и тяжелел, стоило мне отойти футов на семнадцать к юго-востоку от центра чаши. Его покачивания прекращались, когда я наклонялся к земле, и он повисал, словно притягиваемый вниз мощным магнитом. Такое необъяснимое поведение поразило меня настолько, что я, не откладывая, решил приступить к начальному этапу раскопок.

Срезав саперной лопаткой верхний слой дерна, я с удив-

лением отметил сравнительную тонкость местного, красноватого слоя. Цвет почвы объяснялся присутствием песчаника, из которого слагалась равнина, однако на кургане я обнаружил лишь полосу черного глинозема, менее чем в фут толщиной. Подобные породы встречаются на дне каньонов к югу и западу от Бингера и могли быть занесены сюда в доисторическую эпоху, когда курган был воздвигнут. Стоя на коленях и продолжая копать, я чувствовал, как сыромятный шнурок у меня на шее натягивается все сильнее и сильнее, как будто в земле и в самом деле был спрятан магнит. Все это выглядело очень странно, если не сказать больше, потому что еще в городе, рассматривая загадочный диск, я подносил его к динамику радиоприемника и убедился, что металл, из которого он сделан, совершенно немагнитен. Удар о твердую поверхность высек искру из-под штыка лопаты; думая, что это обломок скалы, я принялся разгребать вскопанную землю. Вместо камней я с лихорадочным возбуждением извлек наружу облепленный комьями глины массивный цилиндр примерно в фут длиной и дюйма четыре в диаметре, к которому мой талисман прилип, словно приклеенный. Под слоем грязи оказался узор из фигур и значков, похожих на иероглифы, — той же формы, что и рельеф на талисмани и пластинах из желтого металла на одежде призрака.

Присев на корточки, я тщательно обтер бока цилиндра о грубый вельвет моих брюк и с любопытством осмотрел узоры. Вдавленные линии оставались забиты землей, однако в рельефных выпуклостях безошибочно угадывался тот же зеркальный металл, из которого был сделан магический диск, висевший у меня на груди. Зловещий орнамент по-змеиному оплетал изображения неведомых чудовищ, выполненные с необычайным искусством. Я долго не мог определить, где верх, а где низ у цилиндра, бесцельно поворачивая его в руках, пока не заметил узкую щель у края. Раздумья над способом закупоривания оказались недолгими: я с удивлением обнаружил, что меньший конец попросту отвинчивается.

С трудом, но крышка наконец подалась, высвобождая из недр цилиндра странную смесь запахов. Единственным содержимым был увесистый свиток из пожелтевших, похожих на пергамент листков, исписанных зеленоватыми буквами. Какое-то мгновение я с трепетным восторгом пред-

ставлял, что держу в руках карту и ключ к неизвестным мирам и пространствам, скрытым за стеной времени. Однако, отогнув край свитка, я с разочарованием обнаружил, что это рукопись, написанная на испанском, хотя и на очень архаичном. В золотистых лучах солнца я разглядывал заглавие и первую страницу, пытаюсь разобрать вычурный, с непривычными знаками препинания слог древнего летописца. К какому веку может принадлежать моя находка? Новое открытие Конкисты? Первые же строки привели меня в чрезвычайное возбуждение, ибо вместо того, чтобы отвлекать меня от основных поисков, рукопись лишь подтверждала мои догадки.

Пожелтевший свиток начинался исчерпывающим заглавием, выведенным зеленоватыми готическими буквами, и призывал каждого к вере в правдивость невероятных откровений, о которых собирался поведать загадочный автор.

RELIGION DE PANFILO DE ZAMACONA
Y NUNEZ HIDALGO DE LUARCA EN
ASTURIAS, TOGANTE AL MUNDO SOTERRANEO
DE XINAIAN. A. D. MDXLV

En el nombre de la santisima Trinidad, Padre, Hijo, y Espiritu-Santo, tres personas distintas y un solo. Dios verdadero, y de la santisima Virgen nuestra Senora, YO PANFILO DE ZAMACONA, HIJO DE PEDRO GUZMAN Y ZAMACONA NIDALGO, Y DE LA DONA YNES ALVARADO Y NUNEZ DE LUARCA EN ASTURIAS, juro para que todo que deco esta verdadero como sacramento...

Я ошеломленно потер лоб рукой, пытаюсь уловить смысл прочитанного. «Повествование Панфило де Замакон-и-Нуньес, дворянина из Луарки в Астурии, посвященное описанию Подземного мира Хинайна, 1545 год от Рождества Христова»... Этого было более чем достаточно на первый взгляд. Подземный мир — та же идея, что присутствовала во всех индейских преданиях и в рассказах белых, вернувшихся с холма. И дата: 1545 год. Что она могла значить? В 1540 году Коронадо со своим отрядом углубился в джунгли к северу от Мехико, но разве он не вернулся обратно в 1542 году? Пробежав глазами развернутую часть свитка, я почти тотчас же наткнулся на имя Франциско Васкеса де Коронадо. Автором рукописи, очевидно, был

из его людей, но что привело его сюда три года спустя как завершилась экспедиция? Объяснение могло находиться в тексте, однако развернутая часть содержала лишь известный по историческим хроникам отчет о северном походе Коронадо.

Вечерние сумерки напомнили мне о необходимости возвращаться; в том возбужденном состоянии, в каком я находился тогда, я едва не забыл об ужасах приближающейся ночи. О них не забыли, однако, наблюдатели, собравшиеся на равнине: до моего слуха донеслись отдаленные крики. Ответив им взмахом руки, я спрятал манускрипт обратно в цилиндр, от которого упорно не желал отделяться талисман, пока я с силой не отдернул его, и, запаковав часть снаряжения, приготовился к обратному походу. Оставив кирку и лопату для завтрашних раскопок, я собрал саквояж, спустился по склону холма и уже через четверть часа снова был в городе, объясняя и показывая странные находки. Сумерки сгустились, и когда я обернулся взглянуть на благополучно оставленный курган, то с невольной дрожью заметил, как на вершине разгорается голубоватое мерцание факела ночного призрака индианки.

Хотя мне не терпелось приступить к расшифровке записок испанца, я понимал, что будет лучше заняться этим в тихой и спокойной обстановке, вероятнее всего — поздним вечером. Пообещав горожанам дать подробный отчет о находке утром и вдоволь позволив им насмотреться на загадочный цилиндр, я вместе с Клайдом Комптоном удалился в дом и, как только представилась возможность, поднялся к себе в комнату. Хозяин и его мать тоже желали услышать рассказ, но я убедил их подождать, пока я не проработаю текст и не доберусь до сути.

Раскрыв при свете единственной электрической лампы саквояж, я вновь извлек цилиндр, отметив магнетическое притяжение, которое влекло к его рельефной поверхности талисман. Изображения зловеще мерцали на зеркальных боках, сделанных из неизвестного металла; я невольно поежился, изучая уродливые фигурки орнамента. Теперь я жалею, что не сфотографировал их — хотя, возможно, это и к лучшему. Чему я действительно рад, так это тому, что не мог тогда распознать сплюснутую голову похожей на осьминога твари, доминировавшей в большинстве узоров и названной в манускрипте «Тулу». Позднее я связал ее и подземные легенды индейцев с недавно открытым фоль-

клором о чудовищном Туле — единственном свидетельстве незапамятного ужаса, просочившегося со стареющих звезд на молодую Землю. Если бы в тот момент я догадывался о такой связи, уверен, никакая сила на свете не заставила бы меня остаться наедине с жуткой находкой. Побочный мотив орнамента — похожего на человека змея — я легко определил как прототип Йига, Кетцалькоатля и Кукулкана. Прежде чем открыть цилиндр, я проверил его магнитные свойства на других металлических предметах, однако притяжение к ним отсутствовало. Необычная способность, казалось, была присуща только осколкам неизвестного мира как защита от распыления.

Наконец я извлек манускрипт и приступил к переводу — заноса на бумагу лишь общий смысл фраз и сильно сожалел об отсутствии под рукой испанского словаря, когда попадалось туманное выражение или слово. Странно было сознавать, что хроника четырехвековой давности — когда мои миролюбивые предки, подданные Генриха VIII, и не думали переселяться в Новый Свет из Сомерсета и Девона — может помочь в моих нынешних поисках ответа на столько времени дремавшую тайну. Ощущение близости к прошлому было тем глубже, что я действительно испытывал в сердце неугасимую жажду приключений, которая побуждала испанского конкистадора ступить за завесу, разделяющую Бытие и Вечность. В сравнении с этим шагом четыре столетия представлялись океанской песчинкой. Зловещий орнамент цилиндра раздвинул передо мною ту пропасть, что зияет между всеми живущими на Земле и первородными тайнами, сокрытыми в звездах. На краю этой пропасти Панфило де Замакона и я стояли рядом; точно так же, как Аристотель и древний правитель Хеопс.

III

О своей юности в Луарке — маленьком порту на побережье Бискайского залива — Замакона рассказывает немного. Он был младшим и довольно своенравным сыном в семействе, и в Новую Испанию отплыл в 1532 году, едва ему минуло двадцать. Впечатлительный юноша жадно вслушивался в разнообразные толки о затерянных среди джунглей золотых городах и неизвестных странах, простирающихся к северу. Его воображение особенно взбудора-

жила история францисканского монаха Маркоса де Ницы, вернувшегося в 1539 году из долгого путешествия с потрясающим отчетом о сказочной Киболе, о ее обнесенных неприступными стенами городах и сокровищах. Узнав о подготавливаемой Коронадо экспедиции на поиски этих чудес и еще больших, лежащих, как шептались в кабачках, к северу от земель диких бизонов, молодой Замакона успевает попасть в число трехсот солдат и в 1540 году выступает в поход на север.

Истории известен отчет этой экспедиции: Кибола оказалась жалкой индейской деревушкой Пуэбло, и де Ница, потерявший доверие, был отослан обратно в Мехико. Однако Коронадо дошел до Большого Каньона, где в местечке Цинти на равнине Песос он услышал от одного индейца, который в хрониках назван Эль Турко, рассказ о богатых и загадочных землях Кивиры — дальше к северовостоку, где в изобилии золота, серебра и диких бизонов, и где протекают реки в две лиги* шириной. Замакона коротко описывает зимовку в Тигуа на равнине Песос и продолжение похода в апреле, когда сбежали местные проводники и отряд едва не погиб в стране степных собак, соленых озер и кровожадных аборигенов.

Когда Коронадо отправил в обратный путь основные силы и предпринял последний сорокадвухдневный марш с горсткой испытанных солдат, Замакона остался в числе избранных. Он описывает плодородные долины и отвесные ущелья, встреченные на пути, а также дневной рацион людей, состоявший исключительно из свежего бизоньего мяса. Далее следует упоминание о цели экспедиции — о долгожданных, но так и не открытых землях Кивиры с ее золотыми дворцами и полноводными реками, с сочными плодами, произрастающими на благодатных почвах, и с местным населением, выращивающим маис и плавящим медь из руды. Казнь Эль Турко, проводника, предавшего экспедицию, упоминается вскользь, и почти страницу занимает описание огромного креста, воздвигнутого на берегу Великой реки осенью 1541 года. На кресте была выжжена надпись: «Здесь проходили солдаты славного генерала Франциско Васкеса де Коронадо».

Из этого можно заключить, что Кивира лежала при-

* 1 лига равна 4.83 км

мерно возле 40-й параллели. Совсем недавно я знакомился с работой нью-йоркского археолога, доктора Ходжа, который идентифицирует русло Великой реки с Арканзас-ривер, протекающей через округа Бартон и Райс в штате Канзас. До прихода кровожадных орд Сиу это была родина индейцев племени Вичита; по берегам до сих пор находят остатки домов, выложенных из дерна. Коронадо добросовестно исследовал окрестности, ведомый то в одном, то в другом направлении постоянными слухами о сокровищах и брошенных городах, о которых боязливым шепотом рассказывали индейцы. Северные племена, казалось, менее охотно передавали истории о неизведанных землях, чем их мексиканские собратья; при этом их поведение будило подозрение, что они действительно способны помочь поискам, однако не отваживаются на это. Их уклончивые намеки приводили в ярость командира испанцев, и после нескольких безуспешных попыток он стал жестоко карать тех, кто приносил неугодные новости. Замакона, более терпеливый, чем Коронадо, находил удовольствие в местных преданиях и даже выучил индейский язык, что давало ему возможность подолгу беседовать с молодым воином по имени Разъяренный Бизон, чье любопытство заводило его значительно дальше соплеменников.

Именно Разъяренный Бизон поведал Замаконе о странных каменных арках и полузасыпанных пещерах на дне глубоких ущелий, которые миновали на своем пути конкистадоры. Эти пещеры, говорил он, сплошь заросли травой; ими не пользовались уже тысячелетия. Тот, кто отваживался проникнуть в них, не возвращался обратно,— лишь несколько раз храбрецы возвращались, но странно изуродованными или потерявшими рассудок. Таково было предание, хотя старейшины племени не припомнили бы воина, который прошел вглубь более нескольких сотен ярдов. Разъяренный Бизон, очевидно, и здесь продвинулся дальше других, но того, что он увидел внизу, оказалось достаточно, чтобы угасить его любопытство и жажду отыскать спрятанные сокровища.

В глубине провала, куда он спустился, находился длинный коридор, извивавшийся в своем протяжении, словно змея; то поднимавшийся, то уходящий отвесно вниз. Стены его покрывали изображения неведомых чудовищ. Наконец после не поддающихся подсчету миль поворотов и спусков впереди замерцало зловещее, голубоватое

сияние: коридор обрывался в потустороннюю бездну. Большого индеец не мог сообщить, ибо нечто, увиденное в недрах, заставило его спастись бегством. Однако золотые города должны находиться где-то там, добавлял он, и, может быть, бледнолицый, вооруженный огненным громом, сумеет добраться до них. Он не разговаривал с великим вождем Коронадо, потому что Коронадо больше не хочет слушать индейцев. Да, он покажет Замаконе дорогу, если бледнолицый возьмет его проводником. Но он ни шагу не ступит в тот коридор вместе с бледнолицым, потому что там — проклятое место.

Провал находился примерно в пяти днях пути к югу, среди больших курганов. Эти курганы были каким-то образом связаны с потусторонним миром внизу: возможно, это были замурованные выходы, ибо раньше Древние селились колониями наверху и торговали с людьми повсюду, даже в землях, которые потом поглотила вода. Примерно тогда же, когда океан обрушился на сушу, Древние удалились вглубь и прервали всякие контакты с людьми на поверхности. Спасшиеся с затопленных земель поведали им, что боги космоса собираются начать войну с Землей и уцелеют лишь демоны и злобные духи. Именно поэтому они сторонятся людей, и страшные пытки ожидают любого, кто проникнет в их жилище. Многие выходы когда-то охраняли стражники, но минули эпохи, и надобность в них отпала. Старики без охоты вспоминают ушедших Древних, и, возможно, легенды о них давно бы умерли, если бы не случайные встречи с призраками, которые напоминают об их присутствии. Бесконечная древность этих существ странно видоизменила их, сделав их тела похожими на туман. Многие своими глазами наблюдали призрачные баталии, развертывающиеся порой возле курганов, — совсем как в те далекие дни, когда выходы на поверхность не были замурованы.

Сами Древние были наполовину призраками; говорили, что они больше не старятся, хотя и не производят потомства, пребывая в вечном равновесии между миром вещественным и ирреальным. Все же изменения в их организме нельзя было назвать полными, ибо им был необходим воздух, чтобы дышать. Ради притока свежего воздуха провалы пещер на дне каньонов оставались незамурованными, в противоположность прежним выходам на равнинах. Многие из пещер, добавлял Разъяренный Бизон, лишь в

начале спуска имели естественное происхождение. Старейшины племени рассказывали, что, когда мир был совсем молодым, Древние спустились со звезд и выстроили в недрах города из чистого золота, избегая непригодной для жизни поверхности. От них берут начало все земные расы и народы, хотя никто не может даже предположить, с какой звезды — или туманности среди звезд — прилетели пришельцы. Укрытые в глубине города оставались полны серебра и золота, но людям, если их не оберегала магия Древних, лучше было держаться подальше от этих сокровищ.

Уродливые твари, на которых они ездили верхом и которых использовали для других целей, имели слабую примесь человеческой крови. Индейцы зловещим шепотом передавали, что твари были плотоядны и — как и их хозяйка — предпочитали человеческое мясо. Хотя сами Древние давно утратили способность к продолжению рода, в их городах существовал класс полулюдей-рабов, служивших пищей для человеческого и звериного населения. Кто попадал в него, оставалось тайной, но в услужении у этого класса находился еще более низший — реанимированных трупов. Древние умели приводить мертвые тела в механическое движение, которое могло длиться практически бесконечно и управлялось потоком мысли. Разъяренный Бизон говорил, что все подземные жители общаются только посредством мысли: после эонов развития и открытий речь считалась грубой и ненужной, за исключением религиозных церемоний и эмоционального выражения. Они поклонялись Йигу, Великому Отцу Змей, и Тулу, похожей на осьминога твари, которая перенесла их со звезд. Обоим чудовищам воздавали человеческие жертвы, описывать которые Разъяренный Бизон наотрез отказался.

Замакона был зачарован рассказом индейца и решил следовать за ним к провалу на дне каньона. В легенды о подземных властителях он не верил, ибо весь опыт экспедиции, последовавшей в поисках индейских мифов, был сплошным разочарованием. Однако Замакона сразу почувствовал, что какие-то неизведанные тайны могут скрываться в темном жерле провала. Поначалу он пытался убедить Разъяренного Бизона рассказать обо всем Коронадо, обещая защиту против генеральского гнева, но позже решил, что будет лучше, если он отправится в одиночку. Чем меньше участников предприятия, тем большие богатство и

слава выпадут на его долю. В случае успеха он может превзойти самого Коронадо и стать в Новой Испании фигурой более влиятельной, чем даже вице-король дон Антонио де Мендоса.

7 октября 1541 года, ближе к полночи, Замакона выскользнул из испанского лагеря возле дерновой деревушки, чтобы встретиться с Разъяренным Бизоном и начать долгое путешествие к югу. Желая по возможности облегчить свое снаряжение, он не надел обычного тяжелого шлема и панциря. О подробностях путешествия в рукописи почти не сообщается, хотя прибытие к Большому Каньону Замакона помечает 13 октября. Спуск по густо заросшему склону не отнял много времени, и, несмотря на то что в полумраке низины ущелья индеец с трудом отыскивал знакомые приметы, дверь была наконец найдена. Небольшое отверстие в скале окаймляли монолитные блоки песчаника с полустершимися надписями и рисунками; рядом лежали переломленные посредине останки каменных створок. Высота входа равнялась примерно семи футам, ширина не превосходила четырех. В плитах упавших створок на месте источенных ржавчиной петель и запоров виднелись сквозные отверстия.

При виде чернеющего провала Разъяренный Бизон торопливо сбросил с плеч свою ношу; казалось, он был испуган. Он снабдил Замакону запасом смолистых факелов и провизией и честно проводил его до цели, однако никак не желал разделить приключение, что лежало впереди. Замакона отдал индейцу груды безделушек, специально захваченных для подобного случая, и взял с него слово вернуться к каньону через месяц, чтобы проводить через равнину Песос. Выступ скалы над их головами был избран местом встречи: прибывший первым разбивал лагерь и дожидался партнера.

В рукописи Замакона выражает завистливое восхищение выдержкой и верностью индейцев — сам испанец так и не выполнил этого соглашения. В последний момент Разъяренный Бизон пытался отговорить его от рискованного предприятия, но вскоре понял тщетность своих попыток и сдержанно распрощался. Прежде чем зажечь первый факел и углубиться в зияющее отверстие, испанец проводил взглядом гибкую фигуру индейца, торопливо и, кажется, с облегчением взбирающегося вверх между деревьями. Последняя нить, связывавшая Замакону с миром, оборва-

лась, хотя в тот день он еще не догадывался, что больше никогда не увидит — в общепринятом смысле этого слова — другого человеческого существа.

Спускаясь в провал, Замакона не испытывал никаких предчувствий. Коридор, чуть более высокий и широкий, чем входное отверстие, был выложен истертыми плитами; потолки и стены покрывали фантастические рисунки. Судя по описанию Замаконы, изображения имели отталкивающий вид; большая часть их воспроизводила чудовищные формы Йига и Тулу. Ничего похожего испанец не встречал ни в одной части света, хотя — добавлял он — древняя архитектура Мексики наиболее близка к виденным орнаментам. Через несколько сотен ярдов туннель резко пошел вниз; на пути стали попадаться обломки скалистых пород, осыпавшиеся со стен. Коридор оказался лишь частично искусственного происхождения. Рисунков стало меньше, часто встречались совершенно необработанные стены.

За гигантским спуском, крутизна которого не раз угрожала падением и увечьем, туннель утратил упорядоченность как очертаний, так и направления. Временами он сужался до едва преодолимой щели или понижался настолько, что приходилось передвигаться ползком и на четвереньках; напротив, в других местах стены раздвигались, образуя подземные залы или цепочку пещер. Было очевидно, что на этом протяжении туннель не касалась рука человека. Лишь одиночный завиток или иероглиф на стене указывал Замаконе, что он на верном пути.

Трое суток Панфило де Замакона спускался извилистым туннелем в мрачные недра подземелья. Однажды, хлопая крыльями, с его дороги убралась какая-то невидимая тварь; в другой раз он краем глаза заметил мелькнувшую в расселине бледную тень, один вид которой заставил его содрогнуться. Воздух был сносным, хотя попадались участки застоявшихся испарений, а в огромных пещерах среди стволов сталактитов и сталагмитов царил промозглая сырость. Последние, когда туннелем шел Разъяренный Бизон, представляли серьезное препятствие. Индеец пробил зияющую брешь в их плотных зарослях, так что Замаконе не составило труда воспользоваться проложенной им тропой. Помимо воли было приятно сознавать, что кто-то еще из внешнего мира проходил здесь раньше; к тому же подробное описание туннеля, данное индейцем, значи-

тельно снижало степень неожиданности и риска. Более того — двойной запас факелов, которыми снабдил его Разъяренный Бизон, исключал возможность заблудиться в крошечной тьме. Дважды Замакона разбивал лагерь и разводил костер, дым от которого уносила естественная вентиляция.

Примерно в конце третьего дня пути (не следует безоговорочно доверять его хронологии) Замакона миновал головокружительный спуск и не менее головокружительный подъем, которые Разъяренный Бизон описал, как последнюю фазу туннеля. Уже на подходе были различимы следы искусственных улучшений подземного коридора: несколько раз отвесный спуск облегчался пролетами каменных ступеней. Пламя факела выхватывало все новые изображения на стенах, и, наконец, когда Замакона преодолел подъем, к красноватым бликам горящей смолы стало примешиваться постороннее, зыбкое свечение. Лестница завершилась широким проходом, выложенным темными базальтовыми плитами. Свет факела стал бесполезен, ибо все заполняло голубоватое сияние, мерцавшее, словно утренний дымок. Это был странный свет подземного мира — именно такой, каким его описал индеец, — и в следующее мгновение Замакона вышел из туннеля на блеклый, скалистый склон холма, упавшийся за его спиной в непроницаемое небесно-голубое сверкание и отвесно сбегавший под ногами на бескрайнюю равнину, закутанную в голубоватый туман.

Предпринятая им экспедиция увенчалась успехом, и из внезапно утяжелившегося, еще более вычурного слога рукописи я ясно представлял, с какой гордостью он обзирал незнакомый ландшафт — совершенно так же, как в свое время его соотечественник Бальбоа оглядывал бескрайний простор новооткрытого Тихого океана. У выхода из туннеля повернул назад Разъяренный Бизон, остановленный страхом при виде стада рогатых существ, не похожих ни на коней, ни на бизонов; по его словам, на таких существах сражались призраки по ночам, — однако каким мелким казались Замаконе его страхи! Вместо робости странное чувство триумфа наполняло его сердце; испанец стоял на пороге неведомого мира, куда еще не ступала нога белого человека.

Почва огромного холма, стеной поднимавшегося за его спиной и наклонно простиравшегося вниз у его ног, была

темно-серой, каменистой, без признаков растительности и, по всей видимости, базальтового происхождения. Стоя на ее глянцевой поверхности, Замакона ощущал себя пришельцем, вторгшимся на чужую планету. Обширная равнина в нескольких тысячах футов внизу не задерживала взгляд ничем примечательным; непрозрачная голубоватая дымка окутывала ее до самого горизонта. Но больше, чем гигантский холм, или равнина, или сверкающие сполохи над головой, искателя приключений поразило другое — причина, породившая видимость неба в земных недрах. Ответа не было, хотя Замакона слышал о полярных сияниях и даже видел их однажды перед штормом с борта судна. В рукописи он приходит к заключению, что нечто похожее происходило и в атмосфере подземелья, хотя, на современный взгляд, в качестве объяснения здесь больше подходит природное радиоактивное свечение.

Чернеющее жерло туннеля, как и вход в него, было выложено массивными каменными плитами — с тою лишь разницей, что тут вместо красноватого песчаника использовался темный базальт. Сохранились несколько уродливых статуэток, напоминающих потрепанные непогодой останки скульптур снаружи. Отсутствие коррозии указывало на сухой, умеренный климат; испанец и в самом деле отмечал по-весеннему приятное однообразие температуры в подземелье. По краям плит оставались отверстия для дверных петель, хотя самих дверей не было нигде видно. Сделав небольшой привал, Замакона разгрузил свою поклажу, выложив запас пищи и факелов, необходимых для возвращения. Под грудой наспех насыпанной пирамидки из скальных обломков он устроил подобие тайника, после чего, пристроив на спине полегчавший рюкзак, начал спуск на равнину, готовый к любым неожиданностям, поджидавшим его в этом затерянном мире.

Упругой походкой, перескакивая валуны и расселины, Замакона шагал вниз вдоль крутого, бесконечного склона. Расстояние до затянутой дымкой равнины было поистине огромно, ибо за несколько часов пути она ни на дюйм не стала ближе. Холм позади серой стеной возносился в яркое море голубых молний над головою. Тишина была всепоглощающей; звук собственных шагов, шум от падения камня достигал слуха с пугающей отчетливостью. Примерно в полдень Замакона в первый раз наткнулся на чудовищные следы, которые напомнили ему об уклончивых

намек на Разъяренного Бизона и также о его бесславном бегстве.

Каменная осыпь, покрывавшая поверхность склона, не позволяла проследить направление следов, но в одном месте, где мягкий глинозем занимал значительную площадь, Замакона снова заметил отпечатки. Судя по их плотности, многочисленное стадо топталось в нерешительности, очевидно чем-то сбитое с толку. Точное описание самих следов в рукописи отсутствует; испанец больше занят собственными смутными страхами. Чем был вызван его испуг, станет ясно позднее, пока же он довольствуется лишь намеками, говоря о том, что это были «не копыта, не руки или ноги, даже не лапы — и не столь огромные, чтобы вселить ужас». Что и когда привело сюда животных, оставалось тайной. Вокруг не росло ни травинки, ни кустика, которые помогли бы решить загадку; хотя, если животные были плотоядными, то их конечности могли затоптать следы более мелких тварей.

Оглянувшись на вершину холма, Замакона различил слабые извивы дороги, спускавшейся в долину. Теперь от нее остались лишь общие очертания, присыпанные обломками скалистой породы. Раз или два испанец пересекал полотно дороги, сам того не подозревая, — настолько сильно оно было разрушено. Продолжив спуск, оч вскоре достиг поворота, однако выбоины и камни не сделали его продвижение более легким. Перевернув мечом несколько комьев земли, он с удивлением поднял заблестевший в голубоватом сиянии предмет, который оказался монетой или медалью из темного, зеркального металла с уродливыми изображениями на обеих сторонах. Из его описаний получалось, что это был дубликат талисмана, который вручил мне Серый Орел почти четыре столетия спустя. Спрятав монету в карман, испанец двинулся дальше и к часу, когда, по его расчетам, во внешнем мире наступил вечер, разбил лагерь.

На следующий день Замакона поднялся рано и возобновил спуск в затянутую голубоватой дымкой, безмолвную долину. По мере приближения он постепенно различал отдельные предметы внизу: деревья, кусты, маленькая речка по правую руку, редкие скалы. Реку пересекал мост, соединявший остатки дороги с едва видимым ее продолжением на равнине. Замаконе казалось, что он различает поселения, разбросанные вдоль берегов, новые, разрушенные и

ущевшие мосты. Теперь его окружала чахлая травянистая растительность, густевшая с каждым шагом. Дорога стала ровнее и заметней, потому что на ее каменистой поверхности не росла трава. Обломки скал поредели, и весь безжизненный пейзаж холма разительно контрастировал с новым окружением.

В этот день далеко на горизонте показалась темная масса, похожая на табун животных. Что-то в их размеренном движении насторожило Замакону, хотя он уже давно не встречал чудовищных следов, так поразивших его в начале пути. Как бы ни выглядели оставившие их животные, встречаться с ними не хотелось да и не имело смысла. Темная масса еще не достигла дороги, между тем как любопытство и желание найти сказочные города побуждало Замакону идти вперед. Стоило ли придавать значение полустертым отпечаткам лап и испуганным рассказам невежественного индейца?

Всматриваясь до боли в глазах в быстро перемещающееся пятнышко у горизонта, Замакона сделал попутно несколько интересных открытий. В голубоватом мареве впереди странно мерцали шпили неведомых городов. Рядом с каждым, разбросанные вдоль дороги, возвышались схожие друг с другом башни, стены которых скрывали дикорастущие растения. К тем, что стояли поодаль от дороги, вели широкие просеки в низкорослой растительности. Не было заметно ни дыма, ни других признаков жизни. Теперь Замакона видел, что равнина не бесконечна в своем протяжении, хотя вездесущая голубоватая дымка до сих пор поддерживала это заблуждение. У горизонта ее окаймляла гряда невысоких холмов, в расселине между которыми терялись река и дорога. Все это — особенно сверкающие шпили городов — предстало в самых ярких красках перед взором путешественника, когда Замакона устраивал свой второй привал в бесконечном сиянии подземного дня. Над головой парили стаи птиц, однако разглядеть их пока не представлялось возможности.

На исходе следующего утра, как это отмечено в рукописи, Замакона достиг безмолвной равнины и по хорошо сохранившемуся мосту из черного базальта пересек реку. В прозрачной воде плавали стаи огромных рыб необычного вида, на дне колыхались серые водоросли. Дорога была вымощена, но местами сильно заросла сорняками и ползущими растениями, хотя направление не терялось благо-

даря столбикам с непонятными значками по обочинам. По обе стороны трава была гуще и выше, кое-где попадались деревья и кусты, повсюду выглядывали огромные голубые цветы. Неожиданные шорохи и шуршание в траве указывали на присутствие змей. Через несколько часов путешественник достиг рощицы, окружавшей одну из сверкающих башен. Буйная растительность поглотила злоеющего вида опоры, на которых когда-то крепились каменные створки ворот; зеленые кроны гигантских деревьев закрывали небо над головой. Свернув с дороги, Замакона был вынужден пробираться через переплетение веток шиповника, обступившего покрытую мхом аллею. Каменные колонны и вековые деревья лишали возможности обзора.

Наконец, в зеленых сумерках, он различил старинные стены башни — остатки замка, в этом не могло быть сомнения! Множество уродливых барельефов, чуждые лица и персонажи усеивали каменную поверхность. К сожалению, повествуя о своих находках, Панфило де Замакона впадает в чрезмерное благочестие, столь свойственное испанцам эпохи Возрождения, но столь же неуместное в путевых заметках. Вместо подробных описаний рукопись предоставляет нам только догадываться о причинах, побудивших автора отделяться туманными намеками. Дверь в башню была распахнута: из-за отсутствия окон внутри царил непроглядный мрак. Поборов отвращение, которое вызывал вид настенных барельефов, Замакона извлек из рюкзака стальной прут и кремь, зажег факел и, раздвинув заросли лиан, смело переступил порог.

На какое-то мгновение он окаменел, ошеломленный открывшейся взгляду картиной. Однако ни вековой слой пыли, наметанной за прошедшие эоны; ни мелкие твари, с визгом, хлопая крыльями, устремившиеся наружу; ни омерзительные скульптуры вдоль стен или причудливые жаровни и чаши; ни пирамидальный алтарь с полой вершиной или чудовищный идол из черного металла, присевший на щупальцах поверх изукрашенного иероглифами пьедестала, — не были причиной, лишившей испанца дара речи. Объяснение было гораздо более земным и заключалось в том, что все в башне — за исключением лишь слоя пыли, летучих тварей и чудовищного изваяния с изумрудными глазами — было сделано из чистого золота.

Даже в рукописи, написанной задолго после того, как Замаконе стало известно, что золото является наиболее

используемым в подземной архитектуре материалом, обнаруживается невероятное волнение, вызванное разгадкой индейских преданий о золотых городах. В чувство испанца привело странное подергивание полы его камзола. Осмотрев карманы, он заметил, что металлический диск, который он нашел возле заброшенной дороги, с силой притягивается к похожему на осьминога идолу из того же металла, присевшему на пьедестале. Позднее Замакона узнал, что эта странная магнетическая субстанция — одинаково чуждая как миру людей, так и подземному миру — представляет род драгоценности в озаряемой голубым сиянием бездне. Никто не мог объяснить, что это за металл, однако было известно, что часть его была перенесена со звезд вместе с людьми, когда Великий Тулу, похожий на осьминога бог, заселял Землю. Единственным доступным источником его были доисторические руины, где сохранялось бесчисленное множество циклопических идолов. Состав не поддавался определению, и одним из самых загадочных свойств было то, что магнетическое влечение распространялось исключительно на изделия из самого же металла. Под землей его использовали в религиозных отправлениях, при этом существовали старинные обычаи, призванные предотвратить неудобства, связанные с его магнетизмом. Очень слабый сплав металла с железом, золотом, серебром, медью и цинком формировал единый монетарный стандарт подземного мира в одну из эпох его развития.

Размышления Замаконы были прерваны отдаленным гулом, наполнившим все его существо необъяснимым ужасом. Ошибиться было невозможно: к башне несло топочущее стадо. Паническое поведение индейца, следы и темная масса на горизонте — воспоминания заставили испанца поежиться от недобрых предчувствий. Не раздумывая, он бросился отыскивать убежище. Никакое стадо не стало бы забираться в заросли или руины, происходи это на поверхности земли, но здесь... какой-то неведомый инстинкт подсказывал Замаконе, что стены башни не защитят его от опасности.

Во всем помещении не было угла, где можно было бы спрятаться; единственной надеждой оставалась давно не использовавшаяся дверь, все еще прочно державшаяся на древних петлях. Земля, лианы и мхи присыпали ее основание, и Замаконе пришлось мечом прокапывать борозду под нижней ее половиной. Однако, движимый страхом, он

в считанные секунды справился с этой работой. Грохот копыт нарастал, когда он начал тащить на себя приваленную к стене дверь, но чем сильнее становился его страх, тем слабее подавались спрессованные временем петли. Наконец, с резким скрежетом, дверь подалась и с новым рывком сильных рук испанца захлопнулась, отсекая грохот приближающегося стада. В наступившей тишине слабо потрескивал факел, воткнутый между плитами пирамидального алтаря. С внутренней стороны находился засов и, благоговая своих заступников-святых, перепуганный испанец поспешно задвинул его.

Наружные шумы поведали о дальнейшем. Нарастающий топот распался на несколько потоков; зеленая рощица заставила стадо замедлить бег и рассыпаться. Однако животные приближались, и по треску ветвей было очевидно, что они кружат возле башни. В размеренности их поступи Замаконе почудилось нечто тревожное и отталкивающее; еще меньше ему нравились странные шорохи за стенами и массивной золотой дверью. Тяжело скрипнули петли, послышался звук удара, но дверь выдержала. Через мгновение, показавшееся вечностью, топот снаружи начал удаляться, и Замакона понял, что непрошенные гости убираются восвояси. Судя по тому, что стадо не выглядело многочисленным, было разумно покинуть укрытие через час или полтора, но Замакона решил не испытывать судьбу. Развязав рюкзак, он расположился биваком прямо на золотых плитах храма и, едва закрыв глаза, погрузился в непробудный сон. С запертой дверью, в безопасности, его не тревожил даже магический блеск зеленоватых глаз Тулу, злобно выглядывавшего из темноты с вершины своего пьедестала.

В первый раз за все время — с тех пор, как он покинул туннель, — Замакона спал глубоко и долго. Он наверстал с лихвою потерянное за две предыдущие ночевки, когда нескончаемое сверкание неба не позволяло сомкнуть глаз, несмотря на усталость. Но пока он спал, ноги других живых существ покрывали расстояние до его убежища, и странные вещи, которые они несли с собою, требовали отдохнувшего и ясного рассудка.

IV

Окончательно пробудил Замакону грохот, сотрясавший дверь в башню. Туманные грезы, сонливость рассеялись, как только он понял его происхождение. Ошибиться было невозможно — это был настойчивый стук, производимый человеческой рукой, по всей видимости, вооруженной каким-то металлическим предметом. Когда Замакона, плохо соображая со сна, вскочил на ноги, снаружи послышался резкий, немелодичный голос, выкрикивавший фразу, которую манускрипт пытается воспроизвести, как «окси, окси, гин'аттан вайка релекс». Ободренный тем, что его новые гости люди, а не черти, и убеждая себя, что у них нет причин видеть в нем врага, Замакона решил выйти и принялся поднимать засов, звеневший под ударами снаружи.

С усилием оттолкнув массивную дверь, он встал на пороге и очутился лицом к лицу с группой примерно в двадцать человек, вид которых не вызвал у него тревоги. Они выглядели как индейцы, хотя одеждой и тем более короткими мечами в кожаных ножнах не напоминали ни одно из известных племен. Вдобавок их лица имели множество малоприметных отличий от типично индейских. Было ясно, что они не питали никаких враждебных чувств; вместо того чтобы угрожать, они внимательно смотрели Замаконе в глаза, словно ожидая, что взгляд скажет больше, чем язык из незнакомых слов. Чем дольше они смотрели, тем больше он узнавал о них и об их миссии. Никто не произнес ни слова, но Замакона медленно постигал, что незнакомцы приехали из большого города, расположенного за грядой холмов, верхом на животных, и что их позвали животные, которые заметили его. Они не были уверены в том, кто он и откуда пришел, но догадывались, что каким-то образом он связан с внешним миром, о котором у них сохранились смутные воспоминания. Как он прочел все это во взглядах двух или трех предводителей, Замакона не мог объяснить, хотя чуть позже загадка разрешилась сама собою.

Он попытался объяснить с незнакомцами на диалекте Вичита, которому его научил Разъяренный Бизон; однако после неудачной попытки принялся последовательно перебирать ацтекский, испанский, французский и латинский

языки — добавив к ним обрывки фраз на греческом, итальянском и португальском, даже припомнив слышанное в детстве баскское наречие родной Астурии. Столь внушительный запас — практически все познания Замаконы в лингвистике — не вызвал и тени понимания на лицах незнакомцев. Пока он раздумывал, озадаченный такой непонятливостью, один из них начал говорить на странном и чарующем языке, звуки которого испанец с большим трудом позднее передал на бумаге. Когда и Замакона в свою очередь недоумевающе развел руками, говоривший показал себе на глаза, потом на лоб и снова на глаза, словно приказывая смотреть на него, чтобы понять то, что он собирается сообщить.

Послушно устремив на собеседника взгляд, Замакона обнаружил, что начинает постигать некую информацию. Подземные жители, узнал он, разговаривают теперь исключительно посредством радиации мыслей, хотя прежде у них был разговорный язык, который сохранен для письма и праздничных церемоний. Чтобы принять сообщение, достаточно сосредоточиться на глазах собеседника; чтобы ответить, необходимо представить мысленный образ того, что собираешься рассказать, и передать его взглядом. Передавший мысли замолчал, очевидно, приглашая попробовать, но Замакона безуспешно старался исполнить его советы. Несколько понятнее получилось, когда он принялся рассказывать о себе и о своем путешествии знаками. Указав вверх, он закрыл глаза и сделал несколько волнообразных движений, изображая ползущего в туннеле; затем открыл глаза и, указывая на оставленный за спиной холм, пальцами изобразил спускающегося по склону человека. Наудачу он даже прибавил пару слов к своим жестам — один раз, тыча себе в грудь, затем в незнакомца, произнес: «*un hombre**»; после чего, указывая только на себя, тщательно проговорил собственное имя: «Панфило де Замакона».

Странная беседа продолжалась. Замакона начал понимать, как следует концентрировать и передавать взглядом мысли, а попутно усвоил несколько десятков слов из местного звукового языка. Пришельцы в свою очередь заинтересовались испанским. Их древний язык не походил ни на один из языков, которые приходилось слышать испанцу,

*человек (*исп.*)

хотя позже в рукописи он пытается доказать его отдаленное родство с ацтекским. При этом он, правда, не определяет характера взаимодействия языков, так что остается лишь догадываться о природе родства: то ли в ацтекском преобладают древние заимствования, то ли он сам — вырожденный субстрат древнего языка. Подземный мир, как узнал Замакона, носит древнее название, которое рукопись воспроизводит как «Хинайн», но которое — из последующих замечаний автора и его объяснений — для англосаксонского слуха лучше передается фонетической транскрипцией «Кейнан».

Неудивительно, что предварительный обмен мыслями ограничивался наиболее существенными понятиями, но и эти понятия были крайне важными. Замакона узнал, что люди Кейнана представляют собой бесконечно древнюю расу, которая прилетела из отдаленных глубин космоса, где физические условия очень похожи на земные. Теперь все это, разумеется, обратилось в легенду; и никто бы не поручился, насколько она правдива, и сколь велико поклонение подземных жителей перед спрутообразным Тулу, который по одному из преданий перенес их на Землю и перед которым они до сих пор испытывали благоговейный трепет. Однако им было известно о существовании внешнего мира, и именно их предки дали начало всем земным расам, как только поверхность планеты стала пригодна для жизни. Между ледниковыми эпохами они создали ряд замечательных цивилизаций, самая мощная из которых находилась на Южном полюсе возле горы Кадатт.

В незапамятном прошлом большая часть внешнего мира погрузилась в океанскую пучину, и лишь немногие уцелевшие сохранили воспоминания о стране Кейнан. Вне всякого сомнения, причиной катастрофы стал гнев космических божеств, одинаково враждебных и к человеческой расе, и к ее богам. Туманные слухи поведали, что первыми под водой исчезли города самих богов вместе с Великим Тулу, который и по сей день лежит, скованный сном, в подводных гротах неприступной крепости Релекс. Поверхность стала непригодна для жизни людей, и постепенно сложилось убеждение, что те, кто остался наверху, сохранили жизнь изменой в пользу злобных божеств космоса. Сообщение с внешним миром прервалось. Подземные входы к Кейнану были замурованы или охранялись стражниками, а всех нарушителей границ рассматривали как вражеских лазутчиков

Но так было давно. Проходили эпохи, и все меньше пришельцев проникало в Кейнан; многие стражи покинули незамуренные входы. Большинство населения забыло о существовании внешнего мира, хотя ученая верхушка не переставала верить в него. С нарушителями границ, последние из которых спустились в Кейнан столетия назад, не всегда поступали как с посланниками ада; вера в старинные легенды была уже не столь сильной. Их жадно расспрашивали о загадочных мирах наверху, ибо тяга к научному знанию была велика, а мифы и предания, повествовавшие о планетной поверхности, часто искушали ученых послать исследовательскую экспедицию. Однако общественное мнение было настроено против. От пришельцев требовали одного — отказаться от мысли о возвращении с тем, чтобы никто и никогда не узнал о существовании подземного мира. Страсть внешних людей к золоту и серебру могла породить губительные войны. Подчинившиеся необходимости жили счастливо, хотя и сожалели порой о покинутом мире. Они рассказывали все, что удерживала их память, но рассказы эти были неполны и часто противоречили друг другу — трудно было определить, чему следовало верить, а чему — нет. Многие желали, чтобы пришельцы являлись чаще. Тех же, кто ослушался и пытался бежать, жестоко наказывали. Появление Замаконы было настоящим событием, так как он выглядел высокообразованным человеком и мог поведать больше о внешнем мире, чем все его предшественники. Он все расскажет им и — незнакомцы надеялись — смирится с необходимостью остаться.

Многое из того, что Замакона узнал о Кейнane в эту первую беседу, звучало ошеломляюще. Он узнал, например, что за прошедшие тысячелетия подземные жители победили старение и смерть; отныне люди не дряхлели и не умирали, кроме как по собственному желанию. Регулируя жизненные процессы, любой человек мог оставаться вечно молодым и бессмертным; единственной причиной, почему некоторые из них не сопротивлялись старению, было наслаждение, получаемое от возрастных перемен в мире всеобщего постоянства и стагнации. Для возвращения'молодости было достаточно лишь желания. Рождения прекратились, за исключением лабораторных экспериментов, с тех пор как господствующая раса, определявшая экологические потребности, нашла увеличение числа населения неразумным. Многие, однако, предпочитали умирать,

ибо, несмотря на усерднейшие старания изобрести новые виды наслаждений, однообразие жизни становилось тягостным для излишне чувствительных натур — особенно для тех из них, в ком время и пресыщенность заглушили первобытный инстинкт самосохранения. Все воины из отряда, стоящего перед Замаконой, были в возрасте от пятисот до полутора тысяч лет; несколько видели внешних людей и прежде, но время приглушило воспоминания. Пришельцы с поверхности пытались перенять бессмертие подземной расы, но достигали лишь кратковременного продолжения жизни — в силу различий в эволюции, преважавшей два миллиона лет.

Эти эволюционные различия еще поразительнее проявлялись в другой способности жителей Кейнана — более странной, чем даже бессмертие. Они могли воздействовать на равновесие между материей и бесплотной энергией посредством специально тренированной воли. Другими словами, при определенных способностях и уровне знаний люди Кейнана могли дематериализоваться и рематериализоваться, и то же могли производить, хотя и с большим расходом энергии, над чужеродными предметами, распыляя их на атомы и без ущерба собирая вновь. Если бы Замакона не отозвался на стук, ему пришлось бы собственными глазами пронаблюдать эту удивительную способность, ибо только нежелание расходовать психическую силу удержало двадцать воинов от стремительного марша сквозь запертую золотую дверь и стены.

Это искусство было значительно древнее, чем искусство продления жизни, и могло быть достигнуто, хотя и не в совершенстве, любым образованным человеком. Предания об этом даре достигали внешнего мира эоны назад, окруженные пеленой таинственности. Подземных жителей развлекали примитивные истории о призраках, которые приносили с собой пришельцы сверху. В обычной жизни способность к дематериализации имела чисто техническое применение, но с течением времени была частично забыта из-за утраты стимулов к ее использованию. Одна из дошедших разновидностей была связана со сном; некоторые любители сновидений прибегали к ней, чтобы усилить яркость и осязаемость грез. В подобном состоянии многие из них посещали заброшенные курганы, бродили по подземным туннелям и даже наблюдали изменения интенсивности атмосферного свечения, что, по убеждению ученых

мужей, было особенностью внешнего мира. На своих мощных единорогах они выезжали на равнины и заново переживали в эпоху мира победоносные сражения своих предков. Философы объясняли природу таких сновидений нематериальной субстанцией, оставленной по смерти воинственными пращурами и до сих пор живущей в воздухе в виде пронизывающей планету энергии.

Все обитатели Кейнана жили в огромном мегаполисе Цатт, расположенном за холмами. Прежде несколько близких рас населяли весь подземный мир, который протянулся до бездонных пропастей Лартта и включал, помимо земель, озаряемых голубым светом, глубинные руины Йотта, где царил красноватый сумрак и где археологи Кейнана обнаружили реликтовые остатки более древней, негуманоидной цивилизации. Со временем, однако, властители Цатта покорили и обратили в рабство своих соседей, скрестив их с рогатыми четырехлапыми тварями из красных земель, необычайная сообразительность которых выделяла их среди прочих животных. Полагали, что это были отдаленные потомки строителей циклопических руин подземелья. Проходили зоны, и жизнь, поддерживаемая техническим прогрессом, становилась все легче и необременительнее; жители начали переселяться в мегаполис среди холмов, и вскоре остальные земли Кейнана оказались в полном запустении.

Жить в одном месте было проще: сами собой исчезали проблемы регулирования рода и численности населения. Многие из старинных механизмов продолжали работать, тогда как другие были приведены в негодность, или продукция их не приносила удовольствия, или же в них отпала необходимость, так как поредевшая раса имела в подчинении огромное количество предназначенных для производственной деятельности низших организмов. Этот обширный класс рабов отличался необычайной запутанностью, ибо был создан из потомков поработанных врагов, пришельцев из внешнего мира, из мертвых тел, электрическим разрядом возвращенных к жизни, и, естественно, из низших слоев правящей касты Цатта. Генотип общественной верхушки сложился в результате длительного отбора и эволюции — нация прошла через период технократической демократии, где каждый имел равные возможности, но впоследствии часть людей обратила мощь своего интеллекта в орудие власти и подавила жизненные инстинкты

остальной массы. Промышленность была заброшена как тупиковая ветвь эволюции; остались лишь механизмы, выполняющие самые необходимые функции. Телесный комфорт поддерживался минимальным числом технических приспособлений, не усложняющих конструкции зданий и легко заменяемых. Прочие нужды обеспечивало научное земледелие и животноводство. Далекие поездки канули в прошлое, и люди пересели на рогатых тварей с примесью человеческой крови вместо того, чтобы следить за огромным парком грузовых и пассажирских экипажей. Замакона с трудом верил, что такие машины вообще могли существовать, однако и в самом деле раньше в голубом небе парили моторные планеры, среди холмов ползли дизельные поезда — как экспонаты их и теперь можно было увидеть в музее. В одном дне пути к долине До-Нна, где в былые времена жили предки обитателей мегаполиса, находились остатки гигантских механизмов непонятного назначения. Города и башни на равнине принадлежали еще более архаичному периоду истории и оставались местом поклонения в религии людей Цатта.

Правительство мегаполиса по природе своей больше склонялось к первобытно-анархическому типу: порядок вещей чаще определялся обычаями, чем законом. Такое правление сделалось возможным благодаря опыту тысячелетий и прогрессирующей апатии господствующей расы, чьи желания и потребности сводились к сумме физических удовольствий. Терпимость и миролюбие отстранили на второй план всякие идеалы и искания: основной заботой правителя было спокойствие общины, которое периодически нарушали беспорядочные метания бессмертных искателей наслаждений. Семья как часть общественного уклада давно утратила свое значение; исчезли гражданские и социальные различия между полами. Распорядок дня следовал по накатанному образцу: утреннее опьянение спиртами или наркотическими субстанциями, пытки рабов, дневные сновидения, гастрономические и чувственные оргии, религиозные службы, экзотические эксперименты, художественные и философские дискуссии и далее в том же духе. Собственность горожан: земли, рабы, животные, доли в увеселительных заведениях Цатта и монеты из драгоценного Тулу-металла, бывшие когда-то единым денежным стандартом, — распределялась приблизительно поровну между свободными жителями. Бедность была неиз-

вестна, а труд состоял из определенного набора администраторских обязанностей, налагаемых на основании произвольного выбора на какой-то недолгий срок. Замакона с трудом описывает условия жизни, так не похожие на знакомые ему с детства; и в этом отношении рукопись изобилует неясностями и загадками.

Искусство и науки Цатта достигли небывалого уровня, но пришли в упадок и небрежение. Прежнее доминирование машинной цивилизации разрушило привычные эстетические каноны, что не замедлило сказаться на всем последующем развитии. Современная живопись занималась геометрическими узорами и была легковесна, поэтому предпочтение отдавалось старым полотнам. Литература выродилась в источник индивидуального наслаждения; игра слов ценилась больше смысла и была непонятна для Замаконы. Точные науки охватывали все области знания, за исключением единственного направления — астрономии. Полный упадок последней объяснялся тем, что подземные жители не видели смысла в изучении явлений, не наблюдаемых в повседневной действительности. Философия замкнулась в привычных формах; технология, хотя и существовала, не поднималась до сколько-нибудь значительных высот. История не вызывала интереса ни у кого, кроме узкого круга ученых мужей, для которых появление Замаконы было существенным дополнением к многочисленным хроникам и летописям, хранящимся в библиотеках. Современная тенденция общества тяготела больше к ощущениям, нежели к мыслям; изобретатель нового вида наслаждения почитался и имел последователей в отличие от первооткрывателей и исследователей полузабытых тайн и загадок космоса.

Религия преобладала над остальными интересами в жизни Цатта, хотя очень немногие действительно верили в потусторонние силы. Привлекательность веры заключалась, скорее, в экзальтации и своеобразном чувственном опьянении, которое вызывалось мистическими обрядами и песнопениями жрецов. Башни, воздвигнутые в честь Великого Тулу, которого древние представляли в образе головоногого чудовища, были самыми богатыми зданиями в Кейнанае. По обилию золота и серебра им почти не уступали загадочные усыпальницы Йига, прародителя жизни, символизированного как Отец Всех Змей. Со временем Замакона узнал подробности оргий и жертвоприношений в

честь этих чудовищ, однако христианское благочестие не позволило ему описать их в рукописи. Сам он не принимал участия в вакхических церемониях, хотя по форме некоторые из них были близки к его собственной религии и испанец никогда не терял надежды распространить веру в Святой Крест и на этот уголок вселенной.

Значительное место в современной религии Цатта занимало дошедшее из глубины веков, по-настоящему искреннее поклонение перед священным металлом Тулу — темным зеркальным веществом, подобного которому не существовало в природе, но которое неизменно сопровождало историю людей в форме божественных изваяний и иерархических знаков отличия. С незапамятных времен один только вид металла пробуждал самые глубокие чувства; в сделанных из него цилиндрах хранились древние свитки и рукописи. Теперь же, когда угасание науки заглушило критические настроения, люди вновь прониклись благоговением и трепетом перед сакральной субстанцией.

Побочная функция религии состояла в регулировании календаря, созданного в эпоху, когда время и возраст занимали первостепенное место в человеческой жизни. Периоды пробуждения и засыпания — удлинненные, сжатые или переставленные местами: в зависимости от того, чего требовали тогдашние привычки и традиции, отмеряемые ударами хвоста Великого Йига, Отца Змей, — весьма грубо соотносились с земной сменой дня и ночи, хотя чувства подсказывали Замаконё, что подземные сутки почти в два раза длиннее. Продолжительность года, отмеченная сезонной линькой Йига, равнялась примерно полутора земным годам. Расчеты, произведенные Замаконой, позволили ему датировать рукопись 1545 годом, однако и эту цифру не следует принимать без проверки.

Отвращение и тревога поднимались в душе Панфило де Замаконы, пока он слушал неторопливый рассказ предводителя кейнанских воинов. Кровавая история подземного мира, нынешние упадок и угасание, а также прямое предостережение против попытки бегства не раз заставили испанца пожалеть о встрече. Понимая, однако, что только искренность и согласие способны помочь ему, он решил во всем положиться на своих спутников. Скрывать описания родного мира казалось бессмысленным; того же, что он успел пересказать, вполне хватало для поддержания оживленной беседы.

Его слова были первой достоверной информацией о мироздании, полученной обитателями Цатта за долгие зоны, минувшие после той страшной ночи, когда в глубинах океана скрылись Атлантида и Лемурия. Более поздние сведения ограничивались общением с замкнутыми и малоразвитыми цивилизациями Майя, Толтеков и Ацтеков, а также с полудикими племенами на северных равнинах. Замакона был первым европейцем, ступившим на земли подземного народа; образованность и ум выгодно отличали его от прежних пришельцев. Смуглолицые воины, затаив дыхание, слушали все, что он телепатировал им, и было очевидно, что утасажившим наукам о прошлом и мироздании их встреча сулит скорое возрождение.

Единственное, что встревожило воинов, было сообщение о сохранившихся на поверхности преданиях о затерянных городах, полных сокровищ. В недалеком будущем следовало ожидать притока одиночек и целых отрядов искателей приключений, случись им обнаружить уцелевшие входы в Кейнан. Замакона поведал об открытии Флориды и Новой Испании, добавив, что весь Старый Свет охвачен лихорадкой открытий. Испанцы, португальцы, французы и англичане устремились на поиски новых земель. Рано или поздно Мексика и Флорида сомкнутся в единой колониальной империи, и тогда ничто не помешает рыцарям странствий отправиться на розыски легендарных городов с сокровищами. О путешествии Замаконы знает Разъяренный Бизон; что если он расскажет обо всем Коронадо или каким-нибудь образом доложит его сиятельству вице-королю Новой Испании, когда их встреча не состоится? Тревога и беспокойство отразились на загорелых лицах, и мозг Замаконы уловил сообщение о том, что с этого момента все уцелевшие туннели, соединяющие подземный мир с поверхностью, будут взяты под неусыпное наблюдение.

V

Долгая беседа Замаконы с воинами происходила в зеленовато-голубом сумраке рощицы рядом со входом в башню. Несколько человек расположились на траве и мшистых кочках по сторонам от едва заметной тропинки, тогда как другие вместе с испанцем и предводителем воинов си-

дели на редких низких столбиках, отмечавших подходы к башне. В обмене мыслями минул, должно быть, полный земной день, потому что Замакона не однажды испытывал голод и подкрепился из своих запасов, когда незнакомцы отправились за провизией к мощеной дороге, где оставались животные, на которых они приехали. Наконец предводитель отряда завершил беседу, сказав, что наступило время возвращаться в город.

В кавалькаде оказалось несколько свободных единорогов, и одного из них предложили Замаконе. Перспектива оседлать чудовище, чей прихотливый стол вызывал отвращение, а вид обращал в бегство отважных индейцев, была не из приятных. Еще неприятнее поражала неестественная для животных смышленность чудовищ: ведь воины Цатта послали экспедицию вслед за донесением, полученным от одной из стай. Не желая прослыть трусом перед незнакомцами, Замакона скрепя сердце последовал вместе с ними к заброшенной дороге.

Тем не менее он не смог удержаться от вскрика при виде безобразных тварей, расположившихся у обочины. Неудивительно, что их появление так напугало любопытного индейца; Замакона прикрыл глаза, чтобы не лишиться чувств. К сожалению, чрезмерное благочестие удерживает его от описания увиденного; рукопись содержит лишь отдельные намеки, из которых можно составить скудное представление об облике животных. Их мощное туловище покрывал длинный белоснежный мех, несколько более темный на спине; в центре лба торчал рудиментарный отросток рога: в приплюснутых нозах и пухлых губах безошибочно угадывалась примесь человеческой крови. Зрелища отвратительнее, как признаётся испанец, ему не приходилось наблюдать ни в Кейнани, ни во внешнем мире. Ужас, порожденный встречей, не поддается описанию. Самое омерзительное заключалось в том обстоятельстве, что существа появились на свет вопреки течению эволюции. Воины Цатта заметили испуг Замаконы и поспешили успокоить его, насколько это было возможно. Единороги, или гаа-йоттны, объясняли они, выглядят действительно необычно, однако при этом они совершенно безобидны. Их пищу составляют люди, не принадлежащие господствующей расе, из специального клана рабов, которые за долгие эпохи утратили человеческие черты и теперь были основным продуктом питания в Кейнани. Единороги — или

какие-то из их одичавших предков — были обнаружены среди циклопических руин красного мира Йотта, что расположен ниже озаряемого голубоватым сиянием Кейнана. Существа принадлежали к гуманоидной расе, в том не было никаких сомнений; однако ученые не могли утверждать на верное, что именно они являлись потомками исчезнувших создателей гигантских машин. Главным возражением против такого утверждения был хорошо известный факт, что прежние обитатели Йотта были четвероногими. Об этом поведали сохранившиеся в нещере Цина манускрипты и рисунки — остатки архивов одного из крупнейших городов Йотта. Однако те же рукописи сообщали, что жители Йотта обладали знаниями, достаточными для создания искусственной жизни, и за время своей истории создали и уничтожили несколько специально выведенных рас промышленных и транспортных животных, не говоря уже о целой плеяде фантастических уродцев, созданных исключительно ради развлечения или острых ощущений в долгий период заката цивилизации. По своей природе обитатели Йотта принадлежали к классу рептилий, и большинство физиологов Цатта признавало, что предки единорогов имели много общего с холоднокровными до того, как их скрестили с низшим классом млекопитающих в Кейнанае.

Неустрасимость испанского духа, благодаря которой маленькая страна на континенте завладела половиной открытого мира, придала сил Панфило де Замаконе перед новым испытанием. Оседлав отданное в его распоряжение страшилище, он вскоре рысил бок о бок с предводителем кавалькады. Несмотря на внешнюю неуклюжесть, походка гаа-йоттнов была упругой и ровной; мех на спине был лучше любого седла. Без понуканий и узды единороги бежали вперед, делая короткие остановки возле заброшенных городков и башен, которые вызывали любопытство у Замаконы. Гилл-Фаа-Инн — человек, который вел беседу в зеленой роще, — охотно показывал руины и объяснял. Самый крупный из городов на равнине, Биграа, в глазах землянина казался чудом, выплавленным из чистого золота, и Замакона с изумлением рассматривал непривычную архитектуру. Изящные строения тянулись в высоту, крыши венчало множество остроконечных шпилей. Улицы были узки, извилисты и даже хаотичны в расположении, но Гилл-Фаа-Инн уверял, что более поздние города

избавлены от этих недостатков. Вокруг каждого из древних поселений виднелись остатки мощных крепостных стен — напоминание о тех днях, когда жителям равнины угрожали многочисленные армии Цатта.

В одном месте Гилл-Фаа-Йнн по собственной инициативе свернул с дороги, направляясь к возвышавшейся неподалеку приземистой башне. На черной поверхности базальтовых плит не было ни одного рисунка. Внутри одиноко стоял пустой пьедестал из оникса. Примечательной была история, связанная с башней, — в сравнении с ней даже погибшая цивилизация Йотта казалась вчерашним днем. Нависающий купол повторял очертания древних замков, изображения которых сохранились в пещерах Цина: их воздвигали в честь жуткого, похожего на многолапую жабу идола, именуемого Цаттогвой в манускриптах Йотта. Это было могущественное и почитаемое божество; его именем назывался крупнейший из городов после того, как культ переняли равнинные жители Кейнана. Предания Йотта гласят, что таинственное божество выползло из подземных глубин озаряемого красным сиянием мира — из бездонной пропасти, скрытой тьмой, где возникали и умирали великие цивилизации задолго до того, как появились четырехлапые рептилии Йотта. Среди циклопических руин были обнаружены многочисленные изваяния Цаттогвы, который, по мнению археологов Цатта, представлял собой образ давно исчезнувшей расы. Черная бездна, называемая «Энкай» в манускриптах Йотта, была тщательно обследована: в разное время туда спускались несколько экспедиций, среди находок которых наиболее ожесточенные споры вызывали загадочные углубления и борозды в каменных плитах.

Когда люди Кейнана открыли красный мир и прочли уцелевшие рукописи, они переняли культ Цаттогвы и подняли из бездны все чудовищные изваяния этого бога, поместив их в священных башнях — вроде той, что видел Замакон. Новый культ процветал, затмевая прежнее почитание Йига и Тулу. Часть подземных жителей, зоны назад переселившихся во внешний мир, захватила жабообразного идола с собой. Небольшие черные фигурки до сих пор покоятся в хранилище Олатту в земле Ломар* возле Север-

*Мистическая цивилизация гипербореев, согласно антропософским наукам, процветавшая в Гренландии.

ного полюса. По слухам, поклонение божеству во внешнем мире пережило даже ледниковую эпоху и нашествие диких орд волосатых гнопфкехов, разрушивших саму цивилизацию Ломар; однако определенно никто не мог ничего утверждать. Под землею расцвет культа неожиданно оборвался: осталось только имя, данное столице, — Цатт.

Причиной угасания культа послужило открытие одной из экспедиций, спускавшихся в бездну Энкай под красными холмами Йотта. Согласно старинным рукописям, бездна была необитаема, но за эоны, минувшие со времени заката цивилизации Йотта и до первого восхождения людей на земную поверхность, что-то изменилось в природе подземелья: возможно, это изменение и повлекло за собой гибель Йотта. Никто не знает, что именно произошло. Может быть, тектонический сдвиг приоткрыл нижние этажи бездны или электронный вихрь промчался по подземелью, оставляя за собой выжженную пустыню. Какова бы ни была причина, теперь она навсегда останется тайной. Когда исследователи Кейнана спустились в пропасть Энкай с мощными атомными прожекторами, они встретили живых существ, в изобилии усеивавших поверхности каменных туннелей и поклонявшихся ониксовым и базальтовым изваяниям Цаттогвы. Сами они не походили на жабообразного Цаттогву — их облик был еще омерзительнее: аморфные комья слизи, произвольно принимающие любую форму. Люди Кейнана не стали медлить для более детальных наблюдений, и те, кому удалось выбраться оттуда живым, отдали приказ замуровать входы, соединявшие Йотт с бездной ужаса. Все изваяния Цаттогвы в городах Кейнана были испепелены дезинтеграторами, и культ прекратил свое существование.

Эоны спустя, когда на смену прежним страхам пришло любопытство ученых, древние легенды о Цаттогве и Энкай были извлечены из небытия, и в нижнюю часть Йотта отправилась хорошо экипированная и вооруженная экспедиция с целью отыскать замурованные спуски в бездну. Однако все их попытки оказались безрезультатными, вследствие чего среди ученых сразу же возникли разногласия, существовала ли Энкай вообще? Исследователи манускриптов Йотта отвергали любые сомнения в истинности дошедших сведений; их доводы подтверждали более поздние хроники Кейнана, описавшие злополучную экспедицию в бездну. Однако вопрос оставался неразрешенным. После-

дующие религиозные культы старались подавить даже воспоминание об Энкай и налагали суровые наказания за одно упоминание ее названия, хотя ко времени появления Замаконы мало кто воспринимал угрозу наказаний, как и сами культы, всерьез.

При приближении кавалькады к гряде холмов река, пересекавшая равнину, оказалась по левую руку. Глубокое русло прорезало один из склонов, и всадники осторожно двигались по дороге, извивавшейся вдоль берегового обрыва. Пошел дождь. Замакона почувствовал, как на кожу падают случайные брызги и мелкие капли, однако, когда он поднял голову, ни облачка не нарушало голубоватого свечения неба. Позже Гилл-Фаа-Йнн объяснил ему, что капли падают вследствие испарения и конденсации на окружающих предметах водяных паров — явление в подземном мире вполне обычное и никак не связанное с поверхностью небосвода. Как можно было заметить, над равниной постоянно висела легкая дымка, вполне компенсировавшая отсутствие облаков.

Со склона холма, подмываемого рекой, Замакона видел обширную панораму древней равнины — такую же, какой он видел ее с противоположной стороны, выйдя из туннеля. Зачарованный необычайной красотой, он с неохотой продолжал восхождение, и Гилл-Фаа-Йнн несколько раз поторапливал его. Вершина была близка: бурая лента дороги растворялась в голубой пустоте над головами наездников. Впечатляли картины подземной природы: отвесная стена, покрытая зеленью, по правую руку; бездонный поток — по левую; и сверкающее море голубых молний впереди и вверху. Единороги миновали вершину, и глазам предстала гигантская долина цивилизации Цатт.

Замакона, затаив дыхание, рассматривал подземный ландшафт, подобного которому было невозможно вообразить и в самых смелых мечтах. Вдоль пологого склона прострели редкие фермы, высились случайные башни. В долине, словно шахматная доска поделенной полями возделываемых угодий, поблескивали широкие дороги, выложенные из золота или базальтовых блоков; текли узкие каналы, орошающие земли водой из реки. Мощные серебряные тросы, водруженные на золотых колоннах, соединяли строения и группы стросний, поднимавшихся там и здесь. Иногда попадались разрушенные и поваленные столбы без тросов. Крошечные фигурки занимались возделыванием

пашен, и пару раз Замакона не мог удержаться от дрожи, рассматривая отвратительных четвероногих тварей, впряженных в подобие плуга.

Но наиболее впечатляющим был призрачный лес башенок и остроконечных шпилей, возвышавшийся в голубоватой дымке по другую сторону долины. На первый взгляд казалось, что дома и замки покрывают склон высокого холма — совсем как живописные городки в горах родной Испании. Однако более пристальный взгляд убеждал в ошибочности такого предположения. Посреди равнины поднимался настоящий город-здание, многочисленные башни которого все устремились в небо. Серый туман, собравшийся над островерхими шпилями, приглушал голубоватое сияние, отражавшееся в миллионах золотых куполов и крыш. Бросив взгляд на исполненное достоинства лицо Гилл-Фаа-Йнн'а, Замакона понял, что перед ним находится главный город страны — Цатт.

Ощущение тревоги, возникшее при виде закутанных в дымку остроконечных шпилей, усилилось, когда маленький отряд продолжил спуск в долину. Замакону пугал вид зверей, на которых ехал он сам и сопровождавшие его воины; еще более устрашающим представлялся мир, способный породить таких чудовищ. Проезжая сельские фермы, испанец хорошо рассмотрел фигурки, работавшие на полях: ему не понравились их механические движения, странная медлительность и следы увечий, заметные на телах. За ограждениями, среди чахлой растительности паслись жалкие подобия человекообразных существ. Гилл-Фаа-Йнн объяснил, что это и есть представители низших классов, мясо которых кейнанцы употребляют в пищу. За рабами наблюдает хозяин фермы; его гипнотическое внушение с утра определяет поведение пахарей и пастухов, и как разумные машины они просто незаменимы в работе. Пасущиеся же на лугах представляют самое низшее сословие — от них ничего не требуется и кроме как в пищу их нигде не используют.

В просторных фермах на равнине Замакона видел рогатых гаа-йоттнов, выполнявших почти человеческую работу. Похожие на людей фигуры вскапывали грядки, прокладывали борозды. У некоторых движения были словно замедлены и напоминали манипуляции механических приспособлений. Перехватив внимательный взгляд испанца, Гилл-Фаа-Йнн охотно сообщил, что это и есть так назы-

ваемые вайм-баи — мертвецы, которым с помощью атомной энергии и силы мысли возвращали способность двигаться и повиноваться приказам. Классу рабов недоступен дар бессмертия, в отличие от представителей господствующей касты Цатта, поэтому со временем вайм-баи увеличиваются в числе. Их отличают собачья преданность и послушание, но они менее восприимчивы к телепатическим командам, чем живые рабы. Наибольшее отвращение у Замаконы вызвали раны и увечья на телах мертвецов: некоторые были обезглавлены, кожа других несла следы колотых ран, разрезов, ожогов. Объяснить их происхождение было бы затруднительно, не поспеши на помощь Гилл-Фаа-Йнн. По его словам, эти рабы, прежде чем попасть на фермы, использовались в качестве гладиаторов для увеселения свободных горожан. Превыше всего остального жители Цатта ценили остроту ощущений, ибо их утасаживающие чувства требовали новых и все более мощных стимулов. Несмотря на удивление, вызванное увиденным, Замакона не мог не признаться в глубине души в полном отвращении к открытому им миру.

Вблизи гуманный мегаполис поражал размерами и невероятной высотой башен. Гилл-Фаа-Йнн объяснил, что верхние этажи строений больше не используются, и поэтому многие шпили снесены, чтобы избавить от хлопот городские службы, призванные поддерживать порядок. У подножия титанических стен было в избытке небольших поздней постройки коттеджей, в которых предпочитали селиться горожане. Поступь верховых отрядов и тяжело груженных фургонов, пронесившихся по выложенным каменными или золотыми плитами дорогам, сливались в монотонный гул, повисший над унылой равниной.

Несколько раз Гилл-Фаа-Йнн останавливался, чтобы показать Замаконе любопытные сооружения — особенно храмы Йига, Тулу, Нага, Йиба и Безымянного Божества, — которые встречались вдоль дороги через равные интервалы, окруженные небольшими рощицами согласно традиции Кейнана. Эти храмы, в отличие от тех, что остались в пустыне за холмами, продолжали использоваться; из ворот выезжали и въезжали многочисленные кавалькады местных идолопоклонников. Вместе с Гилл-Фаа-Йнн'ом Замакона заглянул в каждый из них и словно зачарованный, преодолевая отвращение, слушал и наблюдал вакхические проповеди. Поклонение Нагу и Йибу было наибо-

лее омерзительным: испанец даже не решается доверить свои ощущения бумаге. Одна из черных приземистых башен, воздвигнутых в честь Цаттогвы, была превращена в святилище Шаб-Нигрот — Матери Всех Живых и Супруги Безымянного Идолища. В земных религиях ближе всего к ней стояла богиня Астарта*, и подобное идолопоклонничество не могло не задеть католического благочестия испанца. Однако больше, чем увиденное, его отвратили скрипучие звуки, издаваемые во время религиозных церемоний представителями расы, давно отказавшейся от живой речи.

На городской окраине в тени чудовищных башен Гилл-Фаа-Иин указал на огромную каменную стену, окружавшую многолюдный стадион. Это один из многочисленных амфитеатров, пояснил он, где уставшие от жизни кейнанцы наслаждаются необычными и волнующими зрелищами. Он уже собирался сделать короткую остановку и проводить Замакону вовнутрь, когда испанец, вспомнив жестоко изувеченные тела мертвецов на фермах, решительно взбунтовался. Это было первое столкновение пристрастий и вкусов, убедившее жителей Цатта в том, что их гость исповедует странную мораль.

Узкие, извилистые улицы словно паутина опутали город, и Замакона — несмотря на все возрастающее чувство неприязни и отчуждения — не мог не очароваться величием обступивших его громад зданий. Головокружительная высота башен; кипение жизни на площадях и улицах; резной орнамент дверей и окон; неожиданные долины в камне, открывающиеся взгляду с титанических террас у подножий зданий, и обволакивающий проулки серый сумрак — подобное едва ли встретишь в других уголках планеты. Сразу по прибытии Замакона был препровожден в городской совет, где облаченные в золотые тоги правители внимательно и дружелюбно выслушали его повествование. Было заметно, что от него ожидают подробных сведений о жизни на поверхности: в обмен перед ним раскрывались сокровеннейшие тайны Кейнана. Единственным условием, безоговорочным и болезненным, был отказ от возвращения в мир солнца и звезд, где оставалась родная Испания.

*Богиня подземного царства и плодородия в ирано-сарматской мифологии.

Дневная программа, предоставленная выбору пришельца, включала собеседования с учеными, занятия наукой, историей. Свободное время Замакона заполнял прогулками и чтением древних свитков в библиотеках, хранилища которых распахнулись для него в момент, когда он начал постигать язык цаттской письменности. Экскурсии охватывали посещения религиозных служб и представлений в амфитеатрах, за исключением наиболее жестоких и безобразных, против которых восставало благочестие испанца. Городской совет отвел ему отдельную виллу в пригороде и просторную квартиру в самом городе. Со временем он коротко познакомился с некоторыми из поклонников новых форм искусства, был принят в одну из общин, заменивших в позднем Кейнane семью. Четырнадцать рогатых гаа-йоттнов выполняли его поручения и перевозили грузы; десять живых рабов с неповрежденными телами убирали его жилище, защищали от грабителей, садистов и религиозных фанатиков в местах публичных сборищ. Многие механические приспособления все еще оставались для него загадкой, однако Гилл-Фаа-Йнн с самого начала позаботился объяснить, как действуют основные.

Роскошная обстановка квартиры была приведена в порядок к приезду Замаконы. Горничные-рабыни украшали сводчатые комнаты шелковыми гобеленами, портьерами; расставляли массивную мебель. Инкрустированные любопытными орнаментами столы и плиты пола; мягкие диваны с пуфами и бесконечные ряды эбонитовых ячеек вдоль стен, содержащих металлические цилиндры с рукописями,— все было приготовлено для развлечений и удобств гостя. На письменных столах лежали стопки пергамента — как и чернила в чернильницах, преимущественно зеленого оттенка — а также наборы разнообразных кистей для красок и другие принадлежности. Механические самописцы опирались на узорчатые золотые треножники: по одному такому прибору находилось в каждой комнате. Яркий голубой свет излучали стеклянные полушария над головой. Окон не было, хотя в нижних этажах зданий, затененных гигантскими башнями, они и не были нужны. В нескольких комнатах стояли глубокие ванны, а кухня представляла собой лабиринт хитроумных механических приспособлений. Необходимые припасы, как узнал Замакона, доставлялись по сети подземных сообщений, проложенной под городом и снабженной саморегулиру-

ющейся автоматикой. Первый этаж был отведен для единорогов и рабов. Когда Замакона закончил осматривать отведенные ему помещения, прибыли шесть благородных горожан и горожанок из его будущей общины. В их обязанность входило развлекать и обучать гостей; через несколько дней их должна была сменить следующая группа — и так далее, пока Замакона не познакомится со всеми пятьюдесятью членами общины.

VI

Таким образом Панфило де Замакона-и-Нуньес оказался на долгие четыре года погружен в жизнь зловещего мегаполиса, застывшего посреди озаряемого голубыми молниями подземного мира Кейнана. Очевидно, далеко не все увиденное и изученное им попало на страницы рукописи: католическое благочестие с неизбежностью овладевало им, стоило перу вывести первые слова на родном испанском. Многие из обычаев умирающей цивилизации были невообразимо отвратительны, и испанцу приходилось ограничивать свои нужды — в еде ли, в поступках; иногда даже в созерцании чужих излишеств. Свой смятенный дух он успокаивал возносимыми к Господу молитвами. За годы, проведенные под землей, он исследовал весь Кейнан, осмотрел заброшенные замки и автоматизированные города среднего периода развития на равнине Нитт и совершил пару спусков в залитый красноватым сиянием мир Йотта, чтобы тщательнее изучить циклопические руины неизвестных создателей. Чудеса техники, всевозможные механизмы — от одного их вида захватывало дух, но еще удивительнее были метаморфозы, производимые волей подземных жителей: дематериализация, рематериализация, реанимация — испанец богобоязненно осенял себя крестным знамением, наблюдая их. Хотя способность изумляться в нем сильно подточило обилие самих чудес, приносимых с каждым новым днем.

Однако чем дольше он оставался, тем больше желал вырваться обратно, ибо вся жизнь Кейнана основывалась на чужеродных и неприемлемых для землянина принципах. По мере углубления своих исторических познаний Замакона все отчетливее постигал внутренние побуждения, которым единственно повиновались жители Цатта. Однако,

постигая их душу, он ощущал, как возрастает его неприязнь к ним. Свободные горожане были угасающей, но не потерявшей своей воинственности расой — само существование их представляло постоянную опасность для жителей поверхности Земли. Кровопролитные сны о сражениях, пытки, святотатство, постоянный поиск новых, более острых ощущений толкали их к пропасти упадка и всеобщего хаоса. Появление пришельца — Замакона ясно осознал этот факт — только усилило их метания: не страх перед неизвестностью, но желание отправиться в поход, чтобы завоевать чужой мир, подстегивало их. Дематериализация в Цатте стала своего рода развлечением; амфитеатры и башни часто являли собой картины, сравнимые разве что со средневековыми фантазиями о шабашах. Перевоплощения, омоложение и наоборот, стремительное дряхление, опыты с мертвецами, проекции сознания, призраки... Среди нарастающей скуки и беспокойства рука об руку шагали жестокость и воинственность. Невежество и суеверия взывали к жизни ужасы космических глубин, а поиски новых ощущений приводили к тому, что все большее число горожан предпочитало призрачное существование материальному — для этого было достаточно уменьшить амплитуду колебаний атомов, составлявших тело.

Однако все попытки Замаконы покинуть этот мир оканчивались безрезультатно. Слова, убеждения были напрасны; это он познал на горьком опыте, хотя поначалу самолюбие его собеседников не позволяло им открыто сожалеть о его нежелании оставаться дольше. В году, определяемом в рукописи как 1543-й, Замакона предпринял первую серьезную попытку бежать через туннель, который ранее привел его в подземелье. Но изнурительное путешествие по заброшенной равнине и столкновение со стражей в темных переходах заставили его отказаться от последующих попыток в этом направлении. Чтобы поддержать умирающую надежду, примерно в это же время он начинает писать рукопись, используя милые сердцу старинные латинские буквы. До последней строки его не покидает уверенность, что каким-либо образом записи удастся переправить на поверхность. Как и прочие рукописи подземного мира, он заключил листки пергамента в цилиндр из священного металла Тулу, возможно, предполагая, что неземная магнетическая субстанция придаст веса его словам.

Несмотря на этот замысел, сам он почти утратил надежду когда-либо снова увидеть земную поверхность. Все известные выходы были или замурованы, или охранялись стражей, без колебаний пускавшей в ход дезинтеграторы. Вдобавок, среди всеобщего недоверия к внешнему миру, бегство Замаконы выглядело бы весьма двусмысленно. Оставалось только молить Бога, чтобы глубинные провалы не обнаружили другие европейцы: их участь могла оказаться совершенно иной. Замакона пользовался привилегиями и благами, ибо был неоценимым источником информации. Однако и он не раз задумывался над тем, что ожидает его, когда правители Цатта решат, что он рассказал все? Инстинкт самосохранения подсказывал тактику выживания: Замакона стал немногословен, часто опускал детали и вообще делал все, чтобы создать видимость неисчерпаемости земного фольклора.

Другой опасностью, угрожавшей положению Замаконы, был его пристальный интерес к пропасти Энкай, протянувшейся в красноватых сумерках Йотта. Сохранившиеся религиозные культы Кейнана постепенно склонялись к тому, чтобы запретить даже упоминание названия бездны. Исследуя руины Йотта, испанец тщетно пытался отыскать заброшенные выходы на поверхность. Эта неудача подтолкнула его заняться искусством дематериализации и проецированием — в надежде, что, может быть, таким путем он преодолееет толщу, сомкнувшуюся над головой. С скромными успехами были награждены за его труды: преуспевая себя усилием воли, Замакона видел жуткие сны о долгом спуске в Энкай. Его рассказы об увиденном сильно встревожили жрецов Йиг- и Тулу-культов, и друзья посоветовали ему помалкивать об этих сновидениях.

К несчастью или наоборот — как знать? — благочестие побуждает испанца о многом умалчивать в рукописи. Немногословное изложение фактов оставляет широкое поле для догадок об обычаях, языке и истории кейнанцев, по которым можно было бы воссоздать картину повседневной жизни города. Покрыты мраком и чувства, двигающие поступками людей. Их внешние пассивность и миролюбие выглядят необъяснимо в смешении с паническим страхом перед внешним миром. Располагая тайнами дематериализации и атомной энергии, они были бы непобедимы, решишь на труд собрать армию и выступить в поход, как это делали их далекие предки. Очевидно, что цивили-

зация Кейнана слишком далеко продвинулась в сторону регресса; беспричинный бунт против механического распорядка, отказ от машин как источника зла не могли породить ничего лучшего. Даже омерзительные культы и традиция развлечений имеют тот же корень. По свидетельству Замаконы, в минувшие эпохи в Кейнана господствовали идеи, сходные с идеями европейского Ренессанса. Вместо упадка можно было встретить лишь гордость за свою нацию и достижения цивилизации, и ни в одном виде искусства не было того хаоса, какой властвовал сегодня повсюду.

Чем больше Замакона узнавал об окружавшем его мире, тем тревожнее представлялось ему собственное будущее. Даже постороннему взгляду были очевидны упадок и интеллектуальное разложение подземной цивилизации. И внешние проявления регресса усиливались с каждым годом. Попытки разумного объяснения мироустройства постепенно вырождались в некую сумму суеверий, центром которых оставалось поклонение магическому Тулу-металлу. Веротерпимость уступила место чередованиям табу, страх перед которыми то ослабевал, то вспыхивал с новой силой. Особенный ужас вызывали предания о внешнем мире, так заинтересовавшим ученых. Временами Замакона всерьез задумывался над тем, что может произойти, если вековая апатия покинет подземных жителей и, словно полчища крыс, они устремятся наверх, сметая и уничтожая все на своем пути. В любом случае остатки их знаний и могущественное оружие гарантировали бы им неминуемую победу. Но пока они сражались лишь с собственной скукой и пустотой бытия; развлекали свои угасающие чувства и предавались чудовищным увеселениям. Амфитеатры Цатта представляли собой омерзительное зрелище, и Замакона избегал приближаться к ним. Что произойдет в умах горожан через пару веков или даже десятилетий, он не осмеливался и подумать. В такие минуты богобоязненный испанец крестился и истовей прежнего возносил молитвы Богу.

В год 1945-й, если верить хронологии рукописи, Замакона решил на последнюю серию попыток покинуть Кейнан. Помощь пришла неожиданно. Одна из женщин его общины прониклась симпатией к чужестранцу. Возможно, ее чувства объяснялись воспоминаниями о днях, когда браки в Цатте были моногамными. Как бы то ни было, благородная горожанка по имени Тила-аб согласилась

помочь Замаконе, взяв с него слово, что ей будет позволено сопровождать его. Обстоятельства складывались удачно для беглецов: девушка происходила из древней фамилии хранителей ворот, представители которой изустно передавали из поколения в поколение сведения о заброшенных или неохраняемых туннелях. Так Замакона узнал о забытом выходе под курганом. Из объяснений Тила-аб следовало, что первоначально хранители ворот не были ни стражниками, ни наблюдателями, и туннели составляли собственность и основу процветания их семейств в эпоху, предшествовавшую полной изоляции от внешнего мира. К тому времени род Тила-аб утратил былое могущество, сильно поредел в числе — и о принадлежавшем ему туннеле попросту забыли. Впоследствии этот секрет превратился в предмет фамильной гордости, став своего рода компенсацией за ушедшие в небытие мощь и богатство.

Замакона лихорадочно дописывал рукопись, опасаясь непредвиденных обстоятельств, которые могли бы помешать ему. С собой он решил взять пять груженных золотом единорогов — груз достаточный, чтобы сделать его безграничным властелином в собственном мире. За четыре года жизни в Цатте он отвердел сердцем и уже не содрогался при виде омерзительных гаа-йоттнов; их, однако, следовало прикончить и закопать, как только беглецы достигнут земной поверхности. Золото также будет спрятано в тайнике, за которым позднее придет караван из Мехико. Тила-аб, возможно, разделит с ним часть богатств, хотя, вероятнее всего, он постарается оставить ее среди равнинных индейцев. Ее внешность не была бы помехой браку, но родственные узы с цивилизацией Цатта ему ни к чему. В качестве жены, конечно же, он выберет настоящую испанскую леди или, на худой конец, индейскую принцессу достойного земного рода с пристойным прошлым. Но пока Тила-аб нужна как проводник. Рукопись он захватит с собой, вложив в книгу-цилиндр из священного металла Тулу.

Описание экспедиции приводится в дополнении к манускрипту, дописанному позднее неровными, прыгающими буквами. Тяжело навьюченная кавалькада выступила в путь в час, когда стихла подчиненная жесткому распорядку жизнь города. Замакона и Тила-аб, переодетые в одежду рабов, несли рюкзаки с провизией, и со стороны выглядели парой сельскохозяйственных рабочих, возвращающихся на ферму. Тускло освещенными подземными

переходами они добрались до нижнего пригорода Элтаа и среди руин вышли на поверхность. Поспешно миновав пустынную равнину Нитт, маленький отряд оказался у подножия холмистой гряды Гран. Там, среди спутанных ветвей и кустарника Тила-аб отыскала вход в брошенный туннель; тысячелетия назад отец приводил ее к темному провалу, чтобы показать монумент семейной гордости. Мощные гаа-йоттны с трудом продирались сквозь шипы и колючки, а один из зверей, выказав крайнее неповиновение, сорвал узду и быстрой рысью устремился обратно в город, унося с собой часть золотой ноши.

Пробираясь вверх-вниз по змеистым, с застоявшимся воздухом переходам, куда со времени гибели Атлантиды не ступала человеческая нога, было невыносимо утомительно. Голубые лучи фонарей выхватывали из мрака зловещие барельефы, сваленные на землю изваяния. Однажды Тила-аб пришлось прибегнуть к дематериализации, когда путь оказался прегражден завалом. Замакона, хотя и знакомый с ощущениями, вызываемыми мысленными проекциями, никогда не подвергал разрежению атомы собственного тела. Но каждый житель Цатта веками практиковал это искусство, и двойная метаморфоза целой кавалькады прошла без неприятных последствий.

Продолжение туннеля пролегло в чередовании сталактитовых пещер и гротов, испещренных старинными орнаментами. С редкими привалами для отдыха беглецы пробирались почти трое суток, хотя Замакона мог ошибиться, рассчитывая путь в земном счислении. Наконец они вошли в узкий коридор, искусственное происхождение которого было трудно подвергнуть сомнению. Украшенные барельефами стены после мили крутого подъема завершались парой глубоких ниш по обеим сторонам, из которых безжизненно взирали друг на друга застывшие изображения Йига и Тулу, присевших на приземистых постаментах. С этого места коридор расширялся, образуя круглую залу со сводчатым куполом и пролетом ступеней в противоположном конце. По рассказам отца Тила-аб знала, что земная поверхность находится совсем рядом, но не могла точно сказать, сколько еще времени займет остаток пути. Под сводом залы беглецы устроили свой последний привал в подземном мире.

Несколько часов спустя их пробудил лязг металла и топанье лап единорогов. Голубоватое свечение расползлось

из узкого прохода между изваяниями Йига и Тулу, делая очевидной горькую истину. В мегаполисе была объявлена тревога — как выяснилось впоследствии, ее поднял сбежавший гаа-йоттн,— и чтобы арестовать беглецов была снаряжена поисковая группа, немедленно отправившаяся в погоню. Сопротивляться вооруженным преследователям было бессмысленно и губительно. Двенадцать всадников на единорогах с молчаливой учтивостью, не обмениваясь мысленными командами, подняли Тила-аб с Замаконой, заставили их сесть на своих животных и сразу же выступили в обратный путь.

Это было унылое и изнурительное путешествие с очередной дематериализацией и рематериализацией возле завала — процедурой тем более угнетающей, что всякая надежда обрести свободу иссякла. Замакона слышал, как воины обсуждали необходимость расчистить проход, чтобы облегчить несение стражи часовым, которые будут расставлены во всех переходах до самого выхода. Как и предсказывал испанец, подземный мир в любой момент может подвергнуться нашествию извне, когда европейцам станет тесно на обжитых верхних равнинах. Поэтому обычную охрану из живых мертвецов вайм-баи усилит отряд свободных горожан, сосланных на пост за проступки. Такие меры предосторожности будут поддерживаться до тех пор, пока технологи Цатта не разгадают секрет состава, которым в древние времена замуровывали подземные туннели.

Замакона и Тила-аб предстали перед городским судом. Трое гин-айнов, облаченные в желтые с черным одежды, выслушали их показания в роскошном дворце из золота и меди, расположенного среди зеленых садов и фонтанов. Испанец был освобожден из-под стражи, ибо все еще представлял собой ценность как источник информации. Ему приказали возвращаться в свое жилище к общине; вести прежнюю жизнь, продолжая встречи и собеседования с учеными Цатта. Пока он пребывает на территории Кейна-на, на него не распространяются никакие ограничения. Однако новая попытка бегства повлечет за собой более суровое наказание. Замакона почувствовал легкую иронию в прощальных словах главного гин-айна, заявившего, что все гаа-йоттны будут возвращены ему, включая и того, который взбунтовался.

Судьба Тила-аб была трагичней. Древнее происхождение

ние усугубляло ее проступок подозрением в государственной измене. Суд приговорил несчастную к показательным пыткам в амфитеатре, чтобы затем в изуродованном и наполовину дематериализованном теле использовать ее в качестве вайм-баи или оживленного трупа-раба, которого предполагалось установить на охрану выданного ею туннеля. Замакона испытал угрызения совести, услышав, что бедная Тила-аб вынесена с арены обезглавленной и сильно изрубленной мечами и поставлена охранять вершину завершавшего туннель кургана. Как ему сообщили члены общины, она была ночным стражем, в обязанности которого входило предупреждать о появлении пришельцев светом фонаря. Ее сигналы принимал маленький гарнизон из двенадцати мертвых вайм-баи и шести живых, но наполовину дематериализованных свободных горожан, помещавшихся в сводчатой круглой зале. Они поднимались к поверхности, если пришельцы проявляли упорство. Днем Тила-аб сменял другой страж — живой горожанин, избравший этот пост в предпочтение иным видам наказаний за проступки перед городом. Впрочем, для Замаконы и раньше не было секретом, что все основные выходы находятся под наблюдением свободных горожан.

Уклончивые намеки друзей, разговаривавших с судьями, дали ясно понять Замаконе, что в случае еще одной попытки бегства его наказанием также будет охрана ворот. Но на пост он поднимется уже оживленным трупом, причем после истязания в амфитеатре — более жуткого, чем то, которому подверглась Тила-аб. Его изуродованное тело послужит предупреждением пришельцам и остальным стражам, ибо ему будет поручено обходить дозором все протяжении туннеля. Пока же он волен поступать, как ему вздумается, и оставаться свободным и уважаемым горожанином.

Тем не менее Панфило де Замакона не устрасился судьбы, столь откровенно начертанной перед ним. Правду сказать, он и не собирался встретить ее, хотя мужественный тон рукописи не вызывает сомнений, что он был бы готов к такой возможности. Последнюю искру надежды в нем пробудили его успехи в искусстве дематериализации. Несколькими лет занятий и собственные ощущения во время двух трансформаций в туннеле принесли ожидаемый эффект, и теперь он мог свободно разреживать атомы своего тела, делаясь невидимым и нематериальным.

Именно в таком состоянии, хотя он и затруднялся поддерживать его долгое время, Замакона предполагал подняться на поверхность.

Как только удастся добиться полного овладения телом в разреженном состоянии, путь вверх можно считать открытым. На этот раз он не захватит никакого золота: наградой за бегство будет свобода. Однако он мог дематериализовать и нести с собой рукопись, заключенную в цилиндр из Тулу-металла. Пусть это будет стоить дополнительных усилий, но его рассказ о подземном мире будет подкреплён письменными свидетельствами. Теперь, когда ему был известен путь и тело его находилось в разреженном состоянии, Замакона не видел способа или силы, могущей остановить его. Единственной опасностью оставалось его неумение поддерживать разреженное состояние все время. От этой беды его не избавили никакие занятия. Но почему не рискнуть в игре, где на карту поставлены свобода и жизнь? Замакона принадлежал к достойному дворянскому роду Старой Испании; и в его жилах текла кровь конкистадоров, завоевавших огнем и мечом почти весь Новый Свет.

Долгие ночи после того, как решение было принято, Замакона молил святого Панфилия и других святых за успех предприятия. Последняя запись в рукописи, которая к концу все больше и больше напоминает дневник, представлена единственным предложением: «*Es mas tarde de lo que pensaba — tengo que marcharme!*» — «Сейчас или никогда; я должен бежать!» Незавершенная страница упирается в молчание и нераскрытые тайны. Ключ к разгадке — сам манускрипт, и он же — единственное доказательство...

VII

Когда я закончил читать, солнце уже взошло и медленно катилось вдоль небосвода. Включенная электрическая лампа одиноко мерцала на заваленном бумагами столе; я совершенно забыл о времени, разбирая удивительные записи. Мысли мои витали далеко от реалий мира — внешнего мира, как его именovala рукопись. Да, я находился в доме Клайда Комптона в Бингере, но где скрывалась бездна, из которой на свет Божий возникла моя поразительная находка? Что это, мистификация или хроника чьего-то безумия? И если мистификация, то с какого времени руко-

пись покоится в земле: с прошлого года или действительно с начала шестнадцатого столетия? На мой взгляд, страницы выглядели пугающе подлинными, и главное, как объяснить происхождение загадочного цилиндра?

Больше того, в человеческих ли силах столь определенно описать природу кургана, изобрести рациональное объяснение бессмысленной для стороннего наблюдателя смене дневного и ночного призраков, всем случаям сумасшествия и исчезновений! Все изложенное в рукописи выглядело чудовищно правдоподобно, если только возможна вера в невероятное. На подобную мистификацию был способен лишь человек, очень хорошо знавший связанный с курганом фольклор. В изображении подземного общества ощущались легкие нотки социальной сатиры; вероятно, это и в самом деле была искусная подделка. Нечто похожее произошло несколько лет назад в Нью-Мехико, когда какой-то шутник закопал в глину грубые оловянные крестики, чтобы потом, проведя раскопки, объявить их остатками брошенной колонии средневековых викингов.

Спускаясь к завтраку, я лихорадочно раздумывал, что рассказать Комптону и его матери, а также тем любопытным горожанам, которые уже начали собираться возле крыльца. Все еще словно в тумане, я разрубил гордиев узел, пересказав пару страниц собственного перевода и неуверенно добавив при этом, что едва ли следует доверять истинности находки; вероятнее всего, ее оставил кто-то из прежних исследователей холма. Немедленные возражения вызвали форма и металл цилиндра, но в целом собравшиеся, казалось, вполне удовлетворились моими словами, что ужасы кургана и загадочные исчезновения взбавившихся на него не более чем чья-то глупая шутка.

Страхи и сомнения возвратились, когда я предложил добровольцам сопровождать меня к холму. Для полноценных раскопок требовались дополнительные рабочие руки, однако, как и вчера, идея посетить запретное место не стала привлекательнее в умах горожан. Взглянув в сторону кургана, я почувствовал, как по спине у меня пробежали мурашки при виде движущегося пятнышка, каким издали казался дневной страж. Жуткие откровения рукописи сильно поколебали мой скептицизм, и у меня даже не возникло желания поднести к глазам бинокль, чтобы лучше рассмотреть часового. Вместо этого я без промедления выступил в путь — с отвагой, похожей на ту, что способствует

нам в кошмарных снах: разум решительно погружается в дебри ужаса, чтобы поскорее миновать его. Мои лопата и кирка оставались на холме, так что с собой я захватил только саквояж с необязательным снаряжением, куда между делом сунул и цилиндр с рукописью. Быть может, записки испанца потребуются, когда появятся новые находки, ведь даже самая искусная мистификация нуждается в реальных фактах, чтобы обрести видимость правдоподобия. Пока я располагал в качестве подтверждения лишь цилиндром из неизвестного металла. На сыромьятном ремешке у меня на шее висел талисман Серого Орла.

Не глядя по сторонам, я шагал в направлении кургана, и, когда приблизился, на вершине уже никого не было. Взбираясь едва заметной тропинкой, я с содроганием размышлял о том, что могло таиться поблизости, если хотя бы часть написанного в манускрипте соответствует истине. В таком случае было логично предположить, что Замакона потерял контроль над своим дематериализованным телом, едва достигнув границы внешнего мира. Разумеется, его немедленно схватила стража: был ли это свободный горожанин, сосланный на пост за проступки, или — сколь горькая ирония — Тила-аб, при жизни помогавшая своему возлюбленному бежать из Кейнана. Во время завязавшейся схватки цилиндр мог незамеченным выскользнуть из рук и пролежать четыре столетия на вершине... Что толку, одернул я себя, раздумывать над тем, чего не произошло на самом деле. Ведь если во всей этой истории и есть крупница правды, то самым ужасным представляется судьба, уготованная Замаконе. Отступника вновь дематериализуют, волокут вниз, в голубой мир, где бросают его перед публикой, заполнившей амфитеатр... пытки... и новое существование — уже в качестве живого мертвеца, охраняющего протяжение туннеля.

Новое потрясение начисто вымело у меня из головы унылые мысли. Окинув взглядом вершину, я сразу же обнаружил, что мои лопата и кирка исчезли. Это было весьма обескураживающее открытие, особенно если учесть откровенное нежелание бингерцев под каким бы то ни было предлогом приближаться к запретному месту. Может быть, они только притворялись и сейчас вместе с парой неизвестных шутников поохотываются на окраине, наблюдая, как я в недоумении почесываю затылок? Я быстро поднял бинокль и оглядел толпу, собравшуюся на равнине. Нет,

не похоже, чтобы они наслаждались моей растерянностью. Хотя... разве нельзя назвать колоссальным надувательством всю эту шумиху вокруг кургана; мрачную молчаливость индейцев в резервации, бесчисленные легенды и предания? Я вспомнил часового, необъяснимо пропадающего из поля зрения при приближении; вспомнил слова Серого Орла, рассказы Комптона и его матери и всеобщий страх перед курганом. Пожалуй, рановато объяснять все загадки деревенским розыгрышем. Страх и таинственные исчезновения были самыми неподдельными, однако только деревенский житель был способен тайком прокрасться к кургану и стащить мои инструменты. Возможно, это и в самом деле смешно, просто у меня маловато чувства юмора...

В остальном вершина выглядела нетронутой. Ничего не изменилось за время моего отсутствия; кусты, подрубленные моим мачете; легкое чашеобразное углубление в северной части и рыхлые комья земли там, где я саперной лопаткой выкапывал магнетический цилиндр. Полагая, что возвращение в Бингер будет слишком большой честью для неведомых шутников, укравших мой инструмент, я решил обойтись мачете и саперной лопаткой, которые лежали на дне моего саквояжа. Достав их, я принялся разрыть центр углубления, предполагая, что именно там находится вход в курган. Во время работы я снова ощущал внезапные порывы ветра; как и днем раньше, мои запястья перехватывали и пытались сжать невидимые руки по мере того, как я глубже и глубже вгрызался в пронизанную корнями красноватую почву и черный глинозем. В дуновениях ветра странно подрагивал и бился талисман на моей груди.

Совершенно неожиданно земля подалась у меня под ногами, донося слабое эхо от комьев и пыли, осыпающихся вниз. Порывы холодного ветра и невидимые руки теперь настойчиво подталкивали меня к расползающемуся на глазах отверстию, тогда как я осторожно пятился назад, стараясь не потерять равновесия. Обойдя зияющий провал, я выбрал безопасное место и принялся сильными ударами мачете подрубать удерживающие слой земли корни. Шум падающих комьев усилился, когда поредевший слой дерна начал съезжать в обнажающуюся глубину отверстия. Еще несколько взмахов мачете, и он рухнул, с треском обрывая уцелевшие корни и взметнув вверх столб бурой пыли. Когда пыль улеглась, в лучах утреннего солнца зияла темная дыра по меньшей мере пяти футов в диаметре; под

землю вел пролет присыпанных землей каменных ступенек. На меня дохнуло ледяной сыростью, когда я наклонился и заглянул внутрь. Сложив инструменты в саквояж, я достал мощный электрический фонарик и приготовился к триумфальному спуску в открытый мной мир.

Самыми трудными оказались первые ступени: упавший слой почвы поглотил их, вдобавок из темноты непрерывно задувал холодный, пронизывающий ветер. Талисман раскачивался и вращался на сыромятном шнурке, когда я с сожалением оглянулся к светлому овалу отверстия, оставшегося за спиной. Луч электрического фонаря обежал массивные базальтовые блоки, полустертые изображения, погребенные под мхами и слизью. Признаюсь, я не без удовольствия ощущал громоздкую тяжесть кольца, который меня заставил взять шериф. Эбонитовая рукоять успокаивающе выглядывала из правого кармана моей куртки. Коридор начал петлять, отклоняясь то вправо, то влево. Комья земли наконец перестали попадаться под ноги. Изображения на стенах обрели отчетливость, и я с непроизвольной дрожью разглядывал жуткие фигурки, похожие на те, что покрывали корпус цилиндра. Порывы сквозняка и невидимые руки ни на секунду не оставляли меня в покое, подталкивая, теребя, раскачивая на плече сумку с инструментами. На одном из поворотов мне показалось, как в луч фонаря ступила какая-то бесплотная фигура, напоминавшая мне стражника на вершине кургана. Опасаясь галлюцинаций, я решил сделать небольшую остановку. Не хватало только спать, и это в момент, когда я стою на пороге величайшего открытия!

Бог мой! Теперь я раскаивался, что выбрал для привала именно это место. Вместо желанного успокоения я пришел в еще большее возбуждение, разглядев маленький предмет, откатившийся к стене несколькими ступенями ниже меня. Вне всякого сомнения, отверстие, через которое я проник под землю, было скрыто от человеческого взгляда многие поколения: на это ясно указывали слой почвы и крепкое переплетение корней растений. Однако предмет у стены едва ли был старше моего поколения! Электрический фонарик, точно такой же, как и мой, лежал у меня под ногами. Бурая ржавчина покрывала корпус, стекло потускнело — однако ошибиться было невозможно. Спустившись на несколько ступенек, я поднял его и обер о полу куртки. К корпусу крепилась никелированная пла-

стина с выгравированными фамилией и адресом; я с замиранием сердца разобрал потемневшую надпись: «Джес К. Вильямс, штат Массачусетс, Кембридж, Сан-Траубридж, 17». Это было все, что осталось от двух археологов, исчезнувших 28 июня 1915 года. Всего тринадцать лет назад, а мне пришлось раскапывать слой нескольких столетий! Каким же образом фонарик попал под землю? Может быть, существует еще один выход... или следует принять в качестве объяснения сумасшедшую идею о дематериализации и рематериализации?

С этого момента сомнения и ужас прочно поселились в моем сердце. словно околдованный, я спускался все ниже и ниже по лестнице, казавшейся бесконечной. Есть ли у нее вообще конец? Зловещие барельефы на стенах с пугающей точностью воспроизводили подземный мир, каким он описан в рукописи. В первый раз я серьезно спрашивал себя, стоит ли продолжать спуск и не лучше ли будет вернуться, пока неизвестная опасность не подстерегла меня, как предшественников. Однако колебания были недолгими: в моих жилах текла кровь вирджинских джентльменов и искателей приключений, не отступавших ни перед какой опасностью — известной или неизвестной.

Ступени пошли под уклон, и я старательно выбирал место, прежде чем поставить ногу. На жуткие барельефы я старался не обращать внимания, но не мог удержаться от дрожи, когда взгляд непроизвольно скользил вдоль них. Наконец впереди показалась арка, перед которой лестница обрывалась, сменяясь огромной круглой залой — о ужас, — в точности соответствовавшей описанию, приводимому в манускрипте Замаконы.

Это и в самом деле была она. Ошибиться было невозможно. И если оставалось место для сомнений, они рассеялись, как только я разглядел противоположный выход из залы. В начале извилистого, узкого коридора находились две ниши, из которых выглядывали уже знакомые изваяния. Темный, покрытый плесенью Йиг злобно уставился на поджавшего щупальца Тулу — два неземных бога, созерцающие мир с момента его зарождения.

Последующие события таковы, что мне самому нелегко в них поверить. Думаю, лучше всего будет ограничиться простым пересказом того, что предстало моим глазам, ибо чудовищность и невероятность увиденного невозможно постичь человеческим рассудком. Мощности моего

фонаря было недостаточно, чтобы осветить целиком циклопическую залу; осматриваясь в незнакомом месте, я начал водить лучом по стенам. К моему изумлению, зала не пустовала: по стенам стояла странного вида мебель, пол усеивали груды коробок и пакетов, указывавших на недавнее и многочисленное присутствие. Все, что попадало в поле моего зрения, имело вполне обжитой и свежий вид; бессмысленно выглядело предположение о незапамятной древности окружавшего. Оглядываясь вокруг, я заметил одну необычную особенность, отличавшую все предметы, находившиеся в зале. Стоило лучу фонаря задержаться на них, как их контуры словно заволакивало туманом, очертания теряли четкость; и вскоре было нелегко понять, реальные вещи передо мной или галлюцинация.

Все время, пока я бродил по зале, дул пронизывающий ветер и невидимые руки злобно подталкивали меня, пытаясь сорвать талисман. Вихрь невероятных предположений закружился у меня в голове. Я вспомнил строки манускрипта, повествующие о гарнизоне, расположенном под курганом, — двенадцать мертвых рабов вайм-баи и шесть живых, но частично дематериализованных свободных горожан. Это было в 1545 году — триста восемьдесят три года назад... Что произошло с тех пор? Замакона предсказывал разрушительные перемены — разложение, упадок... склонность к дематериализации... всеобщая апатия и слабость... Возможно, воинов гарнизона удерживал талисман Серого Орла: ведь они поклонялись священному Тулу-металлу. Их руки упорно старались сорвать его с моей шеи, чтобы затем... Я с ужасом заметил, что рассуждаю так, будто все, написанное в рукописи, — правда. Нет, только не поддаваться панике! Поверить в чужую мистификацию... Мне следует взять себя в руки... взять себя в руки...

Проклятье! Всякий раз, как я пытался уверить себя в нереальности происходящего, моим глазам представляла очередная находка, разбивающая вдребезги все мое самообладание. Луч фонаря выхватил из мрака два предмета, настолько чужеродные остальной обстановке залы, что, чем дольше я рассматривал их, тем отчетливее становились их очертания. Напрасны усилия сохранять рассудочность, когда против разума восстают предметы реального мира. Возле стены, составленные друг к другу, стояли мои исчезнувшие лопата и кирка. Всемилоостливый Боже! они находились здесь все время, пока я утешал себя мыслью о шутниках из Бингера.

Это открытие было последней каплей. Гипнотическое влияние рукописи полностью подчинило мои чувства: я различал полупрозрачные фигуры окруживших меня воинов, ощущал их подталкивания и рывки. Их лица хранили бесстрастное выражение, движения — плавны и пугающе медлительны. Но еще ужаснее были другие фигуры — изувеченные, мертвые тела вайм-баи... и жуткие твари с обезьяньими мордами и торчащими рогами... Бесшумно скользящие жители дьявольского подземелья.

Мой настороженный слух уловил отдаленный шорох: вначале шум, затем приглушенный топот, приближающийся из темноты и столь же материальный, как и лопата с киркой, стоящие у стены. Тщетно я пытался собрать остатки мужества, чтобы встретить новую опасность. Помню, я лишь не переставая бормотал себе под нос единственную фразу: «Если эта тварь из бездны, она не дематериализована». Поступь становилась громче и отчетливее, и по ее монотонной размеренности я понял, что это идет мертвец. В тот же миг — О Боже! — луч фонаря выхватил его фигуру из мрака. Темный силуэт замер в узком коридоре между нишами со змееподобным Йигом и спрутообразным Тулу...

Мне необходимо собраться с силами, чтобы рассказать о том, что произошло потом. Лишь испытавший не меньший ужас способен понять, почему я бросил фонарь, инструменты и бежал, не сознавая куда, спотыкаясь и падая в темноте, пока не выбрался на поверхность. Крики и выстрелы со стороны городка подняли меня, когда я лежал на земле, задыхаясь и судорожно хватая ртом воздух. Не знаю, каким образом я очутился снаружи. Наблюдатели из Бингера рассказывали, что я появился на вершине после трехчасового отсутствия, пошатываясь, сделал несколько шагов и рухнул как подкошенный. Никто не отважился прийти мне на помощь, однако они попытались поднять меня, крича и стреляя в воздух.

В конце концов это помогло, и когда я пришел в чувство, то почти кувырком скатился по склону, желая побыстрее убраться от зияющего чернотой провала. Фонарь, инструменты и саквояж остались на вершине: легко догадаться, что ни я, никто другой не вернулся, чтобы забрать их. Добредя до городской окраины, я не смог решиться и пересказать то, что увидел, отделавшись смутными упоминаниями о барельефах, чудовищных изваяниях и расшатан-

ных нервах. Я не терял сознания до тех пор, пока кто-то не сказал, что дневной призрак объявился на вершине почти сразу же, как я спустился по склону. В этот же вечер я покинул Бингер и больше никогда не возвращался, хотя мне передавали, что призраки все так же регулярно появляются на вершине, а местные жители боятся к ней приближаться.

Однако теперь я готов рассказать о том, о чем умолчал в роковой августовский полдень в Бингере. Не знаю, как выразить ощущения словами; ведь говорить — одно, между тем как видеть — совершенно другое. Я видел то, о чем собираюсь рассказать. Думаю, вы не забыли старую историю о юноше по имени Хитен, который отправился к кургану в один из дней 1891 года, чтобы затем вернуться — ночью, спятившим дурачком. Восемь последующих лет он бормотал невразумительные слова об ужасах, встреченных им, пока не умер от эпилептического припадка. Чаще всего он любил повторять: «...этот белый... О Боже, что они сделали с ним...»

Да, я видел то же, что и бедняга Хитен. Но я увидел это после того, как прочел манускрипт, и потому мои переживания были во сто крат хуже. Я знал имя того, кто повстречался мне в узком переходе. Его появление в зале, между двух ниш с чудовищными божествами было частью его обычного маршрута и его проклятьем. Отвратительный труп — обезглавленный, лишенный рук и ступней ног, — он был поставлен охранять протяжение туннеля. Да, когда-то это существо было человеком и более того — принадлежало к белой расе. Если загадочная рукопись заслуживает доверия, прежде его подвергли истязаниям в амфитеатре, чтобы потом, когда угаснет последняя искра жизни, оживить мертвое тело при помощи управляемых извне импульсов.

На белой, слегка поросшей волосами груди были вырезаны или выжжены — я не стал задерживаться для более подробного выяснения — слова, составленные на варварском, неуклюжем испанском. Злая ирония, что чужеземный писец, не знакомый ни с языком, ни даже с латинским алфавитом, выбрал именно это наречие. Надпись гласит: «*Secuestrado a la voluntad de Xinaian en el cuerpo decapitado de Tlayub*» — «*Повелением Кейнана схвачен обезглавленным телом Тила-аб*».

Ховард Филипс Лавкрафт

Огюст Дерлетт

Таящийся у порога

«The Lurker at the Threshold» by H. P. Lovecraft & August Derleth

© 1945 by August Derleth

Sauk City, Arkham House, U.S.A.

Часть I. «Поместье Биллингтона»,
© Перевод Г. Лемке и М. Пиротинского, 1993
Часть II. «Рукопись Стивена Бейтса»,
© Перевод Л. Каневского, 1993
Часть III. «Рассказ Винфилда Филипса»,
© Перевод М. Пиротинского, 1993

Часть I

ПОМЕСТЬЕ БИЛЛИНГТОНА

К северу от Архама склоны холмов темнеют, покрываясь чахлыми деревцами и беспорядочно переплетенными кустарниками, дальнюю границу которых очерчивает левый берег реки Мискатоник, несущей свои воды в океан. Путешественнику редко приходится забредать дальше опушки леса, хотя то тут, то там виднеются заброшенные проселки, уходящие в глубь холмов, к берегам Мискатоника, где снова расстилается открытая степь. Ветхие постройки, избегшие безжалостного воздействия времени, являют собой поразительно однообразное и унылое зрелище: несмотря на зеленеющие кроны деревьев, обилие спутанного кустарника, почва перед домами выглядит столь же безжизненно, как и сами здания. С Ривер-стрит, пересекающей от края до края Архам-сити, виден Эйлсбери-пик, и путник, прогуливающийся в западных кварталах старинного, пестрого от черепичных крыш городка, с удивлением замечает в окрестностях Данвичской пустоши, за покосившимися хибарками городской бедноты молодую рощицу. Увы, при ближайшем рассмотрении рощица оказывается причудливым нагромождением неприступных корявых вязов, мертвые ветви которых, казалось, тысячелетия назад перестала наполнять жизнь.

Городские жители почти забыли о ней; остались лишь предания, туманные и мрачные, которые дряхлые бабушки любили пересказывать по вечерам у камина. Некоторые из историй восходили к давно ушедшей эпохе гонений на колдунов и ведьм; однако минули века, и жуткие подробности потускнели. Теперь уже мало кто мог припомнить причины былых страхов, но заброшенную рощу и холмы вокруг продолжали по привычке называть биллингтоновскими — несмотря на то, что усадьба, скрытая стволами деревьев и потому невидимая из города, пустовала уже несколько десятилетий. О доме говорили, что он рас-

положен на живописном взгорке, «в некотором отдалении от старинной башни и кольца, выложенного из камней». Угрюмый вид вязов не поощрял праздного любопытства случайных прохожих. Даже орды бродяг, одно время наводнявшие окрестности, избегали приближаться к старому поместью в поисках ночлега или наживы. Рошу обходили стороной, и будь то путник, направляющийся из Бостона в Архам, или крестьянин, возвращающийся с рынка в одну из глухих массачусетских деревушек, он неизменно прибавлял шаг, спеша поскорее миновать унылое место, соседство которого вызывало в сердце необъяснимую тревогу.

Старого Биллингтона помнили; с его именем были связаны местные легенды. В начале девятнадцатого века сельский сквайр Илия Биллингтон перебрался в родовое поместье, которым владели его отцы и деды, и прожил там несколько лет в полном уединении. В преклонном возрасте он вместе с семьей отплыл на родину своих предков, поселившись в Англии, в маленьком городке к югу от Лондона. С тех пор о нем ничего не было слышно, хотя плата за землю регулярно вносилась в муниципальный фонд одной из адвокатских контор, бостонский адрес которой придавал солидности слухам о старом Биллингтоне. Прошли десятилетия; весьма вероятно, что Илия Биллингтон давно воссоединился со своими предками, равно как и его поверенные в делах — со своими. В права наследования вступил его сын Лаан, а отцовские кресла в конторе успешно перешли к сыновьям адвокатов. Ежегодные взносы с завидной аккуратностью переводились через нью-йоркский банк, и поместье продолжало носить имя Биллингтона, хотя где-то в начале нашего века распространился слух, что последний потомок сквайра — по всей видимости, сын Лаана — не оставил наследника мужского пола. Поместье отошло к его дочери, о которой не было известно ничего, кроме ее фамилии — миссис Дюарт. Слух не вызвал большого интереса, ибо что значила для горожан какая-то миссис Дюарт в сравнении с благоговейно хранимой памятью о старом Биллингтоне и его «причудах»?

О странностях сквайра горожане вспоминали с неиссякающим энтузиазмом. Больше всего о них любили порассуждать потомки нескольких семейств, древнее происхождение которых позволяло им считаться местной знатью. Неумолимая колесница времени не сохранила в целости ни одну из историй: все они, в той или иной степени, подвер-

глись более поздним напластованиям или искажениям. Рассказывали, что из рощи вязов, где находилось поместье Биллингтонов, раздавались загадочные шумы и грохот, похожий на раскаты грома. Как и раньше, было неясно, издавал ли их сам старый сквайр, или же звуки происходили из какого-то другого источника. Честно сказать, имя Илии Биллингтона давно бы кануло в Лету, если бы не угрюмая рощица и непролазные заросли кустарника, служившие постоянным напоминанием о том, что эти земли — столь необычного вида — принадлежат столь же необычному человеку. Небольшое болото, затаившееся в самом сердце рощицы возле дома, дарило приют несметному количеству жаб и лягушек. По весне их надрывные хрипы и уханье пронизывали всю округу, и старожилы уверяли, что тварей голосистее не найти и за сотню верст от Архама. Летом над болотом поднималось загадочное свечение, отблески которого мерцали на низко нависающих в грозовые ночи облаках. Общее мнение сходилось на том, что свет испускали бесчисленные стайки светлячков, которыми кишело заброшенное поместье, наряду с жабами, лягушками и прочими угрюмыми тварями и насекомыми. С отъездом Илии Биллингтона шумы прекратились, но лягушки продолжали неистовствовать; мерцание светлячков все так же разгоралось летними ночами, как не стихало и стрекотание мириад кузнечиков и цикад в предгрозовую пору.

Известие о том, что после долгих лет запустения старый дом обрел нового хозяина, немедленно стало предметом самого живого интереса и обсуждений среди горожан. Прекрасным мартовским днем 1921 года в архамском «Адвертайзере» появилось короткое объявление, что некий мистер Амброз Дюарт ищет работников для помощи в восстановлении и переустройстве дома Биллингтонов; желающие предложить свои услуги могут встретиться с ним персонально в номере отеля «Мискатоник», который, следует заметить, на самом деле был не чем иным, как обычным студенческим общежитием при Мискатоникском университете.

Не прошло и суток, как Архам облетело новое известие. Прибывший в город Амброз Дюарт оказался прямым наследником Илии Биллингтона и родовое имение избрал своей резиденцией после долгих странствий по свету. Это был мужчина примерно лет пятидесяти, среднего роста, с

огрубевшей от длительного пребывания на свежем воздухе кожей. Ястребиный нос и копна замечательно ярко-рыжих волос придавали ему сходство со средневековым аббатом; взгляд голубых глаз был пронзителен; тонкие губы не портили его лица. В последней войне погиб его единственный сын, и, не имея других родственников, Дюарт обратил взор к Америке, надеясь там найти тихое пристанище, где он провел бы остаток дней. Пару недель назад он впервые объявился в Массачусетсе, чтобы осмотреть владения. Увиденное, судя по всему, вполне удовлетворило его, ибо он уже прикидывал будущие расходы по восстановлению имения в былом блеске и славе. Его сдержанность и корректность в сочетании с суховатым юмором произвели благоприятное впечатление на работников, которых он нанял. С некоторыми желаниями все же приходилось повременить: ближайшая линия электропередачи находилась в нескольких милях южнее рощи, так что вместо электричества в доме горели керосиновые лампы. Однако в остальном не предвиделось никаких задержек. Строительные работы продолжались всю весну; дом был приведен в порядок, к нему проложили дорогу, и летом, когда мистер Амброз Дюарт фактически вступил во владение и съехал из архамского отеля, работники были отпущены с солидным вознаграждением. Вернувшись по домам, они с благоговением и восторгом рассказывали о поместье старого Биллингтона; о великолепных резных украшениях на лестницах; о кабинете, занимавшем целых два этажа и освещенном гигантским — в полстены — окном из разноцветного стекла; об обширнейшей библиотеке, сохранившейся нетронутой, и о различных архитектурных особенностях, которые мистер Дюарт считал весьма ценными для истинных ценителей древности. Снаружи дом походил на знаменитый Крейг-Хауз в Кембридже, где когда-то жил великий Лонгфелло.

Вскоре по городу поползли самые невероятные разнотолки; на свет были извлечены полузабытые легенды о старом Биллингтоне, который, как утверждали, внешне был вылитой копией мистера Дюарта — или наоборот. Среди догадок и домыслов, последовавших затем, снова появились зловещие истории о «причудах», которыми прославился старый сквайр. Их «воскрешение», а также новые, леденящие душу подробности позволяли предположить, что все они исходят из окрестностей Данвичской пустоши, где доживали век несколько древних семейств, в

том числе — Уэйтли и Бишопы. Именно их предки, много поколений назад выбравшие для жизни этот уголок Массачусетса, приходились современниками старому сквайру; на их глазах самый первый из Биллингтонов возводил огромное поместье с «розовым окном» — как все называли витраж в кабинете, хотя стекла были многоцветными. Передаваемые ими истории о прошлом семьи Биллингтонов вызывали доверие своей несомненной древностью, и, даже если не все в них соответствовало действительности, они тем не менее способствовали пробуждению интереса как к заброшенному поместью, так и к его новому владельцу — мистеру Дюарту.

Сам Дюарт, однако, пребывал в безмятежном неведении относительно всевозможных слухов и сплетен, вызванных его появлением. Замкнутый по натуре, он наслаждался выпавшим ему уединением. Отыскание средств к дальнейшему поддержанию имения стало его основной заботой, которой он посвятил все свое время; хотя, если говорить откровенно, он едва ли представлял, с чего эти поиски следует начинать. В семье было не принято упоминать о заокеанском имении; лишь изредка мать заводила разговор о «родовом участке» в штате Массачусетс, который «ни в коем случае нельзя продавать» и следует сохранять до тех пор, пока длится род Дюартов. Произойди с кем-нибудь из них несчастье: смерть, непредвиденный случай — и владение унаследует их бостонский кузен Стивен Бейтс, которого никто из семьи даже не видел. Станные указания в фамильных манускриптах и недомолвки — это было все, что оставил после себя Илия Биллингтон. Его необъяснимое переселение в Англию еще больше сгустило покров тайны, нависшей над брошенным домом, и пока — только-только ступив на порог — Амброз Дюарт мог полагаться лишь на свои догадки и воспоминания.

Детские годы были прочно связаны с многочисленными предостережениями, когда мать по-родительски наставляла маленького Амброза в том, что следует, а чего не следует делать. Не следовало, например, «отводить ручей, омывающий остров», «разрушать башню или каменную стену», а также — «открывать дверь в запретный мир» и «прикасаться к окну, тем более — переделывать его». Все эти предупреждения ровным счетом ничего не значили для Дюарта, хотя и очаровывали по-своему. Однажды услышав, он уже не мог выбросить их из головы; они преследо-

вали его, вспыхивали в мыслях, словно магические руны. И это зловещее сияние побуждало его наитщательнейшим образом осматривать имение, без усталости бродить по холмам и болотистым низинам. Во время своих странствий он обнаружил, что старый дом — не единственное сооружение на принадлежащих ему землях. На покато взгорке, омываемом полуиссохшим ручьем, стояла серая каменная башня. Раньше, когда ручей был полноводным притоком реки Мискатоник, бурный поток кольцом охватывал взгорок, превращая его в остров. Теперь такое можно было наблюдать только весной.

Это открытие произошло поздним августовским полднем, и Амброз Дюарт сразу же понял, что перед ним та башня, о которой говорилось в семейной летописи. Внимательно осмотрев находку, он попытался на глаз оценить ее размеры: цилиндрическое основание диаметром примерно в двенадцать футов и серый конус крыши на высоте почти двадцати футов. Когда-то в стене был проделан гигантский арочный вход, предполагавший отсутствие крыши. Однако теперь его закрывала грубая каменная кладка. Неплохо разбиравшийся в архитектуре, Дюарт с восхищением разглядывал находку; ее древность не подлежала ни малейшему сомнению, более того — камни выглядели много древнее, чем остальные постройки поместья. Используя карманную лупу, при помощи которой он разбирал старинные латинские рукописи в брошенной библиотеке, Дюарт осмотрел странные узоры на поверхности башни, сходные с большими по размеру граффити на камнях, закрывавших вход под аркой. Но особенно поражало основание башни, своей громоздкостью создававшее впечатление погруженности глубоко в землю. Здравый смысл объяснял этот эффект тем, что за столетия, прошедшие с тех пор, как башню выстроил Илия Биллингтон, основание действительно могло осесть или зарости землей.

Но почему он уверен, что башню строили его предки? Кладка выглядела значительно старше, и если так, то чьи же руки воздвигали древние камни? Загадка заинтриговала Дюарта, и, поскольку он располагал огромным количеством старинных рукописей в оставшейся от прежних поколений библиотеке, логично было предположить, что где-то среди пожелтевших страниц отыщется ответ на взволновавший его вопрос. Размышляя подобным образом, он мерно вышагивал по направлению к дому, когда,

обернувшись назад, совершил еще одно немаловажное открытие. Серая громада башни возвышалась посреди присыпанного землей, полуразрушенного каменного кольца, которое Дюарт немедленно отождествил с развалинами друидических дольменов в Стоунхендже. Потоки воды, когда-то омывавшей остров, оставили глубокие промоины и глинистые плесы, до сих пор заметные, несмотря на густо разросшийся кустарник. Над высохшими берегами потрудились бесчисленные ливни и ветер, которые не могла остановить мрачная репутация поместья, удерживавшая лишь суеверных жителей окрестных местечек.

Дюарт не спеша шагал по мшистым кочкам. Наступили сумерки, когда он возвратился домой после утомительного обхода болотистой низины, раскинувшейся между башней и пригорком, на котором стоял дом. Приготовив горячий ужин и расположившись возле очага на кухне, он попытался сосредоточиться на предстоящих поисках в библиотеке. Книги и рукописи, оставленные в кабинете, были по большей части в непригодном для чтения состоянии; некоторые были настолько ветхи, что при малейшем прикосновении угрожали рассыпаться горсткой праха. К счастью, несколько рукописей были выполнены на пергаменте; помимо них, попадались отдельные свитки и разрозненные листки, которые можно было безбоязненно брать руками и прочитывать. Почти не пострадала от времени черная, переплетенная в кожу книга, надписанная детским почерком «*Лаан Б.*». Раскрыв титульный лист, Дюарт с удивлением обнаружил, что перед ним — детский дневник сына Или Биллингтона, более ста лет назад отплывшего из этих мест в Англию. Счастье, казалось, благоволило к новому владельцу поместья, и для начала поисков трудно было придумать находку полезнее и лучше.

Читать пришлось при свете керосиновой лампы, поскольку вопрос об электрификации особняка безнадежно увяз в бюрократических лабиринтах учреждений штата, где каждый клерк клятвенно обещал придумать какой-нибудь выход и подвести в самом ближайшем будущем к дому проводку, однако единственным результатом всех этих обещаний до сих пор было полное отсутствие электричества. Свет керосинового фитиля вместе с красноватым сиянием камина — ночи в лесу были заметно прохладнее, чем в городе, — придавал кабинету ощущение уюта, и вскоре Дюарт с головой ушел в прошлое, восстававшее перед ним

на пожелтевших листах бумаги. Лаан Биллингтон, приходившийся ему прадедом, был не по годам развит: в начале дневника ему едва исполнилось девять лет, тогда как к концу — в этом Дюарт удостоверился, заглянув на последние страницы, — минуло одиннадцать. Умение подмечать детали делало интересными его записи, которые не ограничивались лишь тем, что происходило в доме.

С первых же страниц становится очевидным, что мальчик рос без матери и единственным наперсником его игр был индеец из племени наррагансет, находившийся в услужении у Илии Биллингтона. Его имя передается как Квамус или Квамис: по всей видимости, мальчик не уверен, какое из них правильное. По возрасту индеец был ближе к Илии, чем к Лаану: очевидно, что уважительное отношение, проглядывающее в неровных, по-детски округлых буквах хроник, было бы меньшим, если бы товарищ Лаана оказался тоже подростком. Дневник начинается с изложения распорядка дня, однако в дальнейшем Лаан старается не упоминать о своих делах, за исключением лишь некоторых случаев. Большинство записей посвящены тем немногим часам, свободным от занятий, когда он был предоставлен самому себе и мог осматривать дом или, в компании индейца, бродить по окрестным лесам, хотя он честно признается при этом, что почти никогда не решался отходить далеко от дома.

Индеец, судя по всему, не отличался излишней общительностью: дар красноречия посещал его лишь в минуты, когда он пересказывал древние предания своего племени. Будучи впечатлительным по натуре, мальчик с радостью принимая его общество, не обращая внимания на настроение, в каком пребывал индеец, и иногда заносил в дневник некоторые из услышанных историй. Помимо прогулок с ребенком, индеец помогал старшему Биллингтону, как пишет Лаан, «в час, когда мы заканчивали ужин».

Примерно на середине дневник прерывается: несколько страниц вырваны, и остается только догадываться, что на них было написано. Следующая запись датируется семнадцатым марта (год не указан), однако содержание ее расплывчато ввиду столь значительного пробела в хронологии. Дюарт с волнением прочитывал прыгающие строчки детского почерка:

«Целый день падал снег. Холодно. После занятий были в лесу. Квамис пошел вдоль болота, оставив меня дожи-

даться его возвращения у поваленного ствола, который я так не люблю. Наверное, из любопытства я отправился следом, отыскивая следы в свежесвалившемся снегу, пока не выбрался на берег ручья перед башней — туда, где отец запрещал нам гулять. Квамис стоял на коленях, подняв к небу руки, и выкрикивал что-то на своем языке, которого я не понимал. Однако некоторые слова повторялись так часто, что я запомнил их: что-то вроде Нарлато или Нарлотен. Я собирался окликнуть его, когда он, заметив меня, вскочил на ноги. Подойдя, он крепко взял меня за руку и потащил прочь от башни. Мне было интересно, что он там делал, и я спросил об этом. Если он молился, то почему не пошел в часовню, построенную людьми белой расы, которые были миссионерами среди его людей? Он ничего не ответил, только просил меня не рассказывать отцу, где мы были, иначе он, Квамис, будет наказан за то, что ослушался приказа своего хозяина. Путь к башне, помимо ручья, преграждают огромные камни — унылое и безжизненное место, так что мне совершенно непонятно, какая сила могла притягивать туда индейца.

Записи последующих двух дней не содержат ничего необычного, однако коротко сообщают, что Илия Биллингтон узнал о проступке индейца и наказал его — как именно, мальчик не упоминает. Еще несколько дней спустя хроника вновь возвращается к «запретному месту»: на этот раз индеец и Лаан попали в пургу и сбились с дороги. Блуждая в густой пелене снега, они попали на болото и вышли в низину, показавшуюся незнакомой Лаану, однако Квамис, издав приглушенный вскрик, схватил его за руку и потащил прочь.

«Мы снова стояли на берегу ручья, омывавшего огромные валуны и башню, но на этот раз мы подошли к ним с противоположной стороны. Каким образом мы оказались на этом месте, я не знаю, потому что наш путь лежал совершенно в противоположном направлении — к реке Мискатоник. Единственным объяснением может служить внезапность пурги, задувавшей с необычайной силой и тем сбившей нас с тропы. Поспешное бегство и очевидный ужас, выказанный Квамисом, заставили меня еще раз спросить, чем вызвано такое поведение, но, как и раньше, он отвечал, что мой отец «не позволяет сюда ходить», хотя я и без него знал прекрасно, что нам разре-

шено гулять повсюду в отцовских владениях, кроме низины с башней. Я был волен бродить, где хочу, даже выбираться в Архам, хотя и не должен был появляться в Данвиче или Иннсмуте, а также заглядывать в индейскую деревушку, расположенную в холмах за Данвичской пустошью».

Далее нет никаких упоминаний о башне, но попадаются другие любопытные заметки. Три дня спустя после описания неожиданного снегопада мальчик пишет о кратковременной оттепели, которая «очистила землю от снега»:

«В ту ночь я проснулся от странного шума, доносившегося со стороны холмов, — словно ревел какой-то великан. Встав с постели, я подбежал к восточному окну, но ничего не увидел; затем — к южному, но и там не было ничего. Немного погодя, набравшись мужества, я выскочил из спальни в гостиную и, подойдя к отцовской двери, постучал. Никто не ответил, и я, полагая, что он не услышал моего стука, приоткрыл дверь и вошел в комнату. Постель была аккуратно заправлена, и, судя по всему, отец так и не ложился в этот вечер. Окно в его комнате, обращенное на запад, переливалось голубовато-зелеными сполохами, исходившими со стороны холмов. Оттуда же доносились странные звуки, которые разбудили меня. Пока я стоял у приотворенного окна, объятый страхом, мне показалось, что шум раздается также и со стороны Данвича или Иннсмута: словно гигантское эхо ревели в небе. Спустя несколько минут шум начал стихать; сполохи среди холмов угасли, и я вернулся в свою постель. Утром, когда пришел Квамис, я спросил его, что так ревели ночью, но он ответил, что мне все приснилось, потому что он сам ничего не слышал. Он выглядел озабоченным, почти испуганным моими словами, и я решил не рассказывать ему о том, что видел. Когда я спросил, где отец, он поспешил уверить меня, что тот, вероятно, еще спит в своей комнате. Я больше ни о чем не расспрашивал, притворившись, что забыл обо всем, что произошло ночью, — как и хотел Квамис, потому что он перестал хмуриться и больше не выглядел озабоченным».

Записи следующих двух недель касаются обычных предметов; в основном учебы и чтения Лаана. Затем вновь проскальзывает загадочное упоминание, короткое и неожиданное:

«В шуме, доносящемся со стороны западных холмов, ощущается какое-то странное биение; словно невидимый дракон откликается на сполохи возле окраины Данвича».

Четыре дня спустя появляется новая запись. Собираясь ложиться спать, Лаан подошел к окну, привлеченный сиянием взошедшей луны, и увидел отца, выходящего из дома.

«Вместе с ним был Квамис: оба волочили что-то тяжелое, хотя я и не смог разобрать, что это было. Вскоре они скрылись за углом в направлении восточного флигеля, и я перешел в комнату отца, чтобы посмотреть, куда они направляются, но не увидел никого, хотя из роищи явственно доносился голос отца, отдающего приказания. Позже, этой же ночью я снова проснулся, разбуженный чудовищным ревом, который, как и раньше, исходил со стороны западных холмов. Прислушиваясь к нему, я различал странное бормотание или, быть может, пение, изредка нарушаемое жуткими и однообразными вскриками, от которых замирало сердце».

Похожие упоминания встречаются и далее, учащаясь к концу дневника.

Предпоследняя запись самая озадачивающая. Всю ночь мальчик вслушивался в «чудовищный рев» среди холмов: казалось, весь мир раскалывается от потусторонних криков, поднимающихся в угрюмой тьме.

«Наутро, не встретив за завтраком Квамиса, я спросил, где он, и мне сказали, что Квамис уехал и вряд ли вернется. Более того, мы также должны уехать до наступления ночи, так что мне следует поторопиться и собрать свои вещи. Отец, похоже, с нетерпением ждал отъезда, хотя и не говорил, куда мы направимся. Я думал, это будет Архам, возможно, Бостон или Конкорд, однако не решился спросить и повиновался. Не представляя, что именно может понадобиться в дороге, я постарался собрать, на мой взгляд, самое необходимое для недолгой поездки. В маленьком саквояже с трудом уместились брюки, смена белья и прочие мелочи. Поспешный отъезд немного озадачил меня, и объяснения отца выглядели неубедительно: казалось, он стремится покинуть дом как можно скорее и мало заботится о том, чтобы придумать подходящий предлог. Мне он сказал, что до обеда он должен уладить кое-какие дела; тем не менее это не помешало ему несколько раз подниматься ко мне в комнату, что-

бы узнать, готов ли я, собрал ли вещи и тому подобное».

Последняя запись в дневнике, за несколько страниц до конца, была сделана в полдень.

«Отец говорит, что мы едем в Англию навестить каких-то дальних родственников, и в Бостоне нас уже ждет пароход. Время обеда прошло, и отец заканчивает свои приготовления».

Чуть ниже, размашистым почерком добавлена пара строк:

«Дневник Лаана Биллингтона, сына Илии и Лавинии Биллингтон, одиннадцати лет от роду, эсквайра».

Со смешанным чувством любопытства и некоторого разочарования Дюарт закрыл книгу. За краткими описаниями, которые составляли дневник, скрывалась какая-то тайна. К сожалению, наблюдений мальчика было недостаточно, чтобы хоть на шаг приблизиться к разгадке. Однако теперь становилось понятным, почему дом был оставлен в том беспорядке, какой застал Дюарт: у Илии Биллингтона просто не было времени приготовиться к отъезду. Вполне возможно, он надеялся скоро вернуться и потому так мало захватил с собой.

Дюарт медленно перелистывал пожелтевшие страницы, просматривая отдельные записи, и был несколько удивлен, когда в середине абзаца, посвященного поездке мальчика и индейца в Архам, обнаружил пропущенные ранее строки.

«Странно, где бы мы ни появлялись, нас принимают с почтением и видимой боязливостью. Хозяева лавок гораздо предупредительнее, чем им полагается быть. Даже Квамис получает долю уважения, на которую трудно рассчитывать с его цветом кожи. Раз или два я слышал, как две дамы шептались о чем-то за нашей спиной, и уловил имя «Биллингтон», произнесенное с дрожью в голосе. Нас бояться: сомневаться в этом не приходится, однако, когда по дороге домой я рассказал о своих наблюдениях Квамису, он заявил, что во всем виновато мое воображение и собственные страхи».

Итак, старого Биллингтона «боялись» и относились неприязненно к нему и ко всем, так или иначе с ним связанным. Это новое открытие окрылило Дюарта лихорадочными предчувствиями; из простого исследования старинных генеалогий его поиски переросли в нечто более значительное: в семейном прошлом таилась загадка —

непостижимая, глубокая. Запах тайны, словно золотой туман, проник в мозг Дюарта, когда он принялся перебирать подшивки бумаг, разбросанных по книжным полкам.

Его ожидало горькое разочарование, ибо большая часть пожелтевших листков оказалась счетами за строительные работы и материалы; в толстом грессбухе перечислялись названия книг, приобретенных Илией Биллингтоном у книготорговых фирм в Лондоне, Париже, Праге и Риме. Все побуждало прекратить поиски, когда счастливая звезда вложила в руки Дюарта потрепанный манускрипт с завораживающим названием: «О демонических деяниях и о демонах Новой Англии». Неровный почерк писца вкратце излагал содержание какой-то утерянной книги; слова, выведенные староанглийской вязью, местами с трудом поддавались прочтению, однако то, что удавалось разобрать, стоило долгих поисков. Медленно водя пальцем по строкам, Дюарт начал читать, однако уже через несколько минут, достав из стола чистый лист бумаги и ручку, принялся прилежно переписывать прочитанное. Рукопись начиналась с середины неизвестного оригинала.

«...И не распространяясь более о потусторонностях, я добавлю только некоторые подробности, о которых многие ведают в Новом Данвиче и сегодня, пятьдесят лет спустя с той поры, когда губернатором города был досточтимый мистер Бредфорд. Говорят, что некий Ричард Биллингтон, будучи наущен сатанинскими письменами, а также одним старым колдуном среди дикарей-индейцев, удалился от добродетелей христианской веры и бросил вызов Всепрощающему, соорудив огромное Кольцо Камней, внутри которого возносил молитвы Сатане, кушам Дагоновым, самому Безымянному и произносил магические заклинания, отринутые Священным Писанием. Будучи приведен под присягой перед старейшинами магистрата, упомянутый Биллингтон отрицал богохульные деяния, однако не мог утаить ужаса перед Безымянной Тварью, которую он своими заклинаниями пробудил в ночном небе. В этом же году в роще неподалеку от Камней произошло семь убийств; причем тела несчастных были расплющены или изуродованы до неузнаваемости. На следующее заседание Высокочтимого Судебного Собрания упомянутый Биллингтон не являлся, и ни слова не было слышно о нем с тех пор. Два месяца спу-

стоя в одну из ночей дикари из племени вампанаугов творили заклинания и бесчинствовали в проклятом лесу; в исступлении они разрушили Кольцо Камней и нанесли сильный урон строениям. Их предводитель Мисквамакус, тот самый колдун, от которого Биллингтон перенял свое чернокнижие, вскоре объявился в городе и поведал мистеру Бредфорду о странных вещах: по его словам, Ричард Биллингтон нарушил запреты, которые не следует переступать в общении с Сатаной; не подлежит сомнению, что его пожрала Безымянная Тварь, сошедшая из глубин неба. Поскольку вернуть Тварь обратно не было никакой возможности, колдун племени вампанаугов лишил ее дьявольской мощи и заключил в основание поверженного Кольца Камней.

Его соплеменники выкопали огромную яму в три длины каное глубиной и две длины в поперечнике и с магическими заклинаниями запечатали беспомощного Демона, накрыв его узилище... (тут следует совершенно непонятная строка) ...украшенный резьбой, которую они называли Древними Письменами. Совершив сей подвиг, они... (снова непонятная фраза) ...извлеченный из-под земли. Старый индеец настаивал, чтобы к запретному месту не приближались ни под каким предлогом, ибо Демон вырвется на простор, стоит только сдвинуть плоский камень с Древними Письменами. Будучи вопрошаем о том, каков вид демонического существа, Мисквамакус закрыл руками лицо, так что только глаза выглядывали меж пальцев, и пустился в прелюбопытные объяснения, из которых следовало, что Тварь порой бывает тверда и мала, словно земляная жаба, и иногда предстает огромным облаком тумана, бесформенная, хотя в глубине облака проглядывает лицо, окруженное змеями.

Имя потусторонней Твари — Оссадогва, что означает (слово зачеркнуто и поверх надписано: «означало») потомок Садогвы, злобного духа, о котором предки индейцев рассказывают, будто он спустился со звезд и был принят как божество в северных землях. Племена вампанаугов, нансетов и наррагансетов знали, как вызывать его, но никогда не делали этого из-за его злобного нрава. Им также было ведомо, как усмирять и обездвигивать божество, хотя не в их власти было вернуть его туда, откуда оно пришло. Говорят, что предки ламарцев, обитающих под ковшом Большой Медведицы, могли изго-

нять злобное божество, однако с тех пор минуло много веков, и они утратили свое знание. Многие мудрецы пытались овладеть утерянными заклинаниями и обрести власть над силами космоса, однако ни один не преуспел в этом начинании. Старики утверждают, что Оссадогва без помех путешествует по небесной тверди, в то время как земная повержность едва ли выдержит его без должного заклинания.

...Обо всем этом старый колдун Мисквамакус поведал мистеру Бредфорду, и после его рассказа рукотворный холм в роще с прудом к юго-западу от Нового Данвича был оставлен в полном небрежении и покое. За минувшие двадцать лет почва под гигантскими валунами просела, однако волею Божией ни деревья, ни травы не проросли на ней. Среди белых поселенцев мало кто верит, что распутный Биллингтон был пожран чудовищем, вызванным им с небес. Несмотря на уверения дикарей, его уже не однажды видели в разных местах, хотя в город он так и не возвращался. Дополнительные расспросы колдуна ни к чему не привели: он продолжает утверждать, что упомянутого Биллингтона унесло вызванное им чудовище. Пусть и непожраный, но он больше не живет среди нас на нашей Земле, да будет на то воля Господня».

К последнему листку рукописи была приколота поспешно нацарапанная записка: «Смотри «Необъяснимые происшествия...» преподобного Варда Филипса». Полагая, что у него в руках название еще одной из книг, стоящих на полках, Амброз Дюарт с лампой в руках перешел к стеллажам и принялся рассматривать тисненые переплеты. При всем разнообразии названий среди них не нашлось бы и полудюжины знакомых. Под слоем вековой пыли покоились «Ars Magna et Ultima» Луллия, «Clavis Alchimiae» Фладда, «Liber Ivonis» Альберта Магнуса, «Ключ к познанию» Артефо, «Культы оборотней» графа д'Эрлетта, «Подземные таинства» Людвига Принна и множество других томов, относящихся к различным областям философии, демонологии, кабалистики, математики и прочих наук, между которыми выделялись изрядно затертые собрания трудов Парацельса и Гермеса Трисмегиста. Прошло много времени, прежде чем Дюарт, с благоговением перебирая ветхие тома, добрался до книги, упоминаемой в манускрипте. Небрежная рука прежнего владельца дома задвинула ее в самый дальний угол огромной полки.

«Необъяснимые происшествия, имевшие место в новоанглийской Ханаане, — гласило черное тиснение букв, — описанные преподобным Вардом Филипсом, пастором Второй церкви Архам-сити на берегу Массачусеттского залива». Книга, по всей видимости, воспроизводила более раннее издание, так как на титульном листе значилась дата: 1801, Бостон. Непомёрная толщина тома могла вполне быть объяснена духовным званием его создателя: редкий священник удержится от нравоучений и благостных суждений, пусть даже его сочинение связано с голыми фактами. Девственная чистота страниц, отсутствие загнутых уголков и других признаков того, что книгу читали, в соединении с приближающейся полночью нисколько не вдохновляли Амброза Дюарта на дальнейшие поиски. Перспектива просидеть ночь, перелистывая ветхие листки и пытаясь отличить старомодное «s» от «f», выглядела удручающей. Посему оставался единственный способ отыскать места в книге, которые читал Илия Биллингтон, — поставив закрытый том на переплет, позволить страницам свободно рассыпаться по обе стороны. Прodelав эту нехитрую операцию, Дюарт оказался примерно в двух третях от начала книги и с интересом прочел раскрытый отрывок.

Разобрать непривычные для глаза очертания букв оказалось совсем несложно. Выцветшая чернильная надпись — *«Ср. с дневником Рич. Биллингтона»* — лишняя раз подтверждала, что Дюарт нашел именно то, что нужно. Более не встречалось никаких упоминаний об описанном случае, хотя и здесь преподобный Вард Филипс не смог удержаться от краткой отповеди всем тем, «кто знает с Демонами и самим Сатаной». Текст ограничивался суховатым, но от этого не менее волнующим изложением.

«Касательно же утверждений очевидцев, проживающих вблизи рои, наиболее загадочным является донесение хозяйки дома Дотен, вдовы Джона Дотена из Даксбери, что в Новых колониях, полученное накануне Сретения 1787 года. Как утверждают она и ее соседи, неведомая тварь явилась ей, когда она проходила вблизи проклятого леса. Чудовище не было похоже ни на зверя, ни на человека, скорее оно напоминало огромную летучую мышь с человеческим лицом. Оно не создавало никакого шума, но таращило свои злобные глаза и озиравлось вокруг. Остальные свидетели подтверждают, что лицо этого чудовища поразительно напоминало лицо одного давно

умершего человека — Ричарда Беллингхэма или Боллингхэма, который, как говорят, бесследно исчез после общения с демонами в местности Нью-Даннич. Дело о Человеке-Звере было рассмотрено собранием суда присяжных, и по распоряжению главного судьи графства колдунья была сожжена на костре 5 июня 1788 года».

Дюарт несколько раз перечитал отрывок; определить истинную природу описанных в нем событий было явно затруднительно. При обычных обстоятельствах весь текст был бы оставлен без внимания, если бы не указание имен «Ричард Беллингхэм» или «Боллингхэм», которые безошибочно вызвали в памяти схожее имя — Ричард Биллингтон. К сожалению, несмотря на разыгравшееся воображение, Дюарт так и не смог придумать какого-либо объяснения этому: возможно, в данном случае справедливо предположение, высказанное преподобным Вардом Филиппсом, о том, что «некий Ричард Беллингхэм», который, по сути дела, является Ричардом Биллингтоном, не был убит — «пожран Тварью, которую он вызвал с неба», — как утверждалось в судебных хрониках, а переселился в глухие леса возле Даксбери, куда перенес и свою порочную практику, вселявшую ужас в души местных жителей, о чем и писал священник. С другой стороны, в то время, когда хозяйка дома Дотен рассказывала о неожиданной встрече, еще не прошло и ста лет после печально известных судов над ведьмами, и в этой связи можно с полной уверенностью предположить, что суеверия сохраняли силу среди колонистов, проживавших тогда в районе Даксбери и Нью-Данниче, который в нынешние времена известен под названием Данвич.

Охваченный желанием продолжать расследование, Дюарт отправился в кровать и тут же погрузился в тревожный сон, в котором видел странные ландшафты: какие-то неведомые твари, похожие на змей или летучих мышей, парили над низкими, утрюмыми холмами. Тем не менее он спал спокойно, за исключением, может быть, нескольких минут, когда он, проснувшись, лежал и непонимающе смотрел в потолок широко открытыми глазами. Странное ощущение, будто кто-то наблюдает за ним, не оставляло его, но он быстро поборол в себе это чувство и вновь забылся в глубоком сне.

Утром, посвежевший после сна, Амброз Дюарт начал поиск свидетельств, могущих пролить свет на происхождение

ние его предков. Первой его целью стала городская библиотека Архама. Этот город он постоянно сравнивал со старыми деревнями и городками Англии и всегда любовался его теснящимися двускатными крышами, населенными призраками чердаками с глухими окошками, полукружьями лампочек над входными дверями и проселочными дорогами вдоль берега реки Мискатоник, которые вели от укрывшихся в глубине городских улочек в давно забытую рошу.

Он начал свои поиски в библиотеке Мискатоникского университета, где хранились подшивки старых архамских газет «Адвертайзер» и «Газетт».

Утро было солнечным и ярким, и в его распоряжении было много времени. Во многих отношениях Дюарта было трудно назвать человеком сосредоточенным; обычно он тратил большую часть времени по пустякам; с великим старанием принимался за дело, но очень редко доводил его до конца. Устроившись в хорошо освещенной зале за читательским столом, он принялся медленно перелистывать пожелтевшие листки, повествующие о первых днях массачусеттской колонии. Его внимание привлекли кое-какие любопытные сообщения, заставившие его уклониться от главной цели. Пролистав газеты за несколько месяцев, он наконец наткнулся на первое упоминание имени своего предка. Это произошло по чистой случайности, ибо, просматривая колонки новостей, он отыскивал нужное сообщение совершенно в другом месте — в письмах читателей редактору.

«Досточтимый сэр,

позвольте выразить удивление по поводу помещенной в вашей газете рецензии некоего Джона Друвена, эсквайра, по поводу одной книги, написанной преподобным Вардом Филипсом из Архама, о которой он весьма похвально отзывается. Я отдаю себе отчет в существовании обычая в избытке расточать похвалы людям, облаченным в ризы, однако сей Джон Друвен оказал бы преподобному Варду Филипсу гораздо более весомую услугу, если бы намекнул ему о существовании в природе вещей, которые лучше оставить в покое и не упоминать в суесловной речи.

*При сем остаюсь вашим покорным слугой
Илия Биллингтон».*

Дюарт перевернул еще несколько страниц, отыскивая ответ, и обнаружил его в газете, дагированной следующей неделей.

*«Досточтимый сэр,
позвольте заметить, что, судя по всему, Илия Биллингтон весьма осведомлен в вещах, о которых пишет. Он прочитал мою книгу, и я ему благодарен за это. И, таким образом, остаюсь дважды его должником.*

*Служитель во имя Господне,
преподобный Вард Филипс».*

Дюарт внимательно просмотрел газеты за многие месяцы, но Илия Биллингтон так и не поддержал переписки. Преподобный Вард Филипс, несмотря на нравоучительный характер своей книги, очевидно, обладал не меньшим умом, чем его оппонент, и потому дискуссия больше не возобновлялась. Только изучив пухлые подшивки «Адвертайзера» и «Газетт» за семь лет, Дюарт наткнулся на еще одно упоминание имени своего предка. На сей раз — в маленькой заметке в колонке новостей.

«Полагаем себя обязанными уведомить, что решением магистрата сквайру Илию Биллингтону, проживающему в доме неподалеку от Эйлсбери-пик, направлено предупреждение с требованием прекратить безобразия, которым он предается по ночам, в частности же упомянутый Биллингтон обязан положить конец доносящимся из роуши шумам. Сквайр Биллингтон обратился в суд графства с просьбой собраться и выслушать его в одно из ближайших заседаний».

Больше в газетах не появилось ни строчки, вплоть до того момента, когда Биллингтон предстал перед судьями.

«Обвиняемый Илия Биллингтон показал, что не занимался никакими предосудительными делами. По его словам, он не поднимал никакого шума и не был причиной его возникновения. Как законопослушный гражданин, он готов выступить против любого, кто попытается доказать обратное. Обвиняемый заявил, что подвергся нападкам суеверных людей, мешающих его уединению, в которое он удалился семь лет назад после смерти горько оплакиваемой им супруги. Он заявил, что не позволит вызвать своего слугу, индейца Квамиса, для дачи свидетельских показаний, и неоднократно призывал к очной ставке со своим обвинителем, однако всякий раз получал ответ, что истец либо проявляет упрямство, либо не же-

лает предстать перед ним; в результате вышеупомянутый Илия Биллингтон был оправдан, а уведомление, направленное ему, было признано недействительным».

Ясно, что «шум», о котором писал в своем дневнике Лан, не был лишь плодом его воображения. Из этого сообщения, однако, следовало, что лица, подавшие жалобу на Илию Биллингтона, опасались его и не желали встречи с ним; в таком предположении проглядывало нечто большее, чем понятное нежелание виновников беспокойств предстать перед лицом того, кому они досаждают. Если мальчик слышал странные шумы, то их, несомненно, слышал и истец. Возможно, их слышали и другие; однако никто не хотел об этом заявить официально, даже признать сам факт, что звуки доносились из рощи, принадлежащей Илии Биллингтону. Совершенно очевидно, что Биллингтон вызывал благоговейный ужас у окружающих; это был прямолинейный, бесстрашный человек, который мог без всяких колебаний перейти в нападение от защиты. Такие черты характера Дюарт полагал похвальными, тем более что его самого все сильнее захватывала раскрывавшаяся перед ним тайна. Странное предчувствие, что старинное дело о «шумах» не останется похороненным в ветхих газетах, заполнило все его мысли. И он не ошибся.

Приблизительно через месяц в «Газетт» вновь появилось дерзкое письмо от некоего Джона Друвена, вероятно, того самого джентльмена, который хвалебно отзывался о книге преподобного Варда Филипса и который, по вполне понятным причинам, был изрядно раздосадован Илией Биллингтоном за посягательства на свои суждения. Естественно, он не преминул заинтересоваться неприятностями, свалившимися на противника.

*«Досточтимый сэр,
прогуливаясь на этой неделе в западной окрестности города, я задержался и был застигнут наступившей темнотой в лесу неподалеку от Эйлсбери-пик, в местности, известной под названием Биллингтонова роща. Пытаясь найти обратную дорогу, я услышал назойливый, оглушающий шум, природу которого я не в силах объяснить. Он доносился со стороны болота, находящегося сразу за домом Илии Биллингтона. Бредя в темноте, я прислушивался к вышеуказанным звукам и был ими сильно расстроен, так как не однажды они казались мне похожими*

на крики неведомой твари, которая беснуется от причиняемой ей боли. Если бы я знал, в каком направлении идти, то я бы обязательно отправился к этому месту, так как я всегда чрезвычайно чувствителен к чужим страданиям и горю. Звуки раздавались примерно с полчаса, может быть, чуть меньше, потом стихли, а вокруг вновь установилась мертвая тишина. С трудом, но я все же добрался до дому.

*Ваш преданный слуга
Джон Друвен».*

Дюарт ожидал, что подобное письмо неминуемо вызовет у его прадеда приступ гнева и резкий ответ, однако неделя проходила за неделей, а в газетах ничего не появлялось. Тем не менее враждебность по отношению к Биллингтону постепенно усиливалась и, хотя никакого отклика от самого владельца рощи так и не поступило, в газетах появилось обращение преподобного Варда Филипса, в котором он выступал с предложением возглавить комиссию по расследованию причин загадочных шумов с целью их прекращения. Тонкий расчет выманить Биллингтона из укрытия вполне оправдался, и на исходе недели чопорная «Газетт» напечатала его полупредупреждение-полуответ:

«Всякое лицо или лица, которые нарушают границы владений, известных под названием Биллингтоновой рощи, а также примыкающего к ней поля или пастбища, принадлежащих в соответствии с буквой Закона семейству Биллингтонов, будут рассматриваться как браконьеры и подлежат аресту с целью дальнейшего судебного разбирательства. Сегодня Илия Биллингтон посетил судью и сообщил ему, что его уголья отчетливо размечены и установленные знаки запрещают пересечение границ, охоту, бесцельные прогулки и прочие нарушения без соответствующего разрешения».

Это предупреждение вызвало немедленную реакцию со стороны преподобного Варда Филипса, который тут же ответил на этот выпад, что «судя по всему, наш сосед не желает расследовать причину странных шумов и намерен оставить покрытой мраком эту тайну». Он заключил свое изящно составленное послание прямым вопросом — что заставляет Илию Биллингтона опасаться расследования причин шумов и их источников, и делает вывод, что либо должно быть проведено расследование, либо шумы должны прекратиться.

Однако Илию нельзя было успокоить изящностью слога. Последовало новое предупреждение, где он заявлял, что не потерпит стороннего вмешательства в свои дела. К тому же он сильно сомневается, что преподобный Вард Филиппс и Джон Друвен в достаточной степени подходят для проведения подобного расследования. В заключение он обрушивался на тех, кто якобы слышал какие-то звуки.

«Что касается этих лиц, то было бы нелишне осведомиться, что они делали в лесу в столь поздний час, когда все почтенные горожане находятся в кровати или по крайней мере в стенах собственного дома, а не болтаются по окрестностям под покровом темноты в поисках Бог знает каких удовольствий или приключений? Нет никаких показаний о том, что они слышали шум. Свидетель Друвен решительно утверждает, что он слышал шум; но он не упоминает, что кто-либо его сопровождал. Были ведь и такие, кому всего сто лет назад или меньше казалось, что они «слышали голоса», и за это обвиняли невинных мужчин и женщин, которых предавали мучительной смерти как колдунов и ведьм; а где теперь эти свидетельства? Достаточно ли свидетель знаком с ночными звуками, чтобы отличить то, что он называет «криками боли, издававшимися каким-то существом», от рева быка, или мычания коровы, ищущей пропавшего теленка, или множества других звуков подобного рода? Пусть лучше он и ему подобные думают, прежде чем говорить, а не доверяются своим ушам и не смотрят на то, что Богу угодно сделать невидимым».

Действительно, письмо было весьма двусмысленным. До этого Биллингтон не призывал Бога в свидетели, и его письмо, хотя и довольно язвительное, несло на себе следы спешки и непродуманных суждений. Короче, Биллингтон раскрылся для удара, и удар, как и следовало ожидать, был нанесен непосредственно преподобным Вардом Филиппсом и Джоном Друвеном.

«Я, — священник писал почти так же лаконично, как до этого Биллингтон, — поистине счастлив и благодарен Богу, видя, что этот человек, Биллингтон, все же признает существование различных Тварей, которых Богу угодно сделать невидимыми для человека, и очень надеюсь, что названный Биллингтон не смотрел на них сам».

Джон Друвен, однако, был более колок: *«Поистине, я не знал, что сосед Биллингтон держит быков, коров и*

телят, с голосами которых свидетель знаком, так как он воспитывался среди них. Свидетель говорит далее, что он не слышал голосов быков, коров или телят поблизости от поместья Биллингтонов. А также козлов, овец, ослов или других животных, знакомых мне. Но звуки были, и отрицать это невозможно, потому что я слышал их и другие тоже». И так далее в том же духе.

Можно было ожидать, что Биллингтон как-то на это ответит. Но он не ответил. Не появилось больше ни одного документа с его подписью, но три месяца спустя «Газетт» опубликовала сообщение все того же колкого Друвена о том, что он получил приглашение на досуге посетить поместье Биллингтона, один или с друзьями. Единственным условием Биллингтона было, чтобы Друвен формально известил его о таком намерении, дабы Биллингтон мог приказать своей челяди не тревожить его как нарушителя своих владений. Друвен выказал намерение принять предложение Биллингтона.

Затем на какое-то время наступила пауза.

А затем появилась череда зловещих газетных заметок, которые становились все тревожнее по мере того, как проходила неделя за неделей. Первая была совершенно невинной. В ней лишь говорилось, что *«Джон Друвен, время от времени пишущий материалы для нашей газеты, не сдал вовремя свою заметку для нынешнего выпуска и, наверное, подготовит ее для публикации на следующей неделе»*. Однако на следующей неделе в «Газетт» появилось довольно пространное сообщение о том, что *«Джон Друвен пропал. Его не было в комнатах на Ривер-стрит, и сейчас ведется поиск с целью обнаружения его местонахождения»*. Еще через неделю «Газетт» сообщила, что пропавшая заметка, которую Друвен обещал прислать, должна была быть репортажем о посещении им дома и рощи Биллингтона в сопровождении преподобного Варда Филиппа и Деливеранса Вестриппа. Его спутники показали, что они вместе вернулись из поместья Биллингтонов. Однако той же ночью Друвен, по словам владелицы дома, ушел. Он не ответил на ее вопрос, куда он идет. На вопрос о том, как прошло их расследование относительно непонятных звуков в окрестностях поместья, преподобный Филипп и Деливеранс Вестрипп ничего не могли вспомнить, разве что обходительность хозяина, который самолично подал завтрак, приготовленный его слугой, индейцем Квамисом. Теперь шериф вел

расследование по поводу исчезновения Джона Друвена.

Пошла четвертая неделя. Ничего нового о Джоне Друвене.

Пятая неделя также прошла без новостей.

А потом — молчание, прерванное только однажды по истечении трехмесячного срока сообщением, что шериф прекратил расследование странного исчезновения Джона Друвена.

И ни слова о Биллингтоне. Весь разговор о странных звуках в биллингтоновской роще, казалось, был решительно оборван. Ни в колонке новостей, ни в колонке сообщений не появлялось даже имени Биллингтона. Однако шесть месяцев спустя дела пошли с пугающей быстротой, и Дюарт остро чувствовал сдержанность, проявлявшуюся газетами по поводу тех событий, которые в его время обязательно попали бы на первые полосы. В течение трех недель в «Газетт» и «Адвертайзере» видное место заняли четыре отдельные истории.

В первой рассказывалось об обнаружении на океанском берегу, в непосредственной близости от морского порта Иннсмут и устья реки Мануксет некоего разорванного и искалеченного тела, в котором опознали Джона Друвена. *«Считают, что мистер Друвен, возможно, вышел в море и был тяжело ранен в результате крушения лодки, в которой он находился. Когда его обнаружили, он уже несколько дней был мертв. В последний раз его видели в Архаме полгода назад, и с тех пор о нем никто ничего не слышал. По-видимому, он прошел сквозь тяжкие телесные муки, так как лицо его необычно вытянуто, а многие кости сломаны».*

Второй материал касался предка Дюарта, вездесущего Илии Биллингтона. Сообщалось, что Биллингтон и его сын Лаан отправились в Англию повидать родственников.

Неделю спустя индеец Квамис, служивший у Илии, *«был вызван к шерифу на допрос, однако судебные приставы, отправившиеся в дом Илии Биллингтона, никого не нашли. Дом был заперт и запечатан, и они не могли туда войти, так как не имели ордера на обыск».* Расследование среди индейцев, находившихся в округе Данвич к северу от Архама, не добавило новых данных. Более того, индейцы ничего не знали о Квамисе и не хотели знать, а двое из них отрицали, что человек по имени Квамис когда-либо выходил из их среды или вообще существовал.

В конце концов шериф опубликовал фрагмент письма, начатого покойным Друвеном в вечер перед своим странным и необъяснимым исчезновением, случившимся при-

мерно семь месяцев назад. Оно было адресовано преподобному Варду Филипсу и «несло следы спешки», по версии «Газетт». Письмо было обнаружено хозяйкой дома и передано шерифу, который только теперь признал его существование. «Газетт» напечатала его:

*«Преподобному Варду Филипсу
Баптистская церковь
Френч-Хилл, Архам*

Мой почтенный друг!

Меня охватывает настолько сильное странное чувство, что может показаться, что события, свидетелями которых мы были сегодня, стерлись из моей памяти. Я не могу объяснить этот феномен, и вдобавок меня не оставляет мысль о хозяине, который принимал нас у себя, о грозном Биллингтоне, как будто я должен идти к нему и как будто вопрос о том, не вложил ли он каким-то волшебным способом чего-нибудь в пищу, которую мы у него отведали, чтобы повредить нашу память, является несправедливым и излишним. Не думайте обо мне плохо, мой добрый друг, но мне тяжело вспомнить, что именно мы видели в круге камней в лесу, и с каждым уходящим мгновением мне кажется, что моя память все больше заволакивается туманом...»

Здесь письмо обрывалось: продолжения не было. «Газетт» напечатала его без каких-либо комментариев. Шериф заявил лишь, что Илия Биллингтон будет допрошен по возвращении, и это было все. Впоследствии появилось сообщение, что злосчастный Друвен предан земле, а затем письмо преподобного Варда Филипса о том, что его прихожане, жившие в местности, граничившей с усадьбой Биллингтонов, сообщали, что после того, как Илия Биллингтон отправился к чужим берегам, ночные звуки прекратились.

Газеты не упоминали Биллингтона еще шесть месяцев, и здесь Дюарт перестал их просматривать. Несмотря на волшебную силу, с которой его притягивало это расследование, глаза его начинали уставать, более того, время шло к вечеру, Дюарт совсем забыл про обед и, хотя он не был голоден, решил не портить больше глаза. То, что он уже прочитал, сбивало его с толку. В каком-то смысле он был

разочарован. Он ожидал найти что-то более четкое, ясное, но во всем, что он читал, была едва уловимая неопределенность, чуть ли не мистическая дымка, еще менее осязаемая, чем таинственные фрагменты, найденные в документах, оставшихся от библиотеки Илии Биллингтона. Газетные репортажи сами по себе не давали достаточной определенности. В сущности, имелось только косвенное свидетельство — дневник мальчика, Лаана, чтобы доказать, что обвинители Илии Биллингтона действительно слышали крики той ночью. Кроме того, Биллингтона изображали по меньшей мере полупроходимцем, вспыльчивым, решительным, чуть ли не задиристым и не боящимся встретиться лицом к лицу с теми, кто о нем злословил; он с успехом выходил из каждой стычки, хотя раз или два преподобный Вард Филипс сумел поставить его на место. Несомненно, что «Необъяснимые происшествия в новоанглийской Ханаане» и были той книгой, которую он так грубо отвергал, и, хотя не имелось ничего такого, что могло бы быть принято в качестве доказательства в современном суде, трудно было отметить как чистое совпадение, что наиболее язвительный его критик, Джон Друвен, исчез так загадочно. Более того, незаконченное письмо Друвена ставило некоторые пугающие вопросы. Вывод был прост: Илия сунул что-то в пищу, чтобы нежелательные гости из «комиссии по расследованию» забыли то, что они видели; следовательно, они видели нечто такое, что подтверждало неявные обвинения, выдвигавшиеся Друвеном и преподобным Вардом Филипсом. В незаконченном письме было и нечто более существенное: « .. как будто я должен пойти к нему». Раздумывая об этом, Дюарт почувствовал беспокойство, так как это предполагало, что каким-то способом Биллингтон сумел завлечь своего самого непримиримого критика опять к себе и, предварительно убрав его со сцены, в конце концов добился его гибели.

Хотя это были всего лишь предположения, они занимали Дюарта всю обратную дорогу к дому в лесу. Придя, он опять достал документы, которые читал предыдущей ночью, и трудился над ними некоторое время, пытаясь найти связь между Ричардом Биллингтоном и внушавшим страх Илией — не родственную, так как он не сомневался, что они принадлежали к одной линии с разрывом в несколько поколений, а вещественную связь между невероятными событиями, записанными в документе, и отчетами

архамских еженедельников, потому что, тщательно все взвесив, ему казалось, что такая связь неизбежно существует, хотя бы из-за одного совпадения. В обоих документах, разделенных более чем вековым промежутком во времени и несколькими милями в пространстве — один появился в «Нью-Данниче», который теперь, разумеется, стал Данвичем (если только это имя когда-то не носила вся область), а другой — в поместье Биллингтона, — упоминался «круг камней», который, несомненно, относился к обломкам друидических времен, неровным кольцом окружавшим каменную башню, стоявшую в высохшем ложе притока реки Мискатоник.

Дюарт приготовил себе несколько бутербродов, сунул апельсин и фонарь в карманы пиджака и отправился в дорогу. Светило послеполуденное солнце. Он обошел болото и направился к башне, вошел в нее и сразу начал осматривать заново. Внутри башни имелась очень узкая лестница из необработанного камня, спиралью шедшая вверх вдоль стены, и с некоторой опаской Дюарт поднялся по ней, внимательно осматривая по пути довольно примитивное, но впечатляющее украшение в виде барельефа, которое, как он вскоре обнаружил, было единой конструкцией, повторяясь, как цепь, по всей длине лестницы с маленькой платформой в конце, находившейся так близко к крыше башни, что Дюарт мог на ней стоять, только согнувшись в три погибели. При свете фонаря было видно, что барельеф, вырезанный в камнях вдоль лестницы, присутствовал и на платформе. Он наклонился, чтобы лучше рассмотреть его, обнаружив, что это был сложный узор концентрических кругов и расходящихся линий, которые, при еще более внимательном осмотре, являлись запутанным лабиринтом, вид которого все время необъяснимо изменялся. Дюарт направил фонарь вверх.

Он убедился еще во время предыдущего осмотра башни, что в той части крыши, которая была более позднего происхождения, имелась какая-то резьба, но теперь он видел, что только на одном камне было украшение, и это был большой плоский блок известняка, почти точно соответствовавший размерам платформы, на которой он сейчас скрючился. Однако его орнамент не был похож на мотивы фигур барельефа, а представлял собой неправильную звезду, в центре которой, казалось, находилось карикатурное изображение одного гигантского глаза. Но это был не

глаз, а скорее что-то неправильной ромбовидной формы с линиями, напоминавшими языки пламени.

Этот рисунок говорил Дюарту не больше, чем узор барельефа, но его действительно заинтересовало наблюдение, что цемент, скреплявший блок, разрушился во многих местах под действием погоды, и ему пришло в голову, что, если аккуратно и умело выковырять остатки цемента и освободить камень, появится отверстие в торце конической крыши. Действительно, водя лучом фонаря по потолку, он увидел, что первоначально башня имела отверстие, которое впоследствии было закрыто этим плоским камнем, отличавшимся от всех остальных тем, что он был менее грубым, иного сероватого оттенка и сравнительно новым.

Сидя в согбенной позе, Дюарт пришел к убеждению, что нужно восстановить первоначальный вид башни, и чем больше он думал об этом, тем сильнее становилось желание убрать блок над платформой и освободить себе достаточно места, чтобы распрямиться в полный рост. Он провёл лучом фонаря по земле вниз и, увидев осколок камня, который мог послужить ему в качестве долота, осторожно спустился и взял его, проверив на ощупь. Затем он вернулся на платформу и стал думать, как лучше добиться своей цели, не подвергая себя опасности. Он уперся в стену и начал осторожно долбить. Фонарь торчал из кармана, мешая ему, и вскоре он понял, что ему нужно сначала отколоть ту часть, которая была ближе к нему, так, чтобы блок, падая, отлетел на земляной пол вниз, не задев края платформы.

Он усердно принялся за работу, и через полчаса камень упал, как планировалось, направляемый им, мимо края платформы на пол башни. Дюарт выпрямился, глядя на топь к востоку от башни, и впервые увидел, что башня находилась на одной линии с его домом, потому что прямо напротив, за болотом и деревьями сзади него, на окне играл солнечный свет. Некоторое время он пытался вспомнить, какое же именно окно — он никогда не видел башню из своего дома, да, впрочем, и не пытался этого сделать. Судя по всему, это было окно из цветного стекла в кабинете, через которое он никогда не смотрел. Дюарт не мог себе представить, каково было предназначение башни. Стоя здесь, он мог опереться руками на раму отверстия; часть его туловища была выше крыши башни, выше даже самой

верхней ее точки; отсюда был прекрасный обзор неба. Возможно, ее построил какой-нибудь давний астроном; вне всякого сомнения, она была идеальным местом для наблюдения круговорота небесных тел над головой. Дюарт заметил: камни конической крыши были той же толщины, что и камни стен, что-то около фута, возможно, пятнадцать дюймов; а то, что крыша продержалась все эти годы, свидетельствовало об искусстве архитектора прошлого, не оставившего своего имени в истории.

Однако астрономическое объяснение существования башни не было полностью удовлетворительным, так как она возвышалась не на холме и даже не на сколько-нибудь соответствующей возвышенности, а всего лишь на острове или на том, что было когда-то островом, и земля полого спускалась с трех сторон, и лишь с одной стороны оттуда шел покатым и очень плавный спуск к реке Мискатоник, частично проходившей через лес. То, что с башни был прекрасный вид на небо, являлось чистой случайностью — просто в непосредственной близости от нее не было ни деревьев, ни кустарников или высоких трав. Но горизонт все равно был ограничен порослью выступающих склонов, так что звезды можно было наблюдать лишь некоторое время после их появления и совсем недолго перед их исчезновением с небосклона, что явно не создавало идеальных условий для астрономических наблюдений.

Через некоторое время Дюарт опять спустился с лестницы, откатил камень в сторону и вышел через арку входа, не имевшую никакой защиты от ветра и капризов погоды, что делало присутствие камня, закрывавшего отверстие в крыше, еще более непонятным. Но у него не было времени размышлять об этом: день шел на убыль, солнце опускалось за поясом деревьев. Жуя последний бутерброд, он отправился в обратную дорогу, опять вдоль края болота и вверх к своему дому, четыре большие фронтальные колонны которого, встроенные в стены дома, белели в сгущающихся сумерках. Ему стало весело, потому что его расследование успешно продвигалось. Пусть в этот день он узнал не так уж много конкретного, зато открыл для себя немало интересного о местных обычаях и преданиях, а также о своем предке, предусмотрительном Илии, который, так сказать, перессорил весь Архам и оставил за собой тайну, разгадать которую вряд ли было кому дано

Действительно, Дюарт собрал много подробностей, хотя и не был уверен, являлись ли они фрагментами одной и той же картины или частями различных узоров.

Придя домой, он почувствовал усталость. Он не поддавался соблазну рыться дальше в книгах своего прапрадедушки, зная, что нужно беречь зрение, а начал методически планировать свое дальнейшее расследование. Удобно устроившись в кабинете и разведя огонь в камине, Дюарт еще раз перебрал в уме все аспекты ведущегося расследования, ища наиболее рациональный путь. Несколько раз он возвращался мысленно к пропавшему слуге, Квамису, и вскоре понял, что существует какая-то параллель между именем слуги и чудодеем из старых документов Миссвамакусом.

Квамис, или Квамус, — мальчик писал его в обоих вариантах — в последнем имел два из четырех слогов имени индейского мудреца, и, хотя многие индейские имена похожи, была велика вероятность того, что сходство фамилий подчинялось некоему правилу.

Так, размышляя, он пришел к выводу, что в холмистой местности, окружавшей Данвич, могли жить дальние родственники или потомки Квамиса; то, что его собственные соплеменники могли откреститься от него сто и более лет назад, не волновало Дюарта. Завтра, если позволит погода, можно продолжить расследование. Приняв такое решение, Дюарт отправился спать.

Он хорошо выспался, хотя дважды за ночь беспокойно ворочался и просыпался с чувством, что сами стены следят за ним.

Утром, ответив на письма, которые уже несколько дней лежали, ожидая, пока он выкроит на это время, он отправился в Данвич. Небо было закрыто облаками, дул легкий восточный ветер, предвещавший дождь. С переменной погоды лесистые холмы с каменистыми вершинами — характерная черта округи — казались темными и зловещими. Здесь, вдали от больших дорог, где редко встретишь случайного путника, потому что местность была глухая, а также потому, что от оставленных домов веяло духом загнившей гнили, дорога часто сужалась до размеров колеи, с буйно разросшимися сорняками, кустами ежевики и высокими травами, лезущими вдоль каменных стен, тесно стоящих вдоль проселка.

Проехав лишь небольшую часть пути, Дюарт остро по-

чувствовал враждебное своеобразие этих мест, резко отличавшихся даже от окрестностей древнего Архама с его причудливыми крышами: холмы Данвича перемежались глубокими оврагами и ущельями, через которые были перекинуты шаткие мостки, ветхие от старости; да и сами холмы были почему-то увенчаны камнями, хотя и сильно замшелыми, что наводило на мысль, что эти каменные короны — дело рук человеческих, может, десятилетней, а может, и вековой давности. Теперь, на фоне темнеющих облаков, холмы представляли как какие-то причудливые лица, злобно смотрящие на одинокого путешественника, машина которого осторожно едет по колеям проселочных дорог и ветхим мостам.

Дюарта охватило странное чувство, когда он заметил, что даже листва, казалось, распускалась неестественно, и, хотя он объяснял это тем, что природа отвоевала назад землю, столь явно заброшенную теми, кто ею владел, было все же непонятно, почему виноградники здесь настолько длиннее, кустарники настолько гуще, даже когда они росли на удаленных склонах его собственной земли. Мало этого, змееподобно извивающаяся река Мискатоник, несмотря на то что Дюарт уехал в сторону от нее, появилась теперь перед его взором. Ее воды были здесь вдвое темнее обычного, с каменистыми лугами и заросшими сочной растительностью болотами, в которых, несмотря на сезон, трубили огромные лягушки.

Он ездил уже почти час по местности, совершенно не похожей на знакомый ему типичный восточноамериканский пейзаж, когда он прибыл к группе домов, которые, собственно, были Данвичем, хотя на это ничто не указывало, так как большинство заброшенных домов в той или иной степени развалились. Церковь с разрушившейся колокольней после быстрого осмотра показалась Дюарту единственным годным строением в поселке. Он подъехал к ней и припарковал машину вдоль пешеходной дорожки. Смерив оценивающим взглядом двух стариков в поношенной одежде, прислонившихся к зданию, определил их умственную и физическую убогость и отсутствие надлежащего воспитания, Дюарт все же обратился к ним:

— Кто из вас знает об индейцах, оставшихся здесь?

Один из стариков отделился от здания и шаркающей походкой приблизился к машине. У него были узкие глаза, глубоко сидящие на пергаментном лице, и руки, как заме-

тил Дюарт, сильно напоминавшие когтистые лапы. Дюарт думал, что старик подошел, чтобы ответить на его вопрос, и нетерпеливо наклонился вперед, так, что на его лицо больше не падала тень от крыши.

Он был неприятно удивлен, когда «источник информации» испуганно отпрянул назад.

— Лютер!— позвал он дрожащим голосом старика, стоявшего сзади.— Лютер! Иди сюда!

Второй силился рассмотреть Дюарта через его плечо. Первый показал на машину:

— Ты помнишь картинку, которую нам тогда показал мистер Джайлз?— продолжал он возбужденно.— Это он, вот те крест! Он очень похож, да? Пора, Лютер, пришло время, о котором говорят: когда он вернется, второй вернется тоже.

Второй старик дернул его за пиджак:

— Погоди-ка, Сет. Не спеши особенно. Спроси у него про условный знак.

— Знак!— воскликнул Сет.— У тебя есть условный знак, незнакомец?

Дюарту, который никогда в жизни не встречался с подобными созданиями, стало не по себе. Потребовалось немалое усилие, чтобы не показать отвращения, но он не мог скрыть надменности, прозвучавшей в его голосе.

— Я ищу следы старых индейских семей,— кратко сказал он.

— Здесь ни одного индейца не осталось,— ответил тот, кого звали Лютер.

Дюарт решил вкратце объяснить ситуацию. Он не ожидал найти здесь индейцев. Но он думал обнаружить одну-две семьи от смешанного брака. Он объяснил это, ища самые простые слова, чувствуя себя очень неуютно под пристальным взглядом Сета.

— Как, говоришь, его звали, Лютер?— вдруг спросил он.

— Биллингтон, вот как!

— Твое имя Биллингтон?— дерзко спросил Сет.

— Мой прапрадед звался Илия Биллингтон,— ответил Дюарт.— Так, а что касается этих семей...

Не успел он произнести имя, как поведение обоих стариков совершенно изменилось. Из простых любопытствующих обывателей они превратились чуть ли не в великолепно заискивающих слуг.

— Езжайте по дороге к Лошине и остановитесь у первого дома на этой стороне Родниковой Лощины. В нем живут Бишопы. В них индейская кровь, а может быть, обнаружите и что-нибудь еще, о чем не спрашивали. И уезжайте оттуда до того, как закричит козодой или заквакают лягушки, а то непременно заплутаете и начнете слышать странные шорохи и разговоры. Конечно, в вас кровь Биллингтонов и вам это, может, все равно, но я обязан предупредить, хотя вы и не спрашивали об этом.

— А где дорога к Родниковой Лошине?— спросил Дюарт.

— Второй поворот. И следите, куда идет дорога, далеко не заезжайте. Это будет первый дом на этой стороне Родниковой Лощины. Если миссис Бишоп дома, она наверняка расскажет вам то, что вы хотите знать.

Дюарту хотелось уехать тотчас же. Его воротило при виде этих стариков, которые не только были неопрятны, но и несли на себе клеймо уродливости с рождения, с их безобразной формой ушей и глазных впадин; однако его раздрало любопытство: откуда им известно имя Биллингтона?

— Вы упомянули Илию Биллингтона,— сказал он.— Что о нем говорят люди?

— Извините, если что не так, мы ничего плохого не говорили,— поспешно сказал Лютер.— Вы езжайте по дороге к Лошине, езжайте.

На лице Дюарта появилось нетерпеливое выражение.

Сет чуть вышел вперед и извиняющимся тоном объяснил:

— Видите ли, вашего прапрадеда очень уважали в наших краях, а у миссис Джайлз был его портрет, нарисованный каким-то ее знакомым, и вы выглядите, как он, точь-в-точь. Они все говорили, что Биллингтон вернется в тот дом в лесу.

Дюарту пришлось довольствоваться этим; он чувствовал, что старики ему не доверяют, но не испытывал опасений насчет дороги, которую они ему указали. Он легко нашел поворот, ведущий к Родниковой Лошине, и, проехав между холмами под темнеющим небом, в конце концов добрался до родника, который дал имя лошине, и повернул туда, где находился дом Бишопов. Через некоторое время он увидел приземистое строение с выцветшей побелкой, как ему показалось вначале, в стиле греческого Возрожде-

ния, но затем, когда подошел ближе, он понял, что дом был гораздо старше. На то, что дом принадлежал Бишопам, указывала грубо нацарапанная надпись на одном из столбов калитки, настолько потрепанная ветрами и дождями, что ее с трудом можно было прочесть. Он прошел по заросшей тропинке, осторожно поднялся на старое крыльцо и постучал в дверь. Душу его наполнили дурные предчувствия, так как место выглядело настолько заброшенным, что казалось нежилым.

Но он услышал голос — старческий женский голос, — предложивший ему войти и рассказать о своем деле.

Он открыл дверь, и в нос ему ударил тошнотворный, зловонный запах. В комнате царил мрак: ставни закрыты, никакого освещения не было. Только благодаря приоткрытой двери ему удалось различить фигуру старой женщины, сгорбившейся в кресле-качалке; ее седые волосы чуть ли не светились в темноте комнаты.

— Сядь, незнакомец, — сказала она.

— Миссис Бишоп? — спросил он.

Она кивнула, и он, с несколько излишней горячностью, начал свой рассказ о том, что ищет потомков старых индейских родов. Ему сказали, что она, возможно, та, кто ему нужен.

— Вы не ошиблись, сэр. В моих жилах течет кровь на-
рагансетов, а до этого вампанаугов, которые были больше
чем индейцы. — Она засмеялась старушечьим смехом. —
Ты похож на Биллингтона, похож!

— Говорят, что да, — сухо сказал он. — Я из рода Бил-
лингтонов.

— Родня Биллингтона ходит, ищет, выведывает про
индейскую кровь. Значит, вы ищете Квамиса?

— Квамиса! — вырвалось у Дюарта. Он сразу сообра-
зил, что каким-то образом судьба Биллингтона и его слуги
Квамиса известна миссис Бишоп.

— Да, незнакомец, ты вздрагиваешь и вскакиваешь!
Но тебе незачем искать Квамиса. Он не возвращался и не
вернется никогда. Он ушел отсюда и никогда не захочет
сюда вернуться.

— Что вы знаете об Илии Биллингтоне? — спросил он
резко.

— Спрашивай, спрашивай. Я ничего не знаю, кроме то-
го, что у нас передается из поколения в поколение. Илия
знал больше, чем простой смертный. — Она вновь рассме-

ялась ворчливым старческим смехом. — Он знал больше, чем положено человеку. Магию и старое письмо. Мудрым человеком был Илия Биллингтон; у вас хорошая кровь, способности к некоторым вещам. Кстати, ты не бывал еще у вдовы старого Джайлза? У нее есть портрет — потому-то я и узнала тебя... Но тебе не сделать того, что делал Илия, и помни: не трожь камень и держи дверь запертой, чтобы те, снаружи, не вошли.

По мере того как старуха говорила, странное чувство опасности начало заползать в душу Амброза Дюарта. Дело, за которое он взялся с таким энтузиазмом, выйдя из царства выцветших старых книг и газет в земной, реальный мир (если эту старую деревушку позволительно считать таковой) начало обретать черты не только зловещей, но и безымянной беды. В старой ведьме, окутанной темнотой, которая успешно скрывала ее черты от Дюарта, но позволяла ей видеть его и, подобно двум старикам в деревне, обнаружить его сходство с Илией Биллингтоном, ему стало мерещиться нечто демоническое; ее старческий смех был почти непристоен: тонкий звук, подобный тем, что издают летучие мыши; ее слова, выговариваемые так небрежно, казались Дюарту, который вообще-то не был мнительным, наполненными странным и ужасным смыслом, и он не мог отрешиться от новых пугающих ощущений, хотя по натуре не был легковерным. Слушая ее, он говорил себе, мол, где же еще бытовать столь странным концепциям и суевериям, как не в такой глуши, как массачусетские холмы. Однако дело было явно не в суевериях: от миссис Бишоп исходила убежденность в скрытом знании и вдобавок очень беспокоившее его чувство тайного, чуть ли не презрительного превосходства.

— В чем они подозревали моего прапрадеда?

— Вы не знаете?

— Колдовство?

— Потворство дьяволу? — она опять захихикала. — Хуже! Что-то такое, чего никто не может объяснить. Но Это не трогало Илию, когда бродило по холмам, и вопило, и устраивало всю эту адскую музыку. Илия звал Его, и Оно приходило; Илия отсылал Его, и Оно уходило. Оно ушло туда, где ждет, таится, выжидает своего часа уже сто лет, чтобы открылась дверь и Оно могло выйти и опять гулять среди холмов.

Туманные объяснения старухи звучали знакомо: Дюарт

знал кое-что о колдовстве и демонах. И все же в ее словах было что-то далекое даже от этого.

— Миссис Бишоп, вы когда-нибудь слышали о Мисквамакусе?

— Он был великий мудрец из племени вампанугов. Я слышала о нем от бабушки.

— И этот мудрец, миссис Бишоп...

— О, можете не спрашивать. Он знал. Биллингтоны были и в его время, вы прекрасно знаете. Мне незачем вам рассказывать. Я старая женщина. Скоро уже меня не будет на земле. Мне не страшно говорить. Но вы все найдете в книгах.

— Каких книг?

— В книгах вашего прапрадедушки; вы все найдете там. Если вы умеете их читать, они скажут вам, как Это отвечало с холма и как Оно вышло из воздуха, как бы прилетело со звезд. Но у вас не получится, как у него. А если получится, помилует ли вас Тот, чье имя нельзя называть? Он ждет снаружи и полон сил, как будто Его послали обратно только вчера. Для этих вещей нет такого понятия, как время. И такого, как пространство, тоже нет. Я бедная женщина, я старая женщина, я недолго пробуду на земле, но я вам говорю: я вижу Их тени вокруг вас, где вы сидите. Они порхают и прячутся вокруг. И ждут. Не вздумайте выходить и кричать среди холмов.

Дюарт слушал с возрастающим беспокойством. У него по спине поползли мурашки. Сама старуха, обстановка, звук ее голоса — все было жутким. Несмотря на то, что он находился в стенах этого старого дома, Дюарт почувствовал давящее и зловещее вторжение тьмы и нависающей над ним ужасной тайны холмов, увенчанных камнями. У него появилась жуткая и непонятная уверенность в том, что нечто смотрит на него, как если бы старики из Данвича следовали за ним вместе с огромной молчаливой компанией за их спинами, подслушивая разговор. Вдруг комната показалась ему наполненной живыми существами, и в мгновение, когда Дюарт попал в ловушку своего воображения, голос старухи вновь сменился ужасным старческим хихиканьем.

Он резко встал.

Чувство отвращения, которое он испытывал, видимо, передалось старой карге. Ее хихиканье сразу оборвалось, а голос зазвучал подобострастно и жалобно:

— Не делайте мне вреда, хозяин. Я старая женщина, и мне недолго осталось жить на этой земле.

Столь явное свидетельство того, что его бояться, странно позабавило и одновременно встревожило Дюарта; он не привык к раболепию, и это подобострастное отношение несло в себе что-то тошнотворно-пугающее, чуждое его натуре. Он знал, что причиной тому не страх перед ним, а легенды о старом Или, и это было вдвойне отвратительно.

— Где я могу найти миссис Джайлз? — коротко спросил он.

— На другом конце Данвича. Она живет одна с сыном. Говорят, что он немножко тронутый.

Не успел он ступить на крыльцо, как опять услышал за спиной мерзкое хихиканье миссис Бишоп. Преодолевая отвращение, он остановился и прислушался. Хихиканье постепенно уступило место бормотанию, но, к величайшему удивлению Дюарта, старая карга говорила не на английском, а на каком-то гортанном языке, звучавшем безмерно пугающе в заросшей долине среди холмов. Он слушал, несколько оробев, но с возрастающим любопытством, стараясь запомнить то, что бормотала старуха. Он примерно определил, что эти звуки являлись сочетанием хрюкающих слогов и придыхательных согласных, — это было ни на что не похоже. Он даже попытался записать их на обратной стороне конверта, извлеченного из кармана, но, перечитав написанное, он осознал, что перевести эту галиматью невозможно. «Н'гей, н'гэ' гаа, шоггог, й'аа, Ньярла-то, Ньярла-тотеп, Йог-Сотот, н-йа, н-йа». Бормотание продолжалось еще некоторое время, но он бросил записывать, так как это было простое повторение и перестановка примитивных слогов. Смотря на свои записи, Дюарт был совершенно сбит с толку. Женщина явно была почти неграмотной, суеверной и доверчивой, но эти странные образчики фонетики предполагали знание какого-то иностранного языка, и, исходя из опыта своей учебы в колледже, Дюарт был почти уверен, что они имели не индейское происхождение. Он с некоторым сожалением подумал о том, что, вместо того чтобы больше узнать о своем предке, он, похоже, все глубже погружался в водоворот тайны или, вернее, тайн. Отрывочные речи миссис Бишоп задавали новые загадки, которые казались никак не связанными с другими вещами, за исключением туманного намека на Илию Биллингтона или по крайней мере на само имя «Биллингтон», как если бы это был химический катализатор, заставляющий выпадать в осадок ливень воспо-

минаний, значение и смысл которых нельзя было уловить из-за отсутствия общей конструкции.

Он аккуратно сложил конверт, чтобы не помять свои записи, сунул его опять в карман. Теперь, когда в доме наступила тишина, сравнимая с утихшим ветром в кронах деревьев, росших у дома, он направился к машине и поехал обратно по дороге, по которой приехал, через деревню, где темные, молчаливые фигуры скрытно и пристально наблюдали за ним из окон и дверных проемов, туда, где, как он полагал, находился дом миссис Джайлз. «На другом конце Данвича», как туманно выразилась миссис Бишоп, стояли три дома, подходящих под это определение.

Он попытал счастья в среднем, но на стук никто не ответил. Тогда он отправился к последнему из трех в длинном ряду, соответствовавшем трем кварталам Архама. Его приближение не прошло незамеченным. Едва он повернул к третьему дому, как большая сгорбленная мужская фигура выскочила из кустов, росших вдоль дороги, и побежала к дому, громко крича:

— Ма! Ма! Он идет!

Дверь открылась и поглотила его. Дюарт, размышляя о растущих свидетельствах упадка и вырождения в этой Богом забытой деревушке, решительно последовал за ним. Крыльца не было; дверь находилась точно в середине унылой, некрашеной стены. Дом выглядел хуже сарая, почти отталкивающе своей нищетой и убогостью. Дюарт постучал.

Дверь открылась, и он увидел женщину.

— Миссис Джайлз? — он приподнял шляпу.

Она побледнела. Он почувствовал ее резкую досаду, но решил не отступать. Любопытство было сильнее.

— Я не хотел напугать вас, — продолжал он. — Правда, я не мог не заметить, что мое появление пугает жителей Данвича. Миссис Бишоп оно тоже напугало. Но она оказалась настолько любезной, что сказала мне, кого я ей напоминаю. Моего прапрадеда. Она сказала также, что у вас есть портрет, который я могу посмотреть.

Миссис Джайлз отступила назад, ее длинное узкое лицо было уже не таким мертвенно-бледным. Уголкем глаза Дюарт заметил, что рука, которую она держала под своим фартуком, сжимала крошечную фигурку. Он видел ее только одно мгновение, когда сквозняк приподнял фартук,

но и этого было достаточно, чтобы узнать в ней что-то родственное колдовским амулетам, найденным в германском Шварцвальде, некоторых частях Венгрии и на Балканах: амулет, охраняющий от духов.

— Не вздумай впустить его, ма!

— Мой сын не привык к чужим людям,— сказала миссис Джайлз.— Если вы немножко посидите, я достану картинку. Она была нарисована много лет назад и перешла ко мне от моего отца.

Дюарт поблагодарил и сел.

Она исчезла в другой комнате, где, как он слышал, она пыталась успокоить своего сына, чей испуг был еще одним подтверждением общего отношения к нему в Данвиче. Но, возможно, так относились вообще ко всем чужакам, забредавшим в давно всеми брошенную и забытую страну холмов. Миссис Джайлз вернулась и сунула рисунок ему в руки.

Он был грубым, но выразительным. Даже Дюарт был поражен, ведь, учитывая, что художник, выполнивший портрет более века назад, не был профессионалом, чувствовалось явное сходство между Дюартом и его прапрадедом. На грубом графическом наброске узнавались та же квадратная челюсть, те же внимательные глаза, тот же римский нос, хотя у носа Илии Биллингтона на левой стороне была бородавка, а его брови были более кустистыми. «Но ведь он,— подумал зачарованный Дюарт,— был намного старше».

— Вы могли бы быть его сыном,— сказала миссис Джайлз.

— У нас дома нет его изображений,— объяснил Дюарт.— Мне очень хотелось увидеть, какой он.

— Можете взять, если хотите.

Первым порывом Дюарта было принять этот дар, но он сознавал, что, как мало он ни значил для нее, портрет имел сам по себе ценность тем впечатлением, которое производил на других. Держать его у себя Дюарту было незачем. Он покачал головой, не отрывая взгляда от рисунка, впитывая в себя каждую черточку внешности своего прапрадеда, затем вернул ей и с серьезным видом поблагодарил.

Осторожно, явно колеблясь, мальчик-переросток прокрался в комнату и теперь стоял на пороге, готовый сразу сбежать при малейшем проявлении неприязни со стороны Дюарта. Дюарт скользнул по нему взглядом и увидел, что

это был не мальчик, а мужчина лет тридцати; его нечесанные волосы обрамляли безумное лицо; глаза испуганно и зачарованно смотрели на Дюарта.

Миссис Джайлз тихо стояла, ожидая, что он будет делать дальше; она явно хотела, чтобы он ушел. Он сразу встал — при этом движении сын хозяйки убежал внутрь дома, — поблагодарил ее вновь и вышел, отметив про себя, что все время, пока он был в помещении, женщина так и не выпустила из рук амулета, защищающего от злых чар, или какую-то другую вещь, которую она сжимала под фартуком с такой решительностью.

Теперь ему ничего не оставалось, как оставить данвичскую округу. Он делал это без сожаления, несмотря на разочарования, которые его постигли, хотя портрет его предка, нарисованный с натуры, был по крайней мере частичной компенсацией за потраченное время и усилия. И все же его вылазка в эти места поселила в нем необъяснимое чувство беспокойства в сочетании с каким-то физическим отвращением, которое, видимо, коренилось не только в противном привкусе, оставшемся от бросающегося в глаза запустения и вырождения региона. Он не мог себе этого объяснить. Сами по себе жители Данвича были отталкивающими; это была явно какая-то особая раса, со всеми признаками врожденных уродств и физиологических аномалий, — взяты хотя бы поразительно плоские уши, так тесно прижатые к голове, выступающие и расширяющиеся книзу, как у летучих мышей; бесцветные выпученные глаза, почти рыбы; широкие дряблые рты, напоминающие лягушачьи. Но не только люди и местность произвели на него такое тягостное впечатление. Было еще что-то, нечто присущее самой атмосфере этих мест, невероятно древнее и зловещее, предполагающее кошмарные богопротивные и невероятные вещи. Страх и ужас, смешанные с отвращением, казалось, стали осязаемыми, олицетворились в скрытой от глаз долине; похоть, жестокость и отчаяние превратились в неотъемлемую часть существования; насилие, злоба, извращение стали образом жизни; и над всем этим царило проклятие безумия, поражавшего всех без исключения, безумия окружающей среды, которое было тем более пугающим, что с самого момента рождения подавляло человеческую волю. Отвращение Дюарта имело и другую причину: он был неприятно поражен явным страхом жителей Данвича перед его персоной. Как ни пытался

он убедить себя, что это был их обычный страх перед всеми пришельцами, он знал: они боялись его, потому что он был похож на Илию Биллингтона. И потом, это непонятное предположение того старого бездельника, Сета, который крикнул своему товарищу, Лютеру, что «он» «пришел», с такой очевидной серьезностью, что было ясно — оба действительно верили: Илия Биллингтон может вернуться и вернется в места, которые он покинул, чтобы умереть естественной смертью в Англии более века назад.

Дюарт ехал домой, почти не замечая нависшей темноты бесконечных холмов, сумрачных долин и хмуращихся облаков, слабого мерцания Мискатоника, отражавшего узкий просвет неба. Он перебирал в уме тысячи возможностей, сотни путей расследования; и вдобавок, как ни странно, чувствовал что-то скрытое за его сиюминутными заботами — растущее убеждение в том, что он должен оставить всякие дальнейшие попытки узнать, почему Илия Биллингтон внушал такой страх не только невежественному дегенерату, потомку жителей Данвича своего времени, но и белым людям, образованным и не очень, среди которых он когда-то жил.

На следующий день Дюарт был вызван в Бостон своим кузеном, Стивеном Бейтсом, которому была доставлена последняя партия его вещей из Англии; поэтому он провел два дня в этом городе, занимаясь перевозкой скарба в дом недалеко от Эйлсберской дороги за Архамом. На третий день он был в основном занят тем, что открывал упаковочные ящики и контейнеры и расставлял содержимое по всему дому. С последней партией пришел и набор инструкций, данных ему матерью, к которой они перешли от Илии Биллингтона. После своих недавних расследований Дюарту особенно не терпелось посмотреть вновь этот документ, поэтому, разобравшись наконец со всеми более крупными предметами, он взялся искать его, помня, что, когда его мать передала ему инструкции, они были запечатаны в большом конверте из манильской бумаги, на котором рукой ее отца было проставлено ее имя.

Он истратил почти час, роясь в различных документах и какой-то подборке писем, пока не нашел необходимый коричневатый конверт, и сразу сорвал печать, которую его мать поставила, прочитав ему инструкции за две недели до своей смерти, случившейся несколько лет назад. Он решил, что это не был оригинальный документ, собственно-

ручно написанный Илией, а копия, сделанная, возможно, Лааном уже в старости. Если так, то инструкциям, которые он держал в руках, было значительно меньше ста лет. Однако там стояла подпись Илии, и было сомнительно, чтобы Лаан взялся что-то изменить.

Дюарт перенес кофейник в кабинет и, потягивая кофе, разложил перед собой инструкции и начал читать. Документ не был датирован, но текст, написанный ясным, разборчивым почерком, читался без труда.

«Что касается американской собственности в штате Массачусетс, то я заклинаю всех, кто будет после меня, что упомянутую собственность целесообразнее всего хранить в семье по причинам, которые лучше не знать. Хотя я считаю маловероятным, что кто-то опять отъедется к берегам Америки, но, если такое все же случится, я заклинаю того, кто вступит в эту собственность, соблюдать определенные правила, смысл которых обнаружится в книгах, оставленных в доме, известном как дом Биллингтона в лесу, известном под именем Биллингтоновой роуи, а именно:

— Он не должен останавливать течение воды вокруг острова, где находится башня, не должен трогать башню, не должен просить камни.

— Не должен открывать дверь, ведущую в незнание ему время и место, не должен ни приглашать То-го, Кто Таится у Порога, ни вызывать к холмам.

— Не должен беспокоить лягушек, в особенности жаб, в болоте между башней и домом, ни летающих светляков, ни козодоев, чтобы не оставлять свои замки и запоры.

— Не должен пытаться изменить или переделать окно каким-либо образом.

— Не должен продавать или другим каким-либо образом распоряжаться собственностью без внесения специальной статьи, оговаривающей, что ни остров, ни башня, ни окно не должны подвергаться каким-либо изменениям, за исключением того, что вышеуказанное может быть разрушено».

Подпись была полностью скопирована: *«Илия Финеас Биллингтон».*

В свете уже имевшейся у него информации, как ни отрывочна она была, этот сравнительно краткий документ был далеко не пустячным. Дюарту довольно трудно было

объяснить себе беспокойство прапрадеда за башню, которая, несомненно, была той самой башней, которую он обследовал, за участок болота и окно, которое тоже наверняка было тем окном в кабинете. Дюарт с интересом посмотрел на окно, пытаясь определить, почему оно требовало такого осторожного обращения. Узор был интересным: он состоял из концентрических кругов с лучами, расходящимися из центра, а разноцветное стекло, обрамлявшее центральную часть, делало ее особенно яркой сейчас, когда на него перпендикулярно падали лучи послеполуденного солнца. Глядя на него, он заметил чрезвычайно интересную вещь: казалось, что круги двигались, вращались; линии лучей дрожали и извивались; на окне начинало образовываться нечто вроде портрета или какой-то сцены. Дюарт зажмурил глаза и потряс головой, пытаясь стряхнуть наваждение, затем снова поднял взгляд. Ничего странного не было. Окно было на месте. Однако мгновенное впечатление было таким ярким, что Дюарт не мог не почувствовать, что он либо переутомился, либо выпил слишком много кофе, а может быть, и то и другое, ибо он принадлежал к той породе людей, которые могут постепенно выпить весь кофейник, предпочитательно без молока, но с обильным количеством сахара.

Он отложил документы и отнес кофейник в кухню. Возвратившись, он опять посмотрел на витраж. Теперь в кабинете стало сумеречно. Солнце за чередой деревьев уходило к западу, и окно было освещено пламенеющим бронзово-золотистым светом. «Возможно, — думал про себя Дюарт, — что в этот час солнечный свет мог сыграть со мной такую шутку, вызвав игру воображения». Он оторвал взгляд от окна и спокойно продолжил свою работу: положил инструкции в манильский конверт, убрал его на место в стопке документов и стал дальше приводить в порядок ящики и коробки с письмами и другими бумагами.

За этим занятием он провел сумеречный час.

Закончив эту весьма утомительную работу, он потушил лампу и зажег небольшое бра в кухне. Он намеревался выйти на короткую прогулку, так как вечер был хороший и мягкий. От травы или кустов, горевших где-то около Архама, поднимался легкий дымок; на западе низко висела прибывавшая луна, но, когда он шел через весь дом к выходу и проходил через кабинет, ему опять бросился в глаза витраж окна.

Он остановился как вкопанный. Благодаря какой-то игре света на стеклах в окне образовалось изображение уродливой головы. Дюарт стоял как зачарованный. Он мог различить глаза или глазные ямы и то, что определенно было чем-то вроде рта, а также огромный куполоподобный лоб; однако на этом сходство с человеком кончалось, и туманные очертания формировали изображение, напоминавшее отвратительные щупальца. На этот раз, сколько Дюарт ни зажмуривал и ни протирал глаза, ужасное уродливое существо не исчезало. «Сначала солнце, теперь луна», — подумал Дюарт, рассудив, что его прапрадед специально заказал окно с подобной конструкцией.

Однако это очевидное объяснение его не удовлетворило. Он подвинул стул к полкам книжного шкафа, находившегося под окном, со стула взобрался на самый верх добротного шкафа и встал перед окном, намереваясь осмотреть каждое стекло. Но едва он сделал это, как все окно, казалось, ожило, как если бы лунный свет превратился в колдовской огонь, а призрачные очертания вдруг наполнились злобной жизнью.

Иллюзия исчезла так же быстро, как и появилась. Он испытал некоторое потрясение, но не более. К счастью, центральный круг окна, напротив которого он стоял, был из обычного прозрачного стекла, и оттуда на него глядела луна. А между окном и луной, странно белая, возвышалась башня, стоявшая в ущелье, окруженная высокими и темными деревьями и различимая только через этот прозрачный участок стекла, туманно мерцающая в тусклом свете луны. Он напряг зрение. То ли у него действительно что-то было не в порядке с глазами, то ли он все же увидел нечто темное и неопределенное вокруг башни; не у основания, которого он не мог видеть, а у конической крыши. Дюарт попытался стряхнуть с себя наваждение: конечно, лунный свет и, возможно, пары, поднимавшиеся из болота за домом, могли формировать самые необычные сочетания образов.

Однако он был встревожен. Он слез с книжного шкафа и, подойдя к порогу кабинета, оглянулся. Окно слабо светило — и больше ничего. По мере того как он смотрел на него, свечение ослабевало. Это соответствовало удаляющемуся свету луны, и Дюарт почувствовал некоторое облегчение. Разумеется, вал впечатлений, обрушившихся на него этим вечером, вполне мог поколебать его душевное равновесие, но он убеждал себя в том, что необъяснимые

инструкции прапрадеда также послужили тому, чтобы привести его в такое состояние.

Он вышел на прогулку, как и планировал, но из-за темноты, наступавшей по мере того, как исчезала луна, он пошел не в лес, а вдоль дороги, ведущей к Эйлсберскому большаку. Однако Дюарту постоянно казалось, что он не один, что за ним следят, и он время от времени посматривал украдкой на деревья, за которыми могло быть какое-то животное или светящиеся глаза, выдающие его присутствие. Теперь, после захода луны, над головой Дюарта все ярче светили звезды.

Он вышел на Эйлсберский большак. Вид и шум пронесившихся машин действовал на него успокаивающе. Он думал о том, что нельзя быть все время одному и надо как-нибудь побыстрее пригласить своего кузена Стивена Бейтса приехать и провести с ним пару недель. Стоя у дороги, он увидел слабое оранжевое свечение на горизонте, поднимавшееся в направлении Данвича, и ему показалось, что он слышит звуки перепуганных голосов. Он решил, что там загорелось какое-нибудь старое ветхое здание, и наблюдал за свечением, пока оно не ослабло. Затем он повернулся и пошел тем же путем обратно.

Ночью он проснулся, охваченный сознанием того, что за ним кто-то следит, но чувствуя, что этот кто-то не желает ему зла. Он спал беспокойно и, проснувшись, не чувствовал себя отдохнувшим, как если бы он вообще не спал, а большую часть ночи провел на ногах. Одежда, аккуратно сложенная им на стуле перед тем, как лечь спать, была в беспорядке, хотя он не помнил, чтобы вставал среди ночи и брал ее.

В доме не было электричества, и Дюарт имел маленький радиоприемник на батарейках, которым он пользовался очень экономно, изредка, чтобы послушать музыку, но довольно регулярно слушал программы новостей, особенно утреннее повторение передачи из Британской империи, пробуждавшей его затаенную ностальгию ударами колокола Биг Бена, возвращавшей его в Лондон с его желтыми туманами, древними строениями, причудливыми переулками и живописными проездами. Передаче предшествовали краткие новости о текущих событиях в стране и штате, передававшиеся из Бостона, и этим утром, когда Дюарт включил приемник, чтобы услышать новости из Лондона, в эфире все еще шла передача новостей штата.

Сообщалось о каком-то преступлении. Дюарт слушал невнимательно и несколько нетерпеливо.

«...Тело обнаружено час назад. Ко времени начала нашей передачи труп еще не был опознан, но похоже, что это житель сельской местности. Вскрытия еще не проводилось, но тело сильно искалечено, как будто волны били его долгое время о скалы. Однако, поскольку тело было обнаружено на берегу, вне досягаемости волн, и было сухим, преступление, по-видимому, произошло на суше. Тело выглядит так, как будто оно было сброшено с пролетающего самолета. Один из участников медицинской экспертизы указал на определенное сходство этого убийства с почерком ряда преступлений, совершенных в этом регионе более ста лет назад».

Видимо, это было последнее сообщение из сводки местных новостей, так как диктор сразу же объявил передачу из Лондона, которая, разумеется, должна была вестись в записи из Нью-Йорка. Но сообщение об этом преступлении, совершенном в здешних местах, чрезвычайно подействовало на Дюарта. Обычно, в силу особенностей его натуры, такие вещи его мало впечатляли, хотя он и питал некоторый интерес к криминалистике, но тут у него появилось пугающее предчувствие, почти уверенность, что за этим преступлением последует цепь аналогичных преступлений в стиле Джека Потрошителя в Лондоне или убийств Тропмана. Он почти не слушал передачу из Лондона: он размышлял о том, что стал более чувствительным к настроениям, атмосфере, событиям с тех пор, как переселился в Америку; ему хотелось знать, как это он потерял свое прежнее неизменное хладнокровие.

Этим утром он намеревался еще раз посмотреть инструкции своего прапрадеда. Позавтракав, он вновь достал конверт из манильской бумаги и принялся за работу, пытаясь извлечь из написанного какой-то смысл. Он начал обдумывать эти то ли «правила», то ли «указания». Он не мог «остановить течение воды», потому что вода уже давно не текла вокруг острова с башней, а насчет того, чтобы «не трогать башню», так он уже «тронул» ее, вынув вставленный туда камень. Но что, черт возьми, имел в виду Илия, заклиная его «не просить камни»? Какие камни? Дюарту ничего не приходило на ум, разве что те осколки, напоминавшие ему о Стоунхендже. Если Биллингтон писал об этих камнях, то как же он представлял себе, что кто-то мо-

жет их «просить», как будто они мыслящие существа? Он не мог этого понять; может быть, кузен Стивен Бейтс объяснит, когда приедет, если Дюарт не забудет ему это показать?

Он продолжил чтение.

О какой двери говорит прапрадед? В сущности, все завешание было головоломкой. Он не должен открывать дверь, ведущую в незнакомое ему время и место; приглашать «Того, Кто Таится у Порога»; взывать к холмам. Что могло быть более необъяснимым? Напрашивается вывод, что нынешнее время, настоящее, было незнакомо Илию, думал Дюарт. Может быть, Илия имел в виду, что Дюарт, живущий в настоящем, не должен был пытаться что-либо узнать о времени, в котором жил Илия?

Это казалось очевидным, но если так, то нужно учитывать, что Илия подразумевал нечто совершенно другое под «незнакомым местом». «Тот, Кто Таится у Порога» звучало зловеще, и Дюарт без всяких шуток представлял себе, что появление «таящегося у порога» должно сопровождаться боем цимбал и горластыми раскатами грома. Какой порог? Кто таится? И, наконец, что, черт возьми, имел в виду Илия, заклиная своего наследника не взывать к холмам? Дюарт представил себе, как он или еще кто-то стоит в лесу и взывает к холмам. Это трудно вообразить даже в шутку, в этом есть что-то нелепо-абсурдное. Это тоже надо показать кузену Стивену.

Он перешел к третьему заклинанию. У него не было никакого желания или склонности тревожить лягушек, светляков или козодоев, так что в этом отношении он вряд ли нарушит инструкцию, но «чтобы не оставлять свои замки и запоры!» О небо! Существовало ли когда-нибудь что-либо более бестолковое, неясное и двусмысленное? Какие замки? Какие запоры? Поистине прапрадедушка говорил загадками. Да и хотел ли он, чтобы его наследник искал объяснения этим загадкам? И если да, то как? Не подчиниться его просьбам-заклинаниям и ждать, что что-то произойдет? Это не казалось Дюарту ни мудрым, ни эффективным.

Он опять отложил документ. В нем росло негодование — куда ни кинь, всюду клин: чем больше он узнавал, тем больше заходил в тупик. Было совершенно невозможно сделать какие-либо выводы из собранной информации, разве что догадаться, что старый сварливый Илия

явно занимался деятельностью, которую не одобряли местные жители. У Дюарта даже появилась мысль, что дело может быть в контрабанде, переплавляемой, допустим, вверх по течению Мискатоника и его притокам к башне.

Большую часть оставшегося дня Дюарт занимался грузом, который он распаковывал днем раньше. Нужно было заполнить бланки, заплатить по счетам и все проверить. Проглядывая список, написанный почерком его матери, — список ее вещей, который он раньше никогда не видел, он дошел до пункта, помеченного «*Пакет с письмами Бишоп к И.Ф.Б.*». Имя «Бишоп» вновь напомнило ему о старой ведьме из Данвича. Пакет оказался под рукой. На нем была надпись «*Письма Бишоп*», сделанная незнакомыми ему неразборчивыми каракулями, но абсолютно недвусмысленная.

Он открыл пакет, в котором лежали четыре письма без конвертов, как было принято много десятилетий назад. На них не было марок, зато стоял штамп об уплате почтового сбора и остатки сломанных печатей. Письма были пронумерованы тем же почерком и лежали согласно порядковым номерам. Дюарт осторожно открыл первое письмо; все письма были на добротной бумаге и написаны очень мелким почерком, к которому нелегко было привыкнуть. Он просмотрел письма по очереди в поисках года написания, но ничего не нашел. Он откинулся в кресле и начал их читать по порядку:

«Нью-Даннич, 27 апреля.

Досточтимый друг!

Что касается дел, о которых у нас был известный разговор, то я вчера ночью видел Существо, имевшее внешность такую, как мы искали, с крыльями из темного вещества и как бы змеями, выползающими из Его тела, но прикрепленными к Нему. Я звал Его к Холму и заключил Его в Круге, но с большим трудом и мучением, так что могло показаться, что Круг недостаточно могуществен, чтобы удержать подобных Тварей достаточно долго. Я пытался разговаривать с Ним, но не очень успешно, хотя из того, что Оно лопотало, следует, что Оно из Кадата в Холодной Пустоши, что рядом с плато Ленг, упомянутым в Вашей Книге. Разные люди видели огонь на Холме и говорили об этом, и один из них, по имени Вилбур Ко-

ури, может наделать бед, он много о себе мнит и по натуре очень любопытный. Горе ему, если он придет к Холму, когда я там, но я не сомневаюсь, что он не придет. Я очень хочу и желаю больше узнать об этих делах, в которых Мастером был Ваш благородный предок, Ричард Б., чье имя останется навсегда высеченным на камнях для Йогг-Сотота и всех Великих Древних. Душа моя радуется, что Вы опять в наших местах, и я надеюсь навестить Вас, как только я возвращу себе моего Скакуна, ибо я не хотел бы ездить на ком-либо другом. Я слышал ровно неделю назад ночью сильный крик и вопль из леса и подумал: наверное, Вы вернулись в свой дом. Я скоро навещу Вас, если Вам удобно, и остаюсь, сэр,

Ваш верный слуга Джонатан Б.»

Прочитав первое письмо, Дюарт немедленно принялся за второе.

«Нью-Даннич, 17 мая.

Мой благородный друг!

Я получил Вашу записку. Я опечален, что мои скромные усилия создали трудности для Вас, и для нас, и всех тех, кто служит Тому, чье имя нельзя называть, или всем Великим вместе, но так уж произошло, что назойливый дурак Вилбур Коури все же захватил меня врасплох у Камней во время моих занятий и закричал, что я колдун и мне придется худо, если он обо мне расскажет. Тогда я, будучи весьма возмущен, напустил на него То, с чем я беседовал, и он был разорван, и окровавлен, и взят с моих глаз туда, откуда Это пришло, и куда его унесло, не ведаю, но знаю лишь, что его больше не увидят в этих краях и он не сможет рассказать, что видел и слышал. Признаюсь, что я был весьма напуган этой сценой, и тем более, что не знаю, как Те снаружи смотрят на нас. Думаю, что Они благодарны нам за то, что мы предоставляем им этот проход, и более того, весьма страшусь, что Другие могут таиться и ждать там, ибо имею причину верить этому, так как недавно вечером изменил слова, что в Вашей Книге, и скоро увидел нечто поистине ужасное в привычном месте — огромную Тварь, формы которой все время менялись так, что видеть это было невыносимо, и эту Тварь сопровождали меньшие существа, игравшие на инструментах, схожих с флейтами, музыку весьма странную и непохожую на то, что я прежде слышал. Видя и

слыша это, я остановился в смущении и тем заставил названное привидение исчезнуть. Что это могло быть, я не знаю, и в Книге ничего об этом не говорится, если это не был какой-то Демон из Ира или из-за пределов Н'нгра, что лежит на дальней стороне Кадата в Холодной Пустоши, и я прошу Вашего мнения и Вашего совета, ибо не хочу уйти, не завершив этот поиск. Надеюсь, что смогу вскоре увидеть Вас.

*Остаюсь, сэр, Ваш верный слуга по знаку Киша
Джонатан Б.»*

Очевидно, между этим письмом и третьим был достаточно большой промежуток времени, так как, хотя последнее не имело даты, указание на погоду говорило о разрыве по меньшей мере в полгода.

«Нью-Даннич.

Благородный брат!

Я весьма спешу объяснить, на что я наткнулся вчера ночью в снегу. Это были большие следы ног, вернее, мне не следует говорить «ног», ибо они были более похожи на следы лап с когтями чудовищного размера — диаметром значительно больше фута и длины еще большей, может быть, фута два. Они имели перепончатый вид, по крайней мере частично, и все в целом в высшей степени таинственно и странно. Об одном таком отпечатке сообщил Олни Бауэн, который был в лесу, охотясь на куропаток, и, вернувшись, рассказал об этом, но никто ему не верил, кроме меня. Не привлекая внимания к себе, я слушал и узнал, где он видел следы, а затем пошел туда сам, чтобы удостовериться; увидев первый же след, я вдруг почувствовал, что другие подобные можно найти глубже в лесу, в чем вскоре и убедился. Я набрел на великое их множество у камней, но не видел каких-либо живых существ; осмотрев же следы, рассудил, что они, судя по всему, оставлены крылатыми тварями. Я обошел кругом камней, потом опять, по более широкому кругу, пока не наткнулся на следы человека и пошел по ним; я увидел, что расстояние между ними стало шире, как если бы тот бежал, что меня расстроило и встревожило, и не зря, ибо следы кончались на краю леса, внизу по дальней стороне холма, и в снегу лежало ружье, несколько перьев куропатки и шапка, по которой я узнал Джедедию Тиндала,

подростка четырнадцати лет. Расспросив о нем этим утром, я выяснил, что он пропал, как я и боялся. После чего я рассудил, что какой-то проход был оставлен и Нечто прошло через него, но не знаю, что это могло быть, и прошу Вас, если знаете, указать, где в Книге я могу найти заклинание, чтобы отослать Его обратно, хотя из количества следов может показаться, что Их было несколько, и все немалого размера; не знаю, видимы Они или невидимы, ибо никто Их не видел, включая меня, и я особенно хотел бы знать, являются ли они слугами Н., или Йогге-Сототе, или кого другого, и не случилось ли Вам встречаться с чем-либо подобным. Я прошу Вас поспешить с этим делом, а то как бы эти существа не вершили разор дальше, ибо Они явно питаются кровью, как и Другие, и никто не знает, когда Они опять придут с той стороны опустошать нас и охотиться на людей, чтобы прокормиться.

Йогг-Сотот Неблод Цин!

Джонатан Б.»

Четвертое письмо было в некоторых отношениях самым страшным из всех. Уже первые три письма как бы окутали Дюарта смесью изумления, омерзения и страха; но в четвертом чувствовался уже невероятный, леденящий ужас, который, однако, был даже не в том, что говорилось, а в том, что подразумевалось.

«Нью-Даннич, 7 апреля.

Мой дорогой досточтимый друг!

Готовясь ко сну прошлой ночью, я услышал Это, подлетевшее к моему окну и звавшее меня по имени. Оно обещало прийти ко мне; но я смело подошел в темноте к этому окну и выглянул; не увидев ничего, открыл окно, и сразу почувствовал трупный смрад, который был почти непереносимым, и отпрянул. Нечто, пройдя беспрепятственно через окно, коснулось моего лица, и Оно было как желе, частично покрытое чешуей, и тошнотворно-отвратительное настолько, что я, кажется, потерял сознание и лежал там, не знаю сколько времени. Не успел я закрыть окно и лечь в кровать, как дом начал трястись, будто было землетрясение и Нечто ходило по земле в окрестностях, рядом с домом, и опять я слышал, как Оно зовет мое имя и дает такой же обет, на что я не дал

никакого ответа, но думал только: что я такого сделал, что сначала крылатые твари, слуги Н., прошли через проход, оставленный из-за неправильного употребления арабских слов, а теперь это Существо, о котором я ничего не знаю, кроме того, что это Ходящий по Ветрам, известный под несколькими именами, а именно Вендиго, Итака или Лозгар, которого я никогда не видел и, может быть, не увижу? У меня на душе очень беспокойно, как бы не случилось такое, что, когда я пойду просить камни и взывать к холмам, то выйдет не Н. и не С., а этот другой, который звал мое имя с акцентом, неизвестным на этой Земле, и если это случится, умоляю Вас прийти ночью и закрыть этот вход, чтобы не пришли Другие, которым нельзя ходить среди людей, ибо зло, вершимое Великими Древними слишком велико для таких, как мы, и пусть хотя бы Старшие Боги если не уничтожат их, но заключат в этих пространствах и глубинах, куда достигают камни, в те часы, когда светят звезды и луна. Я уверен, что я в смертельной опасности, и я бы возрадовался, если бы это было не так, но я не слышал, чтобы какая-то Тварь на Земле звала мое имя ночью, и я очень страшусь, что мое время пришло. Я не прочел Ваше письмо достаточно внимательно, и я неправильно понял Ваши слова, ибо неверно истолковал то, что Вы написали: «Не вызывай То, с чем не можешь совладать», что подразумевает То, что, в свою очередь, может вызвать что-то такое против тебя, что самые могучие средства окажутся бесполезными. Проси всегда мало, чтобы Великий не ответил на твой зов и не имел власти больше, чем ты. Но если я сделал не то, умоляю Вас исправить это как можно скорее.

Ваш покорный слуга в услужении Н. Джонатан Б.»

Дюарт долго сидел, обдумывая эти письма. Теперь стало ясно, что прапрадед занимался какими-то дьявольскими делами, в которые он посвятил Джонатана Бишопа из Данвича, недостаточно информировав своего протеже. Дюарт пока не мог понять сущности всего этого дела, но, по-видимому, оно было связано с колдовством и общением с духами умерших. Однако то, что подразумевали эти письма, было одновременно кошмарно и невероятно, и он уже склонен был думать, что они могут быть частью хорошо продуманного розыгрыша. Был только один, хотя и утоми-

тельный способ выяснить это. Библиотека Мискатоникского университета в Архаме, наверное, еще открыта, и можно просмотреть подшивки архамских еженедельников, чтобы по возможности узнать имена всех тех, кто исчез или погиб при странных обстоятельствах в период между 1790-м и 1815 годами. Ему не хотелось идти: с одной стороны, нужно было еще проверить вещи по списку; с другой — его не радовала мысль о том, что придется опять рыться в кипах документов, хотя газеты были небольшого размера, с малым количеством страниц и просмотр не требовал много времени. Вскоре он отправился в путь, надеясь проработать все время до самого вечера, если, конечно, получится.

Когда он закончил, был уже поздний час.

Он обнаружил то, что искал, в газетах за 1807 год, но он нашел много больше того, что искал. Сжимая губы, чтобы сдержать охвативший его ужас, он составил аккуратный список своих находок и, едва придя домой, сел за стол и попытался систематизировать и проанализировать обнаруженные факты.

Первым было исчезновение Вилбура Коури, за которым последовала пропажа мальчика, Джедедии Тиндала. Затем четыре или пять других исчезновений, происшедших несколько позднее, и, наконец, пропал сам Джонатан Бишоп! Но открытия Дюарта на этом не закончились. Еще до того, как Бишоп исчез, вновь обнаружились Коури и Тиндал, один — в окрестностях Нью-Плимута, другой — в Кингспорте. Тело Коури было сильно изорвано и покалечено, а у Тиндала не было никаких следов насилия; но оба были найдены только через несколько месяцев после исчезновения. Эти ужасные находки придавали вес письмам Бишопа. Но, несмотря на всю эту добавочную информацию, общая канва событий была еще далеко не ясной, а их значение таким же неопределенным, как и раньше.

Дюарт все больше думал о своем кузене, Стивене Бейтсе. Бейтс был ученым, авторитетом по ранней истории штата Массачусетс. Более того, он имел доступ к самым закрытым архивам, и мог помочь Дюарту. В то же время Дюарт почувствовал, что следует быть осторожным; надо продвигаться не спеша и вести расследование, по возможности не привлекая других, чтобы не возбудить чье-либо любопытство. Как к нему пришло это убеждение, он не мог понять: как будто бы не было причин для такой скрыт-

ности, и все же, как только он начинал думать об этом, он опять упрямо возвращался к мысли, что нужно держать это дело в тайне и иметь всегда наготове какое-нибудь правдоподобное объяснение того, почему он интересуется прошлым. Таким предлогом легко могло стать его увлечение старинной архитектурой.

Он убрал свои газетные находки и пакет с письмами Бишопа и отправился спать, глубоко погруженный в свои мысли, пытаясь разрешить головоломки, ища объяснения обнаруженным фактам, хотя связи между ними не прослеживалось. Возможно, его беспокойный интерес к событиям вековой давности был причиной того, что этой ночью он увидел сон. Таких снов у него никогда не было. Ему снились огромные птицы, которые дрались и рвали свои жертвы, птицы с ужасно деформированными человекоподобными лицами; ему снились чудовища; и он видел себя в необычных ролях, в качестве служителя или жреца. Он носил странную одежду и шагал из дома в лес, вокруг болота жаб и светляков к каменной башне. В башне и в окне кабинета мигали огни, как бы подавая сигналы.

Он вошел в круг друидических камней, в тень башни, и смотрел через отверстие, которое он сделал; затем он возвал к небесам на ужасно искаженной, ломаной латыни. Он трижды повторил заклинание и нарисовал узоры на песке, и вдруг, как стремительный порыв ветра, какое-то существо ужасного, отталкивающего вида, казалось, поплыло через отверстие в башню и, наполнив ее собой, проплыло наружу через дверь, оттолкнув Дюарта в сторону и говоря с ним на безобразно ломаном языке, требуя от него жертвы, после чего Дюарт побежал к кругу камней и направил жуткого гостя в Данвич, в коем направлении тот и отправился — бесформенно-жидкий и ужасный видом, наподобие спрута или осьминога, как воздух проносясь между деревьями и как вода по склону, наделенный могучими и чудесными свойствами, позволявшими ему казаться частично или полностью невидимым, в зависимости от его желания. Ему снилось, что он стоит и прислушивается там, в тени башни, и вскоре поднялся такой сладкий для его слуха звук воплей и криков в ночи. Послушав его, он еще подождал, пока Тварь вернулась, неся в своих щупальцах жертву, и ушла туда, откуда пришла, через башню. Наступила тишина, и он тоже вернулся той же дорогой, какой пришел, и залез в свою постель.

Так Дюарт провел ночь; и, как бы измученный снами, он проспал дольше обычного, что он и обнаружил, когда наконец проснулся. Он встал с кровати, но сразу же упал назад на кровать, поджав ноги, потому что они болели. Поскольку болей в нижних конечностях у него раньше не было, он стал их осматривать и обнаружил, что подошвы стоп имели много кровоподтеков и несколько распухли, а лодыжки были в ссадинах и порезах, как будто он продирался через колючие кусты куманики и шиповника. Он был поражен, но почему-то чувствовал, что это в порядке вещей. Однако он был удивлен тем, что, когда попытался встать опять, это оказалось значительно менее болезненным теперь, когда он ожидал острой боли, потому что первоначальный шок объяснялся не степенью боли, а скорее, ее неожиданностью.

С некоторым трудом он сумел надеть носки и туфли и убедился, что теперь может ходить, хотя ноги чуть-чуть побаливали. Но как это случилось? Он сразу решил, что он ходил во сне. Это само по себе было сюрпризом, потому что он раньше не считал себя лунатиком. Более того, он, видимо, ходил из дома в лес, иначе как объяснить все эти синяки и царапины? Он медленно начал вспоминать свой сон; он не мог вспомнить все ясно, но, по крайней мере, он помнил, что был в башне. Он оделся и вышел из дома, надеясь, если возможно, найти следы своей прогулки в лес. Сначала он не нашел ничего. Только когда он подошел к башне, он увидел на песке рядом с кругом разбитых камней отпечаток разутой человеческой ноги, который наверняка принадлежал ему. Он пошел по слабо различимому следу в башню и зажег спичку, чтобы лучше видеть.

При слабом свете спички он увидел кое-что еще.

Он зажег вторую спичку и посмотрел опять. Его мысли смешались от внезапного наплыва тревоги и противоречивых чувств. Он увидел у основания каменных ступеней, частью на лестнице и на песчаном полу, расплывшееся пятно, красное, горящее пятно, и, еще до того, как он осторожно пощупал его пальцем, он знал, что это была кровь!

Дюарт стоял, не отрывая взгляда от пятна, не чувствуя спички, которая, догорев, обожгла его пальцы. Он хотел зажечь другую, но не мог заставить себя сделать это. Качаясь, он вышел из башни и стоял, прислонившись к стене, в теплых лучах утреннего солнца. Он попытался привести мысли в порядок; ясно, что он слишком много рылся в

прошлом, и это болезненно стимулировало его воображение. В конце концов, башня была все время открыта; в ней мог укрыться кролик или какое-то другое животное; на него могла напасть ласка, и башня могла стать ареной смертельной схватки; а может быть, сова влетела через отверстие в крыше и цапала крысу или другую тварь подобных размеров, хотя следовало признать, что кровавое пятно было слишком велико, и потом, не было доказательств, как, например, клочки шерсти или перья, которые бы неопровержимо подтверждали такую версию.

Немного подождав, он решительно вернулся в башню и зажег еще одну спичку. Он искал что-нибудь, могущее подтвердить его теорию, но тщетно. Не было никаких свидетельств борьбы, которые можно было бы объяснить как одну из обычных трагедий природы. Не было и никаких доказательств иного рода. Было просто пятно чего то, что похоже на кровь, в месте, где такого быть не должно.

Дюарт пытался оценить все спокойно, не связывая это сразу с тем отвратительным сном; а эта связь вспыхнула в сознании, как внезапно распутившийся бутон цветка, в то мгновение, когда он убедился, что в башне была кровь. Нельзя было отрицать, что такое пятно могло образоваться, только если кровь пролилась с небольшой высоты, с какого-то пролетавшего объекта.

Дюарту пришлось смириться с этим скрепя сердце, потому что, признав это, ему ничего не оставалось, как признать, что он не может объяснить ни этот факт, ни свой сон; он не мог объяснить растущее число вроде бы мелких, но чрезвычайно странных происшествий, становившихся все более регулярными. Он вышел из башни и зашагал обратно вдоль болота, мимо леса, к дому. Осмотрев простыни, он увидел бурые пятна крови от своих израненных ног. Он чуть ли не жалел о том, что его порезы были недостаточно глубоки, чтобы объяснить ими пятно крови в башне, но, как он ни напрягал свое воображение, это было невозможно.

Он сменил постель и приступил к ежедневной прозаической процедуре варки кофе. Он продолжал раздумывать и впервые признался себе, что все время бросался из одной крайности в другую, в диаметрально противоположных направлениях, как будто у него наступило раздвоение

личности. Он подумал, что пора кузену Стивену Бейтсу или кому-нибудь еще приехать к нему, чтобы хотя бы временно избавить его от одиночества. Но едва он пришел к этому выводу, как обнаружил, что душа его возражает против этого с жаром, не свойственным его натуре.

В конце концов он убедил себя вновь заняться проверкой вещей, прибывших из Англии, воздерживаясь от дальнейшего чтения документов или писем, чтобы не возбуждать опять свое воображение и не переживать ночные кошмары; к полудню он вновь обрел, как французы говорят, «радость жизни» до такой степени, что мог следовать обычному распорядку дня. Отложив работу, он включил радио, чтобы послушать музыкальную программу, но в эфире шла передача новостей. Он слушал без интереса. Какой-то представитель Франции изложил свою концепцию действий в отношении Саарской области; какой-то британский государственный деятель выступил с поразительно двусмысленным опровержением.

Слухи о голоде в России и Китае. Всегда одно и то же, подумал он. Болезнь губернатора штата Массачусетс

«Сообщение, полученное по телефону из Архама», — произнес диктор. Дюарт напрягся

«По не проверенным пока данным, в Архаме исчез человек. Один из жителей Данвича сообщил, что ночью пропал Джейсон Осборн, фермер средних лет, проживающий в округе. По слухам, соседи слышали сильный шум, но объяснить его пока не могут.

Мистер Осборн не был богат, жил одиноко, поэтому считают, что это не было похищением с целью выкупа».

В каком-то уголке сознания Амброза Дюарта еще жила надежда, что это простое совпадение. Но он был так встревожен, что буквально сорвался с кушетки, на которой лежал, и лихорадочно выключил приемник. Затем, почти инстинктивно, он сел писать отчаянное письмо Стивену Бейтсу, объясняя, что ему нужно его общество, и умоляя его приехать во что бы то ни стало. Написав, он сразу отправился на почту, чтобы отослать его, но постоянно чувствовал сильное желание придержать его, подумать, пересмотреть свое положение еще раз

Преодолевая себя огромным усилием воли, он поехал в Архам и решительно сдал письмо в почтовое отделение города, двускатные крыши и глухие ставни которого, казалось, смотрели на проезжавшего Дюарта заискивающим, злобно-хитроватым взглядом, как старые товарищи, посвященные в общую жуткую тайну.

Часть II

РУКОПИСЬ СТИВЕНА БЕЙТСА

Подчиняясь срочному вызову своего кузена Амброза Дюарта, я прибыл в старый дом Биллингтона через неделю по получении от него письма. После моего приезда произошел ряд событий, которые, начавшись с самого прозаического, привели к обстоятельствам, заставившим меня присовокупить свое необычное повествование к разрозненным сообщениям и различным запискам, сделанным рукой Амброза.

Я сказал, что все началось весьма прозаически, но риску быть неточным. Впоследствии мне стало ясно, что, какими бы фрагментарными, эпизодическими, не связанными одно с другим ни казались звенья происходящих событий, фактически они образовывали прочную цепь, объединяющую место действия, а именно поместье Биллингтона с примыкающей к нему рощей. К сожалению, с самого начала я не отдавал себе в этом отчета. В это время я обнаружил у кузена первые признаки психического расстройства или того, что считал расстройством, но позже я со страхом осознал, что речь идет о чем-то совершенно ином и гораздо более страшном.

Раздвоение личности Дюарта осложняло мои наблюдения, так как мне, с одной стороны, приходилось проявлять дружеское участие, а с другой — известную настороженность. Все это было заметно с самого начала: Амброс, написавший ту неистовую записку, искренне нуждался в помощи, просил меня оказать ее; но человек, получивший телеграфное уведомление о моем приезде и встретивший меня на станции в Архаме, был холодным, осторожным и очень сдержанным. Изложив свою просьбу, он с самого начала заявил, что мой визит должен продлиться не более двух недель, а если возможно, то и меньше. Он был вежлив и даже любезен, но удивительно молчалив и подчеркнуто отстранен, что никак не вязалось с той написан-

ной стремительным, размашистым почерком запиской.

— Получив твою телеграмму, я понял, что до тебя не дошло мое второе письмо.

— Нет, я его не получал.

Пожав плечами, он заметил, что написал его, только чтобы я не волновался зря из-за первой записки. Он выразил надежду, что ему самому удастся справиться с возникшими трудностями, хотя очень рад моему приезду, несмотря на то что срочность, о которой он говорил в письме, отпала.

Инстинктивно, всем своим существом я чувствовал, что он не говорит до конца правду. Я, в свою очередь, порадовался тому, что неотложная проблема, о которой он писал, уже не является столь актуальной. Мое замечание, кажется, его удовлетворило; он почувствовал себя спокойнее, стал более доступным и сделал мимоходом несколько наблюдений о местности по пути в Эйлсбери, удививших меня, так как его непродолжительного пребывания в Массачусетсе было явно недостаточно, чтобы столько узнать о настоящем и прошлом этого штата, довольно своеобразного и самого старинного из всех древних обитаемых районов Новой Англии. В него входил часто посещаемый гостями Архам — настоящая мекка для ученых, занимающихся изучением архитектуры, так как его старинные дома с двускатными крышами и веерообразным набором лампочек над крыльцом по возрасту предвосхищали менее старые, но тем не менее привлекательные, возрожденные на его тенистых, темных улочках грузинские и греческие дома. С другой стороны, этот район славился такими забытыми долинами, напоминавшими об отчаянии, вырождении и упадке, как Данвич, а также расположенным чуть подальше, проклинаемым всеми морским портом Иннсмут — от туда разносилось множество передаваемых полушепотом слухов об убийствах, странных исчезновениях людей, о возрождении диковинных культов, о множестве преступлений и настолько ужасающих признаках человеческой деградации, что и язык не поворачивался их пересказывать. Их, конечно, лучше всего было забыть, так как существовали опасения, что при расследовании может всплыть такое, что предпочтительно скрыть от глаз навсегда.

Так, за разговором, мы наконец добрались до дома. Я заметил, что он прекрасно сохранился, хотя я видел его в последний раз двадцать лет назад; по сути дела, он был на-

столько хорош, как и всегда, каким я помнил его, каким его сохранила в памяти моя матушка; дом в гораздо меньшей степени подвергся воздействию времени и запустению, чем сотни соседних домов, которые выглядели гораздо более старыми и заброшенными. Кроме того, Амброз отремонтировал его и сменил почти всю мебель, хотя он особенно ничего не изменил, покрасив лишь заново фасад, который по-прежнему сохранял в себе достоинство прошлого века — с высокими четырьмя квадратными колоннами, вынесенными вперед, и расположенной точно по центру дверью, которая вносила свой тон в совершенство архитектурной формы. Интерьер лишь дополнял внешний вид. Свойственный Амброзу вкус не позволял вводить новшества, не вязавшиеся с характером самого дома, и результат, как я и ожидал, оказался благоприятным.

Повсюду в доме были заметны признаки его работы, того, чем он занимался и о чем едва упомянул при нашем разговоре в Бостоне несколько лет назад. Это были в основном генеалогические исследования, о чем свидетельствовали пожелтевшие бумаги в его кабинете и старинные тома, которые он снимал с заставленных книгами полок для наведения справок.

Когда мы вошли в кабинет, я заметил второй любопытный факт, которому позже было суждено сыграть важную роль в моих открытиях. Я заметил, как Амброз неохотно, со смешанным выражением дурного предчувствия и настроенного ожидания, бросил взгляд на большое, необычной конструкции окно-витраж. Когда он посмотрел в сторону, я снова заметил на его лице смешанное выражение — облегчения и разочарования. Это было настолько необычно, что становилось даже жутковато. Я, однако, ничего не сказал, рассуждая про себя, что, каким бы ни был отрезок времени — двадцать четыре часа, неделя или больше, Амброз вновь дойдет до той черты, когда он был вынужден призвать меня на помощь. Но это время наступило гораздо раньше, чем я предполагал.

В тот вечер мы о чем-то болтали, и я увидел, насколько он устал: у него слипались глаза. Под предлогом собственной усталости я освободил его от своей компании, отправившись в комнату, которую он определил мне сразу по приезду. Однако я совсем не устал. Я не лег немедленно в кровать, а решил немного посидеть за книгой. Утратив интерес к выбранному мной роману, я погасил лампу, и сде-

лал это раньше, чем ожидал, так как меня ужасно раздражал вошедший в привычку моего кузена способ освещения, к которому я никак не мог привыкнуть. Теперь, когда я вспоминаю об этом, мне кажется, что было около полуночи. Я раздевался в темноте, хотя в комнате не стояла кромешная тьма. Луна сияла в угловом окне, и ее бледное свечение позволяло ориентироваться.

Я наполовину разделся, когда вдруг вздрогнул от крика. Я знал, что, кроме нас с кузенем, в доме никого не было. Я также знал, что он не ожидал гостей. Большой сообразительности не потребовалось, чтобы понять: раз кричал не я, то, стало быть, кузен. Ну а если кузен молчал, значит, вопль принадлежал какому-то непрошеному гостю. Без колебаний я выбежал в холл. Увидев спускавшуюся с лестницы чью-то фигуру в белом, я поспешил за ней.

В это мгновение крик повторился, и сейчас я его отчетливо слышал, — это был странный вопль, смысл которого нельзя было различить: «Иа! Шаб-Нигтротт: Йа! Нарлатотеп!» Тут я узнал и голос, и того, кто кричал. Это был именно кузен Амброз, и было совершенно ясно, что он страдает сумеречным расстройством сознания. Я хотел было взять его твердо за руку и отвести в кровать, но он оказал мне неожиданно яростное сопротивление. Оставив его в покое, я потихоньку пошел вслед за ним.

Когда я осознал, что он идет к выходу, намереваясь выйти из дома, я вновь предпринял попытку остановить его. Он снова начал сопротивляться, проявляя при этом недюжинную силу; я был удивлен, почему же Амброз никак не проснется. Но я упорствовал и, наконец, затратив немало времени и изрядно устав, сумел все же его повернуть и направить вверх по лестнице в спальню, где он довольно безропотно лег в постель.

Удивленный и встревоженный, я посидел немного возле его кровати, стоявшей в комнате, которую занимал наш ненавистный прапрадед Илия, опасаясь, как бы кузен не проснулся. Так как я оказался на одной линии с окном, то время от времени мог бросать через стекло взгляд наружу и был просто поражен чем-то вроде свечения или скрытого света, появлявшегося на конической формы крыше старой каменной башни. Я так и не сумел убедить себя в том, что это таинственное явление связано с каким-то свойством облитых лунным светом камней, хотя и наблюдал за ним достаточно долго.

Наконец я вышел из комнаты. Я не испытывал ни малейшего желания заснуть, и кажется, это небольшое приключение с Амброзом приготовило для меня бессонную ночь. Я оставил дверь своей комнаты приоткрытой, чтобы быть готовым ко всему, что мог вновь предпринять кузен. Он больше не вставал. Однако вдруг начал что-то бормотать в тревожном сне, а я старался разобраться в этих бессвязных звуках. Я не мог понять, что он говорит. Тогда я решил записать его слова и подошел с бумагой и карандашом поближе к освещенному лунным светом окну, чтобы не зажигать лампу. Большая часть произнесенного им была абсолютно бессмысленной — нельзя было различить ни слова в этой галиматее, но попадались и ясные фразы, именно ясные, в том смысле, что они были похожи на законченные предложения, хотя голос Амброза во сне казался странным и неестественным. Короче говоря, я насчитал семь таких фраз, и каждая произносилась с пятиминутным интервалом, во время которого он бормотал, ворчал, кашлял и ворочался. Я записал их, как смог, чтобы внести позже коррективы и привести в удобочитаемый вид. В конечном итоге я разобрал следующие фразы, которые, как я уже сказал, перемежались невнятными бормотаниями.

«Для призвания Йогг-Сотота ты должен ждать восхода солнца в пятом доме, когда Сатурн займет благоприятное положение; затем нарисуй огненную пентаграмму, трижды повторив девятый стих в ночь на Бельтайн или в канун Дня Всех Святых: заставь Тварь вынашивать себя в космическом пространстве за Воротами, хранителем которых является Йогг-Сотот».

«Он обладает всеми знаниями; ему известно, куда девались Древние в ушедшей вечности; Ему известно, через что они прорвутся и явятся снова».

«Прошрое, настоящее, будущее — все это в Нем».

«Обвиняемый Биллингтон не признал, что вызывал шумы, после чего послышалось хихиканье и взрывы смеха, которые, к счастью, были слышны только ему».

«О-о! Какая вонь! Вонь! Йа! Йа! Нарлатотен!»

«Не с мертвыми находится вечное, а со странной вечностью даже смерть может умереть».

«В своем доме в Р'лие, в своем большом доме в Р'лие, лежит он не мертвый, но спящий...»

За этими выкриками последовало глубокое молчание,

затем послышалось ровное дыхание кузена, свидетельствующее о том, что наконец он погрузился в тихий и естественный сон.

Да, мои первые часы в доме Биллингтона были отмечены разнообразными противоречивыми впечатлениями. Но на этом приключения не заканчивались. Едва я убрал свои записи, лег в постель и попытался окунуться в сон, по-прежнему неплотно прикрыв дверь, как, вздрогнув, подскочил от торопливого, яростного стука. Открыв глаза, я увидел, что Амброз маячит перед кроватью; его рука протянулась ко мне.

— Амброз, — воскликнул я, — что стряслось?

Он весь дрожал, а голос от волнения срывался.

— Ты слышал? — заикаясь, спросил он.

— Что именно?

— Послушай!

Я напряг слух.

— Ну, что слышишь?

— Ветер в кронах деревьев.

Он горько усмехнулся.

— Это ветер невятно говорит Их голосами, а земля бормочет, подчиняясь Их сознанию. Тоже придумал, — ветер! Разве это только ветер?

— Только ветер, — твердо повторил я. — Тебя сегодня ночью не мучил кошмар, Амброз?

— Нет, нет! — заверил он надтреснутым голосом. — Нет, не сегодня. Что-то тревожило меня, но затем все прекратилось, слава Богу.

Я знал, кто в этом «повинен», и был вполне удовлетворен, но ничего ему не сказал.

Он сел на кровати и с чувством положил руку мне на плечо:

— Стивен, я так рад, что ты приехал. Но если я начну говорить тебе что-либо противоречивое или невпопад, не обращай внимания. Иногда мне кажется, что я не в себе.

— Ты слишком много работаешь.

— Может; не знаю. — Он поднял голову, и теперь, при лунном свете, я увидел, как сосредоточенно его лицо. Он снова прислушался. — Нет, нет, — сказал он. — Это не ветер, гуляющий в кронах деревьев, это даже не ветер, носящийся среди звезд, это что-то очень далекое, запредельное, Стивен, разве ты не слышишь?

— Ничего не слышу, — мягко ответил я. — Может,

если ты заснешь, то и ты ничего не услышишь.

— Сон здесь ни при чем, — загадочно перешел он на шепот, словно опасаясь, чтобы нас не подслушал третий. — От сна только хуже.

Я выбрался из постели, подошел к окну и, распахнув его, сказал:

— Подойди, прислушайся!

Он подошел и облокотился на подоконник.

— Только ветер в кронах деревьев, больше ничего.

Он вздохнул.

— Я расскажу тебе обо всем завтра, если только смогу.

— Расскажешь, когда сможешь. Но почему бы не сейчас, если тебя что-то беспокоит?

— Сейчас? — оглянулся он через плечо, и на лице у него отразился неподдельный страх. — Сейчас? — хрипло повторил он и добавил: — Чем занимался Илия на башне? Как он умолял камни? Чего он требовал от холмов или, может, от небес? Право, не знаю. И что притаилось, и у какого порога?

В заключение этого необычного потока обескураживающих вопросов он испытующе заглянул в мои глаза и, покачив головой, сказал:

— Ты не знаешь. И я не знаю. Но что-то здесь происходит, вот клянусь перед Богом: боюсь, что я стал причиной этого, но с чьей помощью — ума не приложу!

С этими словами он резко повернулся и, бросив коротко: «Спокойной ночи, Стивен», вернулся в комнату и закрыл за собой дверь.

Я немного постоял у открытого окна, холодея от изумления. Был ли это ветер, шум которого доносился из леса? Или это было что-то иное? Чьи-то голоса? Странное поведение кузена потрясло меня, заставило усомниться в адекватности собственных восприятий. И вдруг, когда я стоял, ощущая всем телом свежесть дующего ветра, я почувствовал, как мгновенно меня охватывают подавленность, щемящее отчаяние; ощутил всю глубокую полноту темного, взрывного зла, сгущающегося вокруг; испытал пресыщенное, всепроникающее отвращение перед самыми подноготными тайнами человеческой души.

Это не было игрой воображения — то была осязаемая реальность, ибо я чувствовал контраст попадающего в комнату через открытое окно воздуха с той, словно облако нависшей атмосферой зла, ужаса, отвращения. Я ощущал

ее жмущейся к стенам спальни, обволакивающей их невидимым туманом. Я отошел от окна и направился в холл. Это новое чувство не оставляло меня в покое и там; в темноте я сошел вниз. Ничего не изменилось: повсюду в этом старом доме таились погибель и страшное зло, и все это, несомненно, отражалось на самочувствии моего кузена. Мне потребовались все силы, чтобы стряхнуть с себя подавленность и отчаяние; потребовалось предпринять сознательные усилия, чтобы отсечь сгусток ужаса, обступавшего меня со всех сторон, исходящего стенами, это была борьба с невидимкой, обладавшим вдвое большими силами, чем его физический противник. Возвратившись к себе, я понял, что колеблюсь, не хочу ложиться в кровать, чтобы во сне не стать жертвой этого коварного всепроникновения, которое стремилось завладеть и мною, как уже завладело этим домом и моим кузеном Амброзом.

Поэтому я пребывал в состоянии полубодриствования-полудремы, стараясь получше отдохнуть. Примерно через час ощущение нависшего зла, отвратительного ужаса, беды постепенно ослабло, а затем улетучилось столь же внезапно, как и возникло, и к этому времени я уже чувствовал себя достаточно сносно, поэтому не стал предпринимать попыток покрепче заснуть.

Я встал на рассвете, оделся и спустился вниз. Амброза там еще не было, и это позволило мне изучить некоторые бумаги у него в кабинете. Они были самые разнообразные, хотя ни один документ не носил личного характера, как, скажем, письма Амброза. Там находились копии газетных статей о различных любопытных происшествиях, в особенности о некоторых обстоятельствах, связанных с Илией Биллингтоном; лежал густо испещренный замечаниями рассказ о том, что происходило, когда Америка была еще совсем юной страной, когда главным действующим лицом был «Ричард Беллинхэм или Боллинхэм», который в написании кузена значился как «Р. Биллингтон»; были там и вырезки из газет недавнего времени, касавшиеся исчезновений двух людей в окрестностях Данвича, о чем я уже бегло читал в бостонских газетах до своего приезда сюда, в Архам. Только я взглянул на эту удивительную коллекцию, как услышал шаги кузена и, тут же оставив свое занятие, стал ждать его появления.

Направляясь к нему в кабинет, я преследовал одну тайную цель: я хотел проверить реакцию Дюарта на то боль-

шое окно с витражом. Как я и ожидал, он, войдя в комнату, бросил на него невольный взгляд через плечо. Я был не в состоянии определить, однако, был ли сегодня утром Амброз тем человеком, который встретил меня накануне в Архаме, или же это другой, более близкий мне кузен, с которым мы разговаривали в моей комнате ночью.

— Ты уже встал, Стивен! Сейчас я приготовлю кофе и тосты. Где-то здесь лежит свежая газета. Я должен довольствоваться услугами сельской почты из Архама: теперь я не езжу часто в город, а платить разносчику газет — мальчишке, чтобы он ездил на велосипеде в такую даль, слишком накладно, даже если бы речь шла о... — он осекся.

— Если бы даже речь шла о чем? — прямо спросил я.

— О репутации дома и близлежащей рощи.

— Гм...

— Тебе что-нибудь известно?

— Да, кое-что слышал.

Он постоял несколько секунд, разглядывая меня в упор, и я понял, что его мучит дилемма: у него было что-то на душе, чем он хотел поделиться со мной, но опасался по неизвестным мне причинам прямого разговора. Повернувшись, он вышел из кабинета.

Я не проявил пока интереса ни к свежей газете, которая на самом деле оказалась позавчерашней, ни к другим документам и бумагам, но немедленно повернулся к так занимавшему меня окну. Амброз определенно боялся этого окна, но и получал от него какое-то удовольствие, или, скорее, заметил я, одна часть его существа боялась, а другая наслаждалась.

Я внимательно изучил окно с разных углов. Его дизайн был несомненно уникален — он представлял собой пересеченные лучами концентрические круги с цветными стеклами, выдержанными в пастельных тонах, за исключением нескольких, ближе к центру, в которых было вставлено обычное стекло. Насколько мне было известно, ничего подобного не существовало в витражах европейских храмов или американской готике — ни в том, что касается самого образца, ни в красках, ибо краски здесь не были похожи на цвет стекол ни в Европе, ни в Америке. Они отличались удивительной гармонией, казалось, один цвет переливался в другой, спаивался с ним, сохраняя при этом различные оттенки — голубого, желтого, зеленого и лавандового,—

очень светлые во внешних кругах и очень темные, почти черные, возле центрального «глаза» бесцветного стекла. Казалось, что цвет вымывался от центрального черного круга к периферии или же намывался с внешних кругов к более темной части, и при внимательном рассмотрении мерещилось, что в самих этих красках ощущается движение, что они, набегая друг на друга, продолжают вместе плыть.

Но явно не это беспокоило кузена. Амброз, несомненно, пришел бы к такому же выводу и столь же быстро, как я; его бы не растревожило и подобие движения в больших кругах, хотя этого впечатления никак нельзя было избежать, если смотреть на окно достаточно долго; его дизайн требовал исключительных технических способностей и известной игры воображения от безымянного мастера. Я вскоре понял суть этих явлений, которые вполне поддавались научному объяснению, но, чем больше я впивался взглядом в это необычное окно, тем сильнее было возникавшее во мне какое-то смутное, будоражащее чувство, которое не так просто поддавалось логическому осмыслению. Мне чудилось, что время от времени в окне внезапно проявляется какой-то пейзаж или чей-то портрет, и они не казались наложенным на стекло изображением — они будто появлялись откуда-то изнутри.

Я мгновенно понял, что нельзя объяснить эти световые эффекты воздействием лучей, так как окно выходило на запад и в этот час находилось в тени, а поблизости не было ничего, что могло бы бросить на стекло свой отблеск, в чем я смог убедиться, взобравшись на книжный шкаф и взглянув в кружок из обычного стекла. Я смотрел, не отрываясь, на окно, внимательно изучал его, но все по-прежнему оставалось неясным; тайна окна не отпускала меня.

Кузен окликнул меня из кухни, сообщив, что завтрак готов. Я оторвался от окна, убедив себя в том, что у меня будет достаточно времени, чтобы завершить свои исследования, так как решил не возвращаться в Бостон, не выяснив перед этим, что так волновало Амброза и почему он, когда я приехал по его же вызову, либо не желает, либо не может решиться на признание.

— Вижу, ты раскопал кое-какие истории об Илии Биллингтоне, — сказал я, садясь за стол.

Он кивнул:

— Ты же знаешь мой интерес к антиквариату и генеалогии. Не желаешь ли и ты внести свой вклад?

— В твои исследования?

— Да.

Я покачал головой.

— Думаю, что нет. Но эти газеты могут мне кое-что подсказать. Я хотел бы просмотреть их, если ты не против.

Он колебался. Было видно, что ему не хотелось, только вот почему?

— Конечно, я не против, можешь посмотреть,— сказал он с безразличным видом. — Я ничего особенного в них не нашел. — Он сделал несколько глотков кофе, задумчиво наблюдая за мной. — Видишь ли, Стивен, я настолько запутался в этом деле, что ни черта не могу выяснить, и все же меня не покидает острое чувство, сам не знаю чем вызванное, что здесь творятся какие-то странные вещи, но их можно предотвратить, если только знать, как это сделать.

— Какие вещи?

— Не знаю.

— Ты говоришь загадками, Амброз.

— Да! — почти закричал он. — Это и есть загадка. Это целый набор загадок, и я не могу найти ни начала, ни конца. Я думал, что все началось с Илии, но теперь я придерживаюсь иного мнения. И когда это прекратится — неведомо.

— Поэтому ты обратился ко мне? — Я был рад видеть перед собой того кузена, который сидел ночью у меня в комнате.

Он кивнул.

— В таком случае мне нужно знать, что ты предпринял.

Позабыв о завтраке, он начал торопливо рассказывать обо всем, что здесь произошло со времени его приезда. Он ничего не сказал мне о своих подозрениях, пояснив, что они не имеют никакого отношения к главному рассказу. Он привел краткий перечень тех документов, которые ему удалось найти, — дневник Лаана, статью в газете о столкновениях, происходивших у Илии с жителями Архама более ста лет назад, записки преподобного Варда Филиппа и т. д.; но со всем этим мне следует ознакомиться, — подчеркнул он, — прежде, чем прийти к тем же выводам, что сделал он.

Загадочного там действительно было в избытке, но у меня сложилось впечатление, что ему удалось набрести на отдельные составляющие какой-то гигантской головолом-

ки, какими бы разрозненными они с первого взгляда ни казались. И с каждым новым приводимым им фактом я все с большей определенностью начинал понимать, в какую ловушку угодил мой кузен Амброз. Я попытался его успокоить, убеждал его закончить завтрак и прекратить думать об этом дни и ночи, если он желает сохранить рассудок.

Сразу после завтрака я принялся за внимательное изучение всех материалов, обнаруженных Амброзом или записанных им, в том порядке, в котором он их составил. На чтение различных бумаг, которые он выложил передо мной, у меня ушло чуть более часа. Это на самом деле был «набор загадок», как выразился Амброз, но все же мне показалось возможным сделать кое-какие выводы из любопытных, явно разбросанных фактов, представленных в различных сочинениях и записках.

Первоначальный факт, пренебрегать которым явно не следовало, заключался в том, что Илия Биллингтон (и Ричард Биллингтон до него? Или, лучше сказать — Ричард Биллингтон, а после него Илия?) занимался каким-то секретным делом, природу которого нельзя было определить из доступных источников. По всей вероятности, это было что-то, порождающее зло, но, признавая это, нужно было учитывать суеверие местных свидетелей, откровенные сплетни, а также сочетание молвы и легенды, что раздувало до самых невероятных размеров любое тривиальное событие. Пока ясным было одно: Илию Биллингтона здесь не любили и опасались, причем главным образом из-за каких-то звуков, якобы раздававшихся по ночам в Биллингтоновой роще. С другой стороны, преподобный Вард Филиппс, репортер Джон Друвен и, вероятно, еще один из той троицы, которая нанесла визит Илии Биллингтону, — Деливеранс Вестрипп отнюдь не были глухими провинциалами.

По крайней мере двое из этих джентльменов верили, что дело, с которым связан Биллингтон, носит явно злодейский характер. Но какими доказательствами располагали они? Все они были крайне расплывчатыми.

В лесу возле дома Биллингтона раздавались какие-то необъяснимые звуки, напоминающие «крики» или «стоны» живого существа. Основной критик Биллингтона — Джон Друвен — пропал при таких же обстоятельствах, которые сопутствовали другим исчезновениям людей в округе, и его тело было обнаружено точно так же. Значительно

позже эгого продолжали исчезать люди, тела которых потом обнаруживали, и в результате проведенных освидетельствований выяснялось, что смерть наступала незадолго до того, как находили труп. Никаких причин такого разрыва во времени — от нескольких недель до нескольких месяцев между исчезновением человека и обнаружением его тела — не приводилось Друвен оставил избличающее заявление, в котором высказывал предположение, что Илия подмешал что-то, воздействующее на свойства памяти, в пищу, которую предложил трем посетившим его джентльменам. Это, само собой разумеется, предполагало, что троица что-то видела. Но это никак нельзя было счесть доказательством, принимаемым на законном основании. И это все о знаменитом нашумевшем деле, возбужденном против Илии Биллингтона во время его жизни. Однако соотнесение фактов, предположений и намеков как в прошлом, так и в настоящем рисовало совершенно иной портрет Илии Биллингтона, который выражал громкие протесты и бросал дерзкий вызов Друвену и другим людям, обвинявшим его, заявляя о своей невинности.

Первым из этих фактов стали слова самого Илии Биллингтона, когда он подверг критике написанную Джоном Друвеном рецензию на книгу преподобного Варда Филипса «Необъяснимые происшествия, имевшие место в новоанглийской Ханаане»: *«...существуют в мире такие вещи, которые лучше оставить в покое и не упоминать в повседневной речи»*. Вероятно, Илия Биллингтон знал, о чем писал, так как преподобный Вард Филипс выступил с резким ответом в его адрес. Если это так, то беспорядочные записи, сделанные подростком Лааном в дневнике, приобретают особое значение. Из них следует, что на самом деле в лесу кое-что происходило, и не без участия Илии Биллингтона. Вряд ли это была контрабанда, как прежде считал мой кузен Амброз; было бы совершенной нелепицей предполагать, что передвижение контрабанды могли сопровождать те звуки, о которых сообщалось в архамских газетах и в дневнике парнишки. Нет, тут речь шла о чем-то гораздо более невероятном, и к тому же существовала пугающая, заставляющая задуматься параллель между одной записью в дневнике и тем опытом, который мне пришлось пережить за последние двадцать четыре часа. Юный Лаан писал, что он увидел стоявшего на коленях своего приятеля — индейца Квамиса, который громко произносил

непонятные слова на своем языке, но в них ясно различались звукосочетания вроде «Нарлато» или «Нарлотеп». Сегодня ночью меня разбудил сомнамбулический голос кузена, который кричал: «Йа! Нарлатотеп».

Когда я читал дневник, у меня в голове мелькнула еще одна мысль. Мне показалось, что недостающие в нем страницы приблизительно соответствуют тому периоду времени, когда проводившая расследование троица заходила к Илии Биллингтону. А если это так, записал ли мальчик то, что видел и что могло бы высветить истину? Может, позже его отец обнаружил написанное и частично уничтожил страницы? Но ведь Илия мог уничтожить и весь дневник. Если он на самом деле был вовлечен в гнусные дела, то все записи Лаана превращались в изобличающий его документ. Однако самые важные страницы следовали после тех, которые были уничтожены. Может, Илия вырвал обвиняющие его страницы, посчитав, что все написанное прежде никак не могло служить свидетельским доказательством, и вернул сыну дневник, взяв с него клятву больше никогда не писать о таких вещах. Допустим, Лаан не сдержал слова, — это казалось мне наиболее приемлемым объяснением, в полной мере оправдывавшим тот факт, почему дневник сохранился и был обнаружен кузеном Амброзом.

Однако наиболее тревожным из этих соотнесенных фактов явилась цитата из одного любопытного документа под названием «О демонических деяниях и о демонах Новой Англи»: *«...некий Ричард Биллингтон, наученный книгами Зла, а также одним древним чудотворцем среди индейцев-дикарей, Мисквамакусом, выложил в лесу большой каменный круг, в котором возносил молитвы Дьяволу и исполнял с песнопениями некоторые магические обряды, осуждаемые с презрением Священным Писанием. В частном порядке он рассказывал о великом страхе перед Существом, которое он призывал ночью с неба. В тот год произошло семь убийств в лесах в непосредственной близости от камней Ричарда Биллингтона...»*

Этот отрывок наводил на ужасную мысль по двум неизбежным причинам. Ричард Биллингтон жил почти два столетия назад. Но несмотря на прошедшее с тех пор время, существует параллель между теми событиями и событиями в жизни Илии Биллингтона, а также между Илией Биллингтоном и ныне происходящим. При жизни Илии суще-

ствовал «каменный круг» и происходили таинственные убийства. До нашего времени сохранились остатки каменного круга, и вновь, судя по всему, началась цепь убийств. Я не считал, даже если сделать скидку на случай или различные обстоятельства, что эти параллели могут быть простым совпадением.

Но если отказаться от возможного совпадения, что остается? Оставался ряд инструкций Илии Биллингтона, который заклинал Амброза Дюарта и любого другого наследника не взывать к холмам. Вспомним о параллели, о фразе «Существо, которое он призывал с неба по ночам» и которого так боялся Ричард Биллингтон. Если исключить совпадение, оставалась эта параллель. Но она была еще более невероятной, чем совпадение. Существовал, однако, ключ; какими бы невнятными ни были указания, оставленные Илией, он подчеркивал, что смысл этих требований будет найден *«в книгах, оставленных в доме, известном как дом Биллингтона в лесу»*, — короче говоря, здесь, в этих стенах, скорее всего в этом кабинете.

Эта проблема ставила под большое сомнение мое легкое верие. Если принять во внимание тот факт, что Илия Биллингтон занимался чем-то, о чем не желал никому сообщать, кроме индейца Квамиса, то можно предположить, что он каким-то образом устранил Джона Дривена. Значит, в таком случае, его практика носила незаконный характер; более того, способ умерщвления Дривена вызвал определенные догадки не только о самом Илии, но и в отношении используемых им методов расправы, которые во многом напоминали убийства, совершенные в Данвиче. Выстраивалась логическая цепочка — от принятия основного предположения, что Илии удалось покончить с Дривеном до второй предпосылки, что он замешан и в остальных убийствах. Стиль оставался тем же.

На этом пути приходилось сталкиваться с массой предположений и догадок, которые требовали немало усилий, но если пойти на них, то в конечном итоге можно вообще оказаться без ориентиров, в потемках. Нет, нужно было отказаться от всего, чему прежде верили, и начать все заново. Если Ричард Биллингтон на самом деле по ночам призывал что-то с неба, то что это было? Это «Существо» неизвестно науке, и оставалось только попытаться себе его представить в виде давно вымершего птеродактиля, который ухитрился жить два столетия назад. Но такое предпо-

ложение казалось еще менее вероятным, чем другие объяснения; наука окончательно вынесла свой приговор птеродактилям. и ей ничего не было известно о каком-то летающем «Существе». Кроме того, никто нигде не писал, что это «Существо» летает. Но как же оно могло явиться с неба, если не умело летать?

Я качал головой, мое недоумение росло. В эту минуту вошел кузен, — на его лице блуждала натянутая улыбка.

— Все слишком сложно и для тебя, Стивен?

— Да, если слишком долго обо всем размышлять. В оставленных Илией инструкциях говорится, что ключ находится в этих книгах. Ты читал их?

— О каких книгах идет речь, Стивен? В этих нет ни одного ключа.

— Нет, здесь я с тобой не согласен. Напротив, у нас их несколько: Нарлатотеп или Нарлатоп, в другом написании. Йог-Сотот или Йогт-Сототе — в иной транскрипции. Все эти слова встречаются в дневнике Лаана, в хаотичном рассказе миссис Бишоп и в письмах Джонатана Бишоп, кроме того, существует немало других ссылок в его письмах, которые мы можем отыскать в этих старинных книгах.

Я снова обратился к письмам Бишоп, с которыми Амброз сопоставлял полученные им из досье архамских газет сведения о гибели людей, упоминаемых в корреспонденции Бишоп. В них я обнаружил тоже тревожную параллель, о которой я не решился рассказать Амброзу, так как у него был нездоровый вид, что, вероятно, объяснялось плохим сном; но нельзя было не заметить, что все назойливые люди, шпионившие за Джонатаном Бишопом, исчезли, а позже были обнаружены их тела. То же случилось с Джоном Друвеном, который постоянно совал свой нос в дела Илии Биллингтона. Более того, что бы мы ни думали о невероятности всех происшедших событий, нельзя отрицать, что те люди, о которых писал Джонатан Бишоп, действительно исчезли и сообщения об их смерти были напечатаны во всех газетах — их мог прочитать всякий кому не лень.

— Даже если это так, — сказал Амброз, когда я поднял на него глаза, — я не знаю, с чего начать. Все собранные здесь книги — старинные, и многие из них не так просто читать. Некоторые тома — просто переплетенные рукописи.

— Не беда. У нас куча времени. Мы ведь ничего не делаем за один день!

Казалось, мои слова принесли ему облегчение, и он, вероятно, хотел продолжить беседу. Но в этот момент слышался стук в большую входную дверь, и он встал со своего места, чтобы открыть гостю. Прислушавшись, я понял, что он пригласил кого-то в дом, и торопливо убрал со стола газеты и документы. Но он не привел своих посетителей — их оказалось двое — в кабинет, и через полчаса, проводив их до двери, вернулся в комнату.

— Это были местные должностные лица, — сказал он. — Они занимаются расследованием случаев убийств, совершенных в районе Данвича, — скорее, случаев исчезновения людей. Как это ужасно. могу их понять; если их всех обнаружат, как и первую жертву, то здесь об этом долго не забудут.

Я подчеркнул, что район Данвича пользуется дурной репутацией.

— Но что они хотели от тебя, Амброз?

— Кажется, они получили от местных жителей заявления по поводу звуков, я имею в виду крики, вопли, которые они слышали, и так как мой дом находится поблизости от того места, где пропал Осборн, они хотели выяснить, не слышал ли и я чего-нибудь.

— Ты, само собой разумеется, не слышал?

— Конечно, нет.

Зловещие совпадения метода расправ как в прошлом, так и в настоящем, кажется, не приходили ему в голову, и, даже если он отдавал себе в этом отчет, он ничем себя не выдал. Я решил не привлекать его внимание к этому и переменял тему разговора.

Я сообщил ему, что убрал газеты, и предложил совершить прогулку перед обедом, считая, что свежий воздух пойдет ему на пользу. Он с радостью согласился.

Мы вышли из дома. В лицо нам ударил тугой ветер, который давал понять, что зима не за горами; листья уже опали с деревьев, и, разглядывая их, я с неясной тревогой вспомнил, каким почтением пользовались они у древних друидов. Но это было мгновенное впечатление, вызванное, вероятно, моими постоянными мыслями о каменном круге неподалеку от круглой башни, да и мое предложение о «прогулке» было лишь завуалированным желанием осмотреть башню в сопровождении кузена. Мне не хотелось, чтобы ему стало известно о моем желании посетить ее, хотя я непременно совершил бы такой визит один, если

бы представился случай. Я выбрал путь в обход, чтобы обогнуть болотистую местность между башней и домом. Сделав крюк, мы подошли к ней с южной стороны по высохшему руслу притока реки Мискатоник. Время от времени кузен обращал мое внимание на древний возраст деревьев и постоянно подчеркивал при этом, что на них нигде не встретишь никаких отметин, оставленных топором или пилой. Я не мог определить, что звучало в его голосе — гордость или сомнение. Я заметил, что старые дубы похожи на деревья друидов, и он бросил на меня острый взгляд.

— А что тебе известно о друидах? — поинтересовался он.

Я ответил, что мне о них известно сравнительно немного. Мне никогда не приходилось размышлять над тем, что существует основополагающая связь между различными древними религиями или религиозными верованиями, такими, как друидические. Мне это и в голову никогда не приходило, и я откровенно в этом признался. Методы создания мифов, конечно, были в своей основе близкими; все они являлись следствием страха, который мы испытываем перед неведомым, или же простого любопытства; однако нужно уметь проводить различие между мифами и религиозными верованиями, точно так же, как между суеверием и легендами, с одной стороны, и религиозными убеждениями и принципами этики и нравственности, с другой. Слушая меня, Амброз хранил молчание.

Мы продолжали молча идти вперед, и вдруг произошел весьма любопытный инцидент. Это случилось, когда мы подошли к высохшему руслу бывшего притока.

— А, — сказал он довольно хриплым, непохожим на обычный голосом. — Вот мы и пришли к Мисквамакусу.

— Что? — переспросил я, с удивлением поглядев на него.

Он посмотрел на меня, и я заметил, как в его глазах происходит рефокусировка. Заикаясь, он проговорил:

— Ч-ч-то? Ч-то ты с-с-каз-зал, Сти-вен?

— Как ты назвал этот ручеек?

— Понятия не имею, — покачал он головой. — Нет, этого не может быть. Мне неизвестно, было ли у него вообще когда-то название.

Он был искренне удивлен и даже немного рассердился. Увидев, в каком он состоянии, я не стал настаивать. Я ска-

зал, что, вероятно, ослышался или мое воображение начинает меня подводить, но он на самом деле только что произнес название этого притока, который когда-то бежал по высохшему руслу. И название его звучало довольно странно — похоже на имя «древнего чудотворца» племени вампанаугов, того старого «колдуна», который, по легенде, заключил в круге камней «Существо», не дававшее покоя Ричарду Биллингтону!

Этот случай произвел на меня неприятное впечатление. Я начал подозревать, что состояние моего кузена гораздо серьезнее, чем казалось на первый взгляд. Станный характер моего нового открытия только усилил опасения. Но вскоре последовало еще более удивительное подтверждение моих подозрений.

Мы больше не разговаривали, и молча, без особого труда шли вверх по высохшему руслу бывшего притока реки. Вскоре мы вышли из растущего вокруг подлеска на то место, где стояла башня на островке из песка и гравия. Вокруг башни из грубых, неотесанных булыжников было выложено кольцо. Кузен обратил мое внимание на эти камни, объяснив, что их принесли сюда «друиды», но было достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться, что это не так. У этих камней, например, не было того узора, которым отличаются кладки каменного века. Этот каменный круг, разбитый во многих местах, обложенный причудливыми наносами высохшей, потрескавшейся почвы, носил на себе явные признаки труда человека. Смутно угадывался какой-то узор, но я скорее догадался, чем понял, что роль ему предназначалась иная — может, ограждения перед башней, осмотр которой и подтвердил все то, что я ожидал от нее в свете прочитанных мной накануне записей. Я часто в прошлом посещал башню, но сейчас, когда я вошел в круг из разбитых камней, мне показалось, что это — мой первый визит сюда. Такое возникшее во мне ощущение я частично объяснял просветительским эффектом от чтения документов, предоставленных мне Амброзом, но, с другой стороны, оно объяснялось и сменой обстановки. Я сразу это понял. Прежде башня производила на меня впечатление заброшенной старой реликвии ушедшего в неясное прошлое века, а теперь, быть может под влиянием минуты, она предстала передо мной как грозное, внушающее страх строение, вокруг которого витала аура отдающей злом непроницаемости, недоступности для вре-

мени со слабым, раздражающим кладбищенским запахом.

Тем не менее я начал приближаться к ней, словно она была для меня чем-то прежде не виданным. Это был новый для меня опыт. Я хорошо знал внешний вид камней, но мне хотелось постоять внутри, изучить резьбу на каменной лестнице, а также фигуру или узор на более крупном и менее старом камне, который кузен извлек из крыши. Я тут же увидел, что узор, вырезанный на камнях по ходу лестницы, был точной миниатюрой загадочного окна в кабинете моего кузена. С другой стороны, рисунок, высеченный на вывороченном с крыши камне, оказался, как это ни странно, антиподом — не круг, а звезда, и не прямые линии, а ромб и столб огня или что-то в этом роде.

Когда кузен появился в дверях, я хотел обратить его внимание на сходство повторяющегося на камнях рисунка с конфигурацией окна, но его тон заставил меня промолчать.

— Тебе удалось что-нибудь обнаружить?

В его голосе чувствовалось не равнодушие — враждебность. Я тут же догадался, что кузен теперь был тем человеком, который встретил меня на станции в Архаме и явно стремился поскорее отправить обратно в Бостон. У меня не мог не возникнуть вопрос: в какой мере приближение к башне повлияло на его настроение? Но я промолчал, не сказав ни о том, что меня волнует, ни о том, что я обнаружил. Я только заметил, что башня — довольно старое сооружение, а резьба на камнях отличается примитивностью. Он несколько секунд не спускал с меня подозрительных, темных и печальных глаз, но, казалось, был удовлетворен. Повернувшись на пороге, он грубоватым тоном сказал, что пора возвращаться домой, скоро наступит время обеда, а он не желает тратить слишком много времени на его приготовление.

Подчиняясь его настроению, я послушно вышел из башни и по дороге начал весело болтать с ним по поводу его несравненных кулинарных талантов, предложив ему воспользоваться услугами опытного повара и тем освободить себя от необходимости готовить пищу, что, хотя и может быть время от времени приятным развлечением, неизбежно в конечном итоге становится надоедливой, неизбежной, унылой обязанностью. Мне пришло в голову предложить ему отказаться от приготовления обеда и вместо этого отправиться в Архам, где можно было отлично по-

обедать в одном из ресторанов. Он с радостью согласился, и через несколько минут мы уже ехали по направлению к древнему, не часто посещаемому гостями городу, где я намеревался оставить кузена одного на достаточно продолжительное время, чтобы посетить библиотеку Мискато-нического университета и убедиться своими глазами, насколько точно записи моего кузена отражали деятельность Илии Биллингтона.

Такая возможность появилась у меня гораздо раньше, чем я рассчитывал. Едва закончив обед, Амброз вспомнил о ряде досадных мелочей, которым, раз уж он выбрался в город, необходимо уделить некоторое время. Я в свою очередь сообщил о намерении заглянуть в университетскую библиотеку и засвидетельствовать почтение доктору Армитиджу Харперу, с которым познакомился год назад на научной конференции в Бостоне. Условившись встретиться через час возле сквера на Колледж-стрит, мы расстались.

Доктор Харпер уже несколько месяцев как отстранился от активной деятельности. Его кабинет располагался на втором этаже здания рядом с университетской библиотекой и был всегда открыт для библиофилов и коллег, изучающих историю штата Массачусетс. Это был впечатляющего вида старый джентльмен, который явно старался скрыть свои какие-то семьдесят лет за аккуратной стрижкой усов стального цвета, отличным, по фигуре, костюмом и озорной живостью темных глаз. Хотя он разговаривал со мной лишь пару раз, причем наша последняя встреча состоялась год назад, он после секундной неуверенности узнал меня, что, вероятно, его обрадовало. Он рассказal, что знакомится в данный момент с книгой одного автора со Среднего Запада, которую ему порекомендовали прочесть. Он считал, что книга многословна, растянута, в ней нет никакого очарования. «Очень многое почерпнуто из Библии», — прокомментировал он с доброй улыбкой, протягивая мне лежащую рядом с ним книгу. Это был томик Шервуда Андерсона «Вайнсбург, Огайо».

— Что привело вас в Архам, мистер Бейтс? — спросил он, откинувшись на спинку стула.

Я ответил, что в данный момент нахожусь в гостях у своего кузена Амброза Дюарта, но, заметив, что это имя ему ничего не говорит, я добавил, что мой кузен — наследник недвижимости Биллингтонов и что, воспользовавшись

случаем, я взял на себя смелость обратиться к нему, Армитиджу Харперу, за консультацией.

— Биллингтон — это старинная фамилия в штате Массачусетс, — сухо сказал доктор Харпер.

Я ответил, что располагаю такими же сведениями, но никто, судя по всему, не знает, что это за фамилия, и, насколько мне известно, она не принадлежит к числу таких, которые пользуются правом на особые почести.

— По-моему, она имеет право на ношение герба, — припомнил он. — Где-то здесь в досье у меня хранится герб.

Да, мне это было известно. Но какие факты мог бы сообщить мне доктор Харпер о Ричарде Биллингтоне или об Илии?

Старик улыбнулся, сощулив глаза.

— Мы располагаем кое-какими ссылками на Ричарда в некоторых книгах, правда, боюсь, не слишком похвального характера. Что касается Илии, то все сведения о нем можно найти в отделе хроники местных еженедельных газет периода его жизни.

Это меня не удовлетворило, что он сразу же понял по выражению моего лица.

— Но ведь вам все известно об этом, — продолжал он.

Я подтвердил, что знаю о газетах. Я подчеркнул, что был поражен сходством между статьями, относившимися к Ричарду Биллингтону, и теми, в которых писали об Илии. Оба они, как явствует из отчетов, занимались практикой, незаконность которой хотя и не была доказана, вызывала тем не менее сильные подозрения.

Доктор Харпер помрачнел. Он помолчал несколько секунд, и молчание выдавало в нем внутреннюю борьбу. Он колебался, стоит ли ему говорить или нет. Но все же заговорил, старательно взвешивая все слова. Да, ему давно известно о легендах, связанных с именем Биллингтонов и принадлежащей им роцей; они, по существу, составляли значительную часть массачусетского фольклора, они были как бы продолжением времени поголовного увлечения колдовством, хотя с хронологической точки зрения некоторые из них предшествовали эпохе охоты на ведьм. Одно время Ричард Биллингтон считался колдуном или магом, а Илия снискал себе репутацию человека, занимающегося темными делишками в лесной чаще по ночам. Нельзя воспрепятствовать накоплению подобных историй; они быстро возникали и, имея массовое хождение,

приобретали все новые оттенки, которые вскоре вытеснили первоначальные рассказы из области странных, внушающих страх приключений в область фантастического и невероятного. Таким образом первоначально содержавшийся в легендах гран истины был утрачен.

Однако не вызывало сомнения, признался он, что оба Биллингтона что-то затевали. Теперь, оглядываясь на прошедшее столетие и даже больше назад, приходишь к выводу, что практика, к которой прибегали Биллингтоны, могла быть и не связанной с колдовством; может, она и не относилась к определенным ритуальным обрядам, в отношении которых у него, Харпера, время от времени появлялись подозрения. Эти ритуалы получили распространение в малокультурной, отсталой местности — в районах Данвич и Иннсмут, например; здесь можно говорить о каких-то друидических обрядах, в которых поклонение невидимым существам на деревьях и нечто подобное было широко распространенным явлением.

Имел ли он в виду, что Биллингтоны поклонялись дриадам, лесным нимфам, или другим подобным мифологическим фигурам, поинтересовался я.

Нет, он не имел в виду дриад. Существовали довольно странные, ужасающие остатки древних религий и культов — гораздо более древних по сравнению с теми, которые известны человеку. Они были настолько незначительны, что обычно крупные ученые и исследователи не обращали на них внимания, и в результате ими занялись ученые более мелкого масштаба, чтобы документально отразить как можно больше из того, что сохранилось от этих древних религий и верований у примитивных народов.

Значит, по его мнению, мои предки исповедовали какую-то странную, примитивную форму религии?

В какой-то мере да. Он добавил, что существует вполне вероятная возможность — если я внимательно читал все сведения, — что ритуалы, практиковавшиеся Ричардом и Илией Биллингтонами, включали принесение человеческих жертв, однако ничего в этом отношении доказано не было. Но оба они — и Ричард и Илия — исчезли: Ричард в неизвестном направлении, а Илия отправился в Англию, где и умер. Все легенды, рассказы досужих кумушек о том, что Ричард остался в живых, конечно, полный вздор, — твердо сказал он. Ричард с Илией выжили в том смысле, что их род продолжается в Амброзе Дюарте и, следова-

тельно, во мне самом, противоречивые сообщения появлялись у таких авторов, которые хотели шокировать широкую читающую публику, и они раскрашивали тривиальные случаи всеми красками своего воображения. Однако, сказал он, существует и иной вид выживания, известный под названием парапсихологического остатка: зло продолжает существовать в том месте, где некогда процветало.

— Это касается и добра?

— Скажем, проявления «силы». — ответил он, снова улыбнувшись. Вполне возможно, что в доме Биллингтонов таится какая-то сила, какое-то насилие. Послушайте, мистер Бейтс, да вы наверняка это сами ощутили.

— Да, это так.

Доктор Харпер очень удивился: видно было, что это обстоятельство ему не по нутру. Он вздрогнул и вновь попытался улыбнуться.

— В таком случае, мне нечего больше вам сказать.

— Напротив, продолжайте, и позвольте мне по крайней мере выслушать ваши объяснения. Я чувствовал присутствие в этом старом доме всеобъемлющего зла, и я не знаю, что с этим делать.

— Тогда, скорее всего, зло было совершено в доме, может, оно и послужило первоначальной основой для возникновения позже историй о Ричарде и Илии Биллингтонах. Какова его природа, мистер Бейтс?

Я не мог ему спокойно объяснить. Как только я начинал облекать свой опыт в слова, из них мгновенно улетучивались непередаваемые страх и ужас. Я мучился в поисках слов, казавшихся сейчас такими пресными, но доктор Харпер с серьезным видом слушал меня, и, когда я кое-как закончил свой короткий рассказ, он несколько секунд сидел молча, мрачно над чем-то размышляя.

— Ну, а какова реакция мистера Дюарта на это? — наконец спросил он.

— Доктор, вы попали в точку! Именно это привело меня сюда, к вам.

И я рассказал, довольно осторожно подбирая слова, о вероятном раздвоении личности кузена, опуская мелкие детали, чтобы не заставлять Амброза долго меня ждать.

Доктор Харпер внимательно слушал и, когда я закончил, продолжал сидеть в созерцательной позе. Через несколько секунд он высказал свое мнение. Дом и роща оказывают на моего кузена «дурной эффект». Неплохо было

бы его изолировать на какое-то время, «скажем, на зиму». Тогда мы сумеем оценить результаты перемены обстановки. Куда бы он мог отправиться?

Я ответил, что он может переехать в мой дом в Бостоне, но признался, что хотел бы воспользоваться представившейся мне возможностью, чтобы изучить книги Биллингтона, собранные в библиотеке кузена. С его позволения можно было бы захватить их с собой. Но я сильно сомневался, что Амброз согласится провести зиму в Бостоне, если мне не удастся выбрать для такого разговора соответствующий его настроению момент, о чем я и сказал доктору Харперу. Он немедленно начал настаивать, чтобы я постарался переубедить Дюарта, мол, ему пойдет только на пользу смена места жительства на короткое время, особенно в свете последних событий в Данвиче, связанных с начавшимся расследованием.

Прощавшись с доктором Харпером, я вышел на улицу и постоял на осеннем солнце в ожидании Амброза, который опоздал на несколько минут. Он был в мрачном настроении, что было сразу заметно, и не разговаривал со мной, пока мы не выехали из города. Только тогда он резко спросил, виделся ли я с доктором Харпером. Он удовлетворился самым признанием факта, так как для него была бы оскорбительной даже мысль о том, что мы с доктором могли обсуждать его, Амброза, дела. Вероятно, в эту минуту его обуревали гораздо более сильные чувства. Поэтому мы проехали всю дорогу до дома в полном молчании.

Наступил вечер, и кузен отправился на кухню, чтобы приготовить ужин. Я в это время был занят делами в библиотеке. Я не знал, с чего начать, пытаюсь выбрать книги, которые он мог бы захватить с собой в Бостон. Я надеялся, что мне все же удастся его уговорить. Я просматривал том за томом в поисках хоть какого-нибудь упоминания о тех ключевых словах: если бы их удалось обнаружить, это, возможно, решило проблему, мучившую кузена. Многие книги, стоявшие на полках, оказались хрониками, имевшими определенную историческую и генеалогическую ценность. В них рассказывалось об этих краях и проживавших здесь знатных семьях. Но в основном это были ортодоксальные повествования, издания которых, несомненно, субсидировались состоятельными людьми либо какими-то организациями и не представляли абсолютно никакого интереса ни для кого, за исключением, может, сту-

дента, изучающего генеалогию, так как в них было помещено немало странных иллюстраций семейного древа. Несколько книг были написаны на неизвестных мне языках, несколько по-латыни, ряд из них был напечатан английским готическим шрифтом, а четыре представляли собой рукописи, вероятно неполных переводов, хотя они и были переплетены. В этой последней группе я и надеялся отыскать то, что нужно.

Вначале я подумал, что переводы были старательно сделаны Ричардом или Илией Биллингтонами, но даже беглого просмотра было достаточно, чтобы я понял, что заблуждаюсь, так как буквы были выведены чьей-то слишком грубой рукой и этот безобразный почерк не мог принадлежать таким образованным людям, какими, насколько мне известно, были оба Биллингтона. Однако в них позже были внесены замечания, несомненно принадлежавшие руке Илие Биллингтона. Нельзя было с уверенностью сказать, что хотя бы одна из рукописей принадлежала Ричарду Биллингтону, но они могли быть его собственностью, так как почти все они были довольно старыми. Даты нигде не были проставлены, но вполне вероятно, что большая их часть появилась здесь до Илие Биллингтона.

Я взял один из рукописных томов, что полегче, и уселся в кресле, чтобы повнимательнее его изучить. Обложка, без названий, была сделана из удивительно эластичной кожи, ее текстура напоминала кожу человека. На одном из листов, предшествовавших тексту перевода, который начинался без всякой преамбулы, стояла легенда: «*Аль-Азиф — Арабская Книга*». Быстро перелистав ее, я понял, что в ней были собраны фрагментарные переводы какого-то текста или ряда текстов, из которых по крайней мере один был написан на латинском, а другой на греческом языках. Кроме того, на многих страницах были заметны следы загибов, а примечания носили ссылочный характер. «Бр. музей», «Биб. Национале». «Вайднер», «Ун. Буэнос-Айреса» .. Уделив им несколько минут, я убедился, что это ссылки на знаменитые музеи, библиотеки и университеты в Лондоне, Париже, Кембридже, Буэнос-Айресе и Лиме; в тексте я увидел бросающиеся в глаза разночтения, что свидетельствовало об участии в компиляции нескольких лиц. Все это, без тени сомнения, указывало на чье-то страстное желание — может, самого Илие — заполучить в свои руки основные части этой книги, и он, вероятно, делал

заказы на переписку многим людям, и скорее всего за небольшие деньги. Сразу бросалось в глаза, что книга была далеко не завершена и в ней царил беспорядок, хотя маргиналии указывали, что человек, занимавшийся ее переплетом, отчаянно старался вначале разобраться в ее отдельных частях, которые, очевидно, присылались ему со всего мира.

Просматривая страницы во второй раз, уже более медленно, я впервые заметил одно из имен, как-то связанных, мне показалось, с неприятностями, происходящими в роще. Я держал в руке очень тонкий листок с чьим-то едва различимым паучьим почерком. Поднеся его поближе к свету, начал читать:

«Никогда не допускайте мысли, что человек — самый древний и последний Хозяин Земли; нет, большая часть жизни и вещества не одиноки. Древние были, Древние есть, Древние всегда будут. Но они обретают не в знакомых нам пространствах, а где-то между ними, на грани. Они ходят, спокойные в своем естестве, для них нет обычных измерений, и они невидимы нам. Йогг-Сотот знает Ворота, ибо Йогг-Сотот — это сами Ворота. Йогг-Сотот — ключ к Воротам, он их хранитель. В прошлом, настоящем, будущем — то, чем мы были, то, чем являемся сейчас, то, чем будем, — все объединяется в одном Йогг-Сототе. Ему известно, где Древним удалось прорваться через старость и куда Они явятся после завершения Цикла. Ему известно, почему никто не может лицезреть Их, когда Они ходят. Иногда люди могут почуять Их по запаху, непривычному человеческому обонянию, — подобно запаху, исходящему от твари, которой очень много лет; человек ничего не знает о том, как Они выглядят, за исключением черт тех, которых Они создали для человечества; Их лик ужасен, но трижды ужасней Те, кто произвели их; в таком Потомстве существуют различные виды, и их облик сильно отличается от самого истинного образа человека, от самого призрачного привидения, ибо Их формы не обладают ни светом, ни веществом. Они бродят, но никто Их не замечает; Они бродят со скверным запахом в заброшенных местах, где произносят Слова и совершают ритуалы в Свой Праздник, который отмечается в крови и отличается от праздников человека. Ветер наполняется Их голосами, Земля глухо бормочет, подчиняясь Их сознанию. Они пригибают деревья в лесу. Они вздымают волны. Они

разрушают города, и ни один лес, ни один океан, ни один город не в силах сдержать карающую руку. Кадат в Холодной Пустоши знает Их, а какой человек знает Кадата? Ледовое пространство Юга и погрузившиеся в воды Океана острова удерживают камни, на которых выгравирована Их печать, но кто видел окончательно замороженный город из запечатанной высокой башни, украшенной гирляндами морских водорослей и ракушками? Великий Хтулу — их двоюродный брат, но даже он способен лишь призрачно выследить Их. Лишь как скверна Они будут известны роду человеческому. Они удерживают свои руки вечно у глотки людей, от начала времени и до конца его, и все же никто Их не видит; место Их обитания — на одном уровне с Порогом твоего бдительно хранимого дома. Йогг-Сотот — это ключ к Воротам, где соединяются сферы. Человек ныне правит там, где прежде правили Они; вскоре будут править Они там, где ныне правит человек. После лета наступает зима, и после зимы возвращается лето. Они ждут, обладая могуществом и терпением, ибо Они будут править снова, и, когда Они придут, никто не станет Им перечить и все подчинятся Им. Те, кому известно о Воротах, будут вынуждены открыть для Них путь и станут служить Им, как Они того пожелают, но те, кто откроют Ворота невзначай, познают лишь короткое время после этого».

Затем следовал пробел в рукописи, и начиналась другая страница. Она была написана уже другим почерком и, вероятно, взята из другого источника; судя по всему, она была значительно древнее той, что я только что прочитал, так как и бумага пожелтела сильнее, да и написание букв было довольно архаичным

«Все было сделано, как и было обещано перед этим, когда Он был взят Теми, Кому бросил вызов, и опущен в самые дальние морские глубины и помещен в покрытую ракушками Башню, которая, как говорят, возвышается среди громадных развалин у Затопленного Города Р'лие и которая запечатана изнутри Высшим знаком, и Он неистовствовал на Тех, Кто бросили Его в тюрьму. Он снова навлек на Себя Их гнев, и Они навлекли на Него подобие Смерти, но оставили Его спать в этом месте под большими водами и возвратились туда, откуда пришли. А именно, Глю-Во, который среди звезд и смотрит на землю, когда наступает время и опадают листья, до того

времени, когда пахарь вновь возвращается на свое поле. И останется Он там спать навечно в Своем Доме в Р'лие, куда тотчас же роями устремятся Его Сторонники, преодолевая на пути все препятствия, и устроятся там, ожидая Его пробуждения, будучи не в силах прикоснуться к Высшему знаку и опасаясь его великой силы, зная, что Цикл завершится, и Он будет освобожден, и сможет обнять снова Землю и превратить ее в Свое Царствие, и вновь бросить вызов Высшим Божествам. То же произошло и с Его братьями, они были взяты Теми, Кому бросили вызов, и отправлены в изгнание; Тот, Которого Нелзя Назвать, отправлен в самое далекое пространство за Звезды вместе с другими, покуда Земля не будет освобождена от Них; и Тех, которые пришли в образе Огненных Башен, возвратили туда, откуда Они пришли, и никто больше их не видел, и на Земле наступивший мир был нарушен, когда Их Сторонники собрались и начали искать средства, чтобы освободить Древних, и ждали, когда человек придет, чтобы постигнуть секрет запретного места и открыть Ворота...»

Я решительно перевернул страницу и задержался на следующей, которая оказалась меньше по размеру, была написана на тонкой прозрачной бумаге и оставляла впечатление, что кто-то писал украдкой, вероятно, пытаясь избежать посторонних глаз. Автор делал сокращения, поэтому приходилось время от времени задерживаться, чтобы разобрать, что имеется в виду, а это, конечно, лишь создавало дополнительные трудности

Третий отрывок, судя по всему, более точно соответствовал второму, чем второй — первому

«...Древние все время ждут у Ворот, и Ворота расположены повсюду во все времена, ибо Им неведомо ничего о времени и пространстве, но Они одновременно находятся повсюду, хотя этого и не видно, и среди Них есть такие, которые принимают различную форму и черты, любую мыслимую форму и любое мыслимое лицо, и Ворота для Них повсюду... В Иреме, в Городе Столбов, городе, расположенном под пустыней, где люди устанавливают Камни и трижды произносят запретные Слова, возникнут Ворота и будут ждать Тех, кто пройдет через них точно так, как Дов, и ужасный Ми-Го, и народ Тчо-Тчо, и Глубинные дхоли, и Гуги, и Ночные Призраки, и Шогготы, и Вормисы, и Шантаксы, которые охраняют

Кадата в Холодной Пустоши и на равнине Ленг. Все они в равной степени чада Высших Божеств, но Великая раса Йита и Великие Древние не пришли к согласию друг с другом и разделились... Потом Они вернутся в своем великом Возвращении; и Великий Хтулу будет освобожден из Р'лие, из глубин Моря; и Тот, Которого Нельзя Назвать, вернется из Каркоса возле озера Хали; и Шаб-Ниггрот выйдет, чтобы расплодиться в своем безобразии; и Нарлатотеп понесет Слово всем Великим Древним и Их Сторонникам; и Йогг-Сотот, который есть Всё-в-Одном и Одно-во-Всём, рассыплет шары... и из черных пещер на Земле выйдет Цаттогва и возобладает над всем... когда Господин Великой Бездны узнает об Их возвращении и выйдет со Своими Братьями, чтобы рассеять Зло».

Я отложил в сторону книгу, совершенно озадаченный этими зловещими ссылками на что-то, что явно было выше моего понимания, но уверенный, что ключ ко всем тайнам — именно в этих ветхих страницах. Теперь я окончательно убедился, что компиляция этих отрывков началась по инициативе Ричарда Биллингтона, который был «уничтожен Тем, что он призывал с неба», и продолжалась под руководством Илии, неизвестно с какой целью. Последствия того, что Биллингтоном было известно, как правильно интерпретировать прочитанное, как использовать такие знания, вероятно, были ужасными, тем более в свете событий, которые произошли при их жизни.

Когда я повернулся, чтобы отправиться на кухню, мой взгляд невольно остановился на окне с витражом и я испытал глубокое потрясение, близкое к стрессу. Последние красные лучи заходящего солнца высвечивали на цветном стекле абсолютно отвратительную карикатуру на нечеловеческое лицо какого-то громадного фантастического существа. Оно было ужасно искажено: глаза, если они у него были, глубоко запали; у него не было ничего похожего на нос, хотя были заметны ноздри; нижняя челюсть лысой сияющей головы завершалась массой худосочных щупалец... В ужасе взирая на это привидение, я вдруг с новой силой ощутил царящую в кабинете всепоглощающую погибель, снова ужасное ощущение зла наваливалось на меня со всех сторон, давило, словно осязаемый поток, устремившийся со стен и окон, будто он хотел уничтожить все живое на

своем пути. Тут же мне в нос ударила омерзительная вонь — кладбищенский дух, воплощение всего тошнотворного и отталкивающего.

Потрясенный, я все же подавил в себе импульс закрыть глаза и отвернуться — нет, я продолжал глазеть на окно, будучи уверенным в том, что стал жертвой галлюцинации: несомненно, мое воображение вернуло мне только что прочитанное. В это мгновение отвратительная образина сократилась в размерах, растаяла, окно вновь приняло прежний вид, и нос мой не чувствовал больше чудовищного запаха. Но то, что произошло потом, было в каком-то роде еще более ужасным, и я сам оказался в этом виноват.

Не довольствуясь выводом, что я стал жертвой оптического обмана, на удочку которого недавно попался и Амброз, я снова взгромоздился на шкаф, стоявший под окном, и выглянул наружу через центральное окошко из обычного стекла в направлении каменной башни, которую намеревался увидеть, как и прежде, на фоне окаймлявших ее деревьев в свете уходящего за горизонт солнца. Но, к моему невыразимому ужасу, перед моими глазами развернулся совершенно незнакомый пейзаж. Я чуть было не свалился со шкафа, на котором стоял на коленях, но по-прежнему не отрывал взгляда от ландшафта, усеянного какими-то воронками и, казалось, разрытого; небо над головой мерцало странными, загадочными созвездиями, совершенно мне неизвестными, за исключением одного, напоминавшего мне Гиады. как будто эта группа приблизилась к Земле на тысячу тысяч световых лет. В том, что я увидел, было движение — движение в этих чуждых небесах, движение на этом разорванном пейзаже каких-то громадных аморфных существ, которые быстро приближались ко мне явно со злым умыслом...

Долее нервы мои не могли подвергаться этому испытанию; я закрыл глаза и, уже не помню как, очутился на твердом полу. Затем я выбежал из дома, глотая морозный воздух и постепенно приходя в себя, воочию убедившись, что, слава Богу, все по-прежнему на своих местах. В тот день я ничего не сказал Амброзу...

Спалось мне плохо. Я укрылся одеялом с головой, стараясь не прислушиваться к ночным звукам, чтобы не мучить себя вновь неразрешимым вопросом: где в этом Богом проклятом месте проходит граница реального и ирреального.

Я проснулся, когда едва брезжил рассвет, и понял, что уже не засну. В доме было тихо; светлело на глазах от выпавшего за ночь снега. Я решил совершить небольшую прогулку — мне было о чем подумать; но едва я отворил входную дверь, как с изумлением обнаружил четкую цепочку следов у самого порога. Пристально разглядев их, я осторожно произвел несложный эксперимент: достал ботинок Амброза и сравнил со следом. Сомнений не было. Очевидно, ночью у него опять был приступ снохождения, а свежевыпавший снег позволял мне в точности повторить путь кузена. Убедившись, что он все еще спит, я, не без колебаний, отправился по следам шаг за шагом.

Следы, как я и предполагал, вели к башне, более того, из-за снега, попавшего внутрь через проделанный Амброзом пролом в крыше, можно было заметить, что они вели дальше, по ступенькам возле стены, к площадке прямо под ним... Вскоре я очутился на месте, где ночью стоял Амброз, и посмотрел в сторону дома. Бросив взгляд вниз, чтобы определить, чем занимался кузен в башне, я вдруг увидел на снегу поодаль от башни какие-то тревожащие душу отпечатки. Я несколько секунд их внимательно изучал, пытаясь выяснить, что это такое, и, заранее испытывая ужас перед тем, что меня там ожидало, спустился с лестницы и направился к ним.

То были три различных отпечатка на снегу, причем каждый из них наводил на меня безотчетный ужас. Первый, довольно большой, размером приблизительно двенадцать на двадцать пять футов, заставлял предположить, что на этом месте останавливалась какая-то тварь, похожая на слона. Я тщательно обследовал внешние края этого вдавленного в снег отпечатка и смог убедиться, что, какая бы тварь здесь ни сидела, у нее была гладкая кожа. Второй отпечаток был похож на коготь размером около трех футов, причем казалось, он был оплетен паутиной; третий представлял собой зловещее месиво: снег был раскидан когтями. Создавалось впечатление, что кто-то здесь хлопал крыльями, но точнее ничего нельзя было определить. Я стоял и не отрываясь разглядывал эти отпечатки. Насмотревшись, я почти в шоковом состоянии повернул назад, к дому, и решил добираться до него кружным путем, держась как можно дальше от проложенной моим кузеном тропки, чтобы не вызвать у него подозрений в связи с моим отсутствием.

Амброз, как я предполагал, уже встал, и, к своему облегчению, я заметил, что передо мной — прежний кузен. У него был усталый вид, он ворчал, так как успел соскучиться без меня. Он не мог объяснить причину своей усталости, ведь он крепко спал всю ночь, но его что-то угнетало, давило на него. Более того, так как ему было одиноко, он отправился меня искать и обнаружил, что к нам приходил ночной гость, который подходил к двери и повернул обратно, вероятно, так и не сумев нас разбудить. Я сразу понял, что он увидел собственные следы, но не узнал их. Из его слов мне стало ясно, что во время ночного посещения башни он продолжал спать.

Я сказал, что выходил прогуляться. У меня в городе выработалась такая привычка, и мне не хотелось менять своего обыкновения.

— Не знаю, что со мной происходит, — пожаловался он. — Мне совсем не хочется готовить завтрак.

— Давай я займусь этим, — предложил я и немедленно принялся за работу.

Он с радостью согласился и, сев на стул, принялся растирать ладонью лоб.

— Кажется, я все забыл. Мы ведь строили какие-то планы на сегодня?

— Нет, никаких. Просто ты устал, вот и все.

Я подумал, что наступил благоприятный момент, чтобы предложить ему провести зиму у меня в Бостоне, тем более что мне самому хотелось побыстрее покинуть этот дом, так как теперь я себе отдавал полный отчет о тающем здесь зле и явной опасности.

— Тебе, Амброз, никогда не приходила в голову мысль сменить обстановку?

— Нет, не приходила, — ответил он.

— Я имею в виду временную перемену. Почему бы тебе не провести эту зиму в Бостоне? Потом мы вместе вернемся сюда весной. Ты, если захочешь, можешь продолжить свои занятия в Вайднере — там часто читают лекции, дают концерты. Более того, там ты можешь встречаться с людьми, беседовать с ними, а это тебе просто необходимо.

Он заколебался, но не проявил враждебного неприятия. Я знал: потребуется время, чтобы он согласился. Уже ликуя в душе, я, конечно, соблюдал осторожность. Нужно было постоянно оказывать на него давление, чтобы до-

биться согласия до того, как к нему вернется его агрессивное настроение. Оно непременно заставит его воспротивиться идее, и тогда уж ничего не поделаешь. Поэтому я не отставал от него все утро, не забыв предложить взять с собой несколько книг из библиотеки Биллингтонов для его зимних занятий, и, наконец, после обеда соглашение было достигнуто. Мы проведем зиму в Бостоне вместе. Приняв решение, он захотел поскорее уехать отсюда — словно его подталкивало глубоко застрянное чувство самосохранения, — так что к вечеру мы уже были готовы к отъезду.

В конце марта мы возвратились из Бостона, — Амброз с нетерпением, растущим любопытством, а я — с дурным предчувствием, хотя нужно признать, что, кроме первых беспокойных ночей, когда он разгуливал во сне с отрешенным видом, Амброз все зимние месяцы оставался прежним моим кузеном. Казалось, он полностью оправился от глубокой депрессии, заставившей его обратиться ко мне. Амброз пользовался большой популярностью среди бостонского общества, и я значительно отставал от него в этом, так как ушел с головой в странные старые книги Илии Биллингтона. Всю зиму я тщательно их изучал. Я обнаружил в них немало страниц, очень похожих на те, которые я прочитал с самого начала; в них было немало ссылок на ключевые названия и имена, о которых мне стало известно; были в них и противоречивые отрывки, но нигде мне так и не удалось отыскать точную формулировку основного вероучения в достаточно ясной форме, не было в них и четкой схемы, образца, которому соответствовали бы все ссылки и умозаключения.

С приближением весны, однако, кузен стал чуть более беспокойным и начал все чаще заговаривать о своем желании вернуться в дом Биллингтонов в роще, который, как он подчеркивал, был все же «его домом», где ему «все было знакомо». Все это резко контрастировало с его полным безразличием к некоторым аспектам рукописных томов, которые я пытался время от времени обсудить с ним в зимние месяцы в Бостоне.

За это время произошло только два события в окрестностях Архама, и о них сразу же сообщили бостонские газеты. Речь шла об обнаружении в разное время двух трупов в Данвиче после жуткого исчезновения людей, ставших жертвами убийства. Один из них нашли в эту зиму в период между Рождеством и Новым годом, а второй, вслед за ним, после первого февраля.

Как это бывало и раньше, обе жертвы умерли совсем недавно и обе, судя по всему, были сброшены с разной высоты. Тела, изуродованные множественными переломами и разрывами тканей, приводили в трепет самых хладнокровных, но все же их можно было опознать.

И в том и в другом случае прошло несколько месяцев между временем их исчезновения и обнаружения трупов. Газеты особенно подчеркивали, что каких бы то ни было записок с требованиями выкупа за жертвы не поступало, и обращали особое внимание на тот факт, что у покойных не было причин покинуть свои дома. Между тем никаких следов со времени их исчезновения и до обнаружения тел — одно на островке реки Мискатоник, а другое — в ее устье — не было найдено, несмотря на все усилия, предпринимаемые дотошными, освещающими это дело журналистами. Я заметил с леденящим душу восторгом, что кузен проявляет просто бешеный интерес в этом газетным отчетам; он все время их перечитывал и делал это с видом человека, чувствующего, что ему известен скрытый смысл прочитанного, но он никак не может пробиться к нему через пелену забвения.

Я с тревогой наблюдал за ним. Я уже говорил, что приближение весны усиливало беспокойство кузена, порождало в нем все более острое желание возвратиться в родной дом, который он покинул ради Бостона, и это наполняло мою душу опасениями, неясными и дурными предчувствиями, которые, нужно прямо сказать, вполне оправдались. Сразу же после нашего возвращения кузен начал вести себя совершенно иначе, нежели когда зимой был гостем в моем городском доме.

Мы подъехали к поместью Биллингтонов вечером, после захода солнца в конце марта — это был ласковый, мягкий вечер, воздух был пропитан благоуханием бродившего сока распускающихся деревьев, расцветавших трав, что придавало легкому западному ветерку сладковатую горечь дыма. Едва мы распаковали вещи, как кузен вышел из своей комнаты. Он был чем-то сильно взволнован. Он, вероятно, прошел бы мимо, не заметив меня, если бы не схватил его за руку.

— Что случилось, Амброз?

Бросив на меня быстрый враждебный взгляд, он, сдержавшись, довольно вежливо ответил:

— Лягушки, разве ты не слышишь? Послушай-ка их

хор. — Он выдернул руку. — Я хочу выйти, чтобы послушать их. Это они приветствуют мое возвращение.

Понимая, что моя компания нежелательна, я не пошел следом за кузеном; я направился прямо в его комнату через холл и уселся возле одного из открытых окон, вдруг вспомнив, что как раз у этого окна сидел Лаан сто лет назад и размышлял о своем отце и индейце Квамисе. Лягушки на самом деле подняли оглушительный гвалт, их кваканье звучало у меня в ушах, им наполнилась вся комната; пульсирующие звуки доносились от странного болотистого луга, расположенного в глубине рощи между каменной башней и домом. Слушая эту громкую какофонию, я размышлял о чем-то более странном, чем оглушающий шум.

В большинстве зон с умеренным климатом только представители класса «hylidae» — квакши, лягушки-сверчки и, главным образом, древесные лягушки, а время от времени и лесные, начинают кричать до наступления апреля, за исключением периодов необычайно теплой погоды, которых обычно не бывает в первую неделю весны. Вслед за ними пробуждаются лягушки обыкновенные и, наконец, лягушки-быки. Но в мешанине звуков, доносившихся с болота, я свободно различал голоса квакш, лягушек-сверчков, древесных лягушек, коричневых лягушек, прудовых, жаб, молодняка, пятнистых лягушек и даже лягушек-быков. Свое первоначальное удивление я объяснил уверенностью в том, что из-за такого оглушающего шума меня подвел слух. Мне приходилось часто ошибочно принимать пронзительные, высокие звуки весенних квакш в конце апреля за крики далекого жалобного козодоя, и я относил свою ошибку на счет слуховой иллюзии. Но вскоре я обнаружил, что у меня со слухом все в порядке, и я запросто различал различные голоса, типичные ноты и трели!

Ошибка исключалась, и это меня беспокоило больше всего. Это явление тревожило меня не только потому, что противоречило законам природы, которые я основательно изучил, но и в силу невинных ссылок на такое поведение земноводных обитателей в присутствии или непосредственной близости тварей, диковинно названных в прочитанных мной рукописях «существами». Иными словами, поведение земноводных свидетельствовало об их особой чувствительности к присутствию того, кого автор манускрипта называл «безумным арабом», так как земноводные находились с ним в таких же первозданных отношениях, как

и приспешники Морского Божества, и были известны под названием «Глубинных дхолей». Короче говоря, автор предполагал, что земноводные становились необычайно активными и голосистыми в присутствии своих первозданных родичей, *«будь они видимые или невидимые, для них это было безразлично, ибо они их чувствуют и подают голос»*. Поэтому я слушал этот чудовищный хор со смешанными, тяжелыми чувствами: всю зиму у меня была определенная уверенность в необратимом улучшении психического здоровья кузена; теперь мне казалось, что его возвращение в прежнее состояние произошло очень быстро, причем без всякого сопротивления с его стороны. В самом деле, Амброз, казалось, с большим удовольствием слушал лягушачий концерт, и это обстоятельство мне сразу напомнило тревожный перезвон колокольчиков, связанный у меня в памяти с заклинанием в любопытных инструкциях Илии Биллингтона: *«Он не должен беспокоить лягушек, в особенности жаб, в болоте между башней и домом, ни летающих светляков, ни козодоев, чтобы не оставлять свои замки и запоры»*.

Скрытый смысл такого заклинания не был очень приятным, что бы ни означал весь этот сумбур. Предупреждал ли он Амброза, что «что-то» невидимое стояло рядом или что какой-то чужак, непрошенный гость, находился неподалеку? Но таким непрошеным гостем, нарушителем спокойствия, мог быть только я!

Я отошел от окна, решительным шагом вышел из комнаты, спустился по лестнице и направился к тому месту, где стоял кузен со скрещенными на груди руками, откинув немного голову назад, выпятив вперед подбородок; в его глазах появился странный блеск. Я подошел к нему с твердым намерением прервать его наслаждение, но рядом с ним моя решимость улетучилась. Я молча стоял до тех пор, пока молчание не стало действовать мне на нервы, и я спросил его, нравится ли ему хор лягушачьих голосов, раздававшихся в разгаре вечера.

Не поворачиваясь ко мне, он загадочно ответил:

— Скоро запоют жалобные козодои и засияют жуки-светляки — и наступит время.

— Чего?

Он не ответил, и я пошел обратно к дому. По дороге я заметил какое-то движение в сгущающихся сумерках с той стороны дома, которая была обращена к дороге, и, подчи-

няясь инстинкту, побежал в этом направлении. В школе я был неплохим спринтером и с тех пор утратил лишь незначительную часть своей спортивной формы. Когда я обежал вокруг дома, то заметил какого-то страшно оборванного типа, который, выйдя из леса, пытался скрыться в растущих вдоль дороги кустах. Я бросился вдогонку и вскоре настиг его. Я схватил его за руку в тот момент, когда он перешел на бег. Передо мной был молодой человек, не старше двадцати, он отчаянно сопротивлялся, пытаясь освободиться от моей хватки.

— Оставьте меня в покое! — чуть не рыдая, умолял он. — Я не сделал ничего дурного.

— Чем вы здесь занимались? — сурово спросил я.

— Просто хотел узнать, вернулся ли Он. Хотел взглянуть. Мне сообщили, что Он вернулся.

— Кто сообщил?

— Разве не слышите? Лягушки — вот кто!

Я был потрясен и невольно сжал сильнее его руку. Он вскрикнул от боли. Ослабив немного хватку, я потребовал, чтобы он назвал свое имя. Только тогда я его отпустил.

— Только Ему не говорите! — умолял он.

— Не скажу.

— Я — Лим Уэйтли, вот кто я такой!

Я выпустил его руку, и он тут же кинулся прочь, видимо, не веря, что я не брошусь за ним в погоню. Но, убедившись, что я не намерен этого делать, он остановился, нерешительно повернулся и торопливо подошел ко мне без всяких криков. Он схватил меня за рукав и заговорил тихим голосом:

— Вы не поступаете так, как один из Них, нет, не поступаете. Лучше вам убраться отсюда прежде, чем что-нибудь произойдет.

Потом он снова бросился в сторону, но на сей раз уже не возвращался — пропал, легко растворился в густеющей темноте, окутавшей уже весь лес. За моей спиной лягушачий концерт достиг безумного неистовства, и я с радостью подумал о том, что окна моей комнаты в восточном крыле дома не выходят на болото; но и в этом случае их хор был достаточно слышен. В ушах по-прежнему звенели слова Лима Уэйтли, возбудившие во мне безотчетный страх, страх, который всегда подстерегает любого, оказавшегося перед лицом Необъяснимого, Неведомого, человека, испытывающего вполне естественное желание как можно

скорее дать деру. Через несколько секунд мне удалось подавить в себе страх и импульсивное побуждение немедленно последовать совету Лима Уэйтли. По дороге к дому я все время думал о проблеме, стоящей перед населением Данвича, — это новое происшествие вкупе со всем остальным убедило меня, что кое-какие отгадки происходящих здесь таинственных событий следует искать среди местных жителей, и, если мне удастся заполучить автомобиль кузена, можно было бы провести дальнейшее расследование.

Амброз находился там, где я оставил его: казалось, он не заметил моего отсутствия. Решив не мешать ему, я направился к дому и был удивлен, когда он окликнул меня и, поравнявшись, молча зашагал рядом.

— Странно, что лягушки так рано раскричались в этом году, — предпринял я робкую попытку отвлечь кузена от мрачных раздумий.

— Не вижу в этом ничего странного, — коротко бросил он, обрывая беседу.

У меня пропало всякое желание продолжать, ибо я почти физически ощущал, как возрастает его необъяснимая враждебность. Настойчивость могла бы только повредить мне: еще несколько попыток поддержать разговор, и раздраженный кузен в конечном итоге указал бы мне на дверь. Честно говоря, я бы и сам с радостью уехал, однако долг побуждал меня оставаться здесь как можно дольше.

Вечер прошел в напряженном молчании, и я с облегчением воспользовался первой же возможностью, чтобы подняться в свою комнату. Просматривать старинные фолианты, загромоздившие полки в библиотеке, не было ни малейшей охоты, и я решил ограничиться местной газетой, купленной накануне в Архам-сити. Увы, мне пришлось раскаяться в собственном выборе: почти половину первой полосы занимала редакционная статья, посвященная рассказу некой старухи из Данвича, которой по ночам не давал спать голос Джейсона Осборна. Труп несчастного был обнаружен вскоре после того, как стоял снег возле опушки Биллингтоновой рощи. Посмертное вскрытие показало, что перед гибелью Осборн подвергался сильным перепадам температур; его тело было искромсано, словно ножницами, однако не нашлось ничего, что могло бы пролить свет на причину смерти. Автор статьи пространно описывал пробуждение старухи, ее удивление и бесплодные попытки найти источник голоса, который, по ее словам, ис-

ходил откуда-то извне, «словно из бездонной черноты неба». В заключение высказывалось предположение, что «кое-кто очень бы желал скрыть вместе с первопричиной всех происшествий и рассказ потревоженной леди»

Признаюсь, это сообщение зачаровало меня. Во-первых, оно почти слово в слово повторяло прежние заключения о том, что тела жертв, обнаруженных в Биллингтоновой роще, судя по всему, «были сброшены с большой высоты». Во-вторых, неизвестный автор вновь перебирал все подробности, касающиеся древней загадки и так взбудоражившие тихий Данвич,— от маловразумительных призывов Илией Биллингтоном какого-то существа с «темных небес» до последних событий. Быть может, в мои руки попал кончик путеводной нити, способной вызволить меня из лабиринта, в котором блуждал мой дух. Тяжесть пропитанной злобным ожиданием атмосферы угнетала меня; угрюмые стены следили за каждым моим движением, и сам дом, казалось, ожидал только одного неверного шага, чтобы обрушиться и раздавить меня. Возбужденный прочитанным, я еще долго лежал в кровати, не в силах сомкнуть глаз, прислушиваясь к болотной какофонии и хриплому покашливанию кузена внизу в гостиной. Было ли это сном или бодрствованием, но я отчетливо различал чьи-то тяжелые шаги, сотрясавшие основание дома и гудким громом отдававшиеся в темной глубине неба.

Лягушки надрывались до самого рассвета, так и не дав мне спокойно выспаться. Поднявшись с отуманенной усталостью головой, я долго плескался под рукомойником с ледяной водой, все более утверждаясь в мысли, что посещение окрестностей Данвича неизбежно, если я хочу проникнуть в тайну.

Когда я спустился в гостиную, завтрак уже стоял на столе. Кузен хмуро приветствовал меня, однако заметно оживился, стоило мне попросить на полдня его машину. С готовностью и, как мне показалось, с облегчением он уверил меня, что я могу располагать ею весь день; сам проводил меня до машины и, напутствуя, еще раз повторил, что я могу оставаться в городе, сколько пожелаю. Думаю, он обезумел бы от радости, скажи я ему, что уезжаю насовсем.

Несмотря на то, что я принял решение под влиянием минуты, моей главной целью оставалась встреча с миссис Бишоп, о которой мне рассказывал кузен во время одного из

наших первых с ним разговоров. Этой женщине были знакомы древние имена Нарлатотепа и Йогг-Сотота. Из сведений, почерпнутых в бумагах Амброза, я полагал, что без труда разыщу ее жилище, тем более что в моем распоряжении была бездна времени. Если старуха станет лукавить, у меня всегда найдется средство разговорить ее: не помогут деньги — пригодится хитрость. С этой уверенностью я отправился в путь.

Как я и предполагал, найти скромное жилище миссис Бишоп оказалось совсем нетрудно. Приземистый домик, окруженный покосившимся плетнем, стоял возле самой дороги. Возможные сомнения рассеивала прибитая к воротам табличка с коряво нацарапанными буквами: «Бишоп». Выбравшись из машины, я уверенно прошел по тропинке, поднялся на крыльцо и постучал в дверь.

— Войдите, — послышался чей-то скрипучий голос.

Я переступил порог и очутился в полумраке посредине прокопченной дымом столетий комнаты. Скудный свет, струившийся из единственного окна, освещал угловатую фигуру старухи, устроившуюся в плетеном кресле и внимательно смотревшую на меня. На коленях у нее дремала огромная черная кошка.

— Садись, незнакомец.

Оглядевшись вокруг, я заметил потемневшую от старости дубовую скамью и осторожно опустился на краешек

— Добрый день, миссис Бишоп..

— Я знаю, зачем ты пришел. — Ее темные глаза не отрываясь смотрели мне в лицо. — Твой тут лежит через рошу Биллингтона, через проклятое болото .

— Меня зовут Стивен Бейтс, — я с удивлением услышал, как глухо звучит мой голос. — Я приехал к вам, чтобы спросить. .

Казалось, она не слышала моих слов.

— Ты был возле башни .. Пятнистые лягушки предупреждают о твоём появлении. Они призывают Существ из Запредельных Миров.

— Простите, я не совсем понимаю вас, миссис Бишоп.

— Тебе известно, что Тот, Кого Ждали, пришел. Я узнала о Его возвращении, когда раскрылись двери его дома. Лягушки снова кричат, и все готово к тому, чтобы следом за ним вернулись и Они. Я не боюсь смерти, однако последние дни я чувствую ее приближение. Кто ты, назвавшийся

Стивенем Бейтсом, и по какому праву ты приходишь сюда? Ты один из Них?

— Разве по моему облику не видно, что я человек? — возразил я.

— Нет, и это ничего не значит. — Ее скрипучий голос стал тише, почти умолк. — Они могут являться в любом обличье, какое Им будет угодно. Многие из людей были бы рады служить Им на земле. Ты прибыл по Их воле.

— Нет-нет, вы ошибаетесь!

Мой поспешный ответ сослужил мне плохую службу. Старухой завладели сомнения. Словно оправдываясь, она продолжала:

— Клянусь, я не хотела ничего дурного и не рассказывала никому о том, что слышала. Письмо написал Лим Уэйтли, хотя никто и не просил его об этом.

— Вы говорите о голосе Джейсона Осборна?

— Я никому не рассказывала о нем!

— Когда вы слышали его?

— Десять ночей спустя, как его забрали, почти две недели до того самого момента, как его нашли. Я слышала его столь отчетливо, как будто он находился в этой комнате. До этого я не встречала его, знала только, что он живет по другую сторону долины.

— Что он говорил?

— Какие-то заклинания, странные имена, о которых я никогда прежде не слышала. Это был язык людей, и я понимала, что он говорит, но последние ночи он постиг Их язык, который недоступен пониманию простых смертных.

— Откуда же он обращался к вам?

— Из Запредельных Миров. Они унесли его с собой и установили срок его пребывания там, перед тем как пожрать его.

— Его никто не пожрал, миссис Бишоп. Тело нашли в роще.

— Я знаю, — старуха самодовольно усмехнулась. — Им не всегда нужна человеческая плоть. Их голод иного свойства, и, чтобы утолить его, необходим дух человека — то, что побуждает его размышлять, чувствовать.

— Жизненная сила?

— Называй это, как тебе хочется, незнакомец. Когда Джейсона отыскиали в этой проклятой роще, он был мертв, все мертвого. Они растерзали, изуродовали его, утолили им свой голод и долго влачили за собой, куда бы ни направлялись.

— Вы видели Их?

— И да и нет, незнакомец. Они постоянно пребывают здесь, рядом с нами, но мы не в состоянии увидеть Их. Они прислушиваются к нашим речам, таятся возле порога и ждут — ждут призыва, чтобы явиться в наш мир. Старый сквайр вызывал Их, однако перед тем как уйти, он запер Их. Почти два века Они томились в заточении, и он пришел, чтобы освободить Их. Они снова свободны, летают, ползают, быть может, стоят рядом с Дверью — Им ведомы силы, которые открывают Ее. Голос сквайра призывает Их, но даже он не может считать себя в безопасности, если он не окружит себя запретными знаками. Пока Они не в силах растерзать его, и он повелевает Ими.

— Илия Биллингтон?

— Илия? — тихий смех зазвенел в комнате. — Он знал о том, что неведомо простым смертным. Его заклинания призывали Потустороннюю Тварь и заставляли служить ему. Прежде чем уйти, он запер Ее, назначив время, чтобы вернуться. Никто не знал точного часа, кроме его ближайших слуг, и Мисквамакус был одним из них. Сквайр ходил по земле, но никто не мог распознать его, так много он принимал обличий. О, он принимал облик Уэйтли или Дотена, он сидел среди членов семейств Джайлзов или Коури, но никто не узнавал его, каждый видел лишь внешний его облик. Его мощь была столь велика и необъятна, что только немногие выдерживали ношу: все его слуги слабели и умирали, не в силах вместить его. Из всех только Илия сумел вынести груз запредельности, и он единственный явился через двести лет, чтобы отомкнуть Дверь.

Снова послышался тихий смех: сумрачная тишина в комнате сгустилась, когда он смолк.

— Я знаю, незнакомец, знаю. Им ни к чему мое старое тело, но я слышу, как Они разговаривают Там. Я слышу, что Они говорят, хотя и не понимаю смысла их слов. В минуту моего рождения прозвучал призыв, и с тех пор я наделена этим знанием...

Теперь я по достоинству мог оценить сведения, полученные от кузена. Старуха излучала почти презрительное превосходство, о котором упоминал и Амброз. Меня не покидало ощущение собственной беспомощности перед бездной запретных знаний, что приоткрывались передо мною. Не было и намека на ключ к разгадке всего, что таилось в словах старухи.

— Они ждут часа, чтобы вернуться и властвовать на земле. Убежища Их расположены на небе и под землею ..

— Вы видели Их? — не удержался я от вопроса.

— Не самих, но обличья, которые Они принимали. В округе каждому ведомо, что скоро Они должны вернуться. Они уже приходили и забрали Джейсона Осборна. Потом был Лью Вотербери... И Они снова вернутся,— угрюмо произнесла она.

— Сто лет назад точно так же пропал один из ваших родственников, Джонатан Бишоп.

Старуха невесело усмехнулась, ее глаза блеснули в полумраке.

— Я знала, что ты задашь этот вопрос. Это был мой прадед. Он проник в начало тайны, но думал, что познал все и принялся использовать свои знания. Он призывал Тварь и приказывал Ей, но его сил не хватило, чтобы справиться с Ней. Колдовство завладело им и погубило его. Никто не пришел на помощь; говорят, что слабый не имеет права повелевать Каменным Кольцом и призывать адских Тварей с той стороны гор. После гибели Джонатана наш род находился в постоянной вражде с семьями Коури и Тиндалов, ведь вместе с моим прадедом с лица земли исчезли несколько человек из этих семейств.

Слова старухи были наполнены зловещим смыслом: все сказанное подтверждалось реальными фактами — письмами старика Бишопа, незадолго до смерти отправленными Илии Биллингтону; вырезками из ветхих газет, посвященными описанию загадочных происшествий. Почти столетие назад весь Архам был взбудоражен необъяснимым исчезновением Вилбура Коури и Джедедии Тиндала. В нескольких статьях подробно говорилось о жутком состоянии их трупов, обнаруженных на опушке рощи две недели спустя, однако в газетах не было и слова о причастности к этим событиям Джонатана Бишопа. Тем не менее в письмах самого Бишопа, которые Илия, по-видимому, сохранял в секрете, не делалось и попытки сохранить в тайне эту связь. Теперь же старуха открыто признается, что именно исчезновение членов семейств послужило причиной ненависти Коури и Тиндалов к роду Бишопов.

— Вы помните, как выглядел ваш прадедушка?

— Нет, его не стало задолго до того, как я появилась на свет. По рассказам тех, кто знал его, он был неплохим человеком, однако достаточно самоуверенным и неосто-

рожным, ибо своей смертью доказал старую истину о том, как опасны поверхностные знания. Он выстроил Каменное Кольцо и призвал Потустороннюю Тварь, которая пожрала его. Если бы только он один владел секретами Древних, мы были бы обречены. К счастью, нашлись более могущественные, чем он, и Тварь замкнули в Кольце возле подножия башни. — Она пытливо заглянула мне в глаза. — Ты слышал о Тех, кто живет за хребтами гор?

Я уже открыл рот, чтобы наудачу назвать какое-нибудь из имен, которыми пестрели старинные рукописи в библиотеке Биллингтона, когда старуха резким взмахом руки остановила меня. В ее скрипучем голосе звучала тревога.

— Не называй их имен, незнакомец. Если Они слушают, то могут войти и преследовать нас. Ведь никто из нас не владеет Охранным Знаком.

Я вспомнил рассказ кузена о двух деревенских увальнях, которые обратились к нему во время прогулки по Данвичу, желая увидеть какой-то знак. Было ли это тем, что имела в виду старуха? Я спросил ее.

— Все они глупцы, — презрительно отозвалась она, — никто не помнит даже, как он должен выглядеть. Как только кто-то узнает о Знаке, он не помышляет ни о чем ином, как овладеть им и с его помощью обрести влияние и богатство. Глупцы! Твари, которые принесли его из Запредельного Мира, с равнодушием взирают на все эти попытки. Их замыслы сходятся в одном — вернуться, чтобы обратить нас в рабство. Жить среди нас, питаться нашей плотью, убивать нас. А пока им необходимы владеющие Их Знаком, которые должны помочь им. Ты один из Них. Я это знаю. Быть может, Они еще не догадались, но я поняла это в ночь, когда Потусторонние Твари похитили Джейсона Осборна. Его сестра Салли Сойер слышала грохот разламываемых досок, когда его волокли... То же самое случилось и с Люю Вотербери. Старая Фрей видела следы и говорит, что они были больше слоновьих, ни на что не похожие. Ног у них больше, чем четыре, и еще она слышала хлопанье крыльев, но все лишь потешались над ней, когда она пыталась рассказать. Когда же наступило утро и все отправились смотреть развалины, там уже ничего не было: все следы, словно по волшебству, исчезли за ночь.

Признаюсь, мне стало не по себе от той увлеченности,

с которой передавала подробности происшествий старуха. Казалось, она совершенно забыла о моем присутствии; мрачные мысли, так долго роившиеся в ее голове, наконец нашли выход...

— Самое жуткое, — продолжала рассказывать миссис Бишоп, — что Тварей этих невозможно увидеть. Лишь запах подсказывает Их приближение — отвратительное зловоние, которое трудно с чем-либо спутать...

Я уже не прислушивался к ее словам; холодный пот струился у меня по спине при одной только мысли, что все услышанное в этой хижине может оказаться правдой. Старуха с благоговением вспоминала прежнего сквайра, определяя его возраст далеко за две сотни лет. Таким образом, Илия Биллингтон никак не мог быть предметом ее почитания, но кто же тогда претендовал на эту роль? Ричард Биллингтон? Или же полумифическая, ускользающая личность, которую преподобный Вард Филипс называл в письме «неким Ричардом Боллинхэмом»?

— Как звали вашего сквайра? — отважился спросить я.

Старуха настороженно замолчала; за все время беседы она так и не расположилась ко мне — это было заметно.

— Никто не знает его имени, незнакомец. Можешь звать его Илией, Ричардом — называй как хочешь, ибо на земле он живет лишь краткий миг. Вечность — его постоянное обиталище, куда он уходит, чтобы возродиться. Все эти годы я ждала его возвращения, и Знаки показывают, что оно близко. У него нет ни имени, ни места, где его можно найти. Его дом — по ту сторону нашего мира, вне земли и вне времени.

— Наверное, он очень стар?

— Стар? — Ее иссохшая, похожая на хищную лапку рука скользнула вдоль подлокотника кресла. — Он старше самых старых из нас, старше мира! Год для него — один лишь выдох, сто лет — единственный удар часов!

Мой мозг отказывался расшифровывать загадки, которыми говорила старуха. Было очевидно, что тропинка к Илие Биллингтону уходит гораздо дальше в глубь времен, чем я предполагал раньше. Что заставило его покинуть родные берега и возвратиться в страну предков? Какая причина могла бы объяснить это поспешное бегство? Колдовство Квамиса и преследования властей — увы, эти предположения выглядели неубедительно, если принять во внимание независимый характер, которым славился Биллингтон.

Старуха молчала. Где-то в глубине дома мерно постукивали часы. Кошка, лежавшая на коленях, поднялась, выгнула спину и прыгнула на пол. Старуха вскинула острый подбородок, вновь послышался ее скрипучий голос:

— Кто указал тебе путь, незнакомец?

— Я пришел сюда сам.

— Может быть, тебя послал шериф?

Я заверил ее, что не имею никакого отношения к закону.

— И у тебя нет Охранного Знака?

Я снова отрицательно покачал головой.

— Будь осторожен, незнакомец, или своими словами ты накличешь беду на себя. Они не любят, когда люди пытаются проникнуть в их тайны. Ночная Тварь, словно страж, появляется с неба и уносит неосторожного. Прислушивайся к своим словам... — Голос старухи затих, растворяясь в сумраке.

Странное чувство, возникшее в начале беседы, не покидало меня. Старуха верила всему, о чем рассказывала мне, и тем удивительнее было ее признание, что ей не чужда вера в Бога. Дикарские суеверия столь разительно уживались в ней с начатками цивилизации, принесенной христианством, что было невозможно отделить одно от другого. Оставалось только верить ее рассказу.

Прощаясь с ней, я думал о том, что темные воды, в которых мы барахтались с кузеном, не имели берегов ни для него, ни для меня. Его нежелание помогать мне в поисках ответа только усложняло наше и без того нелегкое положение. Покидая покосившуюся хижину старухи, я был готов поверить в существование злых демонов и тварей, свивших себе убежище в местных горах.

По дороге домой я переживал сонм мыслей, из которых ни одна не утешала меня — каждая открывала новый лабиринт, таивший гибель.

Кузена я застал в гостиной. При виде меня он с поспешностью смахнул со стола какие-то пыльные бумаги; я успел лишь заметить, что там была какая-то карта и свиток, испещренный выцветшими письменами. Его нежелание разговаривать со мной было настолько очевидным, что я решил ничего не сообщать о своей недавней встрече. Весь вечер кузен даже и не пытался скрыть, что его тяготит мое общество, поэтому я использовал первый же предлог, чтобы оставить его одного. Сославшись на го-

ловную боль, после ужина я поднялся в свою комнату.

Мысли мои находились в непрерывном, хаотическом движении; тревожное предчувствие чего-то недоброго перешло постепенно в уверенность. Обхватив голову руками, я сидел на кровати и ждал.

Наступил вечер, похожий на предыдущий: лягушки продолжали надрываться, оглашая бульканьем и урчанием темный лес между домом и башней. Здесь все казалось странным; даже кваканье лягушек, обычное каждой весной, возле поместья Биллингтона обретало зловещий оттенок. Неумолчный гам, производимый невидимым народцем, проникал сквозь самые толстые стены; Амброз делал вид, что ничего не слышит, я же воспринимал все как должное — что толку спорить с судьбой?

Тем не менее, желая унять разыгравшееся воображение, я извлек из дорожного саквояжа захваченную книгу — это был «Ветер в ивах» Кеннета Грэма — и попытался углубиться в чтение. В первый раз за многие дни, прошедшие с того момента, как я ответил на отчаянный призыв кузена, я погрузился в старинный английский пейзаж и уютный мирок героев Грэма. Я читал довольно продолжительное время и почти перестал обращать внимание на неумолчный гомон лягушек за окном. Была полночь, когда я отложил книгу. Ущербная луна медленно восходила к зениту, серебряной паутиной пронизывая сумрак, ничуть не сгустившийся даже после того, как я погасил лампу. Сидя на постели, я отрешенно размышлял над загадкой, окружившей поместье Биллингтона. Прошел, наверное, час, когда я услышал, как в противоположном конце коридора хлопнула дверь. Раздались приглушенные ковром шаги — кузен подошел к лестнице, спускавшейся в гостиную. Заскрипели ступени. Не знаю почему, но я сразу же догадался о его цели. Старая башня на краю болога. Остановить его, окликнуть? Но зачем? Как я стану объяснять ему причины, побудившие меня сделать это?

В окно было хорошо видно, как Амброз торопливо пересекает газон, направляется к близкой опушке. Его движения были собраны и уверенны; предполагать в нем лунатика было бы смешным. О преследовании нечего было и думать: вне всякого сомнения, он бы заметил меня и это едва ли понравилось бы ему.

Я стоял в нерешительности возле открытого окна, когда меня осенила блестящая мысль. Весь путь от дома до

башни просматривался из кабинета Амброза, где находилось сложенное из цветных стекол окно. В центре его, словно фокус, нацеленный на башню, располагался кружок из простого стекла, в который было хорошо видно залитые лунным сиянием окрестности. Прогнав сомнения, я в темноте спустился по лестнице, пересек гостиную и поднялся в рабочий кабинет. В столь поздний час я оказался здесь впервые и удивился обилию света, отражавшегося от цветных витражей. В комнате было светло, как ясным днем.

Придвинув стул к окну, я приник к глазку в центре витража. Внешний мир предстал передо мной, словно размытый мираж, разбросанные в воздухе осколки какой-то фата-морганы. Ощущение иллюзорности увиденного не пропадало, и пейзаж, расстилавшийся перед моим взором, мало напоминал дневной. Лунный свет, словно вином, окрасил местность, видоизменив контуры предметов и, казалось, их размеры. Привычное окружение неожиданно стало странным и незнакомым. Посреди туманного ландшафта возвышалась башня, только теперь мне показалось, что она находится гораздо ближе, чем раньше. Может быть, не дальше опушки, хотя ее пропорции и высота оставались неискаженными и отчетливыми. Меня не покидало ощущение, что я рассматриваю местность через громадное увеличительное стекло.

Перспектива терялась в ярких лучах ущербной луны, замершей над лесом, и я не отрываясь смотрел на башню. Амброз уже успел взобраться на верхнюю площадку и стоял там, воздев руки к западной, более темной половине неба. Среди знакомых созвездий, светивших над мрачными вершинами холмов, я различил цепочку Альдебарана, часть Ориона, чуть выше — сияющие точки Сириуса, Капеллы, Кастора и Поллукса; еще ближе — слегка затененную близостью луны окрестность Сатурна. Фигура Амброза отчетливо стояла у меня перед глазами, бросая вызов всем законам оптики и человеческому опыту. Однако не это зрелище приковало меня к стулу, с которого я был не в силах сойти. Жуткие картины, их чередование лишили мое тело способности двигаться: я мог лишь смотреть и смотреть, не будучи в состоянии издать хотя бы звук.

Ибо Амброз был не один.

От его туловища отходил какой-то отросток — по-другому я не могу описать увиденное, — который пребывал в

постоянном движении, извиваясь и кольцами отплетая кузена. Из змеящегося тела с шумом выпластывались подернутые слизью крылья, словно у летучей мыши. Над крышей башни носились, трепыхались другие существа, внешний вид которых невозможно передать словами. По бокам, у подножия замерли две похожие на гигантских жаб твари, которые, казалось, все время изменяли свою форму. Их скрежещущие трели или свист сливались с грохотом лягушачьего хора, достигшего к этому моменту мощи работающей паровой турбины. Над головой Амброза проплывали длинные, змееподобные твари с зубастыми пастьми и когтистыми лапами. Черные, отливающие блеском крылья неслышно разрезали воздух. Один их вид внушал мне невероятную слабость: я бы с радостью ухватился за мысль, что весь шабаш лишь видится мне, однако все происходящее опровергало мои умопостроения. Последующие события уже никак нельзя было приписать моему разгравшемуся воображению.

В воздухе чувствовалось нарастающее напряжение: темное пространство клубилось, готовое вскипеть в любую минуту. Твари с перепончатыми крыльями медленно кружили над башней, то приближаясь, то удаляясь от нее. Аморфные чудовища у подножия башни неожиданно уменьшились в размерах, превратившись в уродливых, черных гномов. Амплитуда движений змееподобного отростка, исходившего из туловища Амброза, увеличивалась, приковывая мой взгляд. Словно зачарованный, я смотрел и ждал, что в любой момент эта невероятная картина исчезнет, оставив передо мной тихий, освещенный лунным сиянием лес.

Говоря, что змееподобный отросток пребывал в постоянном движении, я отдаю себе отчет, что не могу достаточно полно описать все происходившее перед моими глазами. Существо, словно червь, исходивший из туловища кузена, постепенно превращался в гигантскую аморфную массу переливающейся, постоянно изменяющейся слизи с налипшими чешуйками. Из темного утолщения, где должна была бы находиться голова, вытягивались и втягивались щупальца, вооруженные шипами и присосками. По всей длине тела выглядывали красноватые, глубоко запавшие глаза. Все это адское уродство вдруг превратилось в некое подобие живой твари. Щупальца протянулись вверх, сплетаясь концами в черной выси, тело же, налившись ба-

гровым свечением, нависло над кузеном. Из темноты взирал громадный глаз, под которым разверзся провал рта, и над лесом завибрировал протяжный, нечеловеческий вой. Ему немедленно ответили скрежещущие твари у подножия башни, а болотные крикуны залились громче прежнего. Амброз тоже вторил всеобщему крику, и это было действительно жутко слышать. Не голос, но первобытный рев, порождающий первозданный ужас, пронесся над притихшей листвой. Древнее имя, произнесенное на давно исчезнувшем с лица земли языке, достигло моих ушей: «Йа! Нарлатотеп, Йа! Йогг-Сотот!»

Страх, охвативший меня, был непереносим; я отпрянул от окна, неловко упал и медленно поднялся на ноги возле опрокинутого стула. Шум, кваканье лягушек утихли, довершив мое смущение. Недоумевая, я поднял стул и снова приник к окну, желая узнать причину наступившей тишины. Мысли мои находились в хаотическом смещении; мозг словно освободился от неотвязной галлюцинации. Стул зыбко покачивался под моими дрожащими ступнями, но я вновь смотрел на каменную башню.

В западной части неба, возле одной из звезд я различил разреженную полоску тумана, которая протянулась к темному лесу, помедлила мгновение у каменного круга и снова исчезла. Однако больше не было и следа той фантазмагории, что предстала мне за минуту до этого!

Башня стояла на прежнем месте, но ни существ, ни Амброза не было видно поблизости. Лягушки поутихли, теперь их урчание вяло разносилось среди угрюмых деревьев. Я постоял немного, прижавшись лбом к стеклу и бессмысленно озирая окрестности, когда внезапно подумал, что в этот момент кузен уже может подходить к дому. Было бы неприятно, если бы он застал меня в своем кабинете, а за всеми наблюдениями я почти напрочь утратил ощущение времени. Бросив последний взгляд на залитый лунным светом лес, я спрыгнул на пол и поспешил выйти из кабинета. Стоило мне закрыть дверь, как внизу заскрипели петли, послышались тяжелые шаги на крыльце. Амброз был не один, и это подтверждало неритмичное поскрипывание половиц, чье-то шумное дыхание и шепот.

—...Так давно! — странно переменившийся голос, несомненно, принадлежал Амброзу.

— Да, Господин.

— Тебе кажется, что я сильно изменился за это время?

— Нет. Только лицо и одежда...

— Ты побывал в городах, которые хотел увидеть?

— Я прожил века в Мнаре и Каркосе. А где был ты?

— В разных местах, в прошлом и грядущем. Много людей было на моем пути...— Амброз резко замолчал и после секундного ожидания добавил: — Нам следует говорить тише. В этих стенах нас подстерегает опасность и исходит она от человека, полагающего себя родственником мне по крови.

— Я должен идти спать?

— Разве в этом есть необходимость?

— Абсолютно никакой, Господин.

— Иди к себе в комнату и жди. Утром, когда все будет готово, я позову тебя.

— Слушаюсь, Господин.

— Постой. Скажи мне, сколько я отсутствовал. Год? Два? Десять лет?

В темноте послышался тихий смех, от которого у меня мурашки пробежали по коже.

— Истек всего лишь один-единственный вдох времени. Двадцать раз по десять прошло с момента твоего последнего пробуждения. Мир потрясли все перемены, о которых говорили Древние. Ты скоро увидишь их...

— Да, легко сказать... Сколько времени минуло с тех пор, как мы разговаривали здесь в последний раз. Отдохни, силы понадобятся нам, когда придет час открыть Дверь и подготовить эту страну к Их приходу.

Беседа прервалась, и наступила тишина, нарушаемая лишь звуком шагов поднимавшегося по лестнице Амброза. Я вслушивался в поскрипывание ступеней, содрогаясь при мысли, что он приближается ко мне. После шабаша, увиденного из окна его кабинета, чувства отказывались служить мне. Тяжелая поступь на секунду замедлилась в коридоре у моей двери, затем возобновилась. Послышался шум открываемой двери, жалобный скрип кровати, когда на нее опустился кузен, и наступила полная тишина.

Единственная мысль, метавшаяся в моем мозгу, была мысль о бегстве. Однако такое решение было бы равносильно предательству, и принять его я был не вправе. Что бы ни случилось за оставшиеся часы, я твердо уверился в необходимости новой встречи с доктором Харпером. Только он может помочь в разгадке тайны; мне остается лишь точно передать ход событий и рассказать обо всех на-

ходках, сделанных в библиотеке. Темнота за окном не вызвала у меня охоты немедленно приняться за дела, и я еще долго лежал, перебирая в голове события, о которых было бы интересно узнать доктору Харперу. Вероятно, я должен буду составить подробное описание всего, что произошло и о чем я узнал, находясь в старинном поместье. Мои записи помогут раскрыть причины трагических событий в Данвиче, пусть даже мне не суждено уже прожить на этом свете и нескольких часов...

В эту ночь я не сомкнул глаз.

Утром я дождался, когда Амброз первым спустится в гостиную, и только потом отважился покинуть свою спальню. Страхи мои, однако, не оправдались. Амброза я застал за приготовлением завтрака. Он выглядел бодрым, посвежевшим, и его внешний вид совершенно меня успокоил, хотя, конечно же, и не рассеял горечи ночных размышлений. На сей раз кузен был необычайно многословен, даже поинтересовался, не будили ли меня ночью крики лягушек.

Я уверил его, что еще никогда в жизни не спал лучше, чем сегодня. Тем не менее он с сомнением покачал головой, сетуя на обилие громкоголосых амфибий вблизи поместья, и прибавил, что, вероятно, следует придумать какой-нибудь способ приуменьшить их ряды. Странно, но его заботливость только встревожила меня. Я напомнил о привязанности к болоту и его обитателям прежних владельцев поместья, на что он равнодушно улыбнулся и продолжал готовить завтрак. Столь необычная реакция еще более насторожила меня, хотя я и постарался не выдавать своих чувств.

За едой он сообщил мне, что большую часть дня проведет в лесу, восстанавливая башню. С приятнейшей улыбкой он высказал надежду, что я найду чем заняться во время его отсутствия.

Я с восторгом принял это известие, полагая, что получил возможность без помех исследовать ворох бумаг на столе в кабинете, однако, сохраняя серьезность, все же поинтересовался, не буду ли чем-нибудь полезен в течение дня.

Амброз понимающе улыбнулся.

— Очень любезно с твоей стороны, Стивен. К сожалению, я забыл сказать тебе, что уже располагаю помощником. Пока ты был в городе, я нанял домработника. Не удивляйся, если что-то в его манере говорить или одежде покажется странным. Этот человек — индеец.

Я не смог сдержать возгласа изумления.

— Что-нибудь не так?

— Я поражен,— кое-как пробормотал я.— Когда я был в городе, я не встречал там ни одного индейца. Мне казалось...

— В наших горах живет кто угодно, так что ничему не следует удивляться,— быстро ответил Амброз.— Наш молодец преспокойно жил в соседнем лесу.

Он встал из-за стола и принялся собирать посуду. Я намеренно медлил, желая услышать дальнейшие объяснения. Заметив это, Амброз повернулся и уже без улыбки добавил:

— Наверное, ты еще больше удивишься, если я скажу тебе об одном совпадении... Дело в том, что этого индейца зовут Квамис.

Часть III

РАССКАЗ ВИНФИЛДА ФИЛИПСА

Стивен Бейтс пришел в офис доктора Сенеки Лэпхема, находившийся на территории Мискатоникского университета, незадолго до полудня 7 апреля 1924 года, по направлению доктора Армитиджа Харпера, работавшего в библиотеке. Бейтс хорошо сохранился для своих сорока семи лет, хотя начинал уже чуть-чуть седеть. Он явно старался держать себя в руках, но казался глубоко встревоженным и возбужденным, и я принял его за невротика и потенциального истерика. Он принес с собой объемистую рукопись, содержащую собственноручный отчет о событиях, которые ему довелось пережить, и ряд связанных с этим документов и писем, скопированных им. Поскольку доктор Харпер заранее сообщил о предстоящем визите по телефону, Бейтса сразу проводили к доктору Лэпхему, который, казалось, весьма им заинтересовался, из чего я заключил, что рукопись касалась некоторых аспектов антропологических исследований, столь дорогих его сердцу.

Бейтс представился, и ему было предложено немедленно, без предисловий, рассказать обо всем, к чему он и приступил без дальнейших понуканий. Это был горячий и отчасти бессвязный рассказ, который, насколько я мог понять, при всей напыщенности слога имел отношение к культовым пережиткам. Однако я быстро понял, что моя реакция на рассказ Бейтса была неадекватной, ибо суровое выражение лица доктора Лэпхема: до боли сжатые губы, сузившиеся задумчивые глаза, наморщенный лоб, и, прежде всего, то глубочайшее внимание, с которым он слушал, забыв про завтрак, показывало, что он, по крайней мере, придавал важное значение рассказу, который, начавшись, лился теперь нескончаемым потоком, пока Бейтс не вспомнил о рукописи. Он вдруг прервал себя на полуслове, протянул рукопись доктору Лэпхему, прося сейчас же ее прочитать.

К моему удивлению, хозяин согласился и на это. Он открыл пакет даже с некоторым нетерпением, передавая мне листки по мере того, как он их прочитывал, не спрашивая, что я об этом думаю. Я молча читал эти в высшей степени необычные записи и все более поражаюсь, особенно видя, как у доктора Лэпхема время от времени начинают дрожать руки. Он закончил раньше меня, через час с лишним после того, как начал читать аккуратные, плавные строчки; затем, пристально глядя на посетителя, попросил его закончить рассказ.

Это все, ответил Бейтс. Он все рассказал. И собранные им документы — это тоже, как ему кажется, все, что имело или могло иметь отношение к делу.

— Вам никто не мешал?

— Ни разу. Только когда я закончил, вернулся мой кузен. Я увидел индейца. Он был одет точь-в-точь как, по моим представлениям, должны были одеваться наррангасеты. Кузену нужна была моя помощь.

— Вот как? О чем же он вас попросил?

— Видите ли, ни он, ни индеец, ни оба вместе якобы не могли справиться с тем камнем, который мой кузен вынул из крыши башни. Я лично не считал, что поднять его не под силу нормальному мужчине, я им так и сказал. Тогда кузен предложил пари, что я его не подниму. Он объяснил, что камень нужно куда-нибудь перенести и закопать подальше от башни. Я легко выполнил его просьбу без какой-либо помощи с его стороны.

— Ваш кузен не помогал вам?

— Нет. Индеец тоже не помогал.

— Доктор Лэпхем передал посетителю карандаш и бумагу:

— Пожалуйста, нарисуйте схему окрестностей башни и приблизительно пометьте место, где вы закопали камень.

Несколько сбитый с толку, Бейтс выполнил его просьбу. Доктор Лэпхем взял схему и аккуратно убрал ее вместе с последними листами рукописи, которые я ему передал. Затем, откинувшись назад и сцепив пальцы, спросил:

— Вам не показалось странным, что кузен не предложил вам помощь?

— Нет, не показалось. Мы же заключили пари. Я выиграл. Естественно, я не мог ждать, что он будет помогать мне выиграть, будучи заинтересован в моем проигрыше.

— И это все, что ему было нужно?

— Да.

— Вы не заметили ничего, что показывало бы, чем он занимался до этого?

— Заметил. Похоже, что они с индейцем провели уборку. Следы когтей и крыльев, которые я видел раньше, были затерты и уничтожены. Я спросил насчет следов, но кузен только небрежно сказал, что мне все это померещилось.

— Значит, ваш кузен по-прежнему помнит о том, что вы интересуетесь тайной поместья Биллингтонов?

— Да, разумеется.

— Вы не оставите пока эту рукопись у меня, мистер Бейтс?

После некоторых колебаний Бейтс в конце концов согласился, «если вам от нее будет какая-нибудь польза». Хозяин уверил его, что будет. Все же он, казалось, не хотел с ней расставаться и очень беспокоился, как бы ее не показали посторонним. Доктор Лэпхем обещал не показывать.

— Может быть, я должен сделать что-нибудь, мистер Лэпхем? — спросил он.

— Да. Есть кое-что, что вам следует сделать прежде всего.

— Мне хочется разобраться до конца с этим делом, и, естественно, я готов сделать все, что смогу.

— Тогда отправляйтесь домой.

— В Бостон?

— И немедленно!

— Я же не могу оставить его на милость этой твари там, в лесу, — запротестовал Бейтс. — И потом, у него появятся подозрения.

— Вы сами себе противоречите, мистер Бейтс. Какая разница, будет он что-то подозревать или не будет? Из того, что вы мне рассказали, видно: ваш кузен сможет справиться со всем, что бы ему ни угрожало.

Бейтс по-мальчишески улыбнулся, сунул руку во внутренний карман, вынул письмо и положил его перед хозяином.

— Почитайте! Разве похоже, что он может справиться с этим в одиночку?

Доктор Лэпхем медленно прочитал письмо, сложил его и сунул обратно в конверт.

— Из того, что вы мне рассказали, видно, что он уже не тот слабак, который писал вам письмо, умоляя приехать.

Против этого посетителю возразить было нечего. Но ему все же не хотелось менять свои планы; он предпочел бы вернуться в дом кузена и оставаться там до момента, когда можно будет уехать не столь поспешно.

— Я считаю в высшей степени целесообразным, чтобы вы вернулись в Бостон немедленно. Но если вы настаиваете на том, чтобы оставаться с ним, советую по возможности сократить ваше пребывание, скажем, до трех дней или около того. А по дороге на вокзал загляните, пожалуйста, ко мне.

Посетитель согласился на это условие и поднялся, собираясь уходить.

— Секундочку, мистер Бейтс,— сказал доктор Лэпхем.

Он подошел к стальному сейфу, отпер его и, вынув оттуда какой-то предмет, вернулся и положил его на стол перед Бейтсом:

— Вам это что-нибудь напоминает, мистер Бейтс?

Бейтс увидел небольшой барельеф высотой примерно в семь дюймов, изображающий головоногое чудовище, спрута с ужасными щупальцами, двумя крыльями на спине и огромными зловещими когтями, растущими из нижних конечностей.

С ужасом и отвращением Бейтс смотрел на чудовище и не мог оторвать глаз. Доктор Лэпхем терпеливо ждал.

— Это похоже, но не в точности, на существа, которые я видел — или мне казалось, что видел,— из окна кабинета в одну из ночей,— наконец сказал Бейтс.

— Но вы никогда не видели раньше подобного барельефа? — настаивал доктор Лэпхем.

— Нет, никогда.

— А рисунка?

Бейтс покачал головой:

— Это похоже на тех, которые летали около башни; тех, которые оставили следы когтей; но это похоже и на тварь, с которой разговаривал мой кузен.

— Ах, так вы прервали их разговор? Они разговаривали?

— Я никогда не осознавал этого, но, наверное, это было именно так.

— Похоже, все указывает на то, что они каким-то образом общались.

Бейтс все смотрел, не отрываясь, на барельеф, который, насколько я мог припомнить, был антарктического происхождения.

— Ужасно,— сказал он наконец.

— Да, поистине ужасно. Но самое ужасное — это мысль, что этот барельеф мог быть сделан с натуры!

Лицо Бейтса исказила гримаса. Он покачал головой:

— Я не могу в это поверить.

— Кто знает, мистер Бейтс. Многие из нас легко верят самым разным слухам и при этом отказываются верить определенному свидетельству собственных органов чувств, убеждая себя, что это галлюцинации.— Он пожал плечами, взял барельеф со стола, посмотрел на него и положил обратно.— Кто знает, мистер Бейтс? Работа примитивная, да и замысел тоже. Но ведь вы, несомненно, захотите вернуться, хотя я по-прежнему настаиваю на Бостоне.

Бейтс упрямо покачал головой, пожал руку доктору Лэпхему и ушел. Доктор Лэпхем поднялся и несколько раз повернулся, разминая затекшие мускулы. Я ждал, что он пойдет обедать, ведь время было уже далеко за полдень. Ничего подобного. Он опять уселся, придвинул к себе рукопись Бейтса и начал протирать очки. Заметив мой удивленный взгляд, он улыбнулся, как мне показалось, довольно мрачно..

— Боюсь, что вы не принимаете Бейтса и его рассказ всерьез, Филипп.

— Ну, по-моему, это самая бесподобная, странная, явная чушь, которая когда-либо использовалась для объяснения этих таинственных исчезновений людей.

— Не более странная, чем сами обстоятельства исчезновения людей и их повторного появления. Я не намерен относиться ко всему этому так легко.

— Но неужели вы хоть сколько-нибудь верите этому?

Он откинулся назад, держа в одной руке очки, как бы успокаивая меня взглядом.

— Ты молод, мальчик мой,— и он прочел мне короткую лекцию, которую я прослушал с почтением и все возрастающим изумлением, так что вскоре даже забыл о голоде. Он сказал, что я, конечно, достаточно знаком с его работой, чтобы представлять себе огромный объем знаний и легенд, касающихся древних форм поклонения божествам, в особенности среди примитивных народов, и культовых пережитков, которые, пройдя через определенные изменения, дожили до сегодняшнего дня. Например, в некоторых отдаленных районах Азии возникло большое количество невероятных культовых верований, пережитки кото-

рых наблюдались в самых необычных местах. Он напомнил мне, что Киммих давным-давно выдвинул предположение, что цивилизация Шиму появилась в глубинах Китая, хотя Китай во время ее возникновения, вероятно, еще не существовал.

Рискуя быть банальным, он припомнил странные скульптуры деревянных идолов острова Пасхи и Перу. Способы поклонения богам, конечно, в основном оставались, иногда в старых формах, иногда в измененных, но никогда не менялись по сути. У ариев, свидетельства культуры которых оказались, возможно, наиболее живучими, присутствовали, с одной стороны, друидические обряды, а с другой — демонические традиции колдовства и общения с духами умерших, особенно в некоторых частях Франции и на Балканах. Неужели мне никогда не приходило в голову, что такие культы явно имели общие черты?

Я ответил ему, что все культы в чем-то похожи друг на друга.

Но он говорил об аспектах, находившихся вне пределов основных сходных черт, которые никто не стал бы оспаривать. Затем он предположил, что концепция существ, которые должны вернуться, не ограничивается какой-то одной группой, но, напротив, имеются тревожные явления, указывающие на существование в отдаленных уголках земли рьяных поклонников древних богов или богоподобных существ — богоподобных в том плане, что они по своей природе настолько чужды человечеству, да и вообще любому виду жизни на земле, что этим и привлекают к себе служителей. Причем божества эти — злы.

Он взял барельеф и, держа его, сказал:

— Итак, вы знаете, что он найден в Антарктике. Какое, по-вашему, его предназначение?

— Это, конечно, из области догадок, но я бы сказал, что это, возможно, грубое представление первобытного скульптора о том, что индейцы зовут «Вендиго».

— Догадка неплохая, только в культуре Антарктики мало что наводит на мысль о существе, сходном с арктическим Вендиго. Нет, это было найдено под участком ледника. Возраст находки очень солиден. В сущности, она, похоже, старше, чем культура Шиму. В этом смысле она уникальна, в других смыслах — нет. Вы, возможно, удивитесь, узнав, что подобные скульптуры находили в разные века. Некоторые из них восходят еще ко временам кроманьон-

ского человека и даже к более ранним эпохам, к началу того, что мы любим называть цивилизацией. У нас есть подобные находки из средних веков, времен китайской династии Мин, из России времен царствования Павла I, с Гавайских островов, из Вест-Индии, современной Явы и из пуританского Массачусетса. Вы можете сделать из этого свои выводы. В данный момент эта уникальность для меня в другом: в том, что, по всей вероятности, такое изображение должно существовать и в миниатюре. Подобное должен был иметь Амброз Дюарт, когда он остановился в Данвиче, чтобы узнать дорогу к дому миссис Бишоп, и два деревенских старика спросили, есть ли у него «знак».

— Уж не намекаете ли вы, хотя прямо и не говорите этого, что барельеф был сделан «с натуры», с живой модели, так сказать? — спросил я.

— Я не стоял рядом с мастером, — ответил он с серьезностью, которая меня раздражила, — но я и не настолько высокомерен, чтобы отрицать такую возможность.

— Короче, вы верите тому, что рассказал этот Бейтс?

— Я очень боюсь, что все это правда, в пределах определенной области.

— Тогда эта область — психиатрия! — не удержался я от реплики.

— Вера появляется сразу, когда нет доказательств, и с большим трудом — когда существуют доказательства, которых быть не должно. — Он покачал головой. — Полагаю, вы заметили часто встречавшееся имя одного из ваших предков — преподобного Варда Филипса?

— Заметил.

— Я бы не хотел, чтобы вы думали, что я пользуюсь случаем, но не могли бы вы заглянуть в прошлое своей семьи и вкратце рассказать о судьбе этого джентльмена, который являлся и духовным лицом, после того, как обнаружили его разногласия с Илией Биллингтоном?

— Боюсь, что его жизнь не была примечательной. Прожил он после этих событий недолго, причем сильно подорвав репутацию попытками собрать все экземпляры своей книги «Необъяснимые происшествия, имевшие место в Новой Англии» и сжечь их.

— Это ни о чем не говорит вам в связи с рукописью Бейтса?

— Здесь наверняка какое-то совпадение.

— Полагаю, что больше, чем совпадение. Действия ва-

шего предка похожи на действия человека, который видел дьявола и захотел отречься от своих слов.

Доктор Лэпхем не страдал легкомыслием, и за время моей работы у него я не раз сталкивался со странными явлениями и верованиями. То, что такие явления в большинстве своем имели место в отдаленных, почти недоступных уголках земли, не исключало возможности появления подобных вещей в непосредственной близости от нас. Вдобавок я вспомнил о случаях, когда доктор Лэпхем, казалось, касался чудовищных мифов-пережитков, граничивших с понятиями головокружительного масштаба, самая мысль о которых вызывала цепенящий страх.

— Вы хотите сказать, что Илия Биллингтон был как бы дьявол? — спросил я.

— Я мог бы сказать и да, и нет. Судя по имеющимся фактам, он явный приверженец дьявола. Несомненно, Илия Биллингтон был передовым человеком своего времени, более умным, чем большинство людей его поколения, способным оценить размеры опасности, с которой он встречался. Он практиковал обряды и церемонии, берущие свое начало на заре возникновения человечества, но он знал, как избежать последствий. Во всяком случае, складывается такое впечатление. Думаю, целесообразно было бы получше изучить эти документы и рукопись. Я не собираюсь терять время.

— Мне кажется, вы придаете слишком большое значение всей этой чуши.

Он покачал головой.

— Прискорбно, что некоторые ученые, встретившись с вещами, которые они не могут сразу понять или не вмещающимися в рамки уже установившихся научных теорий, начинают вешать ярлыки типа «совпадение», «галлюцинация» и тому подобное. Что касается событий, происшедших в Биллингтоновой роще и окрестностях, особенно в Данвиче, я бы сказал: невозможно поверить, что это можно отнести за счет совпадений. Каждый раз, когда в поместье Биллингтонов наблюдается некая активность, в Данвиче и округе кто-нибудь таинственно исчезает. Нам вообще незачем обращать внимание на рукопись мистера Бейтса, разве лишь постольку, поскольку там даются свидетельства того времени. Мы сами без труда можем посмотреть оригиналы, если решили проигнорировать то, что написал Бейтс. Эти явления повторялись по крайней мере

трижды в поколениях, разделенных более чем двумя столетиями. Я не сомневаюсь, что вначале такие случаи считали результатом колдовства, и очень велика вероятность того, что какой-нибудь несчастный или несчастные пострадали и погибли в результате событий, которые были просто выше их понимания. Времена охоты на ведьм и сжигания на кострах тогда не казались такими далекими; а истерия и молчаливое потворничество всегда свойственны человеческой натуре. Видимо, во времена Илии какой-то луч правды проник в головы преподобного Варда Филипса и газетчика Джона Друвена и им захотелось посетить Биллингтона, после чего Друвен исчез, пройдя обычный путь, который проходили все данвичские жертвы, а преподобный Вард Филипс не мог вспомнить ничего о своем посещении дома Биллингтона, кроме того, что его каким-то образом заставили — и он впоследствии попытался — уничтожить свою книгу, которая, учтите это, содержит ссылку на события подобного же рода, происшедшие десятилетия назад. В наши дни мы обнаруживаем, что мистер Бейтс сталкивается с необъяснимой враждебностью Амброза Дюарта после того, как последний послал ему письмо с неистовыми мольбами о помощи. Все это укладывается в определенную схему.

С этим я согласился без возражений.

— Я знаю, есть люди, которые скажут, что в самом доме есть что-то дьявольское, и об этом говорится в некоторых местах рукописи Бейтса. Они выдвинули теорию остаточных психических влияний, но я думаю, это нечто большее, нечто невероятно более ужасное и злобное, выходящее по своей значимости далеко за пределы событий, известных сегодня.

Глубочайшая серьезность, с которой доктор Лэпхем это говорил, не позволяла ни на минуту усомниться в важности, придаваемой им рукописи Бейтса. Он явно собирался продолжать поиски, с нею связанные, и то, как живо он начал выбирать тома с книжных полок, показывало, что он действительно, как он сам выразился, времени не теряет. Он остановился на какое-то время, предложив мне пойти позавтракать и по дороге передать записку доктору Армитиджу Харперу, которую сразу же и принялся писать. Он выглядел оживленным и энергичным, строча записку своим обычным плавным почерком, быстро и умело сложил ее и, запечатав в конверт, передал мне, предупредив,

что я должен поесть как следует, ибо «мы, может быть, пробудем здесь долго и придется пропустить обед».

Вернувшись через три четверти часа, я застал доктора Лэпхема в окружении книг и документов, среди которых я узнал большую, с печатями, книгу из библиотеки Мискатоникского университета, несомненно, специально присланную по его просьбе.

Странные рукописи Бейтса лежали отдельно, на некоторых виднелись пометки

— Чем могу помочь?

— Пока только слушайте и думайте, Филипп. Садитесь.

Он встал и широким шагом подошел к окну, из которого были видны часть территории Мискатоникского университета напротив библиотеки и огромная собака на цепи, как бы охранявшая ее.

— Я часто думаю,— сказал он,— как повезло тем, кто не способен сопоставить все имеющиеся у них факты. Мне кажется, Бейтс может служить хорошей иллюстрацией. Он записал вроде бы не связанные друг с другом факты, он постоянно балансирует на грани ужасающей реальности, но почти не делает настоящих попыток взглянуть ей в лицо; ему мешают поверхностность, остаточные предрассудки, за которыми нет ничего, кроме стандартной модели поведения и убеждений среднего человека. Если бы обычный человек мог хотя бы подозревать о космическом величии Вселенной, если бы мог хоть одним глазком заглянуть в страшную глубину космического пространства, он бы, наверное, сошел с ума или отверг бы такое знание, предпочтя ему суеверие. И так везде. Бейтс записал ряд событий, охватывающих период более двух веков, и у него есть все возможности разрешить загадку поместья Биллингтонов, но он не может этого сделать. Он расставляет события, как если бы они были частями головоломки; он делает некоторые начальные умозаключения, например, что его предок Илия Биллингтон занимался чем-то очень странным и, возможно, незаконным, что неизбежно сопровождалось таинственным исчезновением живших в округе людей, но дальше этого пункта он не идет. Он фактически видит и слышит определенные явления и сам начинает спорить со своими же органами чувств; короче, он человек среднего ума: оказавшись лицом к лицу с явлениями, которых, так сказать, «нет в книжках», он начинает опровергать свои

ощущения. Он пишет насчет «воображения» и «галлюцинаций», но он достаточно честен, чтобы согласиться: его реакции «нормальны» настолько, что все его аргументы оказываются ложными. В конце концов, хотя у него, правда, нет ключа к головоломке, у него просто не хватает мужества сложить вместе все имеющиеся у него части и получить решение, выходящее далеко за рамки тех очертаний, на которые он едва намекает. Он, в сущности, дезертирует, сваливая это дело на доктора Харпера, от которого проблема переходит ко мне.

Я спросил, не исходит ли он из предположения, что рукопись Бейтса является документом, основанным на строгом фактическом материале.

— Я думаю, альтернатива вряд ли существует. Либо это факты, либо нет. Если мы будем отрицать достоверность фактов, тогда придется отрицать известные события, а ведь они описаны, у них есть свидетели и они вошли в историю. Если же мы примем только эти известные факты, мы, вероятно, сможем объяснить все другие события, представленные в рукописи как проявления «случайности» или «совпадения» без учета того, что средняя математическая вероятность таких рядов случайностей и совпадений явно не согласуется с наукой и абсолютно неприемлема при любом методе научной проверки. Поэтому мне кажется, что выбора фактически нет. Рукопись Бейтса сообщает о ряде событий, соотносящихся с известной историей этих мест и их жителей. И, наконец, если вы хотите сказать, что отдельные части рукописи представляют воображаемые события, вам придется объяснить источник этого внеземного воображения, потому что записи ясные, почти научные, и включают подробности, указывающие на то, что он действительно видел нечто подобное тому, что описывает; и ничто в известной истории эволюции и мутаций человека не объясняет некоторые из этих подробностей. И даже если, как вы можете еще сказать, эти так подробно описанные существа являлись продуктом кошмара, вам все равно придется аргументировать причины, по которым его кошмарные сны оказались населены такими существами, ибо, как только вы выдвинете гипотезу о том, что сны человека, кошмарные или какие хотите, могут быть населены существами, абсолютно чуждыми не только его умозрительному, но и эмпирическому опыту, ваш постулат будет противоречить научным фактам, как и сами эти

существа. Только приняв рукопись в качестве фактического документа, мы достигнем наших целей; это должно быть отправным пунктом; а если мы ошибаемся, время обязательно расставит все по местам.

Он вернулся к своему письменному столу и сел.

— Вы, наверное, помните, как в первый год вашего пребывания здесь вы читали о некоторых необычных обрядах, совершавшихся жителями Понапе, на Каролинских островах, в честь морского божества, Водного Существа, которое сперва считали известным богом-рыбой Дагоном, но туземцы на это в один голос заявляли, что Он больше, чем Дагон, что Дагон и его Глубоководные служат Ему. Такие культовые пережитки довольно распространены и редко публикуются. Но этот случай получил огласку из-за некоторых дополнительных находок — странных мутаций тел некоторых туземцев, погибших в результате кораблекрушения недалеко от берега; было отмечено, что у них присутствуют примитивные жабры, остаточные щупальца, растущие из торса и. в одном случае, чешуйчатые глазки на участке кожи около пупка одной из жертв; при этом все они были известны как приверженцы культа Бога Моря. Мне живо помнится одно утверждение туземцев, что их бог пришел со звезд. А вам известно, что существует значительное сходство между религиозными верованиями и мифологическими моделями жителей Атлантики, племен майя, друидов и других народов, и мы постоянно находим основные сходные черты, особенно соединяющие море и небо, как, например, бог Кецалькоатль, которого можно сравнить с древнегреческим Атласом, в том плане, что он тоже якобы вышел из Атлантического океана, чтобы держать мир на своих плечах. И это не только в религиях, но и в легендах, например, в попытке обожествления человеческих гигантов, которые, как считают, тоже вышли из моря, точнее сказать, из западных морей,— греческие титаны, островные гиганты испанских сказок и корнуэльские гиганты с затонувшего Лионесса. Я упоминаю об этом, чтобы показать любопытную связь с преданием, уходящим своими корнями в первобытные времена, когда считалось, что в глубинах моря живут огромные существа, что, в свою очередь, породило вторичную веру в происхождение гигантов. Нам не следует удивляться существованию культовых пережитков, подобных верованиями Понапе, так как существует множество прецедентов, но

нас удивляют физические мутации, происшедшие там, которые объясняют темными намеками, разумеется, не приводя никаких фактов, на то, что происходило какое-то сексуальное общение некоторых жителей моря и туземцев Каролинских островов. Если бы это было правдой, эта версия могла бы действительно объяснить мутации. Но наука, не имея фактов о существовании морских существ такого рода, просто отрицает это; сами мутации отрицаются как «негативное», поэтому неприемлемое свидетельство. Стряпается тщательно подробное объяснение, что такие явления известны науке, на туземцев навешивается ярлык «первобытности» и «атавизма», как на редкие экспонаты, и происшествие, должным образом зафиксированное, отправляется в дальний ящик картотеки. Если вы или кто-либо еще решите последовательно рассмотреть эти случаи, то образовавшаяся цепь несколько раз опояшет земной шар; мало этого, у них будет много сходных черт, они будут подтверждать друг друга и подчеркивать повторяемость каждого из этих происшествий. Однако никто не хочет заняться беспристрастным изучением этих изолированных явлений, потому что, как в случае с мистером Бейтсом, действительно существует определенный чисто человеческий страх перед возможным результатом. Лучше не тревожить привычную модель существования из страха перед тем, что может оказаться за его пределами, в протяжении времени и пространства, перед тем, с чем никому из нас тягаться не по плечу!

Я помнил рассказ жителей острова Понапе и сказал об этом Лэпхему. Я, однако, не понимал, почему он из этого выводит какую-то связь с рукописью Бейтса, пусть даже самую отдаленную, хотя я чувствовал уверенность в том, что он специально напомнил мне об этом случае.

Он продолжал свои детальные объяснения:

— У множества разбросанных явлений, представленных антропологами, существует некий общий каркас. Это мифическая вера в то, что первобытную Землю населяли существа другой расы, которые за свои дьявольские обычаи были изгнаны «Старшими Богами», изолировавшими их от Земли, поскольку они не подчинялись законам времени и пространства, в отличие от смертных людей, и вдобавок могли передвигаться в других измерениях. И эти существа, хотя и изгнанные, изолированные от нас страшными и ненавистными им печатями, продолжают жить

«снаружи» и часто делают явные попытки восстановить свой контроль и власть на Земле над «низшими» существами, населяющими ее сейчас, низшими, очевидно, потому, что подчинены малым законам, которые не имеют силы для изгнанных существ, известных под различными именами, самым распространенным среди которых являются Великие Древние, или Великие Бывшие, которым прислуживали многие первобытные народы, например жители острова Понапе. Более того, Великие Бывшие страшны в своей злобе, и следует признать, что барьеры между человечеством и парализующим ужасом, который они воплощают, произвольны и абсолютно недостаточны.

— Но ведь вы могли вывести это из рукописи Бейтса и приложенных к ней документов! — запротестовал я.

— Нет. Это было известно еще за десятки лет до появления рукописи Бейтса.

— Бейтс, наверное, обнаружил соответствующие предания и факты!

Его это не смутило и ничуть не убавило серьезной торжественности в его голосе:

— Даже если и так, это не объясняет тот неопровержимый факт, что примерно в 730 году от рождения Христа в Дамаске арабским поэтом Абдул аль-Хазредом была написана книга об ужасных Великих Бывших и общении с ними. Аль-Хазреда все считали сумасшедшим. Он назвал книгу «Аль-Азиф», но она более широко известна в определенных тайных кругах под греческим названием «Некрономикон» и является чрезвычайной редкостью. Я полагаю, что, если эти предания и знания были записаны в качестве фактов много веков назад и определенные нечеловеческие — скажем так! — явления возникают в наши дни, по видимому, подтверждая определенные аспекты книги, написанной этим арабом, было бы абсолютно ненаучно относить эти явления на счет воображения или махинаций человека, в особенности такого, который до этого ни о чем подобном явно не знал.

— Очень хорошо. Дальше!

— Великие Бывшие, — продолжал он, — в чем-то соответствуют стихиям: земле, воде, воздуху, огню; они тоже являются их средой обитания, помимо определенной взаимозависимости и неземных сверхъестественных качеств, делающих их нечувствительными к воздействию пространства и времени, и этим они представляют постоян-

ную угрозу человечеству и всем земным созданиям. Их непрекращающимися попыткам прорваться обратно на Землю содействуют их первобытные приверженцы, которые поклоняются им как божествам и происходят, в большинстве случаев, из физически и умственно неполноценных семей, а иногда, как на острове Понапе, представляют собой очевидные физиологические мутации. Они обеспечивают определенные «отверстия» или «проходы», через которые могут проникнуть Великие Бывшие и их внеземные слуги, которых можно также «вызывать», где бы они ни находились в пространстве и времени, с помощью определенных ритуалов, по крайней мере частично записанных арабом Абдул аль-Хазредом и рядом других, менее значительных писателей, шедших по его стопам и оставивших параллельную информацию, восходящую к тому же источнику, но обогащенную различными данными, появившимися после выхода книги араба.

Он сделал паузу и внимательно посмотрел на меня:

— Успеваете за моей мыслью, Филипс?

Я заверил его, что успеваю.

— Очень хорошо. Надо сказать, что эти Великие Бывшие получили различные имена. Некоторые из них относятся к низшей касте, таких большинство. Они не так свободны, как те немногие, относящиеся к высшей категории, и многие из них подчиняются большому числу законов, управляющих жизнью человечества. Первый среди них — Хтулу, который якобы лежит «мертвый, но видит сны» в неизвестном затонувшем городе Р'лие, согласно некоторым источникам, находящемся в Атлантиде, по другим же источникам — в море, недалеко от побережья Массачусетса. Второй среди них — Хастур. Иногда его называют Тот, Кого Нельзя Называть, или Хастур Невыразимый, живущий якобы в Хали в звездном скоплении Гиад. Третий — Шаб-Ниггрот, ужасная пародия на бога или богиню плодородия. Следующий — «Посланник Богов», Нарлатотеп, и особенно принадлежащий к наиболее могущественной ветви Великих Бывших злобный Йогг-Сотот, один из властителей Азатота, слепого идиотского Хаоса в центре бесконечности. Я вижу по вашим глазам, что вы начинаете узнавать эти имена.

— Конечно, они имелись в рукописи, хоть и звучали порой иначе.

— И в документах тоже. Я думаю, что сумею поколе-

бать ваше неверие, сказав, что Нарлатотепа — часто его имя транскрибируют как «Ньярлатотеп» — во время его ужасных явлений сопровождают существа, называемые «идиоты, играющие на флейте».

— То, что видел Бейтс!

— Именно.

— Но тогда кто же были те, другие?

— Об этом можно только догадываться. Но если Нарлатотепа всегда сопровождают флейтисты-идиоты, то, очевидно, однажды там появлялся именно он. Великие Бывшие имеют до некоторой степени способность являться в видоизмененной форме, как мутанты, хотя у каждого, вероятно, имеются определенное обличье и индивидуальность. В книге Абдул аль-Хазреда говорится, что у Ньярлатотепа «нет лица», в то время как Людвиг Принн в своих «Подземных мистериях» называет его «всевидящим оком», а фон Юнц в «Культах неизъяснимого» утверждает, что он, вместе с другими Великими Бывшими — очевидно, Хтулу, — «украшен щупальцами». Эти различные описания вполне охватывают все те явления, которые Бейтсу показались «разрастанием» или «расширением».

Я был поражен объемом преданий и фактов по этим примитивным первобытным культам и религиям. Я никогда раньше не слышал, чтобы доктор Сенека Лэпхем говорил об этих книгах, и уж определенно их у него не было! Где же он узнал о них?

— Ну, их редко увидишь. Эта, — он постучал пальцем по странной книге, которую я увидел, вернувшись после завтрака, — самая знаменитая. Мне надо вернуть ее сегодня вечером. Это «Некрономикон» на латыни в переводе Олауса Вормиуса. Книга вышла из печати в XVII веке в Испании. В сущности, это та самая «Книга», о которой говорится в рукописи Бейтса и в документах, и именно из этой книги выписывали абзацы и целые страницы люди из разных уголков мира, переписывавшиеся с Илией Биллингтоном. Книга имеется полностью или частично только в Виденере, Британском музее, университетах Буэнос-Айреса и Лимы, Национальной библиотеке в Париже и здесь, в Мискатонике. Некоторые утверждают, что есть еще один экземпляр где-то в Каире и один в Ватиканской библиотеке в Риме; считается, что аккуратно переписанные части книги находятся у частных лиц. Это некоторым образом подтверждается и тем, что Бейтс обнаружил ее копию

в библиотеке кузена, до этого принадлежавшей Илии Биллингтону. Если удалось Биллингтону, значит, это могли сделать и другие.

Он встал, вынул из буфета бутылку старого вина, налил себе рюмку и стал не спеша, с наслаждением знатока потягивать вино. Он опять стоял у окна. За окном сгущалась темнота, постепенно наполнявшаяся вечерними звуками провинциального Архама. Он вернулся к столу.

— Вот такова подоплека этого вопроса. Этой информации достаточно для начала, — сказал он.

— Вы надеетесь, что я всему этому поверю? — спросил я.

— Разумеется, нет. Но предположим, что мы приняли это как рабочую гипотезу и перешли к расследованию самой тайны Биллингтона.

Я согласился

— Вот и прекрасно. Начнем с Илии Биллингтона. Похуже, и Дюарт и Бейтс начинали именно с этого.

Я думаю, мы оба согласны, что Илия Биллингтон занимался некими, в общем-то, мерзкими делами, которые могли или не могли быть связаны с колдовством. Я подозреваю, что преподобный Вард Филиппс и Джон Друвен считали это колдовством. У нас есть факты, указывающие на то, что деятельность Илии была связана с Биллингтоновой рощей, в частности со своеобразной каменной башней, и мы знаем, что он творил свои дела ночью, «после того, как подадут ужин», по словам сына Илии, Лаана. Неизвестно, что это были за дела, но в них был также посвящен индеец Квамис, хотя, видимо, лишь в качестве слуги. Однажды мальчик слышал, как индеец с благоговейным страхом упоминал имя «Нарлатотеп». В то же время, как свидетельствуют письма Джонатана Бишопа из Данвича, он занимался подобной же деятельностью. Эти письма дают довольно ясную картину. Джонатан знал достаточно, чтобы вызвать некое существо с небес, но недостаточно, чтобы закрыть проход другим существам или защитить себя. Ясен вывод: эти существа, приходившие на зов, нуждались в людях. Предположим также, что люди им служили некой пищей. Допустив это предположение, мы сможет таким образом объяснить многочисленные исчезновения, тайна ни одного из которых так и не была раскрыта.

— Но как же тогда объяснить повторное появление тел? — прервал я. — Никогда не приводилось никаких фактов о том, где они были до этого.

— А фактов и не могло быть, если, как я подозреваю, они были в другом измерении. Вывод ясен в своей ужасающей простоте: существа, прилетавшие на зов, были разными — вы помните смысл писем и то, как следует вызывать существа с разными именами; и они прилетали из другого измерения и уходили обратно в это измерение, возможно, унося низших существ — людей, которыми они питались, забирая жизненную силу, кровь или еще что-то, о чем мы можем только догадываться. Именно для этой цели, а также для того, чтобы заставить замолчать, Джона Друвена, вне сомнения, накормили наркотиками, завлекли обратно в дом Биллингтона и предложили в качестве жертвоприношения из мести, совершенно так же, как сделал это Джонатан Бишоп в отношении чересчур любознательного Вилбура Коури.

— Допустим, что все так и есть, но тогда обнаруживаются определенные противоречия,— сказал я.

— А, я ждал, что вы это заметите! Да, есть. Это нужно увидеть и признать, и то, что Бейтс этого не сделал, является серьезным пробелом в его рассуждениях. Позвольте мне выдвинуть гипотезу. Каким-то образом Илия Биллингтон натывается на информацию о Великих Бывших, оставленную его предками. Он начинает поиски, приобретает необходимые знания, в конце концов позволяющие ему использовать — для целей, которым они изначально и были предназначены служить,— круг камней и башню на острове в притоке реки Мискатоник, который Дюарт странно называет Мискамакусом. Однако при всей своей осторожности, Илия не может предотвратить происходящее время от времени нападения «тварей» на жителей Данвича. Возможно, он успокаивает и оправдывает себя тем, что это работа Бишопа, а не его. Он читает, тщательно сравнивает и усваивает части книги «Некрономикон» со всего мира, но в то же время он начинает нервничать, видя всю огромность и безбрежность внеземной бесконечности, открывшейся перед ним. Вспышка гнева, вызванная рецензией Друвена на книгу преподобного Варда Филипса, показывает: во-первых, Илия начал подозревать, что он не полностью руководит своими действиями и, во-вторых, он начал бороться с желаниями, привнесенными какой-то чуждой силой. Нападение на Друвена и его смерть явились кульминацией. Биллингтон прощается с Квамисом и, с помощью знаний, почерпнутых из «Некрономикона», запе-

чатывает «отверстие», которое он сам сделал, так же, как он закрыл «проход», использовавшийся Бишопом, после исчезновения последнего, и отправляется в Англию, чтобы вновь жить вдали от зловещих сил, действовавших на него в родовом поместье.

— Звучит логично.

— Теперь, в свете этой гипотезы, давайте посмотрим на инструкции Илии Биллингтона относительно его поместья в Массачусетсе. — Доктор Лэпхем выбрал из кипы бумаг листок с почерком Бейтса и поставил его перед собой, включив лампу под зеленым абажуром. — Ну вот. Прежде всего он заклинает «всех, кто будет после него», что собственность целесообразно хранить в пределах семейного круга, и излагает ряд правил, преднамеренно туманных, хотя косвенно признает, что их «смысл обнаружится в книгах, оставленных в доме, известном, как дом Биллингтона». Он начинает с такого указания: «Он не должен останавливать течение воды вокруг острова, где находится башня, не должен трогать башню, не должен просить камни». Вода прекратила течь сама по себе, и, насколько нам известно, никаких катастрофических последствий это не имело. Под словами «не трогать башню» Илия явно имел в виду, что нельзя вновь открывать проход, закрытый им. Очевидно, что отверстие было в крыше башни; он закрыл его камнем с изображением знака, который, хотя я и не видел его, мог быть только знаком-символом Старших Богов, чье могущество было абсолютным для Великих Бывших, символом, которого они боялись и который ненавидели. Дюарт сделал с башней именно то, чего, как надеялся Илия, не произойдет. И, наконец, «просьбы» к камням, о которых говорится в инструкциях, могут означать только формулу или формулы заклятий, произносимых при осуществлении первого этапа контакта с силами, находящимися за порогом.

Илия дальше пишет: «Он не должен открывать дверь, ведущую в незнакомое ему время и место, приглашать То-го, Кто Таится у Порога, взывать к холмам». Первая часть всего лишь подчеркивает предыдущее предупреждение насчет башни, но вторая впервые указывает на определенное существо, таящееся у порога. Мы пока не знаем, на кого именно. Может быть, это Нарлатотеп, или Йогг-Сотот, или еще кто-то. Третья часть, должно быть, говорит о втором этапе ритуала, сопровождающего появ-

ление существ с той стороны; весьма вероятно, о жертвоприношении.

Третий пункт звучит тоже как предупреждение: «Он не должен беспокоить лягушек, особенно жаб, в болоте между башней и домом, летающих светляков, козодоев, чтобы не оставлять свои замки и запоры», то есть, иными словами, «своих сторожей». Правда, Бейтс начал догадываться о смысле этого указания, которое просто-напросто означает, что данные создания обладают особой чувствительностью к присутствию «гостей с той стороны» и интенсивность света, испускаемого светляками, крик козодоев и кваканье лягушек могут служить предупреждением и дать время на подготовку к встрече. Следовательно, любое действие против них будет направлено против собственных интересов.

Четвертое правило впервые упоминает окно. «Он не должен пытаться изменить или каким-либо образом переделать окно». Почему не должен? Из того, что написал Бейтс, видно, что окно имеет какую-то злую силу. Если инструкции нацелены на то, чтобы оградить от зла и избежать беды, почему бы не уничтожить окно, раз уж он знает о его губительных свойствах? По-моему, дело просто в том, что переделанное окно может оказаться еще более опасным, чем существующее в нынешнем виде.

— Вот здесь я вас что-то не понимаю, — прервал я.

— Неужели рассказ Бейтса вам ни о чем не говорит?

— Ну, окно странное, стекло не такое, как в других окнах. Очевидно, оно было так задумано.

— Я полагаю, что это вовсе не окно, а линза, призма или зеркало, отражающее изображение из другого измерения или измерений, короче, из времени или пространства. Возможно, оно так сконструировано, чтобы отражать темные лучи, невидимые, воспринимаемые не зрением, а остаточными или забытыми ощущениями. Возможно, оно и вовсе не является созданием человеческих рук. Через это окно Бейтс дважды видел нечто за пределами привычного ландшафта.

Приняв это в качестве временной гипотезы, давайте перейдем к последнему указанию Илии.

Оно является, в сущности, подтверждением основных правил, изложенных ранее, и в свете этого представляется очевидным: «Он не должен продавать или другим каким-либо образом распоряжаться собственностью без внесения

специальной статьи, оговаривающей, что остров и башня не должны подвергаться каким-либо действиям, ни окно не должно подвергаться изменениям, за исключением того, что оно может быть разрушено». Здесь опять проводится мысль, что окно обладает каким-то злым свойством, а это, в свою очередь, предполагает, что в определенном смысле, непонятном даже Илии, это еще один проход, если и не для физического проникновения существ с той стороны, то для проникновения их восприятия, их внушения и влияния. Я думаю, что самое вероятное и самое очевидное объяснение таково: из любого источника информации, имеющегося в нашем распоряжении, видно, что и в доме, и в лесу действует какая-то сила, влияющая на людей. Что-то заставляет Илию изучать магические книги и экспериментировать. Бейтс рассказывал нам, что, когда Дюарт поселился в доме, его тянуло и тянуло к окну — чтобы осматривать и смотреть в него; а когда он вошел в башню, то почувствовал неудержимое желание вынуть камень, вставленный в крышу. Сам Бейтс описывает, как на него действует дом после его первой встречи с кузеном, странности которого он ошибочно определяет как «сумеречное расстройство сознания» или «раздвоение личности». Записи здесь, и я вам их прочитаю: «И вдруг, когда я стоял там, подставив лицо свежему ветру, я почувствовал быстро растущую подавленность, сопровождавшуюся ощущением безмерного отчаяния, ужасной, отвратительной скверны, черной, всесокрушающей злой воли, царящей внутри и вокруг этого опоясанного лесами дома, тошнотворно-приторную всепроникающую мерзость, лежащую на самом дне бездны, называемой человеческой душой...

Предчувствие зла, ужасной беды и чего-то омерзительного сгущалось и оседало в комнате, как облако; я чувствовал, как оно невидимым туманом стекает со стен». Вдобавок Бейтса тоже тянет к окну. И наконец, ни разу не побывав в доме, он может довольно беспристрастно наблюдать действие этой силы на своего кузена. Он ставит правильный диагноз, характеризуя это как некую внутреннюю борьбу, но при этом вешает на него ярлык шизофреника, чего на самом деле нет.

— А вам не кажется, что вы чересчур категоричны? В конце концов, у него имеются некоторые признаки раздвоения личности.

— Ничего подобного. Опасно говорить о предмете, ко-

торый плохо знаешь. Нет ни одного симптома, разве что резкая перемена настроений. Вначале Амброз Дюарт предстает довольно приятным беззаботным джентльменом, сельским сквайром, ищущим, чем бы занять свое время. Затем к нему приходит ощущение чего-то — он сам не знает чего, и у него появляется беспокойство. В конце концов он посылает за своим кузеном. Бейтс обнаруживает дальнейшую перемену: теперь Дюарту неловко с ним, а вскоре он становится явно враждебным. Иногда, на короткие промежутки времени, он возвращается в свое прежнее естественное состояние, и оно даже длится довольно долго во время его пребывания в Бостоне прошлой зимой. Но в прошлом месяце, почти сразу же по возвращении в поместье Биллингтонов, эта враждебность проявляется опять, и вскоре она сменяется сознательной сдержанностью, чего, похоже, не почувствовал даже сам Бейтс. Реакция Бейтса проста и понятна: то он чувствует, что ему рады, то, наоборот, что его присутствие нежелательно. Он видит противоречивое поведение своего кузена и языком психиатрии, в которой он разбирается не больше вас, Филипс, называет это «раздвоением личности».

— Значит, вы предполагаете влияние оттуда, с той стороны? А какого характера?

— По-моему, это очевидно. Это влияние направляющего интеллекта. Точнее говоря, это то самое влияние, что действовало на Илию, но Илия сумел победить его.

— Значит, кто-то из Великих Бывших?

— Из фактов этого не видно.

— Но можно предположить...

— Нет, нет никаких признаков, указывающих на это. Очевидным представляется, что это влияние человека, являющегося орудием Великих Бывших. Если вы внимательно изучите рукопись Бейтса, вы обнаружите, что действующие внушения и влияния имеют под собой человеческую основу. Я утверждаю, что если бы сами Великие Бывшие осуществляли влияние в доме Биллингтона, внушаемые мысли и желания имели бы, по крайней мере иногда, нечеловеческую природу. Однако ничто не указывает на это. Если бы впечатление мерзости, грязи и злобы, окутывающих дом и лес, было внушено Бейтсу каким-нибудь чуждым существом, возможно, его реакция не была бы столь явно человеческой. Нет, в этом случае земное происхождение его чувств казалось несомненным и чуть ли не расчетливо выверенным.

Я постарался все взвесить. Если теория доктора Лэпхема верна — а она действительно казалась таковой, — то в ней был вопиющий дефект: он утверждал, что «сила», действовавшая на Дюарта и Бейтса, влияла и на Илию Биллингтона. Если это «влияние», как он предполагал, имело человеческую природу, то оно продолжалось более века. Тщательно подбирая слова, я указал ему на это противоречие.

— Да, я признаю это. Но здесь нет никакого противоречия. Не забывайте, что это влияние имеет внеземное происхождение. Оно находится и вне земных измерений. Поэтому, независимо от того, человеческое оно или нет, это влияние не подчиняется физическим законам Земли, как не подчиняются ему Великие Бывшие. Короче, если это влияние человеческое — а я утверждаю это, — тогда оно тоже существует во времени и пространстве, граничащих с нашими, но не сходных с ними. Оно обладает способностью существовать в этих измерениях, не подчиняясь ограничениям, налагаемым временем и пространством на любого обитателя дома Биллингтонов. Оно существует в этих измерениях совершенно так же, как в нем существовали эти несчастные жертвы существ, призванных Бишопом, Биллингтоном и Дюартом, до того, как они были выброшены обратно в наше измерение.

— Дюартом?!

— Да, и им тоже.

— Вы предполагаете, что его можно считать ответственным за недавние исчезновения людей из Данвича? — удивленно спросил я.

Он покачал головой, как бы жалея меня:

— Нет, я не предполагаю это; я утверждаю это, как очевидный факт, если вы, конечно, вновь не станете доказывать, что это совпадение.

— Ни в малейшей степени.

— Вот и прекрасно. Судите сами. Биллингтон отправляется к своему кругу камней и каменной башне и открывает «дверь». Звуки в лесу слышат как люди, совершенно не связанные с Биллингтоном, так и его сын Лаан, записывающий это в своем дневнике. За этими явлениями всегда следует: а) исчезновение; б) повторное появление при странных, но повторяющихся обстоятельствах по прошествии нескольких недель или месяцев. Как происходит и то и другое, пока остается загадкой. Джонатан Бишоп пишет

в своих письмах, что он пошел к своему кругу камней и «завал Его к холму, и заключил Его в круге, но с большим трудом и мучением, так что могло показаться, что круг недостаточно могуществен, чтобы удержать подобных тварей достаточно долго». Затем произошли загадочные исчезновения и не менее загадочные повторные появления в обстоятельствах, сравнимых с последствиями деятельности Биллингтона. Теперь, в наше время, эти вещи вековой и более чем вековой давности повторяются. Амброз Дюарт во сне идет к башне; он ощущает нечто невероятно страшное и сверхъестественное; эта внешняя сила овладевает им, но он не отдает себе в этом отчета. Без сомнения, в свете этих фактов ни один беспристрастный наблюдатель не поверит, что, после того как Дюарт ходил к башне и обнаружил там очевидное свидетельство в виде кровавого пятна, последовавшие за этим исчезновения и повторные появления мертвых тел были простым совпадением.

Я согласился с тем, что объяснение такой череды параллельных событий простым совпадением не более реально, чем объяснение, предложенное самим доктором Лэпхемом. Я был обеспокоен и глубоко встревожен этим фактом, так как доктор Сенека Лэпхем был ученым, обладавшим широким и уникальным объемом знаний, и то, что он принял на вооружение теорию, столь далекую от чистой науки, глубоко потрясло меня, человека, который его безгранично уважал. Ясно, что для доктора Лэпхема гипотезы, выдвинутые им, основывались не на простых догадках, и это означало, что он в них, безусловно, верил. Было очевидно, что он, лучше меня зная предмет и все, что с ним было связано, нисколько не сомневается в истинности своей теории.

— Я замечаю, что вы запутались в своих мыслях. Давайте сегодня вечером все это продумаем и вернемся к разговору завтра или позднее. Я хочу, чтобы вы прочитали несколько помеченных мною отрывков из этих книг. Вам придется время от времени заглядывать и в «Некрономикон», чтобы вечером я мог возвратить книгу в библиотеку.

Я сразу обратился к старинной книге, в которой доктор Лэпхем отметил два любопытных отрывка, медленно переводя про себя текст. Там говорилось о жутких существах из другого мира, притаившихся в ожидании своего часа; более того, арабский автор называл их «Таящиеся в Ожидании» и приводил их имена. Особенно сильное впе-

чатление произвел на меня длинный абзац в середине первого отрывка: «Уббо-Сатла — тот незабываемый источник, из которого вышли те, кто осмелился бросить вызов Старшим Богам с Бетельгейзе, Великие Бывшие, сражавшиеся со Старшими Богами; этих Великих Бывших учил Азатот, слепой бог-хаос, и Йогг-Сотот, который есть Все-в-Одном и Один-во-Всем, для которых нет законов времени и пространства и чьи обличья на Земле представляют Умрат-Тавил и Древние. Великие Бывшие вечно мечтают о грядущем времени, когда они опять будут править Землей и всей Вселенной, частью которой является Земля... Великий Хтулу поднимается из Р'лие; Хастур — Тот, Кого Нельзя Называть, — придет опять с темной звезды, что рядом с Альдебараном в скоплении Гуад; Нарлатотен будет выть вечно во тьме, где он пребывает; Шаб-Ниггрот — Черный Козел с Тысячей Детенышей — будет размножаться и размножаться и владеть над всеми лесными нимфами, злыми эльфами и маленькими народами; Ллойгор, Жар и Итака оседлают пространство меж звезд и возведут в благородное своих приверженцев, называемых Тчо-Тчо; Ктуга из Фомальгаута захватит свои владения; Цатоггва придет из Н'каи... Они будут неустанно ждать у Ворот, ибо время близится, час наступает, пока Старшие Боги спят и видят сны, не зная, что есть такие, кому известны магические заклинания, которыми Старшие Боги сковывали Великих Бывших, и кто научится разрывать их, ибо уже сейчас они, их приверженцы, ожидают их приказов за воротами в тот мир».

Второй отрывок был не менее впечатляющим:

«Оружие против ведьм и демонов, против Глубинных дхолей, Вормисов, Тчо-Тчо, отвратительных Йи-го, Шогготов, жутких призраков и всех существ, что служат Великим Бывшим и их исчадиям, лежит в пятиконечной звезде, высеченной из серого камня, добытого в древнем Мнаре, которая менее эффективна против самых Великих Бывших. Владелец камня сможет повелевать всеми существами: ползающими, плавающими, ходящими и летающими даже туда, откуда нет возврата. В Ихе и в великом Р'лие, в И'хантлеи и в Йоте, в Югготе и в Зотике, в Н'каи и в К'н-яне, в Кадате, что в Холодной Пустоши, и на озере Хали, в Каркосе и в Ибе он будет иметь власть, но так же, как звезды блекнут, и стано-

вятся холодными, и солнца гаснут, и звезды разбегаются в пространстве — так убывает сила всех вещей — камня с пятиконечной звездой и чар, наложенных на Великих Бывших добрыми Старшими Богами, и приходит время, как однажды уже было время, когда будет явлено, что

То не мертво, что вечно ждет, таясь.

И смерть погибнет, с вечностью борясь».

Я взял другие книги и некоторые фотокопии документов, выдача которых из Мискатоникской библиотеки на дом была запрещена, и на всю ночь погрузился в чтение непонятных и страшных страниц. Я читал «Рукописи Пнакта», «Небесные фрагменты», книгу профессора Шрюсбери «Исследование мифологических моделей поздних первобытных племен» с особыми ссылками на „Тексты Р’лие“, сами «Тексты Р’лие», «Культы оборотней» графа д’Эрлетта, «Liber Ivonis», «Культы неизъяснимого» фон Юнцта, «Подземные таинства» Людвига Принна, «Книгу дзян», «Дхольские заклинания» и «Семь сокровенных книг Хзана». Я читал об ужасных нечестивых культах древней, доисторической эры, которые в определенных, не поддающихся описанию формах дожили до сегодняшнего дня в отдаленных уголках земли; я вчитывался в загадочные описания непонятных мне доисторических языков, называвшихся акло, наакал, цато-йо и чиан; я наткнулся на жуткие рассказы о страшных в своей бездонной гнусности ритуалах и «играх», таких, как «мао» и «лоятик»; я обнаружил неоднократное упоминание мест невероятно древнего происхождения: Долина Пнакта, Ультар, Н’гай и Н’гранек, Оот-Наргай и Сарнат Обреченный, Тгок и Инганок, Кытавил и Лемурия, Хатег-Кла и Коразин, Каркоса и Ядит, Ломар и Йа-хо; и я обнаружил там других существ, чьи имена появились в кошмаре невероятного, потрясающего ужаса; и они становились еще ужаснее от того, что сопровождалась рассказами о странных и невероятных земных событиях, объяснимых только в свете этой совокупности адских преданий и документов. Я обнаружил новые имена и уже знакомые, жуткие детальные описания и легкие намеки на невообразимые ужасы в рассказах о Йиге, отвратительном боге-змее, паукообразном Атлах-Нахе, «покрытом шерстью» Гноп-Хеке, известном также под именем Ран-Тегот, Чоньяре Фоне, вампире, об адских псах Тиндалоса, крадущихся по закоулкам времени; и вновь и вновь я читал о чудовищном Йогт-Сототе, который

есть «Все-в-Одном и Одно-во-всем», чье обманное обличье состоит из беспорядочной мешанины радужных шаров, скрывающих находящийся под ними первобытный ужас. Я читал то, что не положено знать смертному; то, что взорвет здравый рассудок впечатлительного человека; то, что лучше всего уничтожить, ибо такое знание может представлять столь же серьезную опасность для человечества, как восстановление земного владычества Великих Бывших, навечно изгнанных из звездного царства Бетельгейзе Старшими Богами, власти которых они бросили вызов.

Я читал большую часть ночи, а остаток пролежал без сна, обдумывая ту ужасную информацию, которую я почерпнул из книг. Я просто боялся заснуть, чтобы во сне не встретиться с уродливыми жуткими существами, которых я уже мысленно представлял себе не только по этим книгам, но и по убедительным лекциям доктора Сенеки Лэпхе-ма, чье знание антропологии было так велико, что мало кто из его современников мог с ним в этом сравниться, и еще меньше было тех, кто мог его в этом превзойти. Кроме того, я был слишком возбужден, чтобы заснуть, ибо то, что мне раскрылось на страницах этих редких и страшных томов, было слишком огромным и всеобъемлющим по тем непоправимо гибельным последствиям, которыми все это грозило человечеству. Единственное, что я мог теперь сделать, — это сознательно попытаться вновь вернуть себя в нормальное состояние, к рационализму и здравому смыслу.

На следующее утро я явился на работу к доктору Лэпхему раньше, чем обычно, но он уже был на месте. Видимо, он давно уже работал, так как его письменный стол был завален листами бумаги, на которых он изображал формулы, графики, схемы и диаграммы в высшей степени причудливого характера.

— Ах, вы их прочитали, — сказал он, когда я положил книги на край стола.

— Всю ночь читал, — ответил я.

— Я тоже, когда их впервые обнаружил, читал ночами.

— Если во всем этом есть хоть малая толика правды, нам придется пересмотреть все наши понятия о времени и пространстве и даже, до некоторой степени, концепцию нашего происхождения.

Он невозмутимо кивнул:

— Каждый ученый знает, что большая часть наших

знаний основана на определенных фундаментальных убеждениях, которые при столкновении с земным интеллектом невозможно подтвердить. Может быть, в конце концов нам понадобится внести определенные изменения в наше кредо. То, с чем мы встретились, обычно называемое «неизвестным», по-прежнему лежит в области догадок, несмотря на эти и другие книги. Но, мне кажется, мы не можем сомневаться в том, что «что-то» находится за пределами нашего мира, и эта мифологическая модель допускает существование как сил добра, так и сил зла, точно так же, как некоторые другие модели, которые мне незачем подробно объяснять, так как вы их знаете: христианство, буддизм, магометанство, конфуцианство, синтоизм — в сущности, все известные модели религий. Причина, по которой я говорю, что мы должны признать, особенно в отношении данной мифологической модели, существование чего-то неизвестного за пределами нашего мира, состоит просто-напросто в том, что, как вы поймете, только этим признанием мы сможем объяснить не только странные, леденящие кровь рассказы, записанные в этих книгах, но и огромную совокупность обычно не публикуемых случаев, абсолютно противоречащих всему научному багажу знаний человечества.

Такие случаи происходят ежедневно во всех концах мира, и некоторые из них были собраны и описаны в двух замечательных книгах сравнительно мало известного автора по имени Чарльз Форт — «Книга проклятых» и «Новые земли». Я рекомендую их вашему вниманию. Рассмотрим несколько фактов — я намеренно говорю «фактов», ибо нужно сделать скидку на известную ненадежность показаний очевидцев. В Бушове, Пиллицфере, Нерфте и Долговдах в период 1863—1864 годов с неба падали камни из неизвестного на земле вещества, «серые, с буро-коричневыми пятнами». Я подчеркиваю, что часто упоминаемый камень из Мнара — тоже «серый камень». Подобным же образом камни Роули, падавшие несколько лет назад в Бирмингеме и затем в Вулвергемптоне, были черными снаружи, но серыми внутри.

Далее, «шаровидные огни», наблюдавшиеся с английского судна «Каролина». По сообщениям, они виднелись между кораблем и какой-то горой у китайского побережья. «Шаровидные огни» светились в небе, и на высоте горы, и далеко от нее; они двигались массой, иногда выстраиваясь

в неровную цепочку. Это движение огней в северном направлении наблюдалось в течение примерно двух часов. На следующую ночь их видели опять, а затем еще две ночи, 24 и 25 февраля, примерно за час до полуночи. Они отбрасывали отраженный свет и казались розоватыми при наблюдении в телескоп. Во вторую ночь, как и в первую, их движение соответствовало скорости «Каролины». В эту ночь явление длилось семь часов. О похожем феномене сообщил и капитан английского корабля «Леандр», который, однако, утверждал, что огни двигались прямо в небо и там исчезли. Ровно одиннадцать лет спустя, 24 февраля, команда американского судна «Сапплай» увидела три объекта различных размеров, но все «шаровидные», тоже двигавшиеся вверх «в унисон», причем явно не подчиняясь «силе притяжения земли и воздушным потокам». Тем временем такой же шаровидный огонек наблюдали пассажиры поезда недалеко от города Трентон, штат Миссури, о чем некий железнодорожный служащий сообщил редакции журнала «Ежемесячный обзор погоды». В номере за август 1898 года говорилось, что свечение появилось во время дождя и двигалось за поездом в северном направлении, несмотря на сильный восточный ветер, меняя скорость и высоту полета, пока поезд не подъехал к небольшой деревушке в штате Айова, где огонек исчез. В 1925 году, во время необычно жаркого августа, двое молодых людей, шедших по мосту через реку Висконсин в деревню в прериях, увидели в вечернем небе, примерно в десять часов, необычную полосу света, пересекающую южную часть горизонта по линии, идущей из точки на востоке и проходящей через звезду Антарес к точке на западе, рядом с Арктуром. Полосу перерезал вдоль «шар черного цвета, менявший свою форму от круглой к яйцеобразной и ромбовидной». Как только этот отдаленный объект закончил свое перемещение по всей длине полосы света в направлении с юго-востока на северо-запад, полоса растворилась и исчезла. Вам это ни о чем не говорит?

От растущей жуткой уверенности в его правоте у меня даже пересохло в горле:

— Только о том, что один из Великих Бывших внешне выглядел как «беспорядочная мешанина радужных шаров».

— Именно! Я не предполагаю, что эти случаи можно как-то объяснить. Но если нельзя, тогда мы вынуждены

опять признать это совпадением. Это описание Великих Бывших выбрано из периода протяженностью менее тридцати лет уже в наше время. И, наконец, позвольте дать вам иллюстрацию, касающуюся странных исчезновений. Мы не рассматриваем здесь мотивированные исчезновения, исчезновения самолетов и тому подобные случаи.

Возьмем для примера Дороти Арнольд. Она исчезла 12 декабря 1910 года где-то между Пятой авеню и входом в Центральный парк с Семьдесят девятой улицы. Абсолютно беспричинное исчезновение. Ее больше никогда не видели; никто не требовал выкупа, никаких наследников у нее не было.

Журнал «Корнхилл мэгзин» сообщает об исчезновении некоего Бенджамина Бэтерста, представителя британского правительства при дворе императора Франциска в Вене. Вместе со своим слугой и секретарем он остановился, чтобы осмотреть лошадей для своего выезда в Перлберге, в Германии. Он обошел лошадей с другой стороны и просто исчез. Больше о нем не слышали. Между 1907 и 1913 годами только в одном Лондоне без следа загадочно исчезли три тысячи двести шестьдесят человек. Молодой человек, работавший в конторе мукомольни в Бэттл-Крик, штат Мичиган, вышел прогуляться из конторы на мукомолью. Он исчез. «Чикаго трибюн» от 5 января 1900 года рассказывает об этом случае, на живая имя молодого человека — Шерман Черч. Больше его не видели.

Амброз Бирс. Здесь мы сталкиваемся с чем-то зловещим. Бирс намекал на существование Каркосы и Хали — он исчез в Мексике. Говорили, что он был застрелен, сражаясь прогив войск Панчо Вилья, но во время его исчезновения он был фактически инвалид, ему было за семьдесят. Больше о Бирсе никто не слышал. Это было в 1913 году, а в 1920-м у Леонарда Вэдхема, гулявшего в южной части Лондона, случился провал памяти. Он очнулся на дороге недалеко от Данстейбла, в тридцати милях от первоначального места, не имея ни малейшего понятия, как он туда попал.

Но давайте вернемся домой. Архам, штат Массачусетс. Сентябрь 1915 года. Профессор Лаан Шрюсбери, проживавший в доме 93 на Кэрвен-стрит, во время прогулки по тропинке к западу от Архама исчез без следа. Открытие, которого можно было ожидать: в бумагах Шрюсбери были обнаружены указания «не тревожить» дом по крайней мере

в течение тридцати лет. Ни мотивов, ни следов. Но важно отметить, что профессор Шрюсбери был единственным человеком в Новой Англии, знавшим о делах, которыми мы сейчас занимаемся, а также о связанных с ними земных и астрономических вопросах больше меня. Этих примеров вполне достаточно, хотя их количество относится к известным и зарегистрированным случаям подобного рода, как бесконечно малая дробь относится к миллиону.

После достаточно долгой паузы, позволившей мне как-то обдумать и усвоить столь быстрый рассказ, содержащий череду любопытных фактов, я спросил:

— Допуская, что информация, содержащаяся в этих редких книгах, действительно дает ключ к событиям, имевшим место в этом уголке штата в течение последних двухсот и более лет, скажите, что, по-вашему, это такое? Что за явление? Кто он, таящийся у порога, то есть, очевидно, у отверстия в крыше каменной башни?

— Я не знаю.

— Но вы, конечно, что-то подозреваете?

— Да. Предлагаю вам еще раз взглянуть на этот странный документ — «О демонических деяниях и о демонах Новой Англии». Здесь говорится о «некоем Ричарде Биллингтоне», который «устроил в лесу большое кольцо из камней, внутри которого он молился Дьяволу... и распевал магические заклинания, противные Святому Писанию». Это, очевидно, круг камней вокруг башни в Биллингтоновой роще. Далее, здесь говорится, что Ричард Биллингтон боялся и в конце концов «был съеден» «тварью», которую он ночью вызвал с небес; но никаких доказательств не приводится. Индейский мудрец Мискамакус «колдовскими заклинаниями загнал демона» в яму в центре круга из камней, когда-то устроенного Биллингтоном, и заключил его под... — слово неразборчиво, возможно, «плита» или «камень» или что-то такое, — «...на котором вырезано то, что называют знаком Старших Богов». Они называли его Осадогва и объясняли, что это «дитя Садогвы». Это сразу приводит к одному из менее известных существ мифологической модели, которую мы исследуем: Цаттогва, иногда известный как Жотагва или Содагви, характеризующийся как не имеющий человеческих черт, черный и несколько пластичный бог, меняющий свою форму. Происходит он от морского бога Протея, первобытного культа. Но описание, данное Мискамакусом, отличается от общепринято-

го; он характеризует это существо как «иногда маленькое и твердое, как жаба, а иногда нечто большее, как облако, бесформенное, хотя и с лицом, из которого вырастают змеи». Такое описание лица подходит к Хтулу, но появление Хгулу связывается в основном с водными бассейнами, чаще морем и его притоками, значительно более крупными, чем притоки реки Мискатоник. Эта характеристика может также быть близка к определенным обличьям Нарлатотепа, и здесь мы ближе к истине. Мискамакус явно ошибся, не узнав его, и также ошибся насчет судьбы Ричарда Биллингтона, поскольку есть доказательства того, что Ричард Биллингтон вышел через этот «проход» на ту сторону, за порог, на который так прозрачно намекает Илия в своих инструкциях к будущим наследникам. Доказательства имеются в книге вашего предка, и Илия знал об этом, ибо Ричард вернулся в измененной форме и определенным образом общался с человечеством. Кроме того, все это в форме легенды было известно жителям Данвича, которые, очевидно, так или иначе знали о ритуалах и мифах, использовавшихся Ричардом Биллингтоном, ведь он посвятил в это их предков и научил их колдовскому ремеслу. В рукописи Бейтса приводятся неясные слова миссис Бишоп о «Хозяине». Но для миссис Бишоп «Хозяином» был не Илия Биллингтон; это явствует из любого имеющегося документа и из самой рукописи Бейтса в частях, предшествующих его разговору с миссис Бишоп. Вот что она говорит: «Илия закрыл Его, и Он закрыл проход перед Хозяином, который был там, на той стороне, когда Хозяин готовился вернуться после долгого пребывания «там». Не многие знают это, но Мискамакус знает. Хозяин ходил по земле, и никто не узнавал его, потому что у него было много лиц. Да! Он имел лицо Уэйтли и лицо Дотена, лицо Джайлза и лицо Коури, и он сидел среди домочадцев и Уэйтли, и Дотена, и Джайлза, и Коури, и никто не мог отличить его от Уэйтли, или Дотена, или Джайлза, или Коури, и он ел среди них, и он спал среди них, и ходил и разговаривал среди них, но так велик он был в своей Потусторонности, что те, кого он хотел взять, слабели и умирали, неспособные содержать его. Только Илия перехитрил Хозяина. Да! Перехитрил его больше чем через сто лет после того, как Хозяин умер». Вам это ни о чем не говорит?

— Нет, это совершенно непонятно.

— Ну, хорошо. Конечно, так не должно было бы быть,

но мы все связаны в какой-то мере образом мышления, основанным на том, что мы считаем логичным и рациональным в соответствии с нашим запасом общепризнанных знаний. Ричард Биллингтон вышел через проход, который он сам проделал, но вернулся через другой. Возможно, это был один из экспериментов, схожих с экспериментами Джонатана Бишопа. Он завладел различными людьми, то есть он вошел в них, но он уже был мутантом вследствие его пребывания «на той стороне», и по крайней мере один результат его существования здесь в его вторичной форме был зафиксирован в книге вашего предка. Там рассказывается, что миссис Дотен родила в 1787 году существо, которое было «ни зверем, ни человеком, а напоминало чудовищную летучую мышь с человеческим лицом. Оно не издавало звуков, но смотрело на всех и каждого, как исчадие ада. Некоторые клялись, что оно до ужаса похоже лицом на давным-давно умершего человека, некоего Ричарда Беллинхэма или Боллинхэна» — читай Ричарда Биллингтона, «который, как утверждают, начисто исчез после того, как завел компанию с демонами в окрестностях Нью-Даннича». Вот как это было. Отсюда видно, что Ричард Биллингтон в какой-то физической или психической форме продолжал находиться в Данвичской округе, и этим объясняются распространившиеся здесь ужасные явления — жуткие мутации, которые так бездумно сочли свидетельством физического «упадка» и «вырождения», продолжавшиеся в течение более ста лет, пока в поместье Биллингтонов не въехал опять один из членов фамилии, после чего та сила, которую представлял Ричард Биллингтон, «Хозяин», фигурировавший в рассказе миссис Бишоп и данвичских преданиях, возобновила свои попытки восстановить первоначальный «проход». Весьма возможно, что под влиянием «потустороннего» Ричарда Биллингтона Илия начал изучать старые записи, документы и книги. В конце концов он восстановил круг камней, некоторые из них, возможно, использовав при строительстве башни,— это объясняет более старинное происхождение части башни и, естественно, он убрал серый каменный блок с высеченным на нем символом Старших Богов, совершенно так же, как это сделал Бейтс по настоянию Дюарта и сопровождавшего его индейца. Итак, проход был вновь открыт, и с этого начался любопытный и достойный упоминания конфликт. Неизвестно, есть ли об этом документаль-

ные записи, но очевидно, что Ричард Биллингтон, выполнив первую часть своего плана, приступил к осуществлению второй части: возобновить свое прерванное существование в собственном доме в облике Илии. Но, к несчастью для него, Илия, выполнив первую часть плана Ричарда, не остановился на этом; он продолжал изучать предмет; он сумел достать более полное собрание частей «Некрономикона», чем Ричард ожидал; он самостоятельно начал призывать Тварей с той стороны Порога и позволял им хозяйничать в округе, наводя жуть на всех и вся. Это продолжалось, пока он, с одной стороны, не ввязался в конфликт с Филипсом и Друвеном, а с другой, не догадался о намерениях Ричарда Биллингтона. Он изгнал Тварь или Тварей, которые, по всей вероятности, представляли собой Ричарда, обратно в тот мир и просто наглухо заткнул новое отверстие камнем со знаком Старших Богов, после чего уехал, оставив после себя всего лишь ряд необъяснимых инструкций. Но кое-что от Ричарда Биллингтона, «Хозяина», осталось на этой стороне, и этого оказалось достаточно, чтобы еще раз осуществить его план сто лет спустя.

— Так, значит, сила, действующая в поместье Биллингтонов, это Ричард, а не Илия?

— Несомненно. У нас есть определенные свидетельства. Ведь именно Ричард Биллингтон исчез, в то время как Илия умер естественной смертью в Англии. Вот в чем состоит конфликт, который Бейтс ошибочно принял за признаки раздвоения личности. И потом, только Ричард мог вселиться в более слабого духом Дюарта. Наконец, есть один маленький штрих, который является решающим ключом к этой дьявольщине. Ричард Биллингтон так долго общался с Тварями на той стороне, что стал, как и они, подчиняться законам, существующим в их измерении. Я имею в виду символ Старших Богов. Итак, вы, наверное, помните, что в день, когда перед рассветом появился индеец, Дюарт попросил Бейтса о помощи. Ему нужно было увезти и закопать камень, на котором был знак Старших Богов. Дюарт «предложил пари», что Бейтс не поднимет камень. Бейтс все сделал. Но заметьте, что ни Дюарт, ни индеец пальцем не шевельнули, чтобы помочь. Короче, ни один из них не осмелился притронуться к камню, потому, Филипс, что Амброз Дюарт больше не Амброз Дюарт — он Ричард Биллингтон, а индеец Квамис — тот самый индеец, помогавший и служивший Илии, а более чем за сто лет

до этого служивший Ричарду, вызванный обратно из жутких пространств с той стороны Порога, чтобы вновь повторились все ужасы, начавшиеся более двух веков назад. И если моя интуиция меня не обманывает, нам придется действовать быстро и без колебаний, чтобы расстроить и предотвратить это. И, несомненно, Бейтс сможет рассказать нам кое-что еще, когда заедет сюда через три дня по дороге домой — если, конечно, ему позволят сюда заехать.

Понадобилось значительно меньше трех дней, чтобы предчувствие доктора Лэпхема оправдалось. Официального сообщения об исчезновении Стивена Бейтса не появилось, но нам в руки попал отрывок записки, подобранной деревенским почтальоном на Эйлсберской дороге и переданной им доктору Лэпхему. Доктор молча прочел записку и передал ее мне.

Она была написана неаккуратным почерком, видимо, в страшной спешке, сначала на коленях, а потом, наверное, он писал ее, прижав к стволу дерева, так как бумага во многих местах была проткнута карандашом:

«Доктору Лэпхему. Миск. ун. от Бейтса. Он послал Это по моему следу. В первый раз сумел улизнуть. Знаю, что Оно меня найдет. Сначала солнца и звезды. Затем эта вонь — о, Боже! эта вонь! Как будто что-то горело. Побежал, увидев неестественные огни. Добрался до дороги. Слыш, гонится за мной, как ветер, через деревья. Затем этот запах. И это солнце взорвалось, и Тварь вышла из него ЧАСТЯМИ, КОТОРЫЕ СЛОЖИЛИСЬ ВМЕСТЕ! Боже! Не могу...»

На этом текст обрывался.

— Ясно, что Бейтса спасти уже поздно, — сказал доктор Лэпхем. — И я надеюсь, мы не встретимся с тем, что его схватило, — добавил он, — потому что мы поистине слабы против него. У нас есть единственный шанс: разделаться с Биллингтоном и индейцем, пока Тварь находится на той стороне, ибо она не вернется, если ее не позовут.

Говоря так, он открыл ящик стола и вынул оттуда два браслета типа повязок, которые имели вид наручных часов, но оказалось кожаными полосками с яйцеобразным серым камнем, на котором был вырезан странный рисунок — неправильная пятиконечная звезда с ромбом в центре, обрамляющим нечто вроде столба пламени. Он пере-

дал мне один из них, надев другой на свое запястье.

— Дальше что? — спросил я.

— Теперь мы пойдем в тот дом и спросим насчет Бейтса. Это может оказаться опасным.

Он ждал, что я буду протестовать, но я ничего не сказал. Я последовал его примеру, надев браслет, и открыл дверь, пропуская его вперед.

В доме Биллингтона не было никаких признаков жизни; некоторые ставни были закрыты, и, несмотря на то что погода была достаточно прохладная, из трубы не шел дымок. Мы оставили машину на подъездной аллее перед входом, пошли по уложенной плитами дорожке и постучали. Никто не открывал. Мы постучали громче, потом еще... Неожиданно открылась дверь, и перед нами предстал человек среднего роста, с ястребиным носом и ярко-рыжими волосами. Кожа его была смуглой, почти коричневой, взгляд острым и недоверчивым. Доктор Лэпхем немедленно представился.

— Мы ищем мистера Стивена Бейтса. Как я понимаю, он живет здесь?

— К сожалению, больше не живет. Он на днях отправился в Бостон. Он обычно проживает там.

— Вы можете дать мне его адрес?

— Семнадцать, Рэндл Плейс.

— Благодарю вас, сэр, — сказал доктор Лэпхем и протянул руку.

Несколько удивленный этим неожиданным проявлением любезности, Дюарт протянул свою; но едва его пальцы коснулись пальцев Лэпхема, как он издал хриплый крик и отпрянул назад, одной рукой цепляясь за дверь. На его искаженное лицо страшно было смотреть; подозрительность сменилась невыразимой ненавистью и яростью; более того, по его глазам было видно, что он начинает все понимать. Только мгновение он стоял в нерешительности, затем с силой захлопнул дверь. Каким-то образом он узнал странный браслет на руке Лэпхема.

Доктор Лэпхем с невозмутимым спокойствием пошел обратно к машине. Когда я уселся за руль, он посмотрел на свои часы:

— Дело идет к вечеру. У нас мало времени. Полагаю, что он вечером пойдет к башне.

— Вы ему дали что-то вроде предупреждения. Почему? Наверное, лучше было бы, если бы он ничего не знал.

— А почему он не должен знать? Лучше, что он знает. Давайте не тратить время на разговоры. У нас много дел до наступления ночи. Нужно быть на месте до захода солнца, а ведь еще придется заехать в Архам и взять то, что нам понадобится сегодня вечером.

За полчаса до захода солнца мы уже шли пешком через Биллингтонову рощу, приближаясь с запада, так что из дома нас видеть было нельзя. Уже наступали сумерки. Густая растительность тоже мешала нашему продвижению, тем более что мы были тяжело нагружены. Доктор Лэпхем не забыл ничего. Мы несли с собой лопаты, фонари, цемент, большой кувшин с водой, тяжелый лом и прочее. Вдобавок доктор Лэпхем вооружился старомодным пистолетом, стрелявшим серебряными пулями. Он взял с собой схему, оставленную нам Бейтсом, на которой было показано, где он закопал большой серый камень с символом Старших Богов.

Чтобы избежать ненужных разговоров в лесу, доктор Лэпхем заранее объяснил, чего он ждет: с наступлением ночи Дюарт, то есть Биллингтон, и, возможно, индеец придут к башне, чтобы заниматься своими адскими делами. Наши действия были продуманы заранее. Мы должны без промедления отрыть камень и приготовиться: замесить цемент и так далее. Дальнейшее зависело от доктора Лэпхема, который строго наказал мне не вмешиваться и быть готовым безусловно подчиняться его командам. Я обещал ему это, хотя и мучимый дурными предчувствиями.

Наконец мы подошли к окрестностям башни, и доктор Лэпхем быстро нашел место, где Бейтс зарыл камень с печатью. Он без труда вырыл его из земли, пока я смешивал цемент, и вскоре после захода солнца мы уже были готовы и начали наблюдать и ждать. Сумерки уступили место ночной тьме; из болота за башней донесся обращенный к востоку адский вибрирующий шум лягушачьих голосов, а над болотом бесконечное мелькание беспорядочных огоньков выдавало присутствие мириад светляков, чье белое и бледно-зеленое свечение окружало ореолом болото и лес; козодои начали петь жалобными голосами в каком-то странном, неземном ритме и, казалось, в унисон.

— Они рядом,— предупреждающе прошептал доктор Лэпхем.

Голоса птиц и лягушек поднялись до жуткой интенсивности, огласив сумасшедшей какофонией ночной лес.

Звуки пульсировали в таком ритме, что мне казалось невозможным вытерпеть этот адский гул. Затем, когда хор голосов достиг абсолютного пика, я почувствовал прикосновение руки доктора Лэпхема. Без слов было ясно, что Амброз Дюарт и Квамис приближаются.

Я вряд ли могу заставить себя быть объективным, описывая остаток ночи и события, которые произошли, хотя это дело далекого прошлого, и жители Архама и близлежащих селений наслаждаются ощущением мира и покоя, которого они не имели на протяжении более двух столетий. Итак, Дюарт, или скорее Биллингтон в обличье Дюарта, появился в отверстии крыши башни. Доктор Лэпхем удачно выбрал место для нашего укрытия: отсюда мы могли видеть сквозь листву все действие целиком, и вот в этом отверстии, обрамленном листвой, вскоре появилась фигура Амброза Дюарта, и почти одновременно его голос, поднявшийся до жутких, отвратительно высоких нот, начал произносить первобытные слова и звуки. Голова его была поднята к звездам, а взгляд и слова направлены в космос. Голос его звучал ясно, перекрывая сумасшедший гам лягушек и козодоев:

— Йа! Иа! Н'гаа, н'н'гаи-гаи! Иа! Иа! Н'гаи, н-яа, н-яа, шоггог, фтагн! Иа! Иа! Н'гаи, и-ньяа, и-ньяа! Н'гаа, н'н'гаи, ваф'л фтагн — Йогг-Сотот! Йогг-Сотот!..

В деревьях забушевал ветер, спускавшийся откуда-то сверху, воздух стал прохладным, а голоса лягушек и козодоев, как и мерцание светляков, стали еще яростнее. Я встревоженно повернулся к доктору Лэпхему как раз вовремя, чтобы увидеть, как он тщательно прицелился и выстрелил!

Я повернул голову. Пуля попала в Дюарта; он откачнулся назад, ударившись о раму проема, и упал вниз головой на землю. В то же мгновение в отверстии появился индеец Квамис и разъяренным голосом продолжил ритуальное заклинание, начатое Биллингтоном:

— Иа! Иа! Йогг-Сотот! Оссадогва!...

Вторая пуля доктора Лэпхема попала в индейца, который не упал, а, казалось, просто переломился пополам.

— Ну, а теперь,— сказал доктор холодным, суровым голосом,— ставьте этот каменный блок на место!

Я схватил камень, он — цемент, и мы побежали среди дьявольской, жуткой какофонии лягушек и козодоев, продираясь через кусты, не замечая боли, к башне. Ветер

крепчал, воздух становился все холоднее. Но перед нами маячила башня, а в башне — отверстие, в котором были видны звезды, и — о ужас! — что-то еще!

Я не знаю, как мы пережили ту незабываемую ночь, тот кошмар, который до сих пор не отпустил меня. Я только смутно помню, что мы наглухо закрыли отверстие и предали земле останки Амброза Дюарта, свободного, наконец, от злобной колдовской власти Ричарда Биллингтона. Доктор Лэпхем уверил меня, что исчезновение Дюарта не припишут каким-то неизвестным, загадочным причинам, а те, кто ждет, что оно вновь появится, как это случалось с другими, ждут напрасно. Я помню, как доктор Лэпхем сказал, что от Квамиса осталась только вековая пыль: он был уже два столетия мертв и ходил только благодаря злему колдовству Ричарда Биллингтона. Мы разорвали этот круг камней; разрушили и закопали саму башню снизу доверху, так, чтобы грозный серый камень с символом Старших Богов не был потревожен, погружаясь в землю. Там же, в земле, мы при свете фонаря нашли странные кости, пролежавшие много десятилетий, со времен древнего волшебника Мисквамакуса, главы племени вампанаугов.

Я смутно помню, как мы полностью разрушили это великолепное окно в кабинете, приготовили к транспортировке ценные книги и документы, чтобы передать их библиотеке Мискатоникского университета; как мы собирали свои принадлежности; как мы ездили опять за книгами и документами из дома Биллингтона; как мы уехали перед рассветом. Повторяю, у меня об этом очень смутные воспоминания; я знаю только, что это было сделано, ибо я заставил себя посетить этот бывший остров в притоке, названном Мисквамакус во времена Ричарда Биллингтона, говорившего языком одержимого Амброза Дюарта, и я не увидел ничего. Ни следа не осталось ни от башни, ни от круга камней, места Дагона, ни от Оссадогвы, ни от ужасной Твари с той стороны, Таившейся у Порога, ожидая, когда ее призовут.

Обо всем этом — только слабое, мимолетное воспоминание, ибо в отверстии, где я ожидал увидеть лишь звезды, среди тошнотворного трупного запаха, лившегося Оттуда, я увидел не звезды, а солнца, те солнца, которые в свои последние мгновения видел Стивен Бейтс, огромные шары света, массой двигавшиеся к отверстию; и не только это, но и то, как лопнул ближайший ко мне шар, и из него поте-

кла протоплазма, черная плоть, соединявшаяся воедино, формируя то отвратительное ужасное существо из космоса, исчадие тьмы доисторических времен, аморфное чудище со щупальцами, таившееся у порога, чье обличье состояло из мешанины шаров; несущего погибель Йогг-Сотота, пенящегося, как первобытная слизь в молекулярном хаосе, вечно за пределами бездонных глубин времени и пространства.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ГИГАНТСКАЯ ПЛАЗМА.</i> Дональд Вандри	3
<i>КРЫЛАТАЯ СМЕРТЬ.</i> Хизел Хилд	49
<i>ВЕНДИГО.</i> Алджернон Блэквуд	81
<i>КУРГАН.</i> Силия Бишоп	111
<i>ТАЯЩИЙСЯ У ПОРОГА.</i> Х. Ф. Лавкрафт и Огюст Дерлетт	185

В 1993 ГОДУ В СЕРИИ
"ГАЛЕРЕЯ МИСТИКИ" ВЫЙДЕТ:

КОМНАТА С ПРИЗРАКОМ

Готический ужас и тайна составляют основу содержания книги известного английского исследователя Питера Хайнинга. Потусторонний мир очаровывает своими видениями: демонические силы и посещение со злой целью; явление призрака и странная болезнь; загробные появления, живые мертвецы; возвращение из могилы; исполнение клятвы; загадочное предначертание... Трудно понять, что заставляет мертвецов вставать из могил и приходить к людям. Но они приходят...

В 1993 ГОДУ В СЕРИИ
"ГАЛЕРЕЯ МИСТИКИ" ВЫЙДЕТ:

НЕОГОТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Действие психологического триллера американской писательницы Маргарет Миллар "Совсем как ангел" разворачивается на мрачном готическом фоне, оттененном странным монастырем-башней. Необъяснимое исчезновение любящего мужа, его отсутствие в течение нескольких лет разрешаются катастрофой, когда в дело вмешивается старая монахиня из заброшенного лесного монастыря. Ее сомнения подвигают частного детектива Квина взяться за расследование.

"Винтовая лестница" — один из лучших и, пожалуй, наиболее жестоких романов Мэри Робертс Райнхарт. Отпуск в деревенском коттедже нарушает цепь загадочных убийств, причем все жертвы жестоко изуродованы ударами топора. Безумие одного человека и тайна запертой комнаты.

В 1993 ГОДУ В СЕРИИ
"ГАЛЕРЕЯ МИСТИКИ" ВЫЙДЕТ:

КОРИДОРЫ СТРАХА

В книге собраны современные неоготические романы.

"Коридоры страха". Недолгое замужество Анжелы Роум омрачает отъезд мужа на раскопки в Египет. По возвращении это уже совершенно другой человек. Проходят дни, и в стенах замка поселяется ужас. Одно за другим следуют сообщения о нападениях на людей вампиров в окрестностях... Жизни самой Анжелы угрожает опасность.

"Невидимая звезда". В Девилшейвн Керрол Моусон и Хэп Гелланд отправляются из чистого любопытства. Гостеприимный хозяин не препятствует их отъезду обратно в город, но странное дело — они не могут уехать. С исчезновением Хэпа Керрол вновь пытается покинуть дом и тем приближает катастрофу...

"Поместье Вейда". Мрачные руины замка, где молодую вдову подстерегают убийство и месть безумца; семейная тайна, преданная любовь и демонический любовник...

фирма “ДЕКОМ” г. Нижний Новгород

ЭТО

- перспективное издательство с надежной сбытовой сетью
- собственная типография и разнообразная печатная продукция
- профессиональные рекламные услуги и многое другое

Наш адрес: 60300, г.Нижний Новгород, а/я 320
тел: (831-2) 35-59-03, 35-54-74
факс: (831-2) 35-54-74, 35-64-80 /ДЕКОМ/

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

"ТНП—ИНТЕР"

г.Нижний Новгород

Имеет
в постоянной продаже
жалюзи солнцезащитные
горизонтальные и
вертикальные различных
цветов и оттенков
марки "Люксафлекс"
производства Голландия.

Наши телефоны:

(831-2) 52-28-89, (831-2) 52-24-48
факс: (831-2) 52-18-01, (831-2) 52-28-89

ФИРМА "В О Т С Э К", ТОО
НИЖНИЙ НОВГОРОД

**Для всех
И
каждого отдельно**

*** оптовые партии ***

*** бартерные поставки ***

*** розничная продажа ***

**У нас всегда немного
дешевле**

**Ножи, вилки, ложки — от десертных
до столовых, столовые и кухонные наборы,
на каждый день и для торжеств,
наборы ножей для кухни, топоры
и другие изделия из металла для быта**

**тел: (831-2) 33-32-09, 34-30-61,
факс: (831-2) 37-04-35 или 35-64-80
с пометкой (104п)**

Крылатая смерть

Перевод с английского

Художник М. Широков

Редактор *Г. Аванесова*

Технический редактор *М. Ильясова*

Сдано в набор 08.02.93. Подписано к печати 03.03.93.
Формат 84х108/32. Бумага газетная,
книжно—журнальная. Гарнитура "Таймс". Печать
офсетная. Усл. печ. л. 17,84. Усл. кр.—отт. 17,84.
Уч.—изд. л. 18,3. Тираж 150000 экз.
Заказ N^о 4019. Цена договорная

*Издательство "Деком", Нижний Новгород, ул. М.Горького, 107
Издательство "ИМА—пресс", Москва, ул. Кожевническая, 13
Типография ГИПП "Нижеполиграф", Нижний Новгород, ул. Варварская, 32*

